

В О П Р О С Ы ИСТОРИИ

В НОМЕРЕ:

РОССИЙСКОЕ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ

РУССКИЙ ФЕОДАЛЬНЫЙ ГОРОД (ИСТОРИОГРАФИЯ)

«ЦАРСТВА» БУРЕБИСТЫ И ДЕЦЕБАЛА

ОБОРОНА АРХАНГЕЛЬСКА В 1701 г.

РУССКИЕ СТАЛЕЛИТЕЙЩИКИ (XIX в.)

НЕЧЕРНОЗЕМНАЯ ЗОНА В 30-х ГОДАХ

ПАМЯТНИКИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

7

МОСКВА • 1984

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРАВДА“

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Выходит с 1926 года
МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Вопросы ИСТОРИИ

№ 7

ИЮЛЬ

1984

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Ю. И. Кирьянов — Пролетариат России и международное рабочее движение в 1901—1904 годах 3
- А. И. Османов (Махачкала) — Изменения в социальной структуре населения Дагестана на этапе развитого социализма 17
- Б. Н. Миронов (Ленинград) — Американская буржуазная историография русского феодального города 29
- А. В. Голубев (Орел) — Советско-английские отношения на рубеже 70—80-х годов 43
- Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой (Кишинев) — «Царства» Буребисты и Дедебала: союзы племен или государства? 59

КАК ЭТО БЫЛО

- Ю. Н. Беспятых (Ленинград) — Оборона Архангельска от шведов в 1701 году 81

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

- П. Я. Бондарев (Рига) — Путь крестьянства Латвии к социализму 90
- А. Я. Черняк — Становление сталелитейного производства в России 101

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

- А. Ш.— В Бюро Отделения 112

Обзоры

- Н. А. Миненко (Новосибирск) — Новейшая советская историография о заселении Сибири русскими в эпоху феодализма 114

Рецензии

- М. И. Лихоманов (Ленинград) — А. Ф. Васильев. Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 122
- Н. Л. Клейн (Куйбышев) — П. С. Кабытов. Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900—1917 гг.) 126
- Хаджи Мурат Ибрагимбейли — Д. И. Исмаил-Заде. Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начала XX в. 128
- В. Г. Сироткин — А. М. Станиславская. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. 1798—1800 гг. 130
- Академик Ю. В. Бромлей — Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья 132

Р. Е. Кантор — А. Ю. Борисов. СССР и США: союзники в годы войны. 1941—1945 гг.	135
И. И. Филатов — А. Б. Лестнев. Общественная мысль в Западной Африке. 1918—1939	138
Новые книги : :	141
Статьи в советских периодических изданиях	143
Хроникальные заметки	146

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

Е. Н. Рудая, В. Б. Перхавко — Историческая проблематика на IX Международном съезде славистов	150
--	-----

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

Ю. А. Писарев — Новые документы и старые вымыслы о роли Балкан в возникновении первой мировой войны	156
---	-----

Рецензии

Г. П. Мельников — Обзор истории Чехословакии. Т. I. Кн. 1—2	163
А. Л. Эпштейн — Ж. Фонтана. Экономические изменения и политическая деятельность в Испании XIX века	168

По страницам зарубежных журналов

Содержание журналов, выходящих в социалистических странах	171
Рецензии на советские издания	173
Хроникальные заметки	174

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

Ф. Шром (ЧССР) — Развитие земледелия в нечерноземной зоне в 30-х годах	177
--	-----

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

Н. С. Зелов — Коммунист Балагуров	182
Н. А. Якименко (Полтава) — Памятники Полтавской битвы	186

Сведения об авторах	189
Резюме статей на английском языке	190

СТАТЬИ

ПРОЛЕТАРИАТ РОССИИ И МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ В 1901—1904 ГОДАХ

Ю. И. Кирьянов

Подъем рабочего движения в России начала XX в. привлек внимание всего мира, пробудив у социалистов Западной Европы надежду, что развитие этого движения не только поведет к уничтожению или ослаблению царизма, но и послужит импульсом для развязывания революционной инициативы пролетариата в их собственных странах. История борьбы российского пролетариата, его становления как гегемона освободительного движения в России, революционного авангарда трудящихся всех стран является одной из актуальнейших научных проблем. Внимание к данной теме особенно усилилось с 50-х годов. Именно тогда появилась серия статей о перемещении центра мирового революционного движения в Россию¹, а затем и другие работы, касающиеся этого важного вопроса².

Проблема включает такие малоисследованные аспекты, как классовая солидарность пролетариата различных стран, осознание и признание передовыми представителями рабочего класса каждой страны вклада пролетариев других стран и их политического авангарда — социал-демократических партий — в практику и теорию международного рабочего и социалистического движения. Самостоятельный интерес представляет изучение откликов социалистов, передовых рабочих западноевропейских стран на пролетарское движение в России в 1901—1904 гг. в связи с восприятием и оценкой вклада российского пролетариата в международное рабочее движение³.

Публицистика социалистов стран Запада, нелегальная печать России, где помещались приветствия рабочих из-за рубежа, документы конгрессов II Интернационала и Международного социалистического бюро (МСБ), программные и другие партийные материалы — такова источниковая база, еще слабо изученная под углом зрения темы в рамках рассматриваемого периода.

¹ Историографию проблемы см.: Суворов К. И. Ленинская концепция превращения России в центр мирового революционного движения (К итогам изучения проблемы). В кн.: II съезд РСДРП — поворотный пункт в истории российского и международного революционного движения (К 75-летию съезда). М. 1979.

² История Коммунистической партии Советского Союза. Тт. 1—2. М. 1964, 1966. История Второго Интернационала. Тт. 1—2. М. 1965—1966; Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. Т. 2. М. 1976; Волин М. С. Международное значение первой программы большевиков. — Вопросы истории, 1961, № 11; Михалев Г. М. Возникновение пролетарской партии нового типа в России и ее влияние на развитие мирового рабочего движения. — Ученые записки Орловского пединститута, 1964, т. 25; Ленин и международное рабочее движение. М. 1969; Кривогуз И. М. Основные периоды и закономерности международного рабочего движения до Октября 1917 г. М. 1976; Большевик и реформизм. М. 1978; и др.; см. также: Краткая библиография источников и литературы по истории международного рабочего движения (до 1917 г.). Вып. 2. Рабочее движение в период перехода к империализму. М. 1976.

³ Некоторые фактические данные по этому вопросу есть в коллективной монографии «Рабочий класс России от зарождения до начала XX в.». М. 1983, с. 423—430.

О том, какими представлялись политическая роль российского рабочего класса и перспективы его борьбы социал-демократам Западной Европы перед началом пролетарского этапа освободительного движения в России, позволяет судить корреспонденция К. Цеткин «Из русского движения», опубликованная 22 марта 1890 г. в «Der Sozialdemokrat»: «Защитники рабочего дела (в России.— Ю. К.) должны рекрутироваться из самого пролетариата, как уже в Западной Европе это часто происходит. Рабочие для своего освобождения не могут рассчитывать на интеллигентную молодежь в целом, ибо она начинает народ забывать. Теперь одни из них уверяют, что в России нет рабочего класса, другие считают, что рабочие слишком глупы, чтобы к ним можно было обратиться»⁴.

В начале 90-х годов XIX в. Ф. Энгельс писал, что русский пролетариат «еще слишком слаб для революции»⁵, но выражал уверенность в том, что в будущем он сыграет «решающую роль при свержении самодержавия»⁶. Во время встречи с В. И. Засулич 31 декабря 1894 г. Энгельс сказал ей: «Счастье Германии, что политическая буржуазная революция в ней так запоздала, что досталась на долю уже проснувшегося рабочему классу. Это не дает немецкому рабочему классу уйти в чисто ремесленную борьбу, как английский, поддерживает в нем общественно-политические интересы. То же счастье предстоит и России... в ней рабочий класс читает, просыпается, следовательно, примет сознательное участие в политическом освобождении»⁷.

Характеризуя перелом в развитии рабочего движения в России на рубеже XIX—XX вв., связанный с переходом пролетариата от экономической к массовой политической борьбе, Ленин писал: «Сначала экономические стачки рабочих (1896—1900), затем политические демонстрации рабочих и студентов (1901—1902), крестьянские бунты (1902), начало массовых политических стачек в различных комбинациях с демонстрациями (Ростов 1902, летние стачки 1903, 9-ое января 1905)»⁸. Каждый из подобных переходов подготовлялся работой социалистической мысли и, с другой стороны, «глубокими изменениями в условиях жизни и во всем психическом укладе рабочего класса, пробуждением новых и новых слоев его к более сознательной и активной борьбе»⁹.

Первые дошедшие в Западную Европу известия о начавшемся в России переломе относятся, по-видимому, к 5 апреля 1901 г., когда в Международное социалистическое бюро было направлено письмо двух русских его делегатов, Г. В. Плеханова и Б. Н. Кричевского, содержащее развернутую характеристику открытой поддержки студенческих «волнений» выступлениями рабочих. «Февральские и мартовские события в России,— писали они,— знаменуют исторический поворот в русском революционном движении... в борьбу вмешались тысячи и тысячи рабочих и тем самым превратили первоначальное чисто университетское столкновение в революционное движение, направленное против самодержавия,— этот факт, превзошедший самые оптимистические надежды русских социалистов, показывает, что Россия вступила в революционный период, имеющий огромное историческое значение не только для социалистического и революционного движения в России, но и для международного социализма... русский пролетариат, подготовленный

⁴ Цит. по: К 100-летию группы «Освобождение труда». — Коммунист, 1983, № 13, с. 97.

⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 38, с. 136.

⁶ Воден А. М. Из воспоминаний. Беседы с Энгельсом. В кн.: Русские современники о К. Марксе и Ф. Энгельсе. М. 1969, с. 105.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 39, с. 435—436.

⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 14, с. 3.

⁹ Там же. Т. 9, с. 294.

годами пропаганды и агитации РСДРП, составляет передовой отряд в битве, которая теперь дается самодержавию»¹⁰.

Письмо русских делегатов было сразу же опубликовано секретариатом МСБ в газете «Le Peuple» — органе Бельгийской рабочей партии. События в России освещались в печати различных направлений, прежде всего в социалистических газетах. 21 апреля по предложению Ж. Жореса и Э. Вайяна (Вальяна) МСБ издало воззвание «К рабочим партиям всех стран по поводу событий в России». Оно призывало социалистов соединить в 1901 г. празднование 1 Мая с манифестацией в честь революционных сил России, открыто выступивших против царизма, и тем самым поддержать борьбу российского пролетариата, провести во всех больших городах и крупных рабочих и университетских центрах митинги солидарности с движением рабочих и интеллигенции России, «борющихся против объединенной силы капитализма и царизма»¹¹. Под этим воззванием стояли подписи представителей социал-демократических партий 15 стран, в том числе Г. Гайндмана и Д. Кейр-Гарди (Англия), П. Зингера (Германия), В. Адлера (Австрия), Э. Вандервельде (Бельгия), Э. Вайяна и Ж. Жореса (Франция), Э. Ферри и Ф. Турати (Италия), Э. Дицгена (США) и др. Статьи подобного содержания были опубликованы в социалистической печати ряда стран¹².

Значимость февральско-мартовских выступлений 1901 г. уловил и К. Каутский, стоявший в то время еще на марксистских позициях. Он обратил внимание на изменение социального состава борцов и их организованность: «В стране царского деспотизма появились революционные элементы настолько сильные, что они пытаются сбить свои оковы, хотя разорвать их они еще не в состоянии... Мы, безусловно, вправе придать нынешнему движению громаднейшее значение. 20 лет тому назад революционное движение едва проявлялось даже в Петербурге, теперь же оно охватило все большие города Русского государства; тогда в нем принимал участие только цвет молодежи, теперь же тысячи рабочих идут в революционные ряды. Тогда социалистическое движение не только в России не было организовано... теперь же Россия покрылась рабочими организациями»¹³.

В начале 1902 г. Каутский написал статью «Славяне и революция», которая была переведена с корректурного оттиска и опубликована в мартовском номере «Искры». Опираясь на опыт борьбы 1901 г., Каутский указывал на перспективу дальнейшего перемещения «центра тяжести революционной мысли и революционного дела» из Германии в Россию. Он объяснял это, с одной стороны, вступлением в борьбу российского пролетариата, ростом сознательности новых борцов, ожиданием «великих деяний», а с другой — распространением в социал-

¹⁰ Искра, 1901, май, № 4. В кн.: Искра. Вып. 1. Л. 1925, с. 89; Листок «Рабочего дела», 1901, апрель, № 7, с. 1—2.

¹¹ Bureau Socialiste International. Vol. 1. P. — La Haye. 1969, pp. 27—28; Искра, 1901, май, № 4. В кн.: Искра. Вып. 1, с. 88—89; Листок «Рабочего дела», 1901, апрель, № 7, с. 39—40; Первое мая. Лондон. Изд. социал-демократической организации «Жизнь». 1902, с. 32—33; Международное рабочее движение. Т. 2, с. 461; Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II. Г. В. Плеханов и международное рабочее движение. М. 1973, с. 26—27, 326.

¹² Le Socialiste, P., 1901, 28.IV—5.V, № 7, p. 1.

¹³ Przegląd Robotniczy, 1901, maj, № 4; см. также: Бюллетень («Жизни») 30(17).V. 1901, № 3, с. 2. Этому соответствовала оценка положения в России, высказанная левым деятелем английской социал-демократии Ф. Ротштейном, который писал в «Justice» 6 апреля 1901 г.: «На борьбу поднимается русский народ, а не горсть интеллигентов, и несмотря ни на какие возможные уступки и репрессии, революционный период уже начался... Товарищи во всем мире! Наш заклятый враг, русское самодержавие, приближается к своей гибели» (цит. по: Антивоенные традиции международного рабочего движения. М. 1972, с. 98).

демократии ряда стран Запада духа филистерства и политиканства¹⁴. Сходные оценки высказывались тогда французскими, итальянскими, венгерскими и другими социалистами¹⁵.

Передовые рабочие, социал-демократия западноевропейских стран следили за развитием пролетарского движения в России и оказывали ему поддержку демонстрациями, собраниями солидарности, приветствиями, материальными средствами, акциями, направленными против репрессий царских властей и на дискредитацию самодержавия в Европе. Весной 1901 г. во Франции, Англии, Бельгии, Австро-Венгрии, Швейцарии, Швеции, Болгарии состоялись собрания социалистов, рабочих, трудящихся, выразившие солидарность с борьбой российского пролетариата¹⁶. 22 апреля по инициативе социал-демократических и других революционных организаций в Софии прошел многолюдный митинг. В его резолюции говорилось, что собравшиеся «выражают горячее сочувствие русским рабочим и студентам по поводу событий последнего времени в С.-Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Одессе и т. д.»¹⁷. В Клуже (Австро-Венгрия) полуторатысячный митинг рабочих по случаю 1 мая принял резолюцию с приветствием пролетариату России в связи с февральско-мартовскими событиями 1901 г. и выразил ему свои симпатии¹⁸. В начале июня 1901 г. английские рабочие провели демонстрацию, выражая одобрение борьбе студентов и рабочих России за свободу, сочувствие их жертвам. Международная социалистическая конференция, состоявшаяся в 1901 г. в Брюсселе, приняла резолюцию, в которой клеймила позором применение против стачечников оружия и воздала должное революционному энтузиазму участников «Обуховской обороны».

Независимая рабочая партия Англии на своем очередном съезде выразила сочувствие борцам против царизма. Подобная резолюция была принята и съездом английской социал-демократической федерации в 1902 году. Восхищаясь героической борьбой русских рабочих и студентов, съезд заявил, что, «борясь за свободу и счастье своей родины, они тем самым борются за свободу и счастье всего человечества». Аналогичные резолюции приняли съезд Болгарских социал-демократов в Софии (август 1901 г.), конгресс австрийских социал-демократов в Вене (ноябрь 1901 г.)¹⁹.

28 июня 1902 г. народное собрание в Аугсбурге (более 2 тыс. участников) в связи с получением известий о применении царскими властями оружия при разгоне мартовской демонстрации в Батуме в специальной резолюции по докладу К. Цеткин приветствовало «самоотверженных борцов за политическую свободу» в России, которые жертвовали своей свободой и жизнью для общего блага, выражало им самые горячие симпатии «со стороны сознательного германского пролетариата». Собрание высказало надежду, что русская революционная

¹⁴ Каутский К. Славяне и революция. — Искра, 10.III.1902, № 8. В кн.: Искра. Вып. 3. Л. 1926, с. 41—42. На эту статью ссылались в своих работах Ленин (Ленин В. И. ПСС, т. 40, с. 325—326; т. 41, с. 4—5; т. 38, с. 305—306).

¹⁵ См.: Первое мая, с. 32—33; *Népszava*, 22.III.1902. Цит. по: История Коммунистической партии Советского Союза. Т. 1, с. 413; Раджоньер Э. Итало-русские общественные связи (1860-е — 1900 г.). М. 1968, с. 40—41.

¹⁶ Искра, 1901, май, № 4; июль, № 6. В кн.: Искра. Вып. 1, с. 89, 125, 128; Листок «Рабочего дела», 1901, апрель, № 7, с. 2. 3.

¹⁷ Искра, 1901, июль, № 6. В кн.: Искра. Вып. 1, с. 128.

¹⁸ *Dokumente din istoria mişcării muncitoreşti din România. 1900—1909. Bucureşti. 1975*, р. 40; Штернберг Я. И. Из истории революционных связей между Россией и Венгрией в конце XIX — начале XX в. В кн.: Международные отношения в Центральной и Восточной Европе и их историография. М. 1966, с. 68.

¹⁹ *Justice*, 1901, vol. XVIII, № 906, р. 6; Листок «Рабочего дела», 1901, апрель, № 7, с. 3; Последние известия, 9.V.1902, с. 3; Рабочее дело, Женева, 1902, № 11—12, с. 58; Интернационализм на БКП. 1891—1944. Документы и материалы. София, 1974, с. 46.

интеллигенция «примкнет самым тесным образом к русскому социал-демократическому рабочему движению, ибо только оно является надежным ручательством предстоящего раньше или позже крушения... деспотизма в России»²⁰. Митинги протеста против репрессий в отношении участников первомайской демонстрации 1902 г. в Вильне состоялись в Париже, Марселе, Берлине, Фрейбурге, Берне²¹.

29 декабря 1902 г. на собрании в Народном доме в Брюсселе бельгийские рабочие чествовали участников 2-й конференции МСБ. Восторженно было встречено выступление делегата России, говорившего о событиях в Ростове-на-Дону в ноябре 1902 г., а также о героическом поведении на суде нижегородских, сормовских и саратовских участников первомайских демонстраций. Оратор закончил словами «о предстоящем низвержении самодержавия силами сознательного пролетариата, об освобождении России от царизма, которое заодно избавит международную социал-демократию от злейшего врага». Бельгийские рабочие «с энтузиазмом приветствовали молодую и многообещающую силу русского пролетариата — нового надежного товарища пролетариата всех стран в борьбе за социализм и свободу»²². В знак протеста против расстрела рабочих в Златоусте и кишиневских событий французская социалистическая партия (гедисты и бланкисты) провела 28 мая 1903 г. в Париже собрание с участием представителей рабочих партий Бельгии, России и Польши. Вскоре состоялось еще одно собрание, созванное аллеманистами²³.

Особенно значительными были зарубежные отклики на всеобщие стачки июля — августа 1903 г. в городах Юга России, воспринимавшиеся как канун «политической катастрофы» царизма²⁴. Роль этих стачек в развитии международного рабочего движения вполне сознавалась социал-демократами прежде всего в самой России. Г. В. Плеханов, отметивший в связи с Ростовской стачкой 1902 г., что многотысячная масса рабочих, участвовавших в ней, превратилась тогда «в сознательный отряд сознательной армии международного пролетариата», писал в «Искре» по следам событий: «После блестящих побед, одержанных германской социал-демократией во время последних выборов в рейхстаг, самым крупным и самым замечательным явлением в жизни европейского пролетариата был ряд «всеобщих» стачек в разных городах российского Юга». Подобные события, считал Плеханов, «подготавливают великие перемены в соотношении сил, оказывающих огромное влияние на ход общественного развития всей Европы»²⁵.

На Дрезденском съезде Социал-демократической партии Германии в сентябре 1903 г. К. Цеткин, надо полагать, под впечатлением всеобщих летних стачек на Юге России, выступила с горячим призывом под-

²⁰ Искра. 1902, июль, № 22. В кн.: Искра. Вып. 3, с. 145; В и ш н я к о в - В и ш н е в е ц к и й К. А. В. И. Ленин и революционные связи российского и германского пролетариата. 1903—1910 гг. Л. 1974, с. 66—67.

²¹ Le Socialiste, 1902, № 77; Последние известия, 12.VI; 3, 17.VII.1902; Листок «Жизни», Лондон, 21.VII.1902, с. 20—21.

²² Красное знамя, 1903, январь, № 3, прил., с. 1—4.

²³ См.: Последние известия, 11.VI(29.V) 1903; Vorwärts, 1903, № 125.

²⁴ Berliner Tageblatt, 26.VII.1903; Independance belge, 2, 12.VIII.1903; Frankfurter Zeitung, 8, 11.VIII.1903 (утренний вып.); Neue Freie Presse, Wien, 11.VIII. 1903 (вечерний вып.); Berliner Local-Anzeiger, 12.VIII.1903 (вечерний вып.); Neues Wiener Journal, 23.VIII.1903 (вырезки и перепечатки из этих и других газет см.: ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 32, д. 148, лл. 132—139); Искра, 15.XII.1903. Об освещении всеобщих стачек 1903 г. английскими газетами см.: Последние известия, 30(17).VII.1903; берлинскими и парижскими газетами — Освобождение, 2(15).VIII.1903, с. 66; см. также: История Польши. Т. 2. М. 1955, с. 460; Н е к о ч е в Р. Э. История рабочего движения в Чили. М. 1961, с. 236.

²⁵ Плеханов Г. В. Значение Ростовской стачки.— Искра, 25.I.1903. В кн.: Искра. Вып. 5. Л. 1928, с. 24; его же. «Всеобщие» стачки на Юге.— Искра, 15.VIII.1903. В кн.: Искра. Вып. 7. Л. 1929, с. 29.

держать российское революционное движение²⁶. Совет рабочих союзов Австралии выразил «сочувствие семьям и друзьям русских рабочих», павших в борьбе и пострадавших от репрессий. «Дух свободы по-прежнему вдохновляет сердца наших русских товарищей,— говорилось в письме.— ...И в России придет свобода, побеждая тех, кто теперь проливает кровь»²⁷. Орган германских левых социал-демократов «*Leipziger Volkszeitung*» в марте 1904 г. писала, что Россия находится «накануне революции». «Почему русский пролетариат не должен быть первым?!» — восклицала газета²⁸.

Амстердамский конгресс II Интернационала в августе 1904 г. по предложению представителя левых социал-демократов Голландии Г. Роланд-Гольст обратился к пролетариату России с приветствием. «Рабочие всего мира сознают себя солидарными с его борьбой против абсолютизма,— говорилось в нем.— ...Пролетариат России, борясь за свое собственное освобождение, одновременно борется за освобождение мирового пролетариата»²⁹. Некоторое время спустя Каутский писал о российском пролетариате: «Всего несколько лет тому назад еще оспаривалась всякая возможность для него приобрести какое-нибудь политическое значение, а теперь он стал сосредоточием всей европейской демократии, сделался сердцем всего международного пролетариата»³⁰.

Борющийся пролетариат России получал от рабочих (а также интеллигенции, студентов) Европы и США материальную помощь. «Искра» и другие органы нелегальной рабочей печати сообщали о присылке «американскими товарищами» денег для стачечников (они были направлены в Иваново-Вознесенский район), о сборе средств для обуховцев в Париже, Женеве, Берлине и присылке их из Дармштадта в 1901 г., о поступлении из Парижа, Брюсселя, Лозанны денег для рабочих, пострадавших во время Ростовской стачки 1902 г., о сборе в Швейцарии и Франции средств для стачечников Кавказа, Юга в 1903 году³¹. Этим было положено начало широко развернувшейся в различных странах мира кампании по оказанию материальной поддержки участникам революционного движения в России.

Борьба рабочего класса России приветствовалась за рубежом и в связи со II съездом РСДРП. «*Vorwärts*» отмечала, что принятые съездом программа и устав выдержаны «в строго марксистском духе» и объединяют многочисленные социал-демократические организации в единый союз. Кроме «*Vorwärts*», статьи и заметки о съезде поместили и другие социалистические органы Германии, Англии, Австро-Венгрии, Франции, Италии, Швейцарии и др. «*Népszava*» (Будапешт) писала: съезд дал яркое свидетельство «распространения революционного рабочего движения... Новая программа на ясной марксистской основе блестяще определяет требования и цели партии». Редакция «Искры» получила телеграммы по случаю II съезда РСДРП.

В конце 1903 — начале 1904 г. социалисты ряда стран Европы на

²⁶ История Второго Интернационала. Т. II, с. 91.

²⁷ Это письмо за подписью секретаря Совета С. Баркера было прислано «жившему за границей социалисту» П. А. Кропоткину (Нижегородский рабочий листок, 7.III.1904, с. 2).

²⁸ Цит. по: Айзин Б. А. Подъем рабочего движения в Германии в начале XX века (1903—1906). М. 1954, с. 132.

²⁹ Internationaler Sozialistenkongress zu Amsterdam (14. bis 20. August 1904). Brl. 1904, S. 50; Материалы к истории Первого и Второго Интернационала. М. 1926, с. 274; см. также: Искра, 25.VIII. 1904; Летучий листок Киевского комитета РСДРП, 1904, № 1, с. 4.

³⁰ Каутский К. Международное значение русского пролетариата (перевод с рукописи, написанной специально для «Ежегодника»). В кн.: Рабочий ежегодник. Год первый. СПб. 1906, с. 1.

³¹ Искра, 10.IX, 20.XII.1901; 1.I, 15.II.1902; 1.II, 1, 15.VIII, 15.IX.1903; Красное знамя, 1902, № 2, с. 20; Последние известия, 5.III.1903. В ряде случаев сбор средств в пользу стачечников организовывали русские политэмигранты.

митингах и собраниях приветствовали съезд российских социал-демократов. На митинге в Лондоне выступили Г. Гайндман и Г. Квелч, в Вене — В. Адлер, в Париже на собрании членов Сенской федерации Социалистической партии Франции с участием представителей социалистических партий некоторых других стран 14(27) февраля 1904 г. произнесли речи П. Лафарг, Ю. Лагардель, Ш. Раппопорт и другие. В принятой резолюции говорилось, что социалисты Франции «подчеркивают солидарность, существующую между ними и всемирным пролетариатом, а в особенности рабочим классом России... и восклицают: Да здравствует Российская социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует предстоящая русская революция! Да здравствует международный союз рабочих!» Собрания состоялись также в Берне, Лозанне, Цюрихе, Берлине, Лейпциге и других местах. Объединение социалистических групп России в «одну сильную организацию» приветствовалось в 1904 г. в «Письме японских социалистов»³².

В феврале 1904 г. пленум МСБ, одобрив результаты II съезда РСДРП, выразил надежду на сплочение всех «социалистических сил России»³³. Однако оценить истинное значение съезда, создания на нем пролетарской партии нового типа, борьбы Ленина и его соратников против оппортунистов и реформистов ни МСБ, ни большинство социалистических партий Запада не смогли.

Солидарность передовых рабочих и социалистов стран Запада с борьбой пролетариата России имела определенные политические последствия. Состоявшиеся во Франции и Австро-Венгрии собрания и демонстрации заставили Николая II во время визитов в эти страны ограничиться пребыванием в основном в загородных резиденциях, а не разъезжать по улицам столиц, как в октябре 1896 года. От посещения в конце 1903 г. Италии он вынужден был вовсе отказаться вследствие развернутой социалистами кампании протеста³⁴. Эту акцию солидарности приветствовали рабочие группы и нелегальная печать в России³⁵.

Сдвиги в рабочем движении России в первые годы XX в. имели и количественные и качественные выражения. Одним из важнейших показателей силы рабочего движения является, как известно, число его участников, прежде всего стачечников. В 1905—1907 гг. по числу стачечников Россия опередила другие страны. Минимум числа стачечников в России за это трехлетие превышал максимум, когда бы то ни было достигнутый в наиболее развитых капиталистических странах мира³⁶.

³² История КПСС. Т. 1, с. 517—518; Ленин и международное рабочее движение, с. 55; Ленин в борьбе за революционный Интернационал. М. 1970, с. 60—62; Селезнев К. Л. Из истории революционного сотрудничества большевиков с германскими левыми социал-демократами в 1903—1905 гг. — Вопросы истории КПСС, 1975, № 10, с. 109; Гольдберг Д. И. Очерк истории рабочего социалистического движения в Японии (1868—1908 гг.). М. 1976, с. 125—126; Ольховский Е. Р. Оценка исторического значения II съезда РСДРП российской и международной социал-демократией в 1903—1904 гг. В кн.: Второй съезд РСДРП и борьба с оппортунизмом в местных партийных организациях. Вып. 2. Омск. 1983, с. 141—142; Искра, 15.XII.1903; 25.II., 1.IV.1904; Нижегородский рабочий листок, 7.III.1904, с. 2; Полесский листок, сентябрь 1904, № 1, с. 2; Лядов М. Из жизни партии в 1903—1907 гг. (Воспоминания). М. 1956, с. 19; Dokumentumok a magyar párttörténet tanulmányozásához. I. 1848—1917. Budapest. 1954, p. 85; Népszava, 19.XII.1903; Vorwärts, 20.XII.1903; Socialismo, 10.I.1904.

³³ Bureau Socialiste Internationale. Vol. I, p. 100.

³⁴ Мизано К. Ф. Итальянское рабочее движение на рубеже XIX и XX вв. М. 1976, с. 208—211.

³⁵ [Воровский В.]. Русский царь и итальянские социалисты. — Искра, 15.IX.1903. В кн.: Искра. Вып. 7, с. 110—112; Листок Нижегородского комитета РСДРП. 1903, № 1, с. 9—10; Последние известия, 6.X(23.IX). 14.(1). X. 7.XII(24.XI), 1903; Оплеуха самодержавию, или неудавшаяся поездка царя в Италию. — Листок «Борьбы пролетариата», 15(28).XI.1903 (перепечатка из «Искры», № 48); Листовка Одесского комитета РСДРП «Ко всем». Октябрь 1903 г. В кн.: Листовки революционных социал-демократических организаций Украины. 1896—1904. Киев. 1963, с. 585—587.

³⁶ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 380.

Рассматриваемый период сыграл важную роль в подготовке этого скачка.

Данные фабричной инспекции, которыми обычно пользуются для характеристики размаха и силы стачечного движения в России, весьма неполны: они не учитывают выступления рабочих горнозаводской и горной промышленности, транспорта, строительства, а также рабочих Сибири, Средней Азии и Казахстана и некоторых губерний Кавказа. Восполнение указанных пробелов и подсчет числа стачечников в России в 1901—1904 гг. по специально составленной «Хронике» всех известных выступлений рабочих дают следующую картину (в тыс. человек; в скобках для сравнения приводятся данные фабричной инспекции): 1901 г.—85 (32), 1902 г.—95 (37), 1903 г.—268 (98), 1904 г.—53 (34), 1905 г.—нет точных сведений (2863). Соответствующий максимальный ежегодный показатель в крупнейших капиталистических странах таков: Великобритания, 1902 г.—257, США, 1903 г.—788, Германия, 1904 г.—145 (1905 г.—542), Франция, 1904 г.—271³⁷. Уточненные данные свидетельствуют о том, что по количеству стачечников Россия еще накануне революции, в 1903 г., догнала и стала обгонять крупнейшие европейские страны и отставала лишь от США.

Рост рабочего движения, развитие его форм, становление ведущей роли пролетариата России в освободительной борьбе способствовали его выходу в авангард международного рабочего движения, обогащению последнего российским опытом. Российский пролетариат впервые в истории выступил как гегемон освободительной борьбы на буржуазно-демократическом этапе революции, оказав влияние на развертывание в первые годы XX в. революционного движения крестьянства, демократически настроенных слоев студенчества, интеллигенции³⁸. Несомненный интерес для международного рабочего движения представлял опыт массовых стачек 1903 г. в России. В первые годы XX в. массовые стачки рабочих отдельных отраслей производства или крупных регионов, а иногда и действительно всеобщие, прошли также в Бельгии, Голландии, Испании, Швеции, Германии, Австро-Венгрии, США; вопрос о массовых и всеобщих стачках приобрел злободневность. О роли т. н. всеобщей стачки в течение продолжительного времени шли довольно острые дебаты между социалистами многих стран, причем анархо-синдикалисты гипертрофировали ее, а реформисты — фактически сбрасывали со счетов.

На Амстердамском конгрессе II Интернационала была принята резолюция, в которой массовая стачка, вопреки мнению оппортунистов, признавалась важным оружием защиты и расширения прав рабочего класса; указывалось, что в зависимости от обстоятельств она может стать «крайним средством борьбы, которым следует пользоваться весьма осторожно». Вместе с тем резолюция обращала внимание на несостоятельность идеи анархо-синдикалистов о всеобщей стачке, якобы способной без сочетания с другими средствами борьбы покончить с капиталистическим строем. Резолюция предостерегала против «увлечения пропагандой всеобщей стачки со стороны анархистов, имеющей целью

³⁷ В Великобритании, Германии, Франции и США ежегодное количество стачечников было соответственно следующим (в тыс.): в 1901 г.—180, 68, 111 и 564; в 1902 г.—257, 70, 213 и 692; в 1903 г.—117, 135, 123 и 788; в 1904 г.—87, 145, 271 и 574; в 1905 г.—94, 542, 178 и 302 (см.: Забастовочная борьба трудящихся. Конец XIX в.—70-е годы XX в. (Статистика). М. 1980, с. 63, 72, 91, 98, 113). Подсчеты новых данных по России см.: Кирьянов Ю. И. Статистика стачечных выступлений рабочих России накануне революции 1905—1907 гг. В кн.: Рабочий класс России в период буржуазно-демократических революций. М. 1978, с. 23, 42, 43.

³⁸ Подробнее см.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в., с. 418—423; Вопросы гегемонии пролетариата в освободительном движении России периода империализма. М. 1982, с. 20—22, и др.

отвлечь рабочих от весьма важной повседневной профессиональной, политической и кооперативной борьбы»³⁹. Г. В. Плеханов в интервью, которое он дал в связи с обсуждением вопроса на Амстердамском конгрессе, сравнил стачки 1903 г. в городах Юга России с массовыми, «всеобщими» стачками в других странах. Вместо того чтобы рассматривать всеобщую стачку в качестве средства делать социальную революцию, отметил он, ее следует рассматривать как средство агитации, расчищающей дорогу для этой революции⁴⁰. И примечательно, Г. Роланд-Гольст в специально изданной уже после конгресса брошюре о всеобщей стачке писала, что движение 1903 г. в России, т. е. стачки в городах Юга, «было образцом революционного сотрясения, разросшегося теперь до того, что ему удастся, наконец, снести до основания твердыню абсолютизма; оно было первой грозной волной русской революции»⁴¹. Ту же мысль высказала Р. Люксембург: «Как раз в то время, когда заседал в Амстердаме последний международный конгресс (1904 г.), в России раздавались уже первые раскаты надвигавшейся грозы, которой суждено произвести переворот в тактике международного борющегося пролетариата, и первым, самым поразительным последствием которой было совершенно новое освещение, данное вопросу о всеобщей забастовке»⁴².

Борьба пролетариата в России развивалась как движение рабочих различных национальностей. И этот опыт получил международное признание. Амстердамский конгресс приветствовал «геройский пролетариат России, собирающийся в братском объединении своих сил, без различия наций, под славным знаменем социализма для борьбы против самодержавия и для завоевания политических прав»⁴³.

Характеризуя эпоху от Парижской Коммуны до первой мировой войны (1871—1914 гг.), Ленин отметил, что она породила в рабочем классе тенденцию «к признанию буржуазного патриотизма»⁴⁴. В условиях империализма с особой остротой вставала задача борьбы с милитаризмом, войнами. Международная социал-демократия воздала должное рабочему классу России и его революционному авангарду в связи с борьбой против милитаризма. Такого рода выступления российского пролетариата в период русско-японской войны Штутгартский конгресс II Интернационала (1907 г.) отнес к самым значительным примерам борьбы против войны⁴⁵. Начало же им было положено в 1904 г., когда социал-демократы развернули широкую антивоенную кампанию и во многих местах России прошли демонстрации против мобилизации, войны, царизма⁴⁶. Ряд западных газет не только освещал тогда ход военных действий, но и внимательно наблюдал за развитием рабочего антивоенного и антиправительственного движения. Так, «Frankfurter Zeitung» подробно описала демонстрацию рабочих в Варшаве 13 ноября 1904 г. — шествие с красными знаменами, пением революционных

³⁹ Международные социалистические конгрессы. СПб. 1906, с. 72. Internationaler Sozialistenkongress zu Amsterdam, S. 24—25.

⁴⁰ Лагардель Г. Всеобщая стачка и социализм. Международная анкета. Мнения и документы (К Амстердамскому международному конгрессу 1904 г.). СПб. 1907, с. 254—255; Философско-литературное наследие Г. В. Плеханова. Т. II, с. 31—32.

⁴¹ Роланд-Гольст Г. Всеобщая стачка и социал-демократия. СПб. 1906, с. 114.

⁴² Люксембург Р. Всеобщая забастовка и немецкая социал-демократия. Киев. 1906, с. IV; 15, 19—22, 48.

⁴³ Международные социалистические конгрессы, с. 90.

⁴⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 26, с. 164.

⁴⁵ Международный социалистический конгресс в Штутгарте. СПб. 1907, с. 86; см. также: Борьба за мир. Материалы трех Интернационалов. М. 1967, с. 68.

⁴⁶ Пролетариат и русско-японская война. В кн.: Рабочий класс России от зарождения до начала XX в., с. 398—403; Антивоенные традиции международного рабочего движения, с. 98—103; Narastanie rewolucji w Królestwie Polskim w latach 1900—1904. Warszawa. 1960, s. 642, 646—655, 684, 708.

песен, возгласами «Долой войну, долой самодержавие!», закончившееся столкновением с полицией и солдатами, в ходе которого 9 человек были убиты и 31 ранен⁴⁷.

21 августа 1904 г. XI съезд болгарских социал-демократов в резолюции об отношении к русско-японской войне выразил братскую солидарность с русскими и японскими социал-демократами, выступившими против войны, и особенно с революционным пролетариатом России, который героически ведет борьбу за политическое освобождение всего народа⁴⁸.

Во время Амстердамского конгресса Плеханов и А. Варский встретились с Сен Катаямой для обсуждения вопросов о совместной кампании против русско-японской войны, об издании на русском и польском языках листовки к военнопленным, находившимся в Японии, и ее распространении японскими товарищами⁴⁹. Как известно, принципиальная позиция российских и японских социал-демократов в отношении войны получила признание на Амстердамском конгрессе, где на первом же заседании рукопожатие двух заместителей председателя конгресса — Плеханова и Катаямы и их высказывания в духе пролетарской солидарности были встречены с одобрением всеми присутствовавшими⁵⁰.

Российская революционная социал-демократия внесла вклад и в развитие теории международного рабочего движения. Отстаивание ею принципов революционного марксизма приобретало тем большее значение, что, как отметил еще на Парижском конгрессе II Интернационала в 1900 г. Ж. Гед, «хребет его (международного социализма.— Ю. К.) уже не стал устойчив, как раньше»⁵¹. Достаточно сказать, что весной 1899 г. появилась книга «Предпосылки социализма и задачи социал-демократии» Э. Бернштейна, вскоре переведенная и изданная в ряде стран Европы. Автор утверждал, что многие положения «Манифеста Коммунистической партии», «Капитала» и других работ К. Маркса и Ф. Энгельса устарели или не получили подтверждения, и претенциозно провозгласил, что «дальнейшее развитие и усовершенствование марксистского учения должно начаться с его критики»⁵². В конце 90-х годов XIX в. получили хождение различные теории мелкобуржуазных социалистов. Одной из них был «кооперативный социализм». Автор этой теории Ш. Жид опубликовал во Франции в 1898 г. книгу «Кооперация», много раз переизданную в других странах, в том числе и в России. Сторонники этой реформистской теории рассматривали кооперативное движение в качестве метода преобразования капитализма в социализм, уводя тем самым трудящихся с пути классовой борьбы. В 1899 г. имел место «казус Мильерана» — вхождение одного из социалистов Франции в буржуазное правительство. Это было время, когда, по словам Ленина, весь мир кричал о «кризисе марксизма», а русская либеральная публицистика — даже о распадении его⁵³.

Революционная социал-демократия России со всей ответственностью отнеслась к выполнению возложенных на нее историей задач.

⁴⁷ Правда о войне. Бюллетень Бернской группы содействия РСДРП.— «Вперед», Берн, 20.XI.1904, № 3.

⁴⁸ Интернационализмът на БКП, с. 56.

⁴⁹ Очерки революционных связей народов России и Польши. 1815—1917. М. 1976, с. 348.

⁵⁰ Плеханов Г. В. В Амстердаме, с. 10—11; его же, Соч. Т. XVI. М.-Л. 1925, с. 311—312; см. также: Гольдберг Д. И. Рабочее и социалистическое движение в Японии 1897—1906 гг.— Вопросы истории, 1960, № 6, с. 84—85.

⁵¹ Цит. по: История Второго Интернационала. Т. I, с. 365.

⁵² Бернштейн Э. Проблемы социализма и задачи социал-демократии. М. 1901, с. 46.

⁵³ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 6, с. 294.

В редакционном отклике на статью Каутского «Славяне и революция», содержащую оценку перспектив развития российского революционного и рабочего движения, ленинская «Искра» писала 10 марта 1902 г.: «Стать во главе всемирной революции, быть передовым застрельщиком в борьбе всемирного пролетариата — может ли быть доля более почетная, более завидная для революционной пролетарской партии, проникнутой идеей международного характера своей борьбы?». И, как бы отвечая на вопрос, что необходимо делать, чтобы оказаться на высоте положения, газета продолжала: «Революционная мысль и революционное дело — вот области, в которых русская социал-демократия действительно, а не по названию только должна стать первой, чтобы оказаться на высоте той исторической роли, которая ей выпадает». Мы должны «объявить непримиримую борьбу всему, что подтачивает нашу революционность, внося в нее элементы дряблости, узости, пошлости. Мы должны взять в свои руки руководство борьбой всех революционных и оппозиционных слоев русского народа, потому что как можем мы мечтать о том, чтобы встать во главе всемирной революции, если мы не сумеем встать во главе русской? Война всем фальсификаторам революционной марксистской теории в области мысли и война всем фальсификаторам революционной социал-демократической борьбы в области дела — таков должен быть наш девиз!». Тогда же, в марте 1902 г., Ленин писал: «От съезда Российской социал-демократической рабочей партии все ждут теперь решений, стоящих на высоте *всех* революционных задач современности»⁵⁴.

Ленин, революционные социал-демократы указывали на необходимость изучения и пропаганды опыта рабочего движения других стран, но вместе с тем учитывали важность критического его освоения. В начале 1902 г. Ленин писал: «Социал-демократическое движение международно, по самому своему существу. Это означает не только то, что мы должны бороться с национальным шовинизмом. Это означает также, что начинающееся в молодой стране движение может быть успешно лишь при условии претворения им опыта других стран. А для такого претворения недостаточно простого знакомства с этим опытом или простого переписывания последних резолюций. Для этого необходимо уметь критически относиться к этому опыту и самостоятельно проверять его»⁵⁵.

Революционная социал-демократия России оказалась в то время единственной в мире партией, четко сформулировавшей в своей Программе идею социалистической революции и диктатуры пролетариата, тогда как программы западноевропейских социал-демократических партий умалчивали о диктатуре пролетариата, заявляя лишь о «достижении обладания политической властью» (германская, австрийская, английская социал-демократия)⁵⁶, что было теоретически неправильно, а практически являлось уступкой оппортунистам⁵⁷. С тем или иным отношением к этому принципиальному положению было связано и решение других важнейших вопросов освободительной борьбы пролетариата, а в конечном счете — представление о перспективе социалистической революции. Диктатура пролетариата рассматривалась как предпосылка успеха в подавлении сопротивления классовых врагов в условиях, когда пролетариат не являлся еще большинством населения.

⁵⁴ Там же, с. 295.

⁵⁵ Там же, с. 24; см. также: т. 4, с. 189—190; т. 17, с. 182; т. 25, с. 110; т. 38, с. 307.

⁵⁶ Имеются в виду программы: Социал-демократической партии Германии (Эрфурт. 1891), Бельгийской рабочей партии (Брюссель. 1893), Французской социалистической партии (Тур. 1902), Австрийской социал-демократической партии (Вена. 1901), Швейцарской социал-демократической партии (Цюрих. 1904), Итальянской социалистической партии (Генуя. 1892). (См.: Энзор Р. Современный социализм. Обоснование его в речах и сочинениях его виднейших представителей и программах партий. М. 1906).

⁵⁷ См. Ленин В. И. ПСС. Т. 41, с. 249.

Вкладом в теорию марксизма явилось раскрытие РСДРП связи демократических реформ с конечными задачами пролетариата. Требование республики в программных документах большинства партий отсутствовало (исключение составляли программы английских и бельгийских социал-демократов⁵⁸, хотя на рубеже XIX—XX вв. в Европе было лишь два государства с республиканской формой правления — Франция и Швейцария. Вопрос об отношении к форме государственного правления был затронут в ряде речей на Амстердамском конгрессе II Интернационала. Вот что по этому поводу говорил А. Бебель: «Как бы сильно мы ни завидовали вам, французы, вашей республике, и как бы мы ни желали ее для нас, мы не стали бы разбивать из-за нее свои головы: не стоит того! (Гром аплодисментов). Как буржуазная монархия, так и буржуазная республика представляют собой классовое государство: как та, так и другая по самой природе своей служат поддержкой капиталистическому строю... где видели вы более циничное, более скотское, более мерзкое обращение с рабочими, чем в великой заокеанской буржуазной республике, являющейся идеалом для многих людей. Даже в Швейцарии, республике гораздо более демократической, чем ваша Франция, в течение одного этого короткого лета шесть раз высылались милиция против рабочих»⁵⁹.

В то время как мысль социалистов стран Западной Европы, даже левых социал-демократов, при обсуждении в первые годы XX в. вопроса о форме государственного правления в условиях капитализма не выходила за пределы понятия «буржуазная республика», с указанием на ее негативные стороны, а высказывания Маркса и Энгельса о Парижской Коммуне были преданы забвению, революционные социал-демократы России поставили вопрос о борьбе за демократическую республику и включили это требование в свою программу⁶⁰. Через несколько лет, в феврале 1908 г., Ленин коснулся вопроса об отношении социалистов стран Западной Европы к борьбе за «буржуазную республику». «Республиканская традиция сильно ослабела у социалистов Европы, — писал он. — Это понятно и отчасти может быть оправдано, — именно постольку, поскольку близость *социалистической* революции отнимает практическое значение у борьбы за *буржуазную* республику. Но не редко ослабление республиканской пропаганды означает не живость стремления к полной победе пролетариата, а слабость сознания революционных задач пролетариата вообще. Недаром Энгельс в 1891 году, критикуя проект Эрфуртской программы, со всей энергией указывал немецким рабочим на значение борьбы за республику»⁶¹.

В аграрной части Программы РСДРП также прослеживается соединение двух идей: поднятия крестьян на буржуазно-демократическую революцию (против остатков крепостничества) и подготовки условий для борьбы за победу социалистической революции («свободного развития классовой борьбы в деревне»). С. И. Гусев, выступая на II съезде РСДРП и касаясь вопроса о пропаганде в деревне аграрной

⁵⁸ Энзор Р. Ук. соч., с. 395, 423.

⁵⁹ [Гед Ж., Бебель А., Вальян Э.]. Амстердамский конгресс. Речи Геда, Бебеля, Вальяна. СПб. 1905, с. 9—10; см. также выступление Жореса. (В кн.: Материалы к истории Первого и Второго Интернационала, с. 251).

⁶⁰ Развивая идею борьбы не просто за буржуазную республику, наподобие существовавших уже в некоторых странах Запада, а за «демократическую республику», являющуюся революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства и олицетворявшую «самодержавие народа», а также обобщая опыт двух буржуазно-демократических революций в России, Ленин писал: «Марксизм отличается от анархизма тем, что признает *необходимость государства* для перехода к социализму, — но (и в этом отличие от Каутского и К^о) *не такого государства*, как обывная парламентарная буржуазная демократическая республика, а такого, как Парижская Коммуна 1871 г., как Советы рабочих депутатов 1905 и 1917 годов» (Ленин В. И. ПСС. Т. 31, с. 180).

⁶¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 16, с. 441—442.

программы партий и общих демократических требований, имел основание заявить: «Ни одна политическая партия в Европе еще не предлагала крестьянству сразу такой обширной программы»⁶². В решении национального вопроса Программа РСДРП также шла несравненно дальше, чем социал-демократия европейских стран, в том числе и многонациональных (таких, как Австро-Венгрия, Германия и др.). В программах этих партий в лучшем случае говорилось о равноправии наций⁶³. Право же наций на полное самоопределение было зафиксировано лишь в Программе РСДРП.

Выдающейся заслугой революционных социал-демократов России явилось не только отстаивание и развитие революционной теории марксизма, но и создание такой партии, которая, опираясь на эту теорию, смогла выполнить возложенную на нее историей миссию — победоносно повести пролетариат на штурм царизма и капитализма. Они обосновали положение о том, что боевая революционная партия является ведущей, организующей и руководящей силой рабочего движения, тогда как в программах других социал-демократических партий нередко делались уступки теории его стихийного развития⁶⁴.

Характерными чертами партий II Интернационала были организационная рыхлость, слабость централизма и дисциплины. Ленин отмечал в первой половине 1904 г.: «Не в одной только Германии, а и во Франции, и в Италии оппортунисты горой стоят за автономизм, за ослабление партийной дисциплины, за сведение ее к нулю, везде их тенденции приводят к дезорганизации, к извращению «демократического принципа» в *анархизм*»⁶⁵. Многие партии в организационном отношении представляли собой федерации с широкой автономией. Тот же принцип пытались внедрить в РСДРП бундовцы, представлявшие себе партию не единой организацией, а союзом самостоятельных организаций, построенных по национальному признаку (при этом они ссылались на пример Австрии)⁶⁶. Федеративный принцип организационного строения партии был, как известно, отвергнут II съездом РСДРП.

Не менее важное значение имела и принципиальная постановка на съезде вопроса о членстве в партии. В уставах германской, французской, итальянской и других социал-демократических партий не указывалось, обязан ли член партии принадлежать к той или иной партийной организации⁶⁷. Это положение отстаивал, выступая на II съезде, Ленин. В докладе большевиков Амстердамскому конгрессу II Интернационала отмечалось, что ленинская формулировка § 1 Устава партии учитывала печальный опыт Социал-демократической партии Германии: использование старой формулировки этого параграфа дезорганизаторскими элементами⁶⁸. Правильность ленинского подхода становилась все более очевидной. «События последних лет в германской партии, —

⁶² Второй съезд РСДРП. Июль — август 1903 года. Протоколы. М. 1959, с. 222.

⁶³ Так, в Программе Австрийской социал-демократической партии указывалось, что партия «отвергает привилегии наций»; в Эрфуртской программе Социал-демократической партии Германии говорилось, что партия борется «против всякого рода эксплуатации и угнетения, будь они направлены против класса, партии, пола или народности», и предусматривалось «самоопределение и самоуправление» народа «в империи, отдельных государствах (входящих в состав империи), провинции и общине» (Энзор Р. Ук. соч., с. 387—388, 403).

⁶⁴ Волин М. С. Ук. соч., с. 74—77.

⁶⁵ Ленин В. И. ПСС. Т. 8, с. 388.

⁶⁶ См. Второй съезд РСДРП. Протоколы, с. 53—54.

⁶⁷ Так, в уставе Социал-демократической партии Германии (1900 г.) было сказано: «Членом партии считается каждый, кто признает принципы программы партии и регулярно поддерживает партию денежными средствами» (Handbuch der sozialdemokratischen Parteitage von 1863 bis 1909. München. 1910, S. 369; Энзор Р. Ук. соч., с. 387).

⁶⁸ Из истории создания партии нового типа. Доклад большевиков Международному социалистическому конгрессу в 1904 г. М. 1963, с. 74.

говорилося в одном из писем в «Искру» в 1904 г., — думаю, уже достаточно показали, сколь опасно подобное смешение элементов негодных, не поддающихся организации, с элементами организованными... повторять ошибку немецких товарищей... значит отказаться самостоятельно использовать их опыт и шаблонно подражать их каждому шагу»⁶⁹.

Борьба за организационные принципы революционной социал-демократии имела международное значение⁷⁰. Не случайно Ленин в связи с Иенским съездом Социал-демократической партии Германии в сентябре 1905 г. и пересмотром ею своего устава отметил: «Важно подчеркнуть крайне характерную основную черту этого пересмотра: тенденцию к дальнейшему, более полному и более строгому проведению централизма, к созданию более крепкой организации»⁷¹. Это выразилось, в частности, в признании положения об обязательной принадлежности каждого социал-демократа к одной из партийных организаций.

Разработка и принятие революционной марксистской программы, создание организации, опирающейся на революционные принципы марксизма, определение роли партии как передового вождя пролетариата и всех трудящихся масс, непримиримость к оппортунизму правого и «левого» толка сделали сторонников Ленина партией нового типа, принципиально отличной от социал-демократической партии II Интернационала, погрязших в оппортунизме, и объективно выдвинули большевиков в центр международного социалистического движения.

Обострение в России в конце XIX — начале XX в., как ни в какой другой стране, социально-экономических противоречий, назревание общенационального кризиса с самостоятельным участием в нем пролетариата, размах и накал рабочего движения, создание марксистской партии нового типа во главе с Лениным свидетельствовали о постепенном перемещении центра международного революционного рабочего движения в Россию. Ведущая роль российского пролетариата в международном рабочем движении уже в первые годы XX в. все более сознавалась социал-демократами, передовыми представителями пролетариата различных стран. Возрастание роли борьбы рабочего класса России в международном пролетарском движении в рассматриваемый период было как бы прелюдией к переломным событиям революции 1905—1907 годов.

⁶⁹ Искра, 25.VI.1904, № 68, прил.

⁷⁰ Подробнее см.: Большевизм и реформизм, с. 63.

⁷¹ Ленин В. И. ПСС. Т. II, с. 324.

ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ ДАГЕСТАНА НА ЭТАПЕ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

А. И. Османов

Советскими обществоведами создана обширная литература, освещающая становление и совершенствование зрелого социалистического общества, происходящие в нем экономические и социальные процессы, национальное и культурное развитие. И тем не менее изучение проблем развитого социализма, в том числе социально-классовой структуры советского общества, остается одной из актуальных задач. Динамика изменения социальной и профессиональной структуры рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции союзных республик в имеющихся работах¹ рассматривается в основном в методологическом плане без достаточного привлечения конкретного материала. К тому же в изданиях второй половины 60—70-х годов не учтены, естественно, социальные процессы, происходившие в последующие годы. Изменения в экономической и социальной сферах жизни автономных республик, общее и особенное в их развитии в рамках новой исторической общности — советского народа, по существу, не анализировались в литературе.

Отсутствуют специальные обобщающие исследования и по социальной структуре Дагестанской АССР. В имеющихся работах в основном берутся отдельно социальные изменения, происшедшие в рабочем классе², крестьянстве³ и интеллигенции⁴ республики. Предприняты, впро-

¹ Из новейших работ см.: Современные этнические процессы в СССР. М. 1977; Сближение социально-классовой структуры советских наций и народностей. М. 1977; Тенденции изменения социально-классовой структуры советских наций и народностей. М. 1978; Опыт этносоциологического исследования образа жизни. М. 1980; Куличенко М. И. Расцвет и сближение наций в СССР. М. 1981; Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М. 1982; Сенявский С. Л. Социальная структура советского общества в условиях развитого социализма (1961—1980 гг.). М. 1982; Арутюнян Ю. В., Дробижева Л. М. Социальная структура советских наций на современном этапе. — Вопросы истории, 1982, № 7; и др.

² Кабардиев А. А. Количественные и структурные изменения в составе рабочего класса Дагестана в годы восьмой пятилетки. В кн.: Социально-экономические и культурные преобразования в Дагестане (1920—1970). Махачкала. 1977; Милованов Г. И. Социальная структура рабочего класса как производительной силы в современный период (Вопросы методологии). В кн.: Изменение социальной структуры Дагестана в условиях развитого социализма. Махачкала. 1979; его же. Рост культурно-технического уровня сельского отряда рабочего класса (на материалах ДАССР). В кн.: Социальное развитие сельского населения Дагестана. Махачкала. 1980.

³ Ихилов М. М. Изменение культуры и быта колхозного крестьянства Дагестана. — Социологический сб. Вып. I. Махачкала. 1970; Зильпукаров З. Г. Аграрная политика КПСС и некоторые социальные сдвиги в дагестанском ауле на современном этапе. В кн.: Социально-экономическое развитие Дагестана в период строительства социализма. Махачкала. 1978; Магдиев А. Развитие сельского хозяйства и социальный прогресс колхозного крестьянства. В кн.: Социальное развитие сельского населения Дагестана; и др.

⁴ Эфендиев А.-К. И. О некоторых изменениях профессионально-квалификационного состава рабочих и интеллигенции Дагестана в процессе коммунистического строительства. — Социологический сб. Вып. I.

чем, и первые попытки рассмотреть эти вопросы комплексно, но пока в самом общем плане⁵. Ниже автор стремится проанализировать с привлечением новых материалов изменения в социальной структуре Дагестана, происходившие в 70-е годы. Это время девятой и десятой пятилеток, когда развитый социализм набрал силу и социальные процессы стали протекать более интенсивно, чем в предшествующие годы. Изменения в социальной структуре в республике были тесно связаны с развитием ее экономики и культуры, поэтому в статье приводятся данные, характеризующие сдвиги в промышленности, сельском хозяйстве и т. д.

За годы Советской власти качественно изменилась социальная структура всех союзных и автономных республик СССР; в каждой из них выросли современный рабочий класс, колхозное крестьянство, создана своя интеллигенция, воспитаны квалифицированные кадры во всех областях государственной и общественной жизни. Это в полной мере относится и к Дагестанской АССР.

К началу 80-х годов промышленность республики характеризовалась наличием новых отраслей, в том числе таких ведущих, определяющих научно-технический прогресс, как машиностроительная, электротехническая, металлообрабатывающая, приборостроительная, нефтяная, химическая, электроэнергетическая. Общий рост валовой промышленной продукции ДАССР за 70-е годы составил 179% (по СССР — 178%⁶), а в химической и нефтехимической промышленности — 358%, электроэнергетике — 294%, машиностроении и металлообработке — 276%, промышленности строительных материалов — 198%⁷. Высокие темпы развития промышленности привели к значительным количественным изменениям в составе рабочего класса Дагестана.

По данным на 1979 г., рабочие (включая младший обслуживающий персонал и работников охраны) имели самый большой удельный вес в общей численности трудящихся республики: по отраслям народного хозяйства — 70,7%, в составе промышленно-производственного персонала — 79%⁸. Наблюдались высокие темпы роста промышленно-производственного персонала и рабочего класса в ведущих отраслях промышленности. Если численность промышленно-производственного персонала за 70-е годы увеличилась на 124%, то рост рабочего класса составил: в химической и нефтехимической промышленности — 190%, в электроэнергетике — 165%, машиностроении и металлообработке — 141%, промышленности стройматериалов — 145%. В то же время в традиционных для Дагестана легкой и пищевой промышленности этот рост был меньше (соответственно — 138% и 109%)⁹.

С 1965 по 1976 г. численность рабочих Дагестанской АССР возросла на 63,8%¹⁰. Высокие темпы роста рабочего класса ДАССР свидетельствуют об эффективности ленинской национальной политики Коммунистической партии и Советского государства, которые обеспечили ускоренное развитие ранее отсталых районов. Но поскольку в социально-экономическом развитии республик еще имеются некоторые

⁵ Магдиев А. К вопросу о развитии социальных отношений в условиях развитого социализма. В кн.: Изменение социальной структуры Дагестана в условиях развитого социализма; Османов А. И. Об изменениях в социально-классовой структуре Советского Дагестана. В кн.: Великий Октябрь и торжество ленинской национальной политики в Дагестане. Махачкала. 1978.

⁶ Народное хозяйство СССР в 1980 г. Стат. ежегодник. М. 1981, с. 41.

⁷ Подсчитано по материалам текущего архива СУ ДАССР.

⁸ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет. Юбилейный стат. сб. Махачкала. 1981, с. 27, 146.

⁹ Подсчитано по материалам текущего архива СУ ДАССР.

¹⁰ То же.

различия, XXVI съезд КПСС еще раз подчеркнул необходимость «выравнивания социальных различий... в территориальном плане»¹¹.

В 70-е годы основными факторами, обеспечивающими высокие темпы роста рабочего класса ДАССР, оставались строительство новых и реконструкция, расширение существующих предприятий. Однако если раньше новые предприятия возникали в основном в городах, располагавших сложившейся промышленной базой, то в 70-е годы в республике, как и в ряде других районов страны, филиалы крупных предприятий стали создаваться в сельской местности — в селениях Ахты, Ботлих, Хунзах и др.¹². Благодаря этому рабочий класс Дагестана пополнялся новыми отрядами сельских тружеников; но что особенно важно — одновременно решался ряд специфических для республики проблем: в современное производство вовлекалась часть населения высокогорных районов, не занятая в народном хозяйстве; в эти районы проникали традиции рабочего класса, городская культура; на средства предприятий строились дороги, учреждения культуры, квартиры с коммунальными удобствами, детские дошкольные учреждения и т. д.

В рассматриваемый период в республике увеличилась численность аграрного отряда рабочего класса. Произошло это в основном за счет получившего в Дагестане в 70-е годы довольно широкое распространение преобразования колхозов в совхозы: число совхозов увеличилось с 32 в 1960 г. до 266 в 1979 г., а число занятых в них рабочих — с 10,9 тыс. до 139 тысяч¹³. Ряды рабочих пополнялись и в связи с созданием агропромышленных и животноводческих комплексов, расширением в сельской местности сети промышленных, строительных, торговых, коммунальных предприятий, предприятий бытового обслуживания и т. д.

С ростом численности рабочего класса, обусловленным прежде всего развитием промышленности, связан и другой немаловажный фактор — увеличение численности городского населения республики. ДАССР характеризуется высоким естественным приростом населения, но численность горожан растет здесь еще более быстрыми темпами: если население республики увеличилось с 1163,1 тыс. в 1961 г. до 1648,8 тыс. в 1980 г. (примерно на 42%), то городское население — с 345,6 тыс. до 657,4 тыс. человек (более чем на 90%); его удельный вес по отношению ко всему населению республики поднялся за этот период с 30 до 40%¹⁴. Увеличение доли городского населения, равно как и доли рабочего класса и интеллигенции, — общая тенденция для всех республик страны.

При высоких темпах роста численности рабочего класса его удельный вес по отношению ко всему населению Дагестана оставался сравнительно невысоким. Так, в 1976 г. удельный вес рабочего класса по стране поднялся до 60,2%¹⁵, в то время как по республике он составил всего 20,8%¹⁶. Следовательно, несмотря на ускоренное развитие рабочего класса республики, более высокие по сравнению с общесоюзными и ряда других республик темпы прироста, его удельный вес остается ниже удельного веса рабочих в целом по стране. Этим определяется задача дальнейшего роста и укрепления рядов рабочего класса Дагестана, прежде всего за счет населения коренных национальностей.

¹¹ Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 54.

¹² Дагестанская правда, 23.V.1979.

¹³ Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР. Махачкала. 1972, с. 60, 136; Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 59, 150.

¹⁴ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 9.

¹⁵ Амвросов А. А. От классовой дифференциации к социальной однородности. М. 1978, с. 106.

¹⁶ Подсчитано по: Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 9; материалы текущего архива СУ ДАССР.

Дальнейшее развитие механизации и автоматизации производства, повышение общеобразовательного и квалификационного уровня рабочего класса республики в рассматриваемый период привели к серьезным качественным изменениям его профессиональной структуры, росту удельного веса квалифицированного труда и другим существенным переменам. Прежде всего это относится к промышленности. С 1959 по 1979 г. в Дагестане было введено в действие около 20 новых машиностроительных заводов, значительно расширены и реконструированы построенные ранее предприятия. Все это привело к резкому увеличению производственных мощностей машиностроения. В 1979 г. по сравнению с 1965 г. общий объем продукции машиностроения и металлообработки составил 456%. В результате произошли качественные сдвиги в структуре промышленности ДАССР: удельный вес машиностроения и металлообработки поднялся с 16,5% в 1960 г. до 31,7% в 1979 году¹⁷. Машиностроение республики имеет ныне такие важные, определяющие технический прогресс отрасли, как приборостроение, отличается высоким техническим уровнем оснащения и высокой квалификацией работников. Ежегодно на машиностроительных предприятиях ДАССР устанавливаются сотни единиц нового оборудования, осваиваются и внедряются в производство свыше 100 новых типов машин и приборов.

Значительно возрос в 1979 г. (почти в 30 раз по сравнению с 1960 г.) и объем валовой продукции химической промышленности республики. Было построено такое крупное предприятие, как Чирюртовский завод фосфорных солей. Большой отряд рабочих занят в нефтегазодобывающей промышленности. Ежегодно они дают стране более 700 тыс. т нефти и около 700 млн. куб. м природного и попутного газа¹⁸. Идет дальнейшее наращивание энергетических мощностей республики. Ведется строительство Миатлинской (мощность 220 тыс. квт) и Ирганайской (мощность 800 тыс. квт) гидроэлектростанций. Наряду с действующими ГЭС они после ввода в строй решат проблему энергетического обеспечения не только Дагестана, но и всего Северокавказского региона. Строительство таких крупных объектов способствует дальнейшему росту рядов рабочих — гидростроителей и энергетиков за счет привлечения местного сельского населения. Создаются новые рабочие поселки, меняется жизнь ряда горных районов.

Научно-технический прогресс проникает во все отрасли промышленности республики. Широко внедряются в производство вычислительные машины, автоматизированные линии и станки. К концу десятой пятилетки количество автоматизированных и комплексно-механизированных цехов и участков достигло в Дагестане 130, или увеличилось почти в 4 раза по сравнению с 1967 годом¹⁹. Для обслуживания таких участков и автоматических линий нужны не просто квалифицированные рабочие, но рабочие, обладающие инженерно-техническими знаниями. Под влиянием научно-технического прогресса, повышения образования и культуры населения республики происходит увеличение численности инженерно-технических работников и их удельного веса в промышленно-производственном персонале, который также характеризуется абсолютным ростом. Если в 1965 г. удельный вес ИТР в общей численности промышленно-производственного персонала составлял 11%, то в 1979 г. он поднялся до 13% при сохранении удельного веса рабочих на уровне 79%²⁰.

¹⁷ У ма х а н о в М.-С. И. Это и есть интернационализм. М. 1980, с. 61; Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 44.

¹⁸ У ма х а н о в М.-С. И. Ук. соч., с. 62, 63.

¹⁹ Ю с у п о в М. Ю. Дагестан индустриальный. В кн.: В семье народов-братьев. Махачкала. 1981, с. 82; Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 20.

²⁰ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 27.

Вместе с тем рост механизации и автоматизации производства и соответственно расширение сферы применения квалифицированного труда не привели еще к полной ликвидации малопродуктивного, неквалифицированного ручного труда. Немало работников промышленности ДАССР занято именно таким трудом.

Полное вытеснение тяжелого физического труда, сужение сферы применения неквалифицированного ручного труда — одно из важнейших условий повышения ведущей роли рабочего класса, совершенствования его социально-профессиональной структуры. Другой фактор, обуславливающий возрастание роли рабочего класса в общественной жизни, — рост его образовательного и культурного уровня. Косвенно об этом говорят показатели, характеризующие уровень образования городского населения. По данным переписей, число горожан с высшим, незаконченным высшим и средним специальным образованием на 1000 работающих составило в ДАССР в 1959 г. 66, в 1970 г. — 177 человек²¹.

Чем образовательный уровень рабочих выше, тем быстрее и лучше осваивают они новую технику, овладевают смежными профессиями, тем более творческим становится их отношение к труду. В решении задачи дальнейшего повышения их общеобразовательного и профессионального уровня большую роль играют различные формы профессиональной подготовки (профтехучилища, бригадное и курсовое обучение, наставничество и т. д.), система заочного обучения. Учебными заведениями системы профтехобразования ДАССР с 1960 по 1979 г. подготовлено около 35 тыс. квалифицированных рабочих. За эти же годы без отрыва от производства получили новые профессии и специальности более 145 тыс. рабочих, повысили квалификацию около 332 тыс. человек²².

Высокие результаты достигнуты и в таком важном показателе изменения условий труда и быта рабочих, как повышение их доходов, подъем материального благосостояния. Среднемесячная заработная плата рабочих республики с 83,1 руб. в 1965 г. увеличилась до 145,9 руб. в 1979 году²³. Кроме того, в рассматриваемый период были расширены льготы для работающих в трудных условиях, снижены налоги, улучшено пенсионное обеспечение, возросли выплаты из общественных фондов потребления и т. д. Из фондов материального поощрения предприятий выплачивались премии, размер которых зависел от специальности рабочего, количества и качества выполненной работы, трудового стажа. Рост реальных доходов рабочих обеспечивался также фондами социально-культурного развития и жилищного строительства. Значительно больше времени и возможностей для повышения культурно-технического уровня, организации досуга рабочих появилось в связи с переходом на пятидневную рабочую неделю с двумя выходными днями.

В рабочем классе ДАССР в 70-е годы происходили в целом те же количественные и качественные изменения, что и в рабочем классе других республик и страны в целом. Наблюдался рост квалификации рабочих, их общеобразовательного уровня, изменение характера и содержания труда. Отмечалось увеличение числа рабочих высокой квалификации, в деятельности которых много места занимают операции, требующие преимущественно умственного труда (наблюдение за автоматами или выполнение работы при помощи машин и механизмов). Удельный вес этой категории рабочих в Дагестане возрос с 35,9% в 1969 г.

²¹ Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР, с. 20; материалы текущего архива СУ ДАССР.

²² Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 156.

²³ Там же, с. 28.

до 37,1% в 1979 году. В ряде отраслей промышленности эти показатели были еще выше: машиностроение и металлообработка — 46,2% и 47,3%; деревообрабатывающая — 24,9% и 53,9%; строительных материалов — 47,8% и 51,8%²⁴ и т. д.

В количественном и особенно качественном отношении (концентрация производства, сосредоточение рабочих на крупных предприятиях, высокая организованность и сознательность) промышленные рабочие составляют ядро рабочего класса. В 1979 г. предприятия с числом рабочих и производственного персонала 501—1000 человек составили 8,7% к общему числу предприятий и произвели 16,5% валовой продукции промышленности; 1001—3000 человек — соответственно 9,1% и 23%; 3001—5000 человек — 1,3% и 6,5%; 5001 и более человек — 0,9% и 16,9%²⁵. Доля продукции, производимой крупными предприятиями, была значительно больше их удельного веса в общей численности заводов и фабрик. Вместе с тем значительная часть рабочих и производственного персонала ДАССР были заняты на мелких предприятиях города и села и в совхозах. Так, например, в 1979 г. промышленные предприятия со среднегодовой численностью производственного персонала до 50 человек составляли 27,4% от общего их количества, а от 51 до 100 человек — 17%²⁶. Как правило, такие предприятия отличались более низким уровнем профессиональной и технической подготовки рабочих.

На основе научно-технического прогресса и специализации производства в Дагестане, как и в других районах страны, в рассматриваемое время создавались крупные производственные и научно-производственные промышленные объединения. За 1975—1979 гг. их численность увеличилась в 2 раза. В 14 объединениях (62 производственные единицы и предприятия) работало 25% промышленно-производственного персонала и производилось 28% валовой продукции²⁷.

Таким образом, в условиях развитого социализма в рабочем классе ДАССР, в его внутриклассовых группах происходили важные социальные изменения, связанные с дальнейшим развитием промышленности, научно-техническим прогрессом, повышением производственно-технического, образовательного и культурного уровня рабочих. Эти изменения шли в направлении повышения политического и общественного авторитета рабочего класса — руководящей силы социалистического общества.

Большие структурные изменения происходили и в другом основном классе нашей страны — колхозном крестьянстве. Наряду с рабочим классом оно принимает активное участие в развитии производительных сил и совершенствовании всех сторон общественной жизни. «По мере индустриализации сельскохозяйственного производства, — отмечалось в отчете ЦК КПСС XXVI съезду партии, — глубокие перемены происходят в жизни колхозного крестьянства. Его труд постепенно сближается с трудом рабочих»²⁸.

Широкие меры по интенсификации сельскохозяйственного производства, в том числе колхозного, его комплексному развитию намечены в Продовольственной программе СССР, принятой майским (1982 г.) Пленумом ЦК КПСС, а также в решениях ноябрьского (1982 г.) и апрельского (1984 г.) Пленумов ЦК. Реализация аграрной политики партии, подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко на Всесоюзном экономическом совещании по проблемам агропромышленного комплекса, «требует новых подходов, решительного улучшения деятельности агропромышленных объединений, повышения уровня всей

²⁴ Там же, с. 148, 149.

²⁵ Подсчитано по материалам текущего архива СУ ДАССР.

²⁶ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 38.

²⁷ Там же, с. 22.

²⁸ Материалы XXVI съезда КПСС, с. 52—53.

экономической работы, широкого внедрения хозрасчета, коллективного подряда, использования других экономических рычагов. В общем, совершенствования всего того, что мы понимаем под управлением и хозяйственным механизмом»²⁹. Принятые партией решения нацеливают тружеников села на преодоление имеющихся недостатков, ускорение темпов развития сельского хозяйства.

Опираясь на огромную помощь Советского государства, сельское хозяйство Дагестана в рассматриваемый период также развивалось по пути индустриализации, подъема производительных сил, формирования аграрно-промышленного комплекса, сближения на этой основе колхозно-кооперативного и государственного секторов. Преобразование колхозов в совхозы, укрупнение мелких хозяйств — взаимосвязанные мероприятия, осуществлявшиеся примерно в одно время, привели к изменениям в общей численности колхозов и колхозников. В 60-е — первой половине 70-х годов проводилось укрупнение колхозов, увеличение количества дворов в них. Если в 1960 г. на один колхоз приходилось 227 дворов, то в 1975 г. — 276. В 1976—1979 гг. эти показатели держались примерно на одном уровне с небольшим снижением (266 дворов на один колхоз) к 1979 году³⁰. Число колхозов в республике с 749 в 1960 г. уменьшилось до 251 в 1979 г., а общее количество колхозных дворов со 170,2 тыс. до 62,3 тыс., или в 2,6 раза³¹.

С этими процессами связано изменение удельного веса колхозов в производстве валовой продукции сельского хозяйства. Если всеми категориями хозяйств республики в 1979 г. было произведено валовой продукции сельского хозяйства на 558,6 млн. руб., то колхозами — на 114,6 млн. рублей. Тем не менее колхозы продолжали занимать важное место в сельскохозяйственном производстве ДАССР: несмотря на значительное сокращение их числа, они произвели в 1979 г. более 22% валовой продукции³².

Развитию сельскохозяйственного общественного производства способствовало расширение и укрепление его материально-технической базы. После мартовского (1965 г.) Пленума ЦК КПСС энергетические мощности сельского хозяйства республики возросли в 5 раз, а энерговооруженность в расчете на одного сельскохозяйственного работника — более чем в 4,5 раза³³. Увеличилось число тракторов, зерноуборочных комбайнов и грузовых автомобилей. По сравнению с 1966 г. количество тракторов увеличилось на 179,5%, зерноуборочных комбайнов — на 128,8%. В 1980 г. в колхозах и совхозах работало более 11 тыс. тракторов (в физических единицах), свыше 1,8 тыс. комбайнов, 6 тыс. грузовых автомобилей, много других машин и механизмов³⁴.

Развитие производительных сил в сельском хозяйстве вело к росту производительности труда и соответственно к уменьшению численности колхозного крестьянства. Этот закономерный и в целом прогрессивный процесс был связан не только с преобразованием колхозов в совхозы, но и с ростом технической оснащенности колхозов, переходом сельского хозяйства на промышленные методы организации труда. Интенсификация и специализация в сельском хозяйстве сокращали потребности сельскохозяйственного производства в рабочих руках, высвобождали трудовые ресурсы для других отраслей народного хозяйства. 70-е годы

²⁹ Правда, 27.III.1984.

³⁰ Рассчитано по: Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР, с. 60, 136; Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 59.

³¹ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 59.

³² Там же.

³³ У ма х а н о в М.-С. И. Ук. соч., с. 76; Дагестанская правда, 20.III.1980.

³⁴ Рассчитано по: Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 66; материалы текущего архива СУ ДАССР.

характеризовались активизацией миграции жителей сел и уменьшением доли сельского населения (с 70% в 1969 г. до 61% в 1979 г.). Но эти процессы протекали на фоне абсолютного роста сельского населения ДАССР: за тот же период оно увеличилось с 747,5 тыс. до 988,2 тыс. человек³⁵. Аналогичные явления имели место в республиках Средней Азии и Закавказья. Число проживавших в сельской местности в Таджикистане увеличилось с 1959 по 1979 г. на 85,5%, Туркмении — на 76,1%, Узбекистане — на 67,7%, Киргизии — на 57,9%, Азербайджане — на 29,4%, Армении — на 17,8%, Грузии — на 3,6%. В ряде других республик и в целом по стране сельское население неуклонно сокращалось как абсолютно, так и относительно. За 1959—1980 гг. оно уменьшилось на 10,6 млн. человек, удельный вес жителей села в общем составе населения страны сократился с 52 до 37%³⁶.

Наблюдаемый в Дагестане и ряде других республик довольно высокий удельный вес сельского населения нельзя объяснить однозначно. Здесь сказывалось влияние экономического, социального, демографического факторов. В ДАССР увеличились площади, отведенные под виноградарство, садоводство и овощеводство, т. е. менее механизированные и наиболее трудоемкие отрасли сельского хозяйства, требующие большего количества работников. Сохранению высокого удельного веса сельских жителей способствовало также освоение земель на равнине за счет переселения сюда части жителей высокогорных районов и создания новых совхозов и колхозов. За годы Советской власти на равнину переехало около 180 тыс. хозяйств³⁷, что привело к вовлечению в народное хозяйство избыточной части трудовых ресурсов горных районов. Наряду с этим в последних стали открываться филиалы крупных заводов, что обеспечивало рост занятости сельского населения.

Приближение сельских условий жизни к городским (сплошная электрификация, расширение сферы и повышение уровня бытового и культурного обслуживания, растущая обеспеченность средствами массовой информации, распространение радио и телевидения, развитие современного транспорта и дорог, облегчающее общение сельчан с горожанами, городской культурой) влияло на общественное мнение, ориентировавшееся ранее на городскую жизнь. Ориентация на сельскую жизнь поддерживалась также национальными традициями, исторически сложившейся спецификой жизненного уклада, родственными связями и большими семьями. По данным переписи 1970 г., средний размер сельской семьи в ДАССР составил 4,9 человека (в среднем по стране — 4 человека, по РСФСР — 3,8)³⁸. Как показывают данные переписи 1979 г., средний размер дагестанской сельской семьи остался прежним. Эти факторы в той или иной мере влияли на сохранение в республике довольно высокого удельного веса сельского населения и оказывали воздействие на его рост.

Дальнейший прогресс сельского хозяйства, рост его энерговооруженности, интенсификация и механизация труда, создание крупных агропромышленных комплексов предъявляли повышенный спрос на работников высокой квалификации, механизаторские кадры, специалистов, ранее неизвестных селу. В Дагестане в 1979 г. функционировали 4 агропромышленных объединения, 22 межхозяйственные организации по откорму скота, производству кормов, по совместному использованию техники и т. д.³⁹. Если в 1965 г. в республике было подготовлено не-

³⁵ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 9.

³⁶ Тюрин А. П. Социально-экономическое развитие деревни в 1965—1980 годы. М. 1982, с. 52—53, 63; Правда, 22.IV.1979.

³⁷ Дагестанская правда, 23.V.1979.

³⁸ Тюрин А. П. Ук. соч., с. 64.

³⁹ Дагестанская правда, 23.V.1979.

многим более 2 тыс. механизаторов, то начиная с 1975 г. — ежегодно по 5—6 тыс. человек. Всего с 1965 по 1979 г. было подготовлено около 33 тыс. механизаторов⁴⁰. Появились новые для села специалисты — животноводы на механизированных фермах, мастера-наладчики, слесари по ремонту, мастера машинного доения, работники по переработке продукции, птицеводы и т. д. Их труд по своему характеру все более приближался к труду работников, занятых в промышленности; в их работе все более сочетался физический и умственный труд. Потребности села в специалистах подобного рода с каждым годом увеличивались, поэтому отмечалась тенденция роста этой группы сельского населения.

На основе неуклонного повышения благосостояния трудящихся и выравнивания доходов классов и социальных групп устранялись различия между рабочими и крестьянами в области распределения. Если реальные доходы рабочих и служащих (в расчете на одного работающего) в 1979 г. по сравнению с довоенным периодом увеличились в 3,9 раза, то у колхозников они выросли в 6,7 раза⁴¹. Сближались также (а во многих случаях и сравнивались) заработки колхозников и соответствующих категорий рабочих совхозов. На повышение благосостояния колхозного крестьянства были направлены такие меры государства, как совершенствование пенсионного обеспечения и социального страхования. Размеры пенсий колхозников приблизились к уровню пенсий рабочих и служащих. Ассигнования на выплату пенсий и пособий трудящимся Дагестана увеличились в 1979 г. по сравнению с 1937 г. в 783 раза и составили более 131 млн. рублей⁴².

Происходили коренные преобразования в культуре и быте крестьянства, в его социальном облике. На этапе развитого социализма жизнь села характеризуется не только ростом числа культурно-просветительных учреждений, но и повышением качества культурного обслуживания сельских тружеников. В их быт наряду со ставшими традиционными радио, кино, концертами самодеятельности в рассматриваемый период прочно вошли телевидение, гастрольные спектакли театров. Центрами организации досуга, распространения политических и научных знаний продолжали оставаться дома и дворцы культуры. Число библиотек в сельской местности увеличилось с 704 в 1965 г. до 850 в 1979 г., клубов соответственно — с 915 до 1093, киноустановок — с 697 до 1029⁴³. Широкое распространение на селе получили различные мастерские, ателье, столовые и другие предприятия сферы обслуживания. Рост их числа в сельской местности происходил значительно быстрее, чем в городах. Если с 1965 по 1979 г. число мастерских и ателье в городах ДАССР увеличилось в 1,7 раза, то в сельской местности — в 2,8 раза⁴⁴.

Развитие двух дружественных классов — рабочего класса и колхозного крестьянства, в том числе их национальных отрядов, на этапе развитого социализма идет по пути преодоления существенных различий между ними. В основе их сближения лежит комплексная механизация и автоматизация производства, рост культурно-технического уровня рабочих и крестьян.

Значительные изменения происходят и в социальной структуре советской интеллигенции. Наблюдается быстрый рост численности и доли интеллигенции и служащих, т. е. работников, профессионально занятых умственным трудом высокой и средней квалификации. Если

⁴⁰ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 118.

⁴¹ Правда, 21.XI.1980.

⁴² Дагестанская правда, 23.V.1979; 24.VI.1982.

⁴³ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 185.

⁴⁴ Там же, с. 172, 173 (подсчет автора).

в 1960 г. интеллигенция составляла 10,4% населения страны, то в 1980 г. — 23%⁴⁵. Эти явления характерны и для республик, в том числе Дагестана. Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием в его народном хозяйстве увеличилась с 34,4 тыс. человек в 1960 г. до 117,5 тыс. в 1979 г.; количество специалистов с высшим образованием соответственно — с 13,2 тыс. до 49 тыс. человек⁴⁶, или более чем в 3,7 раза. Отдельные отряды интеллигенции республики росли еще более высокими темпами. Количество научных работников в ДАССР с 1961 по 1980 г. увеличилось более чем в 7,4 раза, специалистов сельского хозяйства с 1960 по 1979 г. — в 11,4 раза, врачей — в 3,5 раза и т. д.⁴⁷ В рядах интеллигенции возросло количество высококвалифицированных специалистов. Если в 1961 г. в республике было всего 6 докторов и 92 кандидата наук, то в 1980 г. соответственно — 123 и 1303. Три дагестанских ученых стали членами-корреспондентами Академии наук, Академии медицинских наук и Академии педагогических наук СССР. Немало специалистов с учеными степенями работает в промышленности, сельском хозяйстве и других отраслях народного хозяйства республики.

В условиях развитого социализма одним из важнейших источников пополнения интеллигенции остаются рабочие и колхозники. Особое значение в этом плане имеет выдвижение на руководящую работу передовых, наиболее подготовленных людей из их числа. В составе рабочего класса росла доля тех, кто был занят трудом, приближающимся по своему характеру к интеллектуальному. Число лиц с высшим образованием, занятых в промышленности республики, увеличилось в 1977 г. по сравнению с 1965 г. в электроэнергетике в 4,8 раза, машиностроении и металлообработке — в 3,1 раза, химической и нефтехимической промышленности — в 9,2 раза, топливной — в 3,8 раза, лесной и деревообрабатывающей — в 3,2 раза, промышленности строительных материалов — в 5,5 раза, легкой — в 2,3 раза, пищевой — в 3,2 раза⁴⁸. Как видно из этих данных, более высокими темпами увеличивалась прослойка инженерно-технических работников в ведущих отраслях промышленности.

В дагестанском ауле росло число высококвалифицированных работников, труд которых все более наполнялся интеллектуальным содержанием. Председатели колхозов, директора совхозов, их заместители, агрономы, ветврачи, зоотехники, экономисты, инженеры, механики, бухгалтеры, заведующие фермами, бригадиры и другие представители сельской интеллигенции занимались высококвалифицированным, умственным трудом, для выполнения которого требовалось специальное образование. В решениях мартовского (1965 г.) и майского (1982 г.) Пленумов ЦК КПСС были намечены меры по формированию в деревне нового типа руководителя, повышению роли специалистов сельского хозяйства, подъему уровня хозяйственно-политической и социальной зрелости сельской интеллигенции. Численность специалистов с высшим и средним специальным образованием в сельском хозяйстве ДАССР увеличилась с 3950 в 1965 г. до 13 827 в 1979 году⁴⁹. В 1982 г. 84% председателей колхозов имели высшее и среднее сельскохозяйственное образование⁵⁰.

Количественные и качественные изменения состава советской интеллигенции свидетельствуют о возрастании ее удельного веса и роли

⁴⁵ См. Вопросы истории. 1982, № 8, с. 12.

⁴⁶ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 145.

⁴⁷ Народное хозяйство Дагестанской АССР к 50-летию образования СССР, с. 177; Дагестанская правда, 20.XII.1980; материалы текущего архива СУ ДАССР.

⁴⁸ Народное хозяйство Дагестанской АССР за 60 лет, с. 145—146.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Дагестанская правда, 24.VI.1982.

в жизни советского общества. Все более существенным становится ее вклад в развитие экономики, в повышение образовательного и культурного уровня нашего народа. Направляемый Коммунистической партией объективный процесс укрепления союза трех основных социальных сил советского общества — рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции — обеспечивает его развитие по пути социальной однородности. Дальнейшее совершенствование социальной структуры наций и народностей СССР предполагает последовательное сочетание их интересов с интересами всего Союза.

На этапе развитого социализма важные изменения происходят и в составе таких групп населения, как женщины, молодежь, пенсионеры.

В условиях тех национальных республик СССР, где в дореволюционном прошлом женская часть населения была забитой и отсталой, партия продолжает уделять особое внимание вовлечению женщин в общественно-политическую и хозяйственную деятельность. На всех участках народного хозяйства ДАССР, как и в других республиках страны, наравне с мужчинами плодотворно трудятся женщины. Они составляют более 50% рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве Дагестана, а в ряде отраслей — подавляющее большинство работников (в здравоохранении — 80%, в сфере торговли и быта — 63%). Более 160 женщин имеют ученую степень кандидатов и докторов наук. Активно участвуют женщины в деятельности партийных, советских и общественных организаций республики. В городских и районных комитетах партии они составляли в рассматриваемый период 32,1%, среди депутатов местных Советов — 50,6%. Многие женщины занимают ответственные посты в республиканских учреждениях и организациях. 20 горянок за самоотверженный труд удостоены звания Героя Социалистического Труда, многие награждены орденами и медалями СССР⁵¹.

Другая общественная группа населения ДАССР — молодежь — в 70-е годы тоже активно участвовала в хозяйственной и общественной жизни, успешно трудится в сфере экономики, науки, культуры и т. д. О масштабе общественно-политической активности молодежи свидетельствует тот факт, что в 1979 г. более 33,2% депутатов Советов составляла молодежь⁵².

Пенсионеры, имея право на заслуженный отдых, в значительной своей части также заняты производственной деятельностью. В Дагестане количество лиц, получивших пенсии, достигло в 1937 г. 66 тыс., а в 1979 г. 296 тысяч⁵³. Увеличение числа пенсионеров явилось прежде всего результатом социальной политики партии, направленной на создание благоприятных условий для работы и отдыха людей, улучшение их материального благосостояния. Увеличение продолжительности жизни советских людей, снижение границ пенсионного возраста, пенсионное обеспечение колхозников, предоставление льгот при назначении пенсии работникам ряда отраслей народного хозяйства, повышение пособий и надбавок к пенсиям и другие меры Советского государства позволили все более широкому кругу лиц пользоваться пенсиями и в то же время участвовать в трудовой деятельности.

Благодаря социальной политике Коммунистической партии, Советского государства, основной целью которой является всемерное повышение материального и культурного уровня жизни народа на базе преодоления существующих различий между городом и деревней, расширения взаимопомощи рабочего класса, колхозного крестьянства и советской интеллигенции, достигнуты новые рубежи в экономическом и социальном развитии Дагестана, как и всей нашей страны. Социальная струк-

⁵¹ Там же, 9.VII.1982.

⁵² Там же, 23.V.1979.

⁵³ Там же.

тура республики в рассматриваемый период соответствовала социальной структуре страны в целом. Вместе с тем в республике сохранялись и некоторые особенности: несколько иное количественное соотношение классов и социальных групп, городского и сельского населения, некоторые различия в содержании и степени распространения квалифицированного и неквалифицированного труда, в динамике воспроизводства населения и т. д.

70-е годы в жизни ДАССР отмечены значительными достижениями в промышленности, сельском хозяйстве, культуре и науке, что привело к важным изменениям в классах и социальных группах населения. Наблюдался абсолютный рост численности рабочего класса, при этом особенно высокими темпами в тех отраслях, от которых зависит технический прогресс во всем народном хозяйстве. Значительно вырос сельскохозяйственный отряд рабочих Дагестана. Увеличение удельного веса рабочего класса в населении республики отражает возрастание его руководящей роли в жизни общества. Колхозное крестьянство, хотя и уменьшилось численно, продолжало играть важную роль в сельском хозяйстве и общественно-экономической жизни Дагестана. Увеличивалось количество механизаторских кадров, появились новые, не характерные ранее для села специальности. Вместе с ростом экономики колхозов происходили важные изменения во всем социальном укладе, жизни и быте колхозников. Отмечался рост численности и доли интеллигенции и служащих в населении республики. При этом особенно высокими темпами увеличивалась в составе интеллигенции прослойка высококвалифицированных специалистов — научных работников, специалистов сельского хозяйства, врачей и т. д.

Изменения в социальной структуре Советского Дагестана — яркий пример плодотворности тех преобразований, которые осуществляются в нашей стране на этапе развитого социализма и способствуют укреплению социальной и идейно-политической сплоченности советского народа. В документах и материалах XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК КПСС и других партийных документах намечена последовательная программа достижения социальной однородности советского общества. «Партия и государство способствуют усилению социальной однородности, ведут последовательный курс на дальнейшее стирание существенных различий между городом и деревней, работниками умственного и физического труда»⁵⁴. Изменения, происшедшие в социальной структуре Дагестанской АССР за 70-е годы, свидетельствуют о том, что этот процесс происходит благодаря ленинской национальной политике КПСС, дружбе и взаимопомощи всех народов нашей страны и направлен на усиление социальной однородности общества.

⁵⁴ О 80-летию Второго съезда РСДРП. Постановление ЦК КПСС. 31 марта 1983 года. М. 1983, с. 7.

АМЕРИКАНСКАЯ БУРЖУАЗНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РУССКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОРОДА

Б. Н. Миронов

Современные американские историки изучают многие стороны истории русского города периода феодализма. Более всего их внимание привлекают такие аспекты городской жизни России, как городской строй, управление городом, городская автономия, государство и город, городские реформы, место города в социально-политической структуре общества, город и природа русского общества, городская буржуазия, менталитет горожан. Как правило, изучение города происходит в сравнительно-историческом плане, под углом зрения выяснения общего и особенного в истории русского и западноевропейского города, с целью получить ответы на следующие вопросы: насколько и в каких проявлениях русский город был похож на западноевропейский и насколько и в каких аспектах он от последнего отличался? В свою очередь, ответы на эти вопросы рассматриваются в контексте фундаментальных проблем о путях развития России и Запада, о причинах и судьбах российских революций начала XX века.

Хотя многие идеи, господствующие в американской славистике, восприняты от русской либерально-буржуазной историографии, было бы неверно думать, что в настоящее время все американские авторы остаются эпигонами наших дореволюционных историков. Созревшие американские руссисты вырабатывают собственные подходы, применяют порой оригинальную методику исследования, используют иные, чем прежде, концептуальные рамки анализа. Эти новые тенденции, нашедшие отражение и в городоведческих работах, до сих пор не привлекали внимания советских исследователей¹. Между тем они заслуживают серьезного анализа по двум причинам. Во-первых, наиболее распространенные идеи в американском городоведении направлены против марксистской историографии, а историки, их разделяющие, вольно или невольно преследуют политические задачи — доказать неприемлемость для остального мира, прежде всего для Запада, советской модели развития ввиду якобы несхожести исторического процесса в России и западноевропейских странах до Октябрьской революции. Во-вторых, определенная часть американских историков высказывает позитивные идеи, которые представляют определенный интерес для советских исследователей.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы рассмотреть именно эти новые тенденции в американских работах о русском феодальном городе.

В настоящее время в американской славистике преобладает точка зрения, согласно которой, русский феодальный (доиндустриальный) го-

¹ Последние работы по зарубежной историографии русского феодального города появились более 20 лет назад: Клокман Ю. Р. Русский город в современной буржуазной историографии. В кн.: Критика буржуазных концепций истории России периода феодализма. М. 1962; Хорошкевич А. Л. Русский город XI—XVI вв. в современной буржуазной науке. — Там же.

род представлял полную противоположность западноевропейскому и играл скорее негативную роль в истории страны; урбанизация в России происходила иначе, чем на Западе; горожане были бедны, имели особый небуржуазный менталитет и не оказывали сколько-нибудь существенного влияния на судьбу своей страны². Что же, по мнению сторонников данной концепции, препятствовало успешному развитию русского города и русской буржуазии в феодально-крепостническую эпоху? Русская буржуазия, полагают они, была невелика по составу, бедна и невлиятельна.

Собственно городские сословия — купечество и мещанство — действительно были в России сравнительно малочисленны: в 1678 г. — около 500 тыс. человек (3% всего податного населения страны), в 1795 г. — 1542,6 тыс. человек (4,2%) и в 1857 г. — 3688,4 тыс. человек (6,4%)³. Однако американские авторы не учитывают, что торгово-промышленной деятельностью довольно активно занимались другие сословия, в особенности крестьянство, на долю которого приходилось около трети постоянного городского населения⁴, и не принимают во внимание объема деятельности и величины капиталов русских предпринимателей. Кроме того, американские историки явно недооценивают степени урбанизированности России. Свою оценку они основывают на учете только численности городских сословий, при сопоставлении же русского города с западноевропейским в последнем учитывают все проживавшее там население, причем для сравнения обычно берут наиболее урбанизированные страны. В результате получаются невыгодные для русского города соотношения. Например, к концу XVIII в. в России в городах проживало около 4%, во Франции, по разным оценкам, — от 10 до 16%, в Англии — 21%⁵. Однако если учесть все постоянное городское население и для России, то окажется, что к концу XVIII в. там проживало, по разным оценкам, от 7,5 до 10% населения страны⁶. Отсюда следует, что до XIX в. Россия по численности городского населения не отставала от большинства западных стран: в 1800 г. процент городского населения

² Baron S. H. The Town in «feudal» Russia. — *Slavic Review*, 1969, vol. 28, pp. 116—122; Pipes R. Russia under the Old Regime. N. Y. 1974, pp. 191, 202—203, 207; Fedor Th. S. Patterns of Urban Growth in the Russian Empire during the Nineteenth Century. Chicago. 1975, pp. 173—178; Miller D. H. State and City in Seventeenth Century Muscovy. In: *The City in Russian History*. Lexington. 1976, pp. 34—52; Daniel W. The Merchants' View of the Social Order. — *Canadian-American Slavic Studies*, 1977, Vol. 11, № 4, pp. 503—522; ejusd. The Merchant and the Problem of Social Order in the Russian State. — *Slavonic and East European Review*, April 1977, Vol. 55, № 2, pp. 185—203; Eaton H. L. Decline and Recovery of the Russian Cities from 1500 to 1700. — *Canadian-American Slavic Studies*, 1977, Vol. 11, № 2, pp. 220—252; Hittle J. M. The Service City. State and Townsman in Russia, 1600—1800. Cambridge. 1979.

³ Кабузан В. М. Изменения в размещении населения России в XVIII—первой половине XIX в. М. 1971, с. 118, 177; Водарский Я. Е. Население России за 400 лет (XVI — начало XX вв.). М. 1973, с. 36.

⁴ Шапиро А. Л. Крестьянская торговля и крестьянские подряды в петровское время. — *Исторические записки*, 1948, т. 27; Бахрушин С. В. Торговые крестьяне в XVII в. — В кн.: Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 2. М. 1954, с. 118—139; Рындзюнский П. Г. Крестьяне и город в дореформенной России. — *Вопросы истории*, 1955, № 9; его же. Городское гражданство дореформенной России. М. 1958, с. 52—95; Волков М. Я. Формирование городской буржуазии в России XVII—XVIII вв. В кн.: *Города феодальной России*. М. 1966; Свиридов Н. С. Торгующие крестьяне конца крепостной эпохи. — *История СССР*, 1969, № 5; см. также: Morrison D. «Trading Peasants» and Urbanization in Eighteenth Century Russia. Columbia University. 1981.

⁵ Woytinsky Wl. Die Welt in Zahlen. Bd. 7. Berl. 1928, S. 147; Rozman G. Urban Networks in Russia 1750—1800 and Premodern Periodization. Princeton. 1976, p. 245.

⁶ Кабузан В., Пулат Р. Обзор статистических источников о численности и составе городского населения России XVIII — начала XX в. (1719—1917 гг.). — *Известия АН ЭССР, общественные науки*, 1975, т. 24, № 2, с. 153; Storch H. Statistisch Übersicht der Stathalterschaften des Russischen Reichs. Riga. 1795, S. 123.

составил в США 3,8, в Ирландии — 7,7, Австрии — 4,4, Швеции — 3,9, Дании — 10,9, Норвегии — 3,3% ⁷.

Для правильной оценки степени урбанизированности страны следует учитывать не только численность городского населения, но также и другие показатели, в частности долю населения, проживавшего в крупных городах, и системность, взаимосвязанность городской сети ⁸. Социологи, географы и экономисты установили, что чем значительнее доля населения, проживающего в крупных городах, тем большую роль играют города в жизни страны, тем сильнее развита сама городская жизнь. По концентрации городского населения Россия в рассматриваемое время превосходила, пожалуй, все европейские страны. Например, в 1811 г. в Петербурге и Москве проживало около 22%, а в пяти городах с населением более 50 тыс. человек — 28% всего городского населения страны ⁹. В прямой связи с урбанизированностью находится также системность городской сети: такая структура городов, в которой они утрачивают экономическую и административную автономность и становятся элементами взаимосвязанного целого, единого народнохозяйственного и политического организма. Города, сложившиеся в подобную систему, воздействуют на экономическую и социально-культурную жизнь деревни несравненно сильнее, чем автономные города, влияющие каждый порознь. Как показали исследования, уже во второй половине XVIII в. российские города как промышленные и торговые центры образовывали взаимосвязанную систему под главенством Москвы ¹⁰, политическая и административная централизация была достигнута двумя столетиями ранее ¹¹. Немногие страны Западной Европы обладали подобной централизацией, системностью и взаимосвязанностью своих городов в феодальную эпоху.

Умаление американскими славистами значения русских городов происходит также из-за преувеличения ими торгово-промышленной функции доиндустриального города и недостаточного внимания к другим его функциям. А между тем представление о феодальном городе как о пункте исключительно торгово-промышленном крайне узко ¹² и может привести к неверному пониманию его роли. Общеизвестно, что город выполняет военную, торговую, промышленную, культурную, административно-политическую функции ¹³. Относительное значение торговой и промышленной функции русского феодального города было, вероятно, действительно меньшим, чем западноевропейского (в значительной степени вследствие того, что в России в отличие от Запада эти в некоторых странах традиционно городские функции успешно выполняла деревня). Зато остальные функции русский город осуществлял весьма успешно, а в отношении административно-политической и военно-оборонной функций, вероятно, превосходил западный город ¹⁴. Это

⁷ Woytinsky Wl. Op. cit., S. 147.

⁸ Полян П. М. Урбанизированность и методы ее оценки. — Известия АН СССР, серия географии, 1980, № 5.

⁹ Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811—1913). М. 1956, с. 86, 93.

¹⁰ Миرونцов Б. Н. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Л. 1981, с. 235—242.

¹¹ Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М. 1960, с. 895—896.

¹² Баранский Н. Н. Становление советской экономической географии. Избранные труды. М. 1980, с. 211; см. также: Mundy J., Riesenbergh P. The Medieval Town. N. Y. 1958, pp. 7—8; Mumford L. The City in History, Its Origins, its Transformations and its Prospects. N. Y. 1961, p. 571; Burke P. Some Reflections on the Preindustrial City. — Urban History Yearbook, 1975, pp. 13—21.

¹³ Божё-Гарнье Ж. и Шабо Ж. Очерки по географии городов. М. 1967, с. 104—115.

¹⁴ Сахаров А. М. Города Северо-Восточной Руси XIV—XV веков. М. 1959, с. 189—190; Клякман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. М. 1967, с. 33.

различие в относительном значении отдельных функций русского и западноевропейского города хорошо просматривается в профессиональной и социальной структуре городского населения. В русском городе доля дворянства, чиновников, духовенства, военных, крестьян больше, чем в западноевропейском, а купечества, ремесленников, банкиров, промышленников — соответственно меньше. Таким образом, судя по одним функциям, можно сказать, что западный город отставал от русского, судя же по другим, можно говорить об отставании русского города. Разумеется, и тот и другой выводы исторически ограничены. Однако различия в относительном значении функций русского и западного города оказало существенное влияние на судьбы того и другого.

Вследствие относительного преобладания на ранних стадиях истории русского города его оборонно-административных функций торговля и особенно ремесло и промышленность не концентрировались преимущественно в пределах городских стен, как это было в большинстве стран Западной Европы, а вплоть до XX в. более или менее равномерно распределялись между городом и деревней. Существовала интенсивная маятниковая миграция сельских жителей в город¹⁵ и в меньшей степени — горожан в сельскую местность¹⁶. Подобные отношения между городом и деревней затрудняли, но не исключали разделение труда и отделение города от деревни, замедляли, но не ставили непреодолимых препятствий для образования специфического городского строя и обретения горожанами политических свобод и экономических привилегий, способствовали развитию русского общества по линии политической и экономической централизации и гомогенности.

На Западе благодаря преобладанию торгово-промышленных функций города¹⁷ буржуазия и капитал концентрировались главным образом в его черте¹⁸, что в конечном итоге чрезвычайно способствовало ускоренному формированию в нем особого городского строя и автономии городов в системе государства, доходившей порой до полной независимости. Однако в России в силу особых политических условий (постоянная военная опасность извне) подобное развитие городов помешало бы не только так необходимой для русского народа централизации государства ради обретения им политической независимости и самостоятельности, но могло бы даже привести к утрате национальной самобытности. Вследствие этого развитие русских городов пошло в направлении ограничения автономии городов, наблюдавшейся в киевский период, полного и органичного включения их в систему централизован-

¹⁵ Заозерская Е. И. Бегство и отход крестьян в первой половине XVIII в. В кн.: К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII—XVIII вв.). М. 1958; Плющевский Б. Г. Разработка вопроса о крестьянских отхожих промыслах периода разложения крепостничества в советской исторической науке. В кн.: Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967. Вып. I. История СССР. Свердловск. 1967.

¹⁶ Систематические сведения о маятниковой миграции городских сословий в деревню имеются только за вторую половину XIX века. Согласно данным переписи населения 1897 г., в сельской местности по Европейской России проживало 20,3% купеческого и 47,4% мещанского сословий, а в городах — 6,6% крестьянского сословия (Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения 1897 года. I. СПб. 1905, с. 160—161).

¹⁷ В западноевропейских городах, как и в русских, бюргеры долгое время занимались хлебопашеством, садоводством, огородничеством, скотоводством, а города выполняли военные, административные, культурные и другие функции. Поэтому речь может идти лишь об относительном преобладании торгово-промышленных функций (см. Кулишер И. Т. Лекции по истории экономического быта Западной Европы. СПб. 1913, с. 116, 121). Точно так же в отношении русских городов следует говорить об относительном преобладании оборонно-административных функций на ранних стадиях их развития.

¹⁸ Хотя сельская промышленность в Западной Европе была развита повсеместно: Kellenbenz H. Rural Industries in the West from the End of the Middle Ages to the Eighteenth Century. In: Essays in European Economic History. 1500—1800. Oxford. 1974, pp. 45—88.

ного государства. Именно поэтому города не превратились в антагонистов центральной власти, как это было в ряде стран Западной Европы.

Таким образом, преобладание тех или иных функций городов на ранних стадиях их существования, в значительной степени предопределявшее направление их дальнейшего развития, объясняется не какими-то внутренними свойствами, присущими русским, французским, немецким и т. п. городам, не национальным характером и менталитетом того или иного народа, а своеобразием условий, в которых приходилось развиваться городам отдельных стран. При комплексном подходе есть все основания утверждать, что русские города имели столь же большое позитивное значение в истории России, как и западноевропейские города — в истории Запада¹⁹. С помощью русского города образовалось мощное централизованное абсолютистское государство, отстаивавшее свою политическую независимость²⁰; город играл исключительную роль в религиозных и культурных делах, в создании условий для образования русской народности и превращения ее в русскую нацию²¹; система русских городов позволила российской буржуазии создать единый национальный рынок и объединить отдельные части страны в целостный народнохозяйственный организм, действующий на основе общественного и географического разделения труда²².

Важное место в аргументации американских историков занимает тезис о полном отсутствии самоуправления в русских городах²³. Факты, в том числе давно отмеченные в дореволюционной литературе, свидетельствуют, однако, о том, что «ни в одну эпоху нашей истории устройство местного управления не обходилось без участия представителей самого местного населения»²⁴. Государственный аппарат был слишком слаб, чтобы полностью взять управление в свои руки даже в XVIII веке. Поэтому правительственные агенты осуществляли управление на местах, опираясь на выборных представителей посадских миров, что было твердо установлено еще в дореволюционной историографии²⁵. Характер, формы и степень причастности посадских общин к местному управлению со временем изменялись, однако полиция, суд и в особенности финансовое управление, как правило, функционировали при их участии, и поэтому, несмотря на сильную правительственную опеку, местная власть не была полностью отчуждена от горожан, во всяком случае от их верхнего слоя — купечества²⁶. Более того, обязанности по

¹⁹ Клокман Ю. Р. Русский город XVIII в. и эволюция городского строя Западной Европы. В кн.: *Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе*. М. 1972.

²⁰ Черепнин Л. В. К вопросу о роли городов в процессе образования Русского централизованного государства. В кн.: *Города феодальной России*, с. 105—124.

²¹ Дмитриев С. С. К вопросу об образовании и основных этапах развития русской нации. — *Вестник МГУ*, серия 9, история, 1955, № 11; Тихомиров М. Н. *Русская культура X—XVIII веков*. М. 1968; *Очерки русской культуры XVI века*. Ч. I. М. 1977; *Очерки русской культуры XVII века*. Ч. I. М. 1979, с. 22—24.

²² Рубинштейн Н. Л. Территориальное разделение труда и развитие всероссийского рынка. В кн.: *Из истории рабочего класса и революционного движения*. М. 1958, с. 88—100; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, с. 373—389; Тверская Д. И. К вопросу о роли купечества в процессе формирования всероссийского рынка в XVII в. В кн.: *Нозое о прошлом нашей страны*. М. 1967; Шапиро А. Л. Проблемы социально-экономической истории Руси XIV—XVI вв. Л. 1977, с. 109—120.

²³ Baron S. The Town in «feudal» Russia, p. 121; Miller D. H. Op. cit., pp. 30—31; Pipes R. Op. cit., pp. 191, 203; Langer L. N. The Medieval Russian Town. In: *The City in Russian History*, pp. 30—31; Lincoln W. B. N. A. Miliutin and the Sh. Petersburg Municipal Act of 1846: A Study in Reform under Nicholas I. — *Slavic Review*, 1974, vol. 33, March, pp. 55—68; Hittle J. M. Op. cit., pp. 237—242.

²⁴ Кизеветтер А. А. Местное самоуправление в России. IX—XIX ст. Исторический очерк. Пг. 1917, с. 117.

²⁵ См., напр.: Богословский М. М. Земское самоуправление на русском Севере в XVII в. Чч. 1—2. СПб. 1909—1912; Кизеветтер А. А. Ук. соч., с. 40—42, 52, 70—71, 89, 100—101.

²⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М. 1956, с. 214—232; Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, с. 54—76, 109—121;

городскому самоуправлению были так велики и обременительны, что посадское население, редко получая за свои труды материальное вознаграждение, уклонялось от их выполнения. Тем не менее практически все взрослое мужское посадское население по очереди так или иначе участвовало в управлении городом.

Парадоксальность (с точки зрения западноевропейских традиций) ситуации, когда общественные дела выполнялись добровольно-принудительно, а на общественные должности выбирали по очереди практически всех взрослых мужчин, когда права граждан превращались в обязанности, а выполнение общественного долга — в тяжелую государственную службу, когда местные дела рассматривались как неотъемлемая часть общегосударственных задач, а выборный представитель местного общества — как представитель центральной власти, не понята американскими историками. Не обнаружив западной модели самоуправления и не допуская мысли, что может существовать какая-либо иная, они стали на путь отрицания всякого вообще самоуправления в городском общественном быте России.

Сравнение самоуправления в русских и западноевропейских городах в феодальную эпоху обнаруживает важные, но не принципиальные различия. Главная особенность самоуправления в русских городах состояла в том, что оно осуществлялось в условиях сильного правительственного контроля и смешения управления общегосударственными и местными делами; отдельные сословия, а в больших городах — сословно-территориальные общины осуществляли самоуправление порознь, слабо координируя свою деятельность; всесословное общегородское общество и общегородская система самоуправления сложились поздно, в 1785 году²⁷. Однако отсутствие организационного единства, целостности городского общества наблюдалось на ранних стадиях развития города и в западноевропейских странах, объединение множества городских корпораций бюргеров в единое целое — в особую привилегированную местную общину-коммуну с автономными правами — произошло тоже далеко не сразу и не везде, государственное вмешательство в жизнь городских коммун имело место и на Западе (в одних странах больше, в других — меньше)²⁸. Но степень и характер разнородности и последующей сплоченности городского общества, так же как и мера вмешательства государства в дела городских обществ в России и в большинстве западноевропейских стран, были различными.

Своеобразный тип русского городского самоуправления был тесно связан с наличием сильной политической централизации государства. Было бы неправильно, однако, усматривать в этом только негативную сторону. Правительство централизованного, хотя и крепостнического, государства могло проводить эффективную внутреннюю экономическую политику, поощрять административными и финансовыми мерами, субсидиями и кредитом развитие промышленности и торговли, защищать интересы национального капитала на внешнем рынке. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить Голландскую республику и Россию XVII —

Рафиев Л. С. Посадские сходы в Сибири XVIII в. В кн.: Города Сибири. Новосибирск, 1974; Рындзюнский П. Г. Сословно-податная реформа 1775 г. и городское население. В кн.: Общество и государство феодальной России. М., 1975; Богоявленский С. К. Научное наследие. О Москве XVII века. М., 1980, с. 74—105.

²⁷ Дитятин И. И. Устройство и управление городов России. Т. 1. СПб., 1875, с. 500—507; Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. I. СПб., 1896, с. 184—185; Кизеветтер А. А. Посадская община в России XVIII ст. М., 1903, с. 797—799; Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII в. М., 1956, с. 160—163; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 48, 384—385.

²⁸ Кулишер И. М. Ук. соч., с. 116—118; Кареев Н. И. История Западной Европы в новое время. Т. III. СПб., 1913, с. 53, 90—91, 120—121; Ястребицкая А. Л. Западноевропейский город в средние века. — Вопросы истории, 1978, № 4.

XVIII веков. По мнению западных исследователей, федеральная система Голландии, основанная на широкой автономии городов и провинций, представляла серьезное препятствие для образования современного индустриального общества. Страна, состоявшая из множества почти суверенных единиц, не в состоянии была проводить единую экономическую, финансовую и внешнюю политику. Правительство республики, располагавшее весьма скромным бюджетом, не могло финансировать строительства флота, дорог, поощрять промышленное предпринимательство, не имело силы заставить иностранные правительства предоставить льготы голландским судам в своих портах, а голландским товарам — на своих внутренних рынках²⁹. Напротив, в централизованной крепостнической России первой четверти XVIII в. правительству удалось принять эффективные меры для развития отечественной промышленности и торговли.

Для объяснения отсталости и своеобразия городского развития в России американские буржуазные историки используют и веберовскую концепцию «патримониального общества», под которую они (в противоречии с М. Вебером³⁰) подводят русское общество XIII—XVIII веков. Согласно этим взглядам, управление страной являлось частным делом князей, затем царей. Источником политической власти служила верховная собственность на землю, т. к. не проводилось различия между собственностью и властью. Вся страна рассматривалась как двор (хозяйство) правителя, поэтому решение всех политических, экономических и других вопросов считалось его личным делом. Права отдельных лиц или социальных групп понимались как привилегии, дарованные правителем или отнятые у него. В пределах традиционных обычаев страны правитель действовал по своему усмотрению в отношении своих подданных, которые все, включая должностных лиц, считались его слугами.

По мнению американских буржуазных историков, патримониальный режим оказал глубокое воздействие на судьбу русского феодального города. Городские сословия, как и сельские, оказались закрепощенными, они не владели недвижимой собственностью, т. к. даже торговые склады и лавки им фактически не принадлежали. Царь стремился использовать минеральные и энергетические источники исключительно в своих целях, ставя непреодолимые препятствия для развития городской промышленности и торговли. Городские сословия и экономика были подчинены требованиям царя, сам город превратился в служилый город, т. е. функционировал не во имя личного благосостояния граждан, а во имя государственных потребностей. Возможности для его развития были крайне ограничены. В противоположность этому на Западе в средневековье существовало не патримониальное, а феодальное общество, которое основывалось на концепции закона, на договорных отношениях между свободными людьми, на признании за отдельными гражданами права собственности. Именно поэтому феодализм способствовал образованию корпоративных организаций граждан, развитию городского самоуправления и городских свобод, в конечном итоге — успешному развитию западноевропейского города³¹.

²⁹ Бааи Э. История экономического развития Голландии. М. 1949, с. 48—49; Swart K. W. Holland's Bourgeoisie and the Retarded Industrialization of the Netherlands. In: Failed Transitions to Modern Industrial Society: Renaissance Italy and Seventeenth Century Holland. First International Colloquium, April 18—20, 1974. Proceedings. Montreal, 1975, pp. 44—45.

³⁰ По М. Веберу, патримониальный тип общества имел место в Византии, в странах Передней Азии и в Египте до эпохи мамелюков (Weber M. Staatssoziologie. Brl. 1966, S. 104).

³¹ Murvar V. Max Weber's Typology and Russia.— Sociological Quarterly, № 8, 1967, pp. 481—494; ejusd. Patrimonial—Feudal Dichotomy and Political Structure in Prerevolutionary Russia.— Sociological Quarterly, 1971, Vol. 12, pp. 500—524; Baron S. H. The Weber Thesis and Failure of Capitalist Development in «early modern» Russia.— Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, 1970, Bd. 18, № 3, S. 321—336; Pipes R. Op. cit.; Hittle J. M. Op. cit., pp. 9—16, 237—244.

Таким образом, слабость городской жизни в России и процветание города на Западе ставится в зависимость от общего строя общества, его социально-экономической и политической структуры. Так реализуется стремление американских историков к структурному и системному анализу. В этом пространном аргументе верно только то, что отношение верховной власти к городским сословиям и торгово-промышленной деятельности зависит от характера власти. Однако ни верховная власть, ни общество в России до 1861 г. не подходят под патримониальный (вотчинный) тип власти и общества, хотя и содержат некоторые черты (в одни периоды больше, в другие — меньше) этого типа, — к такому выводу, несмотря на отдельные расхождения, пришли еще крупнейшие дореволюционные авторитеты в области истории русского права и подавляющее большинство советских историков³².

Нет ни одного периода в русской истории, когда бы верховная власть носила вполне патримониальный характер, почти всегда ей приходилось разделять свою законодательную, исполнительную и судебную власть с какими-либо учреждениями, институтами и выборными органами, которые выражали волю или мнение общества, идею государства. Кроме того, и сам государь, начиная с XV в., рассматривался русским обществом не столько как частное лицо, сколько как выразитель идеи Русской земли, государства, что также не согласуется с патримониальностью России. В политической и социальной природе Руси XIV—XV вв. есть патримониальные черты. Но подобные черты наблюдались в соответствующие периоды и в западноевропейских странах, хотя, может быть, и в меньшей степени. Поэтому русское и западноевропейские общества в средневековье и в начале нового времени не противоположны по своей природе, как полагают американские буржуазные историки, а всего лишь различны.

Такой же натяжкой звучит и другое важное положение американских историков о том, что все государство считалось частной собственностью московских государей и российских императоров. В течение всего феодального периода признавалось право собственности церкви на ее землю и имущество, боярства и дворянства — на купленные и родовые вотчины, горожан — на недвижимое имущество³³. Конечно, государь (или правительство) вмешивался в частные права церкви, вотчинников и горожан, в случае острой нужды «отписывал» их собственность, но — и в этом суть — не как частно-правовое лицо, а от имени государства — политического союза, которое он возглавлял, ради целей государственных. То же делалось в западноевропейских странах вплоть до настоящего времени. Так, во многих капиталистических странах после второй мировой войны произошла национализация частных предприятий и целых отраслей промышленности; в настоящее время почти во всех капиталистических странах правительство активно вмешивается в экономику. Но ведь никому не приходит в голову мыслить отрицать на этом основании существование в этих странах частной собственности.

Правда, некоторые московские государи действительно имели тенденцию рассматривать себя в качестве единого верховного собственника страны, но ведь то же самое встречается и на Западе. Людовик XIV,

³² Сергиевич В. И. Лекции и исследования по истории русского права. СПб, 1888, с. 694, 702—703, 763; Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Киев. СПб, 1900, с. 39—40, 162, 260—261; Дьяконов М. А. Очерки общественного и государственного строя Древней Руси. СПб, 1912, с. 116, 191, 444—445, 487—495, 487—488; История государства и права в СССР. Ч. I. М. 1972, с. 126—127, 165—179, 206—219; Советская историко-правовая наука. Очерки становления и развития. М. 1978, с. 95—100, 121—123; Черепнин Л. В. Земские соборы Русского государства в XVI—XVII вв. М. 1979, с. 55—63.

³³ Сергиевич В. И. Ук. соч., с. 940—942; Владимирский-Буданов М. Ф. Ук. соч., с. 528—530, 558—562, 605—606; История государства и права в СССР. Ч. I, с. 182—184, 203—206, 221—223.

заявивший Генеральным Штатам: «Государство — это я», в наставлении дофину высказал, между прочим, и такие мысли: «Все, что находится в пределах наших владений, принадлежит нам; вы должны быть убеждены, что короли суть абсолютные правители и что им, естественно, принадлежит полное и свободное распоряжение всеми имуществами, которые принадлежат как церквям, так и светским людям, с тем, чтобы пользоваться ими, как прилично мудрому хозяину»³⁴. Эти претензии короля, однако, не дают основания отрицать существование частной собственности во Франции даже и в царствование Людовика XIV.

Сложный и дискуссионный вопрос о собственности в феодально-крепостнической России³⁵ получает, таким образом, в трудах американских буржуазных историков упрощенное и искаженное толкование. Право собственности горожан на их имущество было достаточным для того, чтобы создать возможности для накопления капитала в руках купцов, о чем свидетельствуют факты крупных богатств частных лиц. И если этот процесс проходил медленно, то не потому, что в России долгое время не существовало права частной собственности³⁶, а в силу особых социально-экономических условий, в которых проходило это накопление³⁷. Так, в последней трети XVIII — начале XIX в., когда факт существования полного права собственности в России никем не отрицается, а купечеству удалось в весьма значительной мере эмансипироваться от государства, купеческие фамилии нечасто сохраняли свое богатство на протяжении двух, трех и более поколений. Преемственность капитала по-прежнему была сравнительно редким явлением — такой же, как в XVII веке³⁸.

Новый момент в аргументации американских буржуазных историков состоит в том, что русский феодальный город, согласно классификации, принятой в западной историографии, относится к типу восточного, а не западного города на том основании, что историческая роль западноевропейского города якобы принципиально отлична от роли русского города как и вообще роли города в «восточном мире». На Западе город осуществлял освободительную миссию в отношении феодально зависимых людей, создавая из перешедших в него прежде закрепощенных крестьян сословие свободных граждан. Русский же город, как и город восточный, согласно этой концепции, в большей своей части состоял из присланных на заработки крепостных, которые в полной мере сохраняли свою зависимость от помещика и сельской общины, а также из ме-

³⁴ Цит. по: Сергиевич В. И. Ук. соч., с. 942.

³⁵ В дореволюционной и советской историографии высказывались разные точки зрения на природу земельной собственности в России: о верховной собственности государей; о разделенной (расщепленной, расчлененной) форме собственности; о частной собственности; об общинной форме собственности (см. Шапиро А. Л. О природе феодальной собственности на землю. — Вопросы истории, 1969, № 12, с. 71; Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В. Пути развития феодализма (Закавказье, Средняя Азия, Русь, Прибалтика). М. 1972, с. 198—203, 210—214; Копанев А. И. Крестьянство русского Севера в XVI в. Л. 1978, с. 45—63.

³⁶ Baron S. H. The Weber Thesis, p. 336; e j u s d. Who Were the Gosti? — California Slavic Studies, 1973, № 7, pp. 1—42.

³⁷ Американский историк П. Бушкович, отмечая «нестабильность» крупных купеческих фамилий XVI—XVII вв., правильно объясняет это явление слабым развитием кредита, бухгалтерии, сильной конкуренцией со стороны западноевропейских купцов (Bushkovitch P. A. The Merchants of Moscow. 1580—1650. Cambridge. 1980, p. 170); см. также: Широкий В. Ф. Вопросы торгового учета в законодательных актах и литературе России XVIII в. — Труды Ленинградского института торговли, 1940, вып. 3; Боровой С. Я. Кредит и банки России (середина XVII—1861). М. 1958; Голикова Н. Б. Кредит и его роль в деятельности русского купечества в начале XVIII в. В кн.: Русский город. Вып. 2. М. 1979.

³⁸ Заозерская Е. Н. Мануфактура при Петре I. М. 1947, с. 60; Мионов Б. Н. Социальная мобильность российского купечества в XVIII — начале XIX века. В кн.: Проблемы исторической демографии в СССР. Таллин. 1977; Деткин А. В. К вопросу о преемственности торговых капиталов второй половины XVII — начала XVIII века. — История СССР, 1982, № 1; и др.

шанства — сословия, закрепощенного государством и посадской общиной. Ни крестьяне, ни собственно городские сословия не испытывали потребности устроить свой общественный быт на принципах свободы и городского самоуправления. В городе поэтому не создавалось свободное гражданство, а возникал просто союз оседлых в городе людей, объединенных общими повинностями, крепостной комплекс сохранял там всю свою силу вплоть до отмены крепостного права в 1861 году. И в экономическом отношении русский город, по мнению этих авторов, более напоминал вотчинный, а не западный город, т. к. в нем промышленность и торговля обслуживали преимущественно господствующий класс — дворянство и чиновничество³⁹.

Тезис о коренном отличии русского и западного феодального города носит спекулятивный характер, не опирается в достаточной степени на факты, а его обоснование имеет явные изъяны методического порядка. Во-первых, выхватываются и абсолютизируются отдельные черты русского города, гипертрофированное значение придается некоторым второстепенным моментам. Во-вторых, аргументация строится на дихотомической логике: либо русский город должен быть как две капли воды похож на западноевропейский, либо это ненастоящий, восточный город. Подобная прямолинейность огрубляет историческую действительность, мешает оценить количественные градации того или иного признака, свойства, качества и вынуждает исследователя констатировать качественные различия там, где налицо различия только количественные, или констатировать противоположность там, где в действительности имеется лишь различие. В-третьих, противопоставляя русский и западноевропейский город, американские буржуазные историки не учитывают того, что история городов отдельных стран весьма своеобразна. Тот феодальный западный город, который противопоставляется русскому, представляет собой некую абстрактную модель; под пером этих авторов он предстает автономной от государства и деревни коммуной, с высокоорганизованным самоуправлением и развитыми торговлей, ремеслом и промышленностью, с богатой буржуазией, обладающей политическими свободами и экономическими привилегиями. Совершенно очевидно, что подобный идеальный тип западного города только частично соответствовал конкретным типам городов разных западноевропейских стран в отдельные моменты феодальной эпохи. В Италии, например, отсутствовала политическая и социально-экономическая оппозиция города деревне; в Англии города находились под сеньориальной властью короля и не смогли добиться полной автономии, цеховой строй был развит сравнительно слабо, правительство часто подвергало конфискации имущество бюргеров; многие крупнейшие средневековые города, например, Париж и Рим, были в большей степени потребляющими, чем производящими; городской воздух делал крепостных свободными в западноевропейских городах отнюдь не автоматически, а по прошествии определенного времени — от 6 недель до 10 лет, и т. д.⁴⁰.

Вследствие этого отличия конкретно-исторического русского города от сконструированной американскими историками модели западноевропейского города не соответствуют различиям между конкретно-историческими городами западноевропейских стран и России. Это об-

³⁹ Baron S. H. The Town in «feudal» Russia, pp. 116—122; Helli R. The Stratification of Muscovite Society: the Townsmen.— Russian History, 1978, Vol. 5, № 2, pp. 119—175; Pipes R. Op. cit., pp. 202—203.

⁴⁰ Проблемы методологии истории средних веков: европейский город в системе феодализма. Т. 1. М. 1979, с. 33, 71, 135, 170; т. 2, с. 101, 200; Социальная природа средневекового бюргерства XIII—XVII вв. М. 1979, с. 64—70; Ястребичка А. Л. Западноевропейский город в средние века; е е ж е. Основные проблемы ранней истории средневекового города в освещении современной западной медиевистики.— Средние века, 1980, вып. 43.

стоятельство абсолютно игнорируется американскими буржуазными историками, они постоянно забывают, что сравнивают абстрактное с конкретным. В результате этого методического просчета степень различия между урбанизацией в России и других европейских странах чрезмерно увеличивается, а различие доводится до полной противоположности.

Русский феодальный город действительно имел значительное своеобразие, но при этом вовсе не представлял собой коренной противоположности западному городу. Он осуществлял освободительную миссию в отношении крепостного крестьянства, хотя и не в такой мере, как город западный⁴¹, давая, по выражению П. Г. Рындзюнского, «относительное освобождение от феодализма»⁴². В России по крайней мере с XVI в., так же как на Западе, действовала особая зона городского права на исключительное обладание городскими промыслами и торгами посадскими людьми, что соответствовало западноевропейским нормам «цехового принуждения» и «запретной мили»⁴³. Правда, эти особые права горожан часто нарушались, но ведь то же самое наблюдалось и на Западе. Городские сословия, особенно купечество, при всей ограниченности их прав являлись и в России привилегированными, сравнительно с крестьянством, сословиями, что обуславливало неуклонное и постоянное стремление крестьянства приписаться к городу⁴⁴. Среди городского населения крестьянство занимало видное место, но лишь в исключительных случаях оно составляло большинство жителей. Доля крестьян в отдельных городах колебалась от 7 до 33%⁴⁵.

Стремление добиться привилегий, освободиться от феодального и государственного гнета было свойственно русским посадским людям не в меньшей степени, чем западноевропейским бюргерам, о чем свидетельствует непрекращающаяся на протяжении всего периода феодализма социальная борьба горожан. Те права, которых они добились, явились результатом этой борьбы⁴⁶.

В экономическом отношении русский феодальный город уступал западноевропейским, однако его отсталость носила относительный характер, т. к. именно русские города в течение всего феодального периода являлись главными центрами ремесла и торговли⁴⁷.

⁴¹ Тихомиров М. Н. Средневековая Москва в XIV—XV вв. М. 1975, с. 99—100; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, с. 339.

⁴² Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 556.

⁴³ Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. 2. М. 1948, с. 719—724; Сахаров А. М. Ук. соч., с. 180; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 435—436; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, с. 414.

⁴⁴ Смирнов П. П. Ук. соч., с. 294, 724; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 40—51.

⁴⁵ Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII века. Т. 1. Киев, 1919; Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. В кн.: Города феодальной России, с. 276, 279; Рындзюнский П. Г. Городское гражданство дореформенной России, с. 225, 264, 338.

⁴⁶ Смирнов П. П. Посадские люди... Т. 2; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 185—186; Сахаров А. М. Ук. соч., с. 233; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, с. 444—451; Курмачева М. Д. Города Среднего Поволжья и восстание под предводительством Е. И. Пугачева. В кн.: Города феодальной России, с. 463—472; Буганов В. И. Московские восстания конца XVII в. М. 1969; Чистякова Е. В. Городские восстания в России в первой половине XVII века. Воронеж, 1975; Прохоров М. Ф. Московское восстание в сентябре 1771 г. В кн.: Русский город. Вып. 2; и др.

⁴⁷ См., напр.: Рыбаков Б. А. Ремесло Древней Руси. М. 1948; Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. Очерки по истории ремесла, торговли и городов Русского централизованного государства XVI—начала XVII вв. М. 1952; Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 65—137; Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка России первой половины XVIII в. М. 1958; Рындзюнский П. Г. Город-

Наконец, подводя русский феодальный город под веберовскую дефиницию «восточный город», американские буржуазные историки упускают из виду то, что важнейшей особенностью восточного города М. Вебер считал отсутствие городской общины, особого сословия горожан и специфических городских институтов⁴⁸. Русский же феодальный город, как показано дореволюционными и советскими историками, имел и посадскую общину, и городские сословия, и городские институты⁴⁹. В результате этого именно в городе сложился тот специфический уклад общественной жизни, который в конечном счете способствовал развитию буржуазных отношений, буржуазного права и морали⁵⁰.

Таким образом, рассмотрение наиболее распространенной в американской славистике концепции русского феодального города обнаруживает ее необоснованность. Русский город решал в принципе те же экономические, политические, социальные и культурные задачи, что и западноевропейский, только в другой последовательности, а иногда и другими средствами. Процесс урбанизации в России и Западной Европе в период феодализма был сходен по духу, по сути, но часто различен по форме; он подчинялся одинаковым закономерностям, хотя всякий раз различные политические, социальные, экономические и географические условия откладывали на городское развитие отпечаток национального своеобразия. В сравнительно-историческом плане правильно говорить о типах урбанизации в разных европейских странах, может быть, об оптимальном варианте городского развития. Но отрицать важное позитивное значение для России процесса урбанизации неверно и исторически ограничено.

Неправомерность противопоставления России и Запада вообще, русского и западноевропейского города в особенности все отчетливее осознается и в самой американской славистике⁵¹. При этом сказывается влияние марксистской концепции⁵², звучат голоса тех, кто, отмечая своеобразие русского исторического процесса, тем не менее подчеркивает, что Россия принадлежит Европе, что русская цивилизация — ветвь европейской⁵³. Кроме того, в американской буржуазной историографии выдвинуты альтернативная наиболее распространенной концепции и компромиссная между ними точка зрения на русский феодальный город.

ское гражданство дореформенной России, с. 22—40, 367, 384; Сахаров А. М. Ук. соч., с. 130—174; Полянский Ф. Я. Городское ремесло и мануфактура в России XVIII в. М. 1960; Носов Н. Е. Русский город и русское купечество в XVI столетии. В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л. 1971; Клокман Ю. Р. Социально-экономическая история русского города, с. 207—313; Устюгов Н. В. Научное наследие. М. 1974, с. 18—74, 157—162; Водарский Я. Е. Города и городское население России в XVII в. В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. М. 1974; Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII в. М. 1982, с. 110—158; и др.

⁴⁸ Вебер М. Город. Пг. 1923, с. 20.

⁴⁹ Тихомиров М. Н. Древнерусские города, с. 43—52; Сахаров А. М. Ук. соч., с. 17, 23; Черепнин Л. В. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках, с. 329—330.

⁵⁰ Рындзюнский П. Г. Основные факторы горообразование в России второй половины XVIII в. В кн.: Русский город. М. 1976, с. 108.

⁵¹ См., напр.: Bill V. T. The Forgotten Class: the Russian Bourgeoisie from the Earliest Beginnings to 1900. N. Y. 1959; Blackwell W. L. The Beginning of Russian Industrialization. 1800—1860. Princeton—N. J. 1968, pp. 98, 404—406; Bushkovitch P. A. Op. cit., pp. 170—172; ejusd. Modernization and Urbanization in Russia: a Comparative View. In: The City in Russian History, pp. 291—330.

⁵² Кахк Ю. Ю. О некоторых новых явлениях во взаимоотношениях марксистской теории и буржуазной исторической науки.— Eesty NSV Teaduste Akademia, Toimetised, 1977, 26(4), с. 338—343.

⁵³ Сухотина Л. Г. Проблема «Россия—Запад» в современной англо-американской буржуазной историографии. В кн.: Вопросы методологии истории, историографии и источниковедения. Томск, 1980, с. 127—131.

Альтернативную точку зрения выдвинул Г. Розман⁵⁴. Он считает, что русская отсталость вообще и в отношении урбанизации в частности — миф, что к началу XVIII в. Россия представляла собой развитое «предсовременное» общество, находившееся на уровне передовых европейских стран — Франции и Англии. Ни отсутствие истинного городского самоуправления, ни существование крепостного права, ни значительное участие крестьянства в хозяйственной жизни города не смогли помешать городскому развитию в России. К середине XVIII в. в ней была создана густая сеть торговых и городских поселений (центральных мест), которые объединили страну в единый народнохозяйственный организм, в сильное централизованное государство. Из этого Г. Розман правомерно делает вывод о том, что урбанизация может происходить на различной политической основе и в различных социальных условиях, может сочетаться с централизованным и децентрализованным управлением, с крепостничеством и политической свободой.

Розман отказывается от господствующего в западной историографии понимания сущности феодального города, которое он называет «юридическим» (т. к. и в нем главное место отводится самоуправлению, политическим институтам), и противопоставляет ему экономико-политическое понимание. Он отмечает, что главная функция феодального города состояла в политическом и экономическом объединении страны, поэтому степень ее урбанизации определяется не развитостью городских свобод и самоуправления, а густотой сети центральных мест (так автор называет торговые сельские и все городские поселения), численностью городского населения и степенью политической и экономической интеграции страны.

В соответствии с таким подходом к урбанизации Розман в сравнительно-историческом плане анализирует развитие сети центральных поселений с IX по XVIII в. в России, а также в Японии, Китае, Англии и Франции. Все центральные поселения образуют иерархическую систему, состоящую из семи групп (уровней). Высший уровень составляют общенациональные административные и экономические центры с населением свыше 300 тыс. человек (это обычно столицы государств); низший уровень — местные рынки или административные центры с периодическим рынком и населением менее 3 тыс. человек. В каждый исторический момент система центральных мест является оригинальной, поскольку включает, во-первых, различное число поселений, и во-вторых, поселения не всех, а некоторых уровней. Со временем система развивается в количественном и качественном отношении, пока не достигает высшей степени развития, когда все семь уровней административных и рыночных центров полностью интегрируются под эгидой главного центра страны — столицы. В России, как и во Франции, Англии и Японии, это произошло, по мнению Розмана, в XVIII в., который поэтому может рассматриваться как поворотный пункт в городской и экономической истории России.

Концепция Розмана отличается большим реализмом. Однако она недостаточно обоснована фактическими данными. Используя разработанную географами теоретическую схему «центральных мест», автор исходит из того, что если в стране имеются города, то они всегда и обязательно образуют целостную иерархическую систему. Но это верно лишь для капитализма. В феодальную эпоху города могли существовать, и действительно существовали, автономно, независимо от их административного значения и численности проживающего в них населения. Поэтому наличие взаимосвязанной системы городов необходимо дока-

⁵⁴ Rozman G. Comparative Approaches to Urbanization: Russia, 1750—1800. In: *The City in Russian History*, pp. 69—86; e j u s d. *Urban Networks in Russia, 1750—1800*, pp. 74, 245, 276—284.

зять, что в книге Розмана сделано недостаточно убедительно. В силу этого, а также потому, что автор не учитывает той конкретно-исторической обстановки, социальных, экономических и политических условий, в которых происходило развитие русских городов, динамика центральных мест в России IX—XVIII вв., рисуемая им, выглядит слишком схематично и абстрактно.

Компромиссное мнение на русский феодальный город высказал Л. Лангер⁵⁵. Он считает, что обе вышеприведенные точки зрения являются односторонними. Концепция большинства ориентирована на государство, на политические, социальные и юридические институты. Розмана же интересует только сеть центральных поселений без конкретно-исторического анализа ее структуры и функций. Вследствие этого представители первого течения неправомерно отрицают всякое значение города в русской истории, а Розман не учитывает своеобразия процесса урбанизации в России, уровень же городского ее развития преувеличивает. По мнению Лангера, нельзя недооценивать значения феодального русского города из-за отсутствия в нем самоуправления западного типа, но нельзя и переоценивать его роль, основываясь только на существовании достаточно густой сети городских поселений. Сравнительно интенсивная городская жизнь, хотя и осложненная неблагоприятными социальными, политическими и экономическими условиями, существовала в России, считает Лангер, и города благодаря этому оказывали позитивное влияние на ход русского исторического процесса; но, отражая основные структуры общества, русский город развивался сравнительно с западным медленно и достаточно своеобразно.

Стремление Лангера сблизить точки зрения большинства американских буржуазных историков и Розмана имеет пока декларативный характер, поскольку автор только провозглашает необходимость компромисса. Здесь налицо замысел, который еще предстоит реализовать. Однако мысль Лангера о том, что процесс урбанизации может достаточно энергично протекать в различных социально-экономических условиях, плодотворна. Дополненная идеей о типах городского развития, обусловленных своеобразными политическими и социально-экономическими условиями, в которых оно проходило в каждой стране, эта мысль может стать отправной точкой для сравнительно-исторического исследования процесса урбанизации в России. Таким образом, в современном американском городоведении появились и позитивные тенденции: пристальное внимание к социально-экономическим процессам в городской жизни, самостоятельное изучение источников, учет ряда положений марксистской концепции, попытки использовать междисциплинарный и системный подходы.

Наиболее распространенная в американской буржуазной историографии концепция, противопоставляющая русский город западноевропейскому, оказывается при внимательном анализе утрированным⁵⁶ и подновленным вариантом концепции, выдвинутой нашими дореволюционными авторами. Новые элементы этой концепции касаются не существа ее, а аргументации, которая приведена в соответствие с популярными в настоящее время в буржуазной историографии социологическими схемами и понятиями. Однако модное одеяние и претендующий на ультрасовременность научный антураж не прибавляют этой концепции убедительности и достоверности.

⁵⁵ Langer L. N. The Historiography of the Preindustrial Russian City.—*Journal of Urban History*, 1970, Vol. 5, № 2, pp. 209—240; e j u s d. The Medieval Russian Town. In: *The City in Russian History*, pp. 11—13.

⁵⁶ Русские дореволюционные историки, за некоторыми исключениями, не доводили различия между русским и западноевропейским городом до полной противоположности, находили общие черты в процессе урбанизации в России и на Западе (см. Шириня Д. А. Русский средневековый город в дореволюционной историографии (середина XIX — 1917 г.).— *Исторические записки*, 1982, т. 108.

СОВЕТСКО-АНГЛИЙСКИЕ ОТНОШЕНИЯ НА РУБЕЖЕ 70—80-х ГОДОВ

А. В. Голубев

Проблемы советско-английских отношений всегда привлекали внимание советских историков. В их трудах обстоятельно рассмотрены такие важные вопросы, как объективные предпосылки развития этих отношений в различных областях, борьба двух тенденций — позитивной и негативной — внутри правящих кругов Великобритании по вопросам отношений с СССР, внешнеполитические концепции основных партий Великобритании, особенности советско-английских отношений на разных этапах их развития¹.

Эти проблемы, а также изменение роли, которую Великобритания играет на международной арене, специфика советско-английских отношений в послевоенный период, и в частности в годы разрядки, подробно рассматриваются в книге В. Г. Трухановского и Н. К. Капитоновой «Советско-английские отношения. 1945—1978» (М. 1979). Авторы делают обоснованный вывод, что в 70-е годы, в период разрядки, советско-английские отношения поднялись на новую ступень. Вместе с тем они указывают и на активизацию противников разрядки в Великобритании. Советско-английские отношения на рубеже 70—80-х годов рассматриваются в обобщающих трудах по истории внешней политики СССР². В последние годы вышли также работы об особенностях формирования и проведения внешней политики Великобритании³. Однако работы, специально посвященные советско-английским отношениям в этот период, особенностям данного этапа их развития, новым факторам, определившим их характер на рубеже 70—80-х годов, практически отсутствуют. В данной статье предпринята попытка показать основные линии развития политических взаимоотношений между СССР и Великобританией в годы правления консервативного правительства М. Тэтчер.

Советское государство всегда выступало за нормальные и устойчивые отношения с Великобританией, которая является одной из наиболее развитых стран Запада. Это — ядерная держава, постоянный член Совета Безопасности ООН, ближайший союзник США, активный член ЕЭС и НАТО, участник многих международных организаций. Значительные позиции Великобритания сохранила в развивающихся странах. Все это подчеркивает важность состояния советско-английских отношений для всего мира. Однако история их развития показывает, что они отличались, как правило, нестабильностью. Когда в 70-е годы на повестку дня

¹ Чеклин В. Н. СССР — Великобритания: развитие деловых связей. М. 1979; Щелокова Н. А. Европейская безопасность и политика Англии. М. 1982, гл. 4; Рыжиков В. А. СССР — Великобритания: развитие отношений. 60—70-е годы. М. 1977; Капитонова Н. К. Исследования о советско-английских отношениях послевоенного периода. — Вопросы истории, 1975, № 12.

² История внешней политики СССР. Т. 2. М. 1981; и др.

³ Великобритания. М. 1981; Процесс формирования и осуществления внешней политики капиталистических государств. М. 1981; Современная дипломатия буржуазных государств. М. 1981.

встал вопрос о повышении устойчивости советско-английских отношений, было ясно, что оптимальным путем для достижения этого является развитие правовой основы сотрудничества в различных областях, системы организаций, содействующих его развитию, основных форм и направлений, в которых это сотрудничество осуществляется.

Указанные вопросы поднимались на переговорах на высшем уровне в Москве в феврале 1975 г. и в ходе последующих двусторонних контактов. К 1979 г. были заключены различные соглашения, определяющие формы и направления сотрудничества в торгово-экономической и научно-технической областях, подписан протокол о консультациях, очень важный с точки зрения развития взаимоотношений в политической области. Согласно этому протоколу, министерства иностранных дел обеих стран должны проводить регулярные консультации по вопросам, представляющим взаимный интерес⁴. Практика показала, что эти консультации действительно были важным элементом политических отношений между двумя странами. Они проводились на различных уровнях, в том числе и на уровне министров иностранных дел, и приобрели достаточно регулярный характер. В ходе этих консультаций рассматривался широкий круг международных проблем и вопросов двусторонних отношений.

Были также предприняты шаги в области военной разрядки, в частности в феврале 1975 г. подписана Декларация о нераспространении ядерного оружия⁵. Как отметил тогдашний министр иностранных дел Великобритании Дж. Каллагэн, это была «уникальная декларация, провозгласившая период особо тесного англо-советского сотрудничества»⁶. В октябре 1977 г. было подписано Соглашение о предотвращении случайного возникновения ядерной войны⁷. СССР и Великобритания приняли участие в работе Общеευропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, в переговорах по ограничению вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, в переговорах по заключению Договора о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Важные новые черты появились также в развитии торгово-экономического, научно-технического, культурного сотрудничества двух стран.

Однако во второй половине 70-х годов в Англии обострилась борьба по вопросу об отношении к Советскому Союзу, активизировались противники разрядки. Это было обусловлено целым комплексом различных причин. Во-первых, разочарование определенных кругов Запада в разрядке, которая не привела к «эволюции» стран социалистического содружества по капиталистическому пути. Во-вторых, развитие военной разрядки реально ставило на повестку дня сокращение вооружений, что противоречило интересам военно-промышленного комплекса, в том числе крупнейших английских монополий. В-третьих, успехи национально-освободительного движения, объективный процесс изменения соотношения сил в так называемом третьем мире были восприняты консервативными кругами Запада, в том числе Великобританией, как результат советской внешней политики. Следуя за американской администрацией Дж. Картера, лейбористское правительство Дж. Каллагэна предприняло ряд шагов, заметно ухудшивших советско-английские отношения, в частности попыталось использовать контакты в культурной области для давления на СССР. Впоследствии этот метод применило с еще большим размахом консервативное правительство Тэтчер.

Активизация противников разрядки в Великобритании получила

⁴ См. документы и материалы советско-английских переговоров в Москве 13—17 февраля 1975 года (М. 1975).

⁵ Там же.

⁶ Callaghan J. Challenges and Opportunities for British Foreign Policy. Lnd. 1975, p. 11.

⁷ Правда, 11.X.1977.

особенно яркое отражение во внешнеполитических концепциях консервативной партии, находившейся до 1979 г. в оппозиции. Если в 1974 г. в выступлениях представителей консерваторов по внешнеполитическим вопросам Р. Модлинга в палате общин и лорда Каррингтона в палате лордов можно было встретить признание того очевидного факта, что политике разрядки нет альтернативы, а в трудах теоретиков консервативной партии часто повторялся призыв к «более прагматическому подходу» к внешней политике и учету реальностей международной обстановки, то после прихода в начале 1975 г. к власти в партии ее правого крыла во главе с М. Тэтчер положение изменилось.

В 1975—1976 гг. Тэтчер выступила с рядом речей по внешнеполитическим вопросам, в которых был провозглашен курс на конфронтацию с социалистическими странами. Она без всякого основания обвинила Советский Союз в стремлении к «мировому господству». Даже консервативная «The Times» назвала это «ораторским преувеличением»⁸. Позиция Тэтчер была, однако, поддержана многими видными консерваторами. Возражения сторонников более умеренной линии в вопросах внешней политики, в том числе министра иностранных дел «теневого кабинета» («кабинета», образуемого оппозиционной партией) консерваторов Р. Модлинга, просто не принимались во внимание при выработке внешнеполитической платформы консерваторов. На ежегодной конференции консервативной партии в октябре 1976 г. был принят документ, внешнеполитический раздел которого в основных чертах совпадал с программой Тэтчер. В документе говорилось о «советской военной угрозе» и подчеркивалось стремление достичь «подлинной разрядки с позиции силы», что, по сути дела, означало давление на СССР с целью принудить его к односторонним уступкам в различных областях⁹. «Стало очевидным, что Маргарет Тэтчер развивает линию в международных делах, и особенно в отношениях с Советским Союзом, которая была, на словах, во всяком случае, много жестче, чем моя собственная», — писал впоследствии Р. Модлинг, уволенный из «теневого кабинета» консерваторов вскоре после конференции¹⁰.

Позиция консервативной партии отражала настроения английских монополий, военно-промышленного комплекса, а также той части британского правящего класса, которая была непосредственно заинтересована в эксплуатации развивающихся стран. Это особенно проявилось, например, в ходе дебатов по вопросам военного бюджета в 1975—1979 годы. Даже робкие попытки лейбористского правительства несколько ограничить темпы роста военных расходов постоянно встречали ожесточенное сопротивление консерваторов, которые ссылались на «рост советской военной угрозы». Тэтчер, как стало ясно впоследствии, активно использовала антисоветские настроения консерваторов не только в дебатах с лейбористами, но и в качестве средства укрепления единомыслия в собственной партии. В 1978 г. многие видные консерваторы признавали, что их партия фактически является расколотой. Такие ее лидеры, как Я. Гилмур, П. Уолкер и др., выступали против экономической программы Тэтчер. Однако их внешнеполитические взгляды отличались антисоветизмом, и именно поэтому Тэтчер избрала антисоветизм как орудие укрепления собственного авторитета в качестве партийного, а затем и национального лидера. Определенную роль сыграли, конечно, и взгляды самой Тэтчер. «У нее нет никакого опыта в международных делах, и ее взгляды на окружающий мир неизвестны», — писал еженедельник «The Observer» 16 февраля 1975 г., вскоре после избрания Тэтчер лидером консервативной партии. Однако антикомму-

⁸ The Times, 4.II.1976.

⁹ Ibid., 4.X.1976.

¹⁰ Maudling R. Memoirs. Lnd. 1978, p. 255.

низм Тэтчер не составлял секрета. О сложившихся у нее представлениях о Советском Союзе тот же печатный орган писал позднее, что они отличаются «опасным упрощением»¹¹.

Окончательное оформление внешнеполитической концепции консерваторов получила в ходе всеобщих парламентских выборов 1979 г. и при формулировании программы нового правительства. В предвыборном документе консерваторов, «Консервативном манифесте», основной упор был сделан на «укреплении обороны», увеличении военных расходов, модернизации так называемых независимых ядерных сил. О важности развития отношений с социалистическими странами, в том числе с СССР, о политике разрядки в этом документе вообще не упоминалось¹². Однако в первых заявлениях представителей консервативного правительства после победы на выборах наряду с заявлениями о необходимости «укрепить оборону» (под этим понималось резкое увеличение военных расходов) и развивать сотрудничество с партнерами по НАТО содержалось обещание установить «более стабильные, более предсказуемые и более плодотворные отношения» с Востоком¹³. Как показала практика, однако конкретных шагов в этом направлении консерваторы предпринимать не собирались.

О подлинных намерениях нового правительства красноречиво свидетельствовал состав руководства министерства иностранных дел. Правда, сам министр, лорд Каррингтон, в общем, имел репутацию сравнительно умеренного политика, зато его ближайший помощник, представлявший его в палате общин, лорд-хранитель печати Гилмур был известен как ярый антикоммунист. То же самое можно было сказать по крайней мере о двух государственных министрах (фактически первых заместителях министра) — П. Блейкере и Р. Люсе. Таким образом, в 1979 г. к власти в Великобритании пришло правительство с открыто антисоветской программой, практическая деятельность которого во внешнеполитической области с самого начала повела к осложнениям в советско-английских отношениях.

Советское правительство, руководствуясь принципом мирного сосуществования государств с различным общественным строем, стремилось к поддержанию нормальных отношений с Англией. Оно предприняло ряд шагов, направленных на развитие диалога. «Мы готовы и дальше идти по пути расширения и углубления сотрудничества с Великобританией, если, конечно, с британской стороны будет проявляться такое же намерение», — подчеркивалось в приветствии советского руководства посетителям Национальной выставки СССР, открывшейся в Лондоне в мае 1979 года¹⁴. Стремление СССР к развитию межгосударственных взаимоотношений с Великобританией, продолжению процесса разрядки было подчеркнуто в ходе встречи Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Тэтчер во время ее кратковременного пребывания в Москве 26 июня 1979 года¹⁵. «Русские хотят установить более сердечные отношения с новым правительством», — отмечала «Financial Times»¹⁶.

Советское правительство стремилось активно использовать сложившиеся механизмы двусторонних отношений для налаживания диалога с правительством Великобритании. В соответствии с протоколом о консультациях 1975 г. в июне 1979 г. в Лондоне состоялись консультации представителей министерств иностранных дел СССР и Великобритании на уровне заместителей министров, в ходе которых обсуждался широкий

¹¹ The Observer, 5.VI.1983.

¹² Conservative Manifesto. Lnd. 1979, p. 29.

¹³ Parliamentary Debates. House of Commons (далее — PDHC). Vol. 967, col. 569.

¹⁴ Правда, 24.V.1979.

¹⁵ Там же, 28.VI.1979.

¹⁶ Financial Times, 5.VII.1979.

круг вопросов международной политики и двусторонних отношений. 26 августа 1979 г. во время работы XXXIV сессии Генеральной Ассамблеи ООН состоялась встреча министров иностранных дел двух стран.

Однако правительство консерваторов уже в первые месяцы своего правления развернуло антисоветскую кампанию, в качестве инициаторов и активных участников которой выступили и члены правительства. Министр обороны Ф. Пим заявил, что СССР является такой же угрозой миру, как фашистская Германия в 30-е годы¹⁷. 18 октября 1979 г. Тэтчер, выступая в Люксембурге, угрожала советскому народу «страданиями, не меньшими», чем в годы второй мировой войны¹⁸. Ее речь вызвала возмущение британской общественности; «Tribune» охарактеризовала ее как «одну из самых вопиющих и вредных ошибок», совершенных когда-либо британским премьер-министром¹⁹. В ноябре 1979 г. видный член консервативной партии Ф. Беннет выступил в парламенте с предложением отозвать из СССР британского посла и снизить уровень представительства до поверенного в делах²⁰. В таком контексте заявление Пима о том, что «разрядка, а не конфронтация, является ведущей стратегией западного союза», звучало как откровенная демагогия²¹. Антисоветская кампания была призвана оправдать ужесточение курса правительства в отношении СССР и наращивание вооружений. «Английскую общественность загодя и целенаправленно подготавливали к восприятию тех идей и предложений, которые намеревалось осуществить правительство», — писал по этому поводу прогрессивный английский публицист Г. Йорк²². Подводя итоги первого года правления Тэтчер, ее биограф особо отметил ее «ястребиное отношение» к СССР²³.

Следующий шаг по пути конфронтации с Советским Союзом английское правительство сделало в начале 1980 г., когда, выполняя свой интернациональный долг, Советский Союз по просьбе афганского правительства ввел на территорию Афганистана ограниченный контингент войск. Попытки империалистических кругов сорвать развитие революционного процесса в этой стране потерпели провал. Представители английского правительства пытались доказать, будто афганские события предопределили ухудшение советско-английских отношений. На самом же деле консерваторы с первых дней правления ориентировались на политику конфронтации с СССР. События в Афганистане были использованы ими как предлог для нагнетания антисоветизма, обострения отношений с СССР, оправдания нового витка гонки вооружений.

Вслед за США Великобритания предприняла ряд так называемых санкций против СССР. В ЕЭС Великобритания попыталась сыграть роль «координатора» антисоветских акций на общеевропейском уровне; впрочем, эти попытки не имели успеха у ее партнеров. Так, хотя и были введены ограничения на торговлю с СССР, но далеко не в тех масштабах, каких добивалось английское правительство. Позиция партнеров Великобритании по ЕЭС в значительной мере ограничивала и возможности самих тори в применении санкций против СССР.

Конкретные меры были объявлены в парламенте в специальном правительственном заявлении 24 января 1980 года. Была предусмотрена отмена контактов на высшем и министерском уровнях, отказ от обменов в военной области, происходивших с 1975 г., усиление идеологической войны против СССР, ограничение торгово-экономического и куль-

¹⁷ Правда, 20.IX.1979.

¹⁸ Survey of Current Affairs, November, 1979, p. 319.

¹⁹ Tribune, 26.X.1979.

²⁰ PDHC. Vol. 973, col. 689.

²¹ The Times, 26.XI.1979.

²² Йорк Г. Военный психоз на берегах Темзы. — Проблемы мира и социализма, 1980, № 7, с. 89.

²³ Stephenson H. Mrs. Thatcher's First Year. Lnd. 1980, p. 88.

турного обмена. Консервативное правительство также постаралось ограничить все контакты между британскими гражданами и гражданами социалистических стран — что, между прочим, противоречило духу и букве «третьей корзины» Заключительного акта общеевропейского совещания, в защиту которой неоднократно выступало английское правительство²⁴. Вскоре на первый план выдвинулся вопрос о бойкоте Олимпийских игр в Москве. Но, несмотря на разнообразные формы давления, которые применило консервативное правительство, английские спортсмены приняли активное участие в Московской Олимпиаде.

Правительство Тэтчер стремилось использовать события в Афганистане для оправдания своего агрессивного внешнеполитического и военного курса и противодействия политике разрядки. Сыграли свою роль и имперские привычки, которые заметно проявились в годы правления консерваторов, стремление рассматривать обширные регионы Земного шара в качестве сферы британского влияния. Как стало известно впоследствии, видный консерватор, бывший премьер-министр и министр иностранных дел А. Дуглас-Хьюм направил в парламентский комитет по вопросам внешней политики специальный меморандум, в котором призывал правительство «использовать» сложившуюся «ситуацию»²⁵. Стремясь восстановить британское влияние в странах ближневосточного региона, правительство тори поспешило воспользоваться этой рекомендацией. В Средиземное море в начале 1980 г. был отправлен отряд английских военных кораблей. Одновременно министр иностранных дел лорд Каррингтон совершил поездку по странам Юго-Западной Азии. За этим визитом последовал и ряд других. Позднее Великобритания поддержала решение американского правительства о создании «сил быстрого развертывания» и объявила, что сама создаст такие силы.

Англия попыталась использовать афганские события и для укрепления своего влияния в ЕЭС. Особенно ярко это проявилось при определении экономических санкций ЕЭС против СССР, а также в ходе выработки так называемого плана нейтрализации Афганистана, предложенного лордом Каррингтоном. Таким образом, создавался прецедент, который впоследствии мог пригодиться британским правящим кругам для обоснования прав Англии на определяющую роль в выработке внешнеполитической линии ЕЭС. Но все попытки правящих кругов Великобритании совместно с США оказать давление на СССР и заставить его отказаться от поддержки революционной борьбы афганского народа потерпели полный провал.

В Великобритании раздавались трезвые голоса тех, кто видел опасность нагнетания антисоветской истерии. Когда лорд Каррингтон, выступая в парламенте 6 февраля 1980 г., заявил, что Запад проявлял «слабость» в отношениях с Востоком, и призвал вернуться к политике «холодной войны», это вызвало следующий комментарий члена палаты лордов Милфорда: «Я крайне обеспокоен опасностью, созданной истерией некоторых рыцарей «холодной войны», которые, — как он заметил, — стремятся «использовать события в Афганистане для увеличения международной напряженности, ускорения гонки вооружений и создания новых препятствий на пути разрядки»²⁶. «Tribune» отмечала, что угроза разрядке возникла не вследствие политики Советского правительства, как утверждали британские консерваторы, а из-за курса администрации США, поддержанного Тэтчер и направленного на расширение гонки вооружений в Европе и во всем мире²⁷.

То, что развитие нормальных отношений между двумя странами от-

²⁴ Parliamentary Debates. House of Lords (далее — PDHL). Vol. 404, col. 530.

²⁵ Consequences of Soviet Expansion for British Foreign Policy. Vol. XVII. Lnd. 1980, p. 405.

²⁶ PDHL. Vol. 404, col. 1371, 1436.

²⁷ Tribune, 11.1.1980.

вечает интересам не только СССР, но и Великобритании, сознавали и многие консерваторы. Так, лорд Каррингтон в январе 1980 г. говорил о необходимости «сохранять каналы коммуникаций» с Советским Союзом, в том числе и политические консультации, предусмотренные протоколом 1975 г., хотя проводить их английское правительство намеревалось на более низком уровне. Каррингтон подчеркнул, что, хотя события в Афганистане повлияют на отношение Великобритании к СССР, английское правительство тем не менее желает продолжать переговоры, если это будет отвечать его интересам²⁸.

Опыт политики разрядки, который для Великобритании как для европейской страны значил гораздо больше, чем для США, необходимость продолжения диалога по вопросам ограничения гонки вооружений, отказ от которого мог иметь для консерваторов тяжелые внутриполитические последствия, наконец, давление реалистических политиков и влиятельных кругов бизнеса, заинтересованных в торговле с Востоком, прогрессивной общественности страны — все это ограничивало возможности практического проявления антисоветизма. Лорд Каррингтон, который неоднократно заявлял, что вечная конфронтация с СССР никоим образом не отвечает интересам страны²⁹, указал на следующие возможные области сотрудничества: Англия должна стремиться «к соглашениям по контролю над вооружениями, коммерчески оправданной торговле и другим взаимовыгодным соглашениям»³⁰.

Советско-английские отношения в 1980—1981 гг. представляли собой весьма сложную картину. С одной стороны, СССР проявлял постоянную готовность к диалогу, что было особенно необходимо в условиях обострения международной обстановки. С другой — английское правительство, заявляя о стремлении сохранить каналы коммуникаций с СССР, не шло на полное возобновление диалога, выдвигая при этом предварительные условия, заведомо неприемлемые для Советского Союза³¹. По-прежнему продолжалась в Англии антисоветская кампания. Так, «The Daily Telegraph» 1 октября 1980 г. заявила, что «рассматривать Россию как цивилизованную державу и законного члена международного сообщества является исторической ошибкой». В Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии состояние советско-английских отношений было охарактеризовано как «застой — и не по нашей вине»³².

В мае 1980 г. на первой после объявления санкций встрече министров иностранных дел СССР и Великобритании была подтверждена «готовность сторон к развитию и сохранению диалога», их намерение «развивать отношения на основе полного равенства, невмешательства во внутренние дела, уважения национального суверенитета и взаимных интересов сторон»³³. Однако позитивных изменений в позиции Великобритании не произошло, и 25 сентября 1980 г., во время новой встречи с лордом Каррингтоном, член Политбюро ЦК КПСС, министр иностранных дел СССР А. А. Громыко подчеркнул, что внешнеполитический курс Великобритании «направлен на поддержку крайних милитаристских тенденций политики стран НАТО в европейских и мировых делах»³⁴.

В конце 1980 г., когда в Польской Народной Республике было введено военное положение, в Великобритании произошел новый взрыв

²⁸ PDHL. Vol. 404, col. 530.

²⁹ См., напр., изложение его выступления от 21 июля 1980 г. в «Financial Times» от 23.VII.1980.

³⁰ PDHL. Vol. 404, col. 535.

³¹ Напр., об этом говорил государственный министр иностранных дел П. Блейкер в парламенте 6 октября 1980 г. (PDHC. Vol. 991, col. 471).

³² Материалы XXVI съезда КПСС. М. 1981, с. 25.

³³ Правда, 18.V.1980.

³⁴ Там же, 26.IX.1980.

антисоветской истерии. Забыв о собственном заявлении от 14 декабря 1981 г. о проведении «политики невмешательства» в польские дела, английское правительство объявило новые санкции, направленные против как Польши, так и СССР. В отношении Советского Союза они свелись к некоторым ограничениям передвижения советских дипломатов и торговых представителей на территории Великобритании³⁵ и т. п.

Вместе с тем и в 1980 г. и в 1981—1983 гг. продолжались двусторонние контакты. Консультации между министерствами иностранных дел СССР и Великобритании проводились дважды в 1981 г., дважды в 1983 г., причем в 1983 г. — на уровне заместителей министров. Расширялся круг обсуждаемых вопросов; так, если в 1981 г. речь шла в основном о положении на Ближнем Востоке, то в 1983 г. на первый план выдвинулись такие первостепенной важности международные вопросы, как разрядка и ограничение вооружений³⁶. Важным каналом двусторонних связей продолжали оставаться встречи министров иностранных дел. Они проходили в 1981 и 1982 гг. во время работы сессии Генеральной Ассамблеи ООН, в ноябре 1982 г. в Москве и в январе 1984 г. в Стокгольме в ходе работы Конференции по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе. Как и прежде, во время этих встреч было подтверждено намерение обеих держав развивать двусторонние контакты. В ноябре 1982 г. стороны высказались за развитие политического диалога и деловых отношений между двумя странами. На встрече в январе 1984 г. было отмечено, что «сотрудничество, а не конфронтация, отвечает жизненным интересам народов обеих стран, делу мира и безопасности на континенте»³⁷.

В июле 1981 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Каррингтон посетил СССР с рабочим визитом. Основное внимание на переговорах было уделено так называемому плану нейтрализации Афганистана, выработанному английским МИД. По этому плану на первом этапе переговоров по урегулированию афганского вопроса из них исключались представители законного правительства Афганистана, а на втором этапе — включались представители афганских контрреволюционеров. По плану Каррингтона, в переговорах должны были принять участие на первом этапе представители великих держав и Генерального секретаря ООН, на втором — соседних с Афганистаном государств. Однако эта попытка распорядиться судьбой страны за спиной ее собственного народа была отвергнута Советским государством³⁸. Консерваторы стремились возложить на СССР ответственность за ухудшение советско-английских отношений. Тэтчер лицемерно рассуждала о том, что в случае принятия советской стороной этого плана возникнет возможность «открыть новую главу в отношениях между Востоком и Западом»³⁹. Однако подлинные планы консерваторов были иные: лорд Каррингтон в интервью перед началом визита прямо заявил, что главная цель поездки — оказать давление на Советский Союз⁴⁰.

Если Советское правительство рассматривало развитие двусторонних отношений как одну из предпосылок разрядки, как существенный фактор сохранения мира и международной безопасности, то правительство Великобритании, напротив, стремилось путем давления на СССР добиться от него уступок в самых различных вопросах, касающихся в ря-

³⁵ Survey of Current Affairs, 1982, January, pp. 8—11, March, pp. 67—68.

³⁶ Очередные консультации между советским и английским МИД были проведены в феврале и марте 1984 г. соответственно в Вене и Лондоне. В ходе их обсуждался широкий круг международных проблем, в том числе вопросы прекращения гонки вооружений и разоружения, нераспространения ядерного оружия, двусторонних отношений (Правда, 22.II.1984; Известия, 31.III.1984).

³⁷ Правда, 16.I.1982; 21.I.1984.

³⁸ Там же, 8.VII.1981.

³⁹ The Times, 2.VII.1981.

⁴⁰ The Sunday Times, 5.VII.1981.

де случаев внутренней политики социалистических стран. Проведение этой жесткой линии встречало недовольство даже в определенных кругах британских дипломатов. Наблюдатели отмечали, более того, некоторые расхождения между Тэтчер и ее министерством иностранных дел, в том числе в вопросах отношений с СССР (конечно, речь шла о разнице в нюансах)⁴¹. Представители оппозиции в парламенте стремились использовать эти расхождения и неоднократно обвиняли премьер-министра и ее ближайших сотрудников в том, что они негативно влияют на деятельность министерства иностранных дел.

Когда лорд Каррингтон вышел в отставку, он в апреле 1983 г. выступил с призывом окончить «войну нервов» и начать новый диалог с СССР. Его преемник на посту министра иностранных дел Пим, уволенный в отставку в июне 1983 г., уже через три недели после этого выступил в парламенте по вопросам внешней политики и отметил, что линия Тэтчер в отношении СССР в течение всех лет ее правления сводилась исключительно к «твердости», тогда как настоятельно требовалось сочетать «твердость и диалог»⁴².

Несмотря на ухудшение советско-английских отношений, в 1979—1983 гг. удалось все же сохранить основы сложившейся ранее структуры двусторонних отношений. Как отмечалось на заседании Комитета министров иностранных дел стран — участниц Варшавского Договора в октябре 1980 г., благодаря принципиальной и вместе с тем сдержанной политике социалистических стран удалось «не допустить разрушения сложившихся нормальных политических контактов и связей между государствами»⁴³. Но если структура двусторонних отношений в политической области в целом и сохранилась, то использовало ее консервативное правительство Великобритании гораздо менее продуктивно, чем позволяли потенциальные возможности. Например, Тэтчер во время встречи с А. Н. Косыгиным в Москве в июне 1979 г. все внимание уделила так называемому вопросу о вьетнамских беженцах, явно рассчитывая на неблагоприятный для СССР пропагандистский эффект на Западе⁴⁴.

Неконструктивный подход английской стороны к возможностям расширения советско-английского диалога ярко проявился в поведении английской делегации на Мадридской встрече государств — участников Общеввропейского совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. С первых дней работы встречи СССР выступал за ее скорейшее и успешное завершение, за продолжение и углубление многостороннего процесса, начатого в Хельсинки, за принятие содержательного и сбалансированного итогового документа. Решимость социалистических стран добиться расширения сотрудничества во всех областях, обеспечить преемственность общеввропейского процесса разрядки нашла отражение и в Пражской декларации государств — участников Организации Варшавского Договора, принятой в январе 1983 года⁴⁵. В обращении к участникам Мадридской встречи в мае 1983 г. СССР выразил готовность принять проект итогового документа, представленного группой нейтральных и неприсоединившихся стран⁴⁶. Это в огромной степени способствовало успешному завершению Мадридской встречи в сентябре 1983 года.

Позиция Великобритании была совершенно иной. Задолго до начала Мадридской встречи английское правительство ввело в парламенте практику полугодовых обзоров «хода выполнения Заключительного ак-

⁴¹ См., напр., Ibid., 9.I.1983.

⁴² The Times, 22.IV.1983; Morning Star, 30.VI.1983.

⁴³ Правда, 21.X.1980.

⁴⁴ Там же, 28.VI.1979; Financial Times, 5.VII.1979.

⁴⁵ Правда, 7.I.1983.

⁴⁶ Там же, 7.V.1983.

та», причем речь шла не о действиях этого правительства по его осуществлению, а о политике социалистических стран. Фактически «обзоры» содержали неприкрытую клевету на реальный социализм. Выступая с одним из них 2 июля 1980 г., государственный министр иностранных дел П. Блейкер заявил, что на предстоящей встрече Великобритания будет уделять основное внимание выполнению обязательств, принятых в Хельсинки другими странами, в первую очередь социалистическими, в то время как «перспективы разработки новых инициатив в Мадриде в настоящее время не являются обнадеживающими»⁴⁷. Как подчеркивала «Financial Times», «западные державы добиваются встречи для осуждения Советского Союза», в то время как СССР стремится «повернуть дискуссию к вопросам разоружения»⁴⁸. В своем выступлении во время открытия встречи П. Блейкер возложил на СССР всю вину за осложнение международной обстановки⁴⁹. И в дальнейшем в Мадриде английская делегация придерживалась, по словам «The Times», «наиболее откровенной антирусской линии»⁵⁰.

Как отметил Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко на встрече с Тэтчер 14 февраля 1984 г. в Москве, «при наличии с английской стороны надлежащей готовности могли бы быть более содержательными и двусторонние отношения между нашими странами»⁵¹. В тронной речи королевы после прихода к власти правительства Тэтчер в мае 1979 г. установление стабильности в советско-английских отношениях выдвигалось в качестве первоочередной задачи, между тем в годы правления консерваторов снизились не только эффективность, но и стабильность отношений между двумя странами, что вынужден был признать лорд Каррингтон в ноябре 1980 года⁵².

Антисоветизм правительства Тэтчер проявлялся во всей внешней политике Великобритании. Оно избрало линию безоговорочной поддержки США. По словам «Tribune», политика Тэтчер по всем основным вопросам международной жизни являлась просто эхом курса американского государственного департамента⁵³. Великобритания полностью солидаризировалась с политикой Р. Рейгана в отношении СССР. Не случайно именно в английском парламенте американский президент провозгласил в июне 1982 г. «крестовый поход» против социализма. В тосте, поднятном в честь Р. Рейгана во время приема на Даунинг-стрит, 10, Тэтчер назвала его речь «триумфом» и восхваляла ее за то, что президент призвал к «давно ожидаемому наступлению во имя свободы»⁵⁴. Английское правительство поддержало практически все основные внешнеполитические акции США, в том числе создание «сил быстрого реагирования», политику в Ливане и Центральной Америке. Даже вторжение на Гренаду — члена Британского Содружества наций, предпринятое без консультации с Лондоном, в конечном счете было одобрено правительством Тэтчер. При этом Лондон ссылался на необходимость «противодействия коммунизму» в глобальном масштабе. Единственным исключением было сопротивление английского правительства попыткам Рейгана применить санкции против английских компаний, поставлявших оборудование в СССР для строительства газопровода «Уренгой — Ужгород», — в этом вопросе задетыми оказались как престиж, так и существенные экономические интересы Великобритании.

Причина подобной политики кроется прежде всего в общности классовых интересов правящих кругов двух империалистических дер-

⁴⁷ PDHC. Vol. 987, col. 633.

⁴⁸ Financial Times, 11.XI.1980.

⁴⁹ Survey of Current Affairs, 1980, December, pp. 352—354.

⁵⁰ The Times, 8.IV.1981.

⁵¹ Правда, 16.II.1984.

⁵² PDHL. Vol. 415, col. 99.

⁵³ Tribune, 13.V.1983.

⁵⁴ Guardian, 9.VI.1982.

жав, что не исключает, конечно, и соперничества между ними. Как правительство Рейгана, так и кабинет Тэтчер представляют наиболее агрессивные круги Запада. В интервью по случаю второй годовщины своего правления в качестве наиболее важного момента в международных отношениях английский премьер выделила приход к власти в США президента с внешнеполитическими взглядами, сходными с ее взглядами, в первую очередь по вопросам отношений с Востоком⁵⁵. Немаловажное значение имело и стремление использовать содействие мощного союзника для того, чтобы усилить позиции Великобритании в мире.

Близость позиций США и Великобритании по всем основным внешнеполитическим вопросам нашла отражение и в английской политике в отношении западноевропейских партнеров по НАТО и ЕЭС. Как подчеркивала «Financial Times» в редакционной статье 9 марта 1982 г., «главной целью британской внешней политики в будущем должно быть укрепление союза (НАТО.— А. Г.)». На практике это означало в первую очередь упрочение «атлантической солидарности», т. е. готовность западноевропейцев поддерживать политику США⁵⁶. Вслед за США британское правительство призвало своих союзников «удвоить военные усилия», ускорить размещение в Западной Европе новых американских ракет средней дальности. Тэтчер выступила в качестве активного сторонника расширения сферы действия НАТО. В мае 1982 г. на встрече министров иностранных дел стран НАТО именно Великобритания и США воспротивились предложению ряда европейских стран включить в коммюнике слово «разрядка»⁵⁷. Позиция правительства Тэтчер в наибольшей степени способствовала принятию в мае 1983 г. на совещании глав крупнейших государств Запада политической декларации в поддержку размещения в Европе американских ракет средней дальности.

Антисоветская направленность британской внешней политики проявилась и в отношениях с развивающимися странами. Посещая в 1981—1982 гг. страны Ближнего и Среднего Востока, члены консервативного правительства постоянно твердили о «советской угрозе» для стран этого региона. Часто переговоры заканчивались обсуждением военных контрактов или соглашений о предоставлении военной помощи⁵⁸. На переговорах с И. Ганди в апреле 1981 г. Тэтчер пыталась убедить индийское руководство, будто отношения с СССР можно строить только «с позиции силы». Несколько ранее, в январе 1981 г., министр торговли Великобритании предостерегал индийские деловые круги от расширения торгово-экономических связей с СССР, т. к. это может якобы привести к «политической зависимости», и призывал взамен расширять контакты с Западом⁵⁹. Эти заявления не достигли своей цели. Индия продолжала развивать отношения с СССР.

Заявления членов английского правительства о существовании «советской угрозы» странам Юго-Восточной Азии были опровергнуты даже весьма консервативным по составу парламентским комитетом по вопросам внешней политики после изучения ситуации, сложившейся в указанном регионе⁶⁰. На самом деле именно политика Великобритании способствовала росту нестабильности в ряде районов мира. В июле 1980 г. стало известно, что английское оружие в значительном коли-

⁵⁵ The Daily Telegraph, 4.V.1981.

⁵⁶ См., напр., выступление Тэтчер в январе 1981 г. и Пима в феврале 1983 г.— Financial Times, 30.I.1981; The Times, 15.II.1983.

⁵⁷ PDHL, Vol. 425, col. 107—109; Financial Times, 18.V.1982.

⁵⁸ Например, визит Дж. Нотта в Саудовскую Аравию в июне 1981 г. и переговоры английской военной делегации в Пакистане в феврале 1982 г. (Financial Times, 12.VI.1981; Известия, 23.II.1982).

⁵⁹ The Times, 16.IV.1981; Financial Times, 21.I.1981.

⁶⁰ См. Consequences of Soviet Expansion for British Foreign Policy, Vol. XVII.

честве поступает в Афганистан для борьбы против законных властей в стране, хотя ранее представители британского правительства, в том числе и Тэтчер, утверждали, что оружие афганским контрреволюционерам будто бы не поставляется и поставляться не будет⁶¹.

В контексте политики глобальной конфронтации с СССР знаменательно и стремление консерваторов к развитию военно-политического сотрудничества с Китаем «в первую очередь на основе стратегических соображений»⁶². Основной формой такого сотрудничества явились поставки Китаю новейших видов вооружения. Как отмечала «Tribune», Тэтчер рассматривала расширение этих поставок «не в свете будущей торговли с Китаем, но как часть ее жесткой политики по отношению к России»⁶³. После прихода консерваторов к власти начался оживленный обмен военными и промышленными делегациями между Китаем и Великобританией, был заключен ряд контрактов на поставку в Китай различных систем вооружения. Весной 1980 г. в Китае была устроена выставка британской военной техники. К 1981 г. английский экспорт в КНР на 25% состоял из военно-стратегических материалов⁶⁴. Во время визита Тэтчер в Китай в сентябре 1982 г. с достаточной ясностью проявилось ее стремление поддерживать антисоветские тенденции в политике Китая⁶⁵.

Подводя итоги первым двум годам правления Тэтчер, бюллетень «Politics Today», издающийся консервативной партией, утверждал, будто Великобритания вновь «играет ведущую роль в делах мира»⁶⁶. На самом же деле антисоветский курс английского правительства не встречал поддержки большинства развивающихся стран и даже ряда западноевропейских союзников Великобритании. Как отмечал обозреватель «The Observer» 20 марта 1983 г., антисоветизм консерваторов помешал им сыграть свою роль в развитии отношений между Западом и Востоком, хотя именно этот путь мог привести к повышению престижа и влияния Великобритании в мире, укрепил бы ее безопасность и таким образом отвечал бы подлинным интересам страны.

Значительное место в советско-английских отношениях рассматриваемого периода занимали проблемы военной разрядки. По всем основным вопросам разоружения и ограничения гонки вооружений советская сторона внесла конструктивные предложения, подчеркивая свою готовность к частным и общим, двусторонним и многосторонним переговорам и соглашениям по этим вопросам на основе принципов равенства и одинаковой безопасности для всех сторон. Английское правительство на словах не отказывалось от курса на разоружение. Однако его представители постоянно подчеркивали стремление к переговорам «с позиции силы». Консерваторы, пришедшие к власти под лозунгом «Укрепление обороны», основное внимание уделяли повышению военных расходов. «Правительство убеждено, что мир может быть сохранен только с позиции силы. Поэтому как обычные, так и ядерные средства обороны Британии должны быть усилены», — указывалось в бюллетене «Politics Today»⁶⁷. И каждый раз для обоснования подобной политики на свет извлекался миф о «советской военной угрозе». Используя самые различные приемы — подсчет одних видов вооружений в отрыве от дру-

⁶¹ PDHC. Vol. 977, col. 727—728. Подробнее о политике Великобритании в этом регионе см.: Ованесова Р. Новое и старое в средневосточной политике Великобритании. — Мировая экономика и международные отношения, 1982, № 2.

⁶² PDHC. Vol. 958, col. 1240.

⁶³ Tribune, 2.XI.1979.

⁶⁴ Иванов И. Д. Международные монополии во внешней политике империализма. М. 1981, с. 55.

⁶⁵ Survey of Current Affairs, 1982, October, p. 320.

⁶⁶ Politics Today, 1981, № 8, p. 127.

⁶⁷ Ibid.

гих, завышение цифровых данных, приписывание СССР агрессивных намерений и т. д., — консерваторы стремились оправдать гонку вооружений. На II специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению в июне 1982 г. Тэтчер заявила, будто именно ядерное оружие НАТО обеспечивает сохранение мира между Востоком и Западом⁶⁸.

Отвергая одну за другой мирные инициативы СССР, всячески способствуя наращиванию военного потенциала НАТО, английское правительство добивалось от СССР односторонних уступок в обмен на полное восстановление диалога между двумя странами. Вместе с тем консерваторы не могли открыто заявить о своем отказе от политики разоружения. Они испытывали сильное внутривластное давление, поскольку массы понимали, что любой, даже «ограниченный» ядерный конфликт означал бы гибель Великобритании. Именно поэтому во всех правительственных заявлениях подчеркивалась «готовность» к контролю над вооружениями.

Итоги деятельности правительства Тэтчер в области разоружения оказались крайне разочаровывающими. В заявлении премьер-министра по этому вопросу, сделанном в ноябре 1982 г., содержалось 15 пунктов, однако большинство из них оказалось просто перечислением многосторонних переговоров, в которых участвовала Великобритания, или предложений стран НАТО, которые поддержала Великобритания. Сюда же вошла декларированная, но ни к чему не обязывающая поддержка Договора ОСВ-2 (об этом консерваторы заявили после подписания договора), а одновременно и участие Лондона в пресловутом «двойном решении» НАТО, принятом в декабре 1979 г. и приведшем к размещению в Европе новых американских ракет и значительному ухудшению международной обстановки. Этот шаг консерваторы также преподносили как часть процесса разоружения⁶⁹. Английское правительство не раз заявляло, что оно будто бы стремится к конкретным, а не общим соглашениям по контролю над вооружениями⁷⁰. Но когда СССР выдвигал инициативы такого рода, они сразу же отвергались Великобританией. В Комитете по разоружению, в ООН английские делегаты голосовали против создания безъядерных зон в Европе, рабочих групп по вопросам разоружения, других предложений СССР. Объясняя такую позицию, представитель британского правительства лорд Трефгарн заявил в марте 1982 г., что «имеются проблемы большей важности, на которые необходимо обратить внимание Объединенных Наций»⁷¹.

Стремление английского правительства проводить политику «с позиции силы» и его негативное отношение к ограничению вооружений особенно отчетливо проявилось в вопросе о размещении американских ракет средней дальности в Европе. С первых дней своего правления консерваторы заявляли о поддержке этого плана. Все советские предложения были отвергнуты. Великобритания, по признанию государственного министра обороны лорда Стратона, сыграла главную роль в принятии в декабре 1979 г. «двойного решения» НАТО⁷². Английское правительство ссылалось при этом на стремление достичь «позиции силы» на переговорах с СССР и необходимость укрепления НАТО. «Будет бедствием для всего союза (НАТО. — А. Г.), если решение о модернизации ядерных сил театра военных действий не будет в действительности принято», — заявила Тэтчер⁷³. Активно поддерживая США в этом вопросе, Великобритания одновременно с конца 1979 г. начала с ними перегово-

⁶⁸ Survey of Current Affairs, 1982, July, p. 234.

⁶⁹ Politics Today, 1982, № 22, pp. 402—403.

⁷⁰ Survey of Current Affairs, 1981, October, pp. 293—294.

⁷¹ PDHL, Vol. 419, col. 403—404.

⁷² Ibid. Vol. 403, col. 1390.

⁷³ Ibid. Vol. 975, col. 1069.

ры о помощи в модернизации своих «независимых ядерных сил»⁷⁴ и добилась согласия на продажу ракетной системы «Трайидент».

Решение НАТО о размещении в Европе новых американских ракет усилило международную напряженность. Советский Союз не оставлял попыток добиться сокращения ядерных вооружений в Европе, предотвратить новый виток гонки вооружений. Даже «The Times» вынуждена была признать, что СССР искренне желает диалога с Западом в вопросах контроля над вооружением⁷⁵. В конце 1981 г. СССР в одностороннем порядке прекратил размещение новых ракет средней дальности в европейской части своей территории. В декабре 1982 г. Советский Союз предложил сократить количество своих ракет средней дальности до уровня английских и французских ядерных сил. В этот момент английское правительство получило реальную возможность активно повлиять на ход советско-американских переговоров по вопросу размещения в Европе ракет среднего радиуса действия, поддержав советскую инициативу. Однако Лондон с ходу отверг ее и вместо этого поддержал «нулевой» и «промежуточный» варианты Рейгана. В декабре 1983 г. в Западной Европе, в том числе и в Англии, началось размещение американских ракет. В Заявлении Ю. В. Андропова от 25 ноября 1983 г. было подчеркнуто, что правительства западных стран, включая Великобританию, взяли на себя всю ответственность за последствия подобной политики. Советский Союз, в свою очередь, был вынужден принять соответствующие ответные меры⁷⁶.

Правительство Великобритании отвергло предложение Советского правительства о замораживании на существующем уровне всего ядерного оружия. В ООН английская делегация голосовала против этого предложения. Лондон ответил отказом и на Обращение Советского правительства, содержащее текст постановления Верховного Совета СССР от 16 июня 1983 г., и на памятную записку с предложением о замораживании ядерных вооружений в количественном и качественном отношении, переданную британскому послу в Москве 21 июня 1983 года⁷⁷. Английское правительство отказалось также дать обещание не применять ядерного оружия первым⁷⁸. В мае 1983 г. Тэтчер заявила о готовности без колебаний использовать ядерное оружие⁷⁹. Отказ поддерживать советские предложения о замораживании ядерных вооружений и о неприменении ядерного оружия первыми в значительной степени объясняется тем, что консерваторы приступили к осуществлению программы модернизации своих «независимых ядерных сил», рассчитывая увеличить их мощность в несколько раз и тем самым нарастить потенциал первого удара НАТО.

Как уже отмечалось, придя к власти, консервативное правительство Великобритании объявило о своей поддержке Договора ОСВ-2 и переговоров о полном запрещении испытаний ядерного оружия. Однако, когда США отказались ратифицировать договор и прервали переговоры о прекращении ядерных испытаний, английское правительство не сочло нужным предпринять какие-либо шаги для воздействия на своего союзника. Приобретая у США ракетную систему «Трайидент-2», Великобритания объективно способствовала тому, что значительная часть ядерного потенциала НАТО выводилась за рамки ОСВ.

Великобритания, как и другие страны НАТО, занимает неконструктивную позицию на переговорах об ограничении вооруженных сил и

⁷⁴ Ibid. Vol. 935, col. 535.

⁷⁵ The Times, 10.III.1981.

⁷⁶ Правда, 25.XI.1983.

⁷⁷ Там же, 22.VI.1983.

⁷⁸ PDHL. Vol. 425, col. 574.

⁷⁹ The Guardian, 1.VI.1983.

вооружений в Центральной Европе. Английское правительство поддержало планы США по увеличению производства химического оружия, производству нейтронного оружия, размещению оружия в космосе. Консерваторы резко увеличили военные расходы страны, которые в 1983 г. достигли 16 млрд. ф. стерлингов. К 1986 г. планируется увеличение их на 20% по сравнению с 1980 годом. Валовой национальный продукт за это же время должен возрасти лишь на 1%⁸⁰.

На конференции консервативной партии в 1983 г., в ходе предвыборной кампании в мае — июне 1983 г. было подтверждено стремление консерваторов продолжать политику «укрепления обороны» при сохранении прежнего негативного отношения к вопросам разоружения. Против этой политики правительства выступили — с той или иной степенью решимости — все основные оппозиционные партии Великобритании — лейбористская, либеральная и социал-демократическая. Видное место заняли проблемы борьбы за разрядку и разоружение в решениях XXXVIII съезда КПВ, состоявшегося в ноябре 1983 года. Невиданного размаха достигло в Англии движение сторонников мира.

В условиях, когда политика консервативного правительства, направленная на ограничение политических контактов с СССР, снизила эффективность структуры двусторонних отношений, созданной в середине 70-х годов, особое значение стали приобретать политические контакты на неправительственном уровне. Их важность была подчеркнута в ходе визитов в СССР бывшего премьер-министра Великобритании Г. Вильсона в апреле 1983 г., бывшего премьер-министра Дж. Каллагэна в октябре 1983 г. и делегации либеральной партии Великобритании во главе с ее лидером Д. Стилом в январе 1984 года⁸¹. Вопросы политических взаимоотношений выдвинулись на первый план на ряде форумов, где они прежде обычно занимали второстепенное место. Некоторые каналы советско-английских контактов на неправительственном уровне стали приобретать многосторонний характер, что особенно важно в условиях осложнения международной обстановки. Так, в работе традиционных «Эдинбургских бесед», в которых участвовали видные научные, общественные, военные деятели СССР и Великобритании, стремящиеся к широкому обмену взглядами по вопросам международных отношений и разоружения, в сентябре 1983 г. впервые приняла участие представительная американская делегация⁸². Укрепились связи между советскими и английскими сторонниками мира.

Значительное влияние на развитие советско-английских отношений в политической области оказали экономические факторы. Попытки консерваторов ограничить все виды контактов с СССР вызвали сопротивление части деловых кругов Великобритании, заинтересованных в развитии взаимовыгодной торговли. Консерваторы не могли игнорировать требования бизнесменов «раскрыть политический зонтик» над сферой торгово-экономического сотрудничества и в ряде случаев пошли на определенные шаги по восстановлению нарушенных торгово-экономических связей. В 1982—1983 гг. с успехом прошли X и XI сессии советско-английской Постоянной межправительственной комиссии по научно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству. В ходе этих сессий была достигнута договоренность о расширении взаимовыгодного сотрудничества⁸³. О заинтересованности британского бизнеса в торговле с СССР лучше всего говорит целая серия конференций и семинаров, посвященных проблемам развития советско-английской торговли, которые организовали Торгово-промышленная палата СССР, Британо-со-

⁸⁰ PDHC. Vol. 983, col. 1023.

⁸¹ Правда, 20.IV.1983; Известия, 26.I.1984; Morning Star, 18.X.1983.

⁸² Правда, 19.IX.1983.

⁸³ Внешняя торговля, 1983, № 1, с. 41—42; № 3, с. 53—54; Известия, 19.V.1983.

ветская торговая палата, Конференция британской промышленности и другие организации. На конференции такого рода, происходившей в январе 1984 г. в Лондоне, представитель английского правительства отметил заинтересованность британских фирм в развитии экономического сотрудничества с СССР и выразил готовность «поощрять взаимовыгодную торговлю между английскими фирмами и советскими организациями»⁸⁴. Товарооборот, заметно снизившийся в первые годы правления консерваторов, в 1982—1983 гг. вновь начал расти.

1979—1983 гг. занимают особое место в 60-летней истории советско-английских отношений. Они являются началом нового, сложного и противоречивого этапа этих отношений, когда все достигнутое в предшествующие годы подвергается серьезным испытаниям. Курс консервативного правительства Тэтчер на конфронтацию с СССР и ограничение контактов практически по всем основным направлениям привел к ухудшению советско-английских отношений. Это способствовало росту напряженности в мире, эскалации гонки вооружений. Ухудшение советско-английских отношений противоречило национальным интересам Великобритании, ибо безопасность ее в результате такой политики отнюдь не укрепилась. Поэтому обострилась борьба между двумя тенденциями в правящих кругах Великобритании. Позитивная тенденция нашла свое выражение, в частности, в расширении политических контактов на неправительственном уровне, а также в области торгово-экономического сотрудничества. Советский Союз продолжает борьбу за возвращение к разрядке, за развитие долгосрочного, стабильного и взаимовыгодного сотрудничества с Великобританией во всех областях, что отвечает подлинным интересам обеих стран и всего человечества.

⁸⁴ Правда, 30.1.1984.

«ЦАРСТВА» БУРЕБИСТЫ И ДЕЦЕБАЛА: СОЮЗЫ ПЛЕМЕН ИЛИ ГОСУДАРСТВА?

(I в. до н. э. — начало II в. н. э.)

Г. Б. Федоров, Л. Л. Полевой

Изучение социально-политической природы гето-дакийских «царств» Буребисты и Децебала, существовавших на Карпато-Дунайских землях в античное время, имеет давнюю традицию. Среди крупных зарубежных историков прошлого столетия выделяются В. Пырван и К. Патш, которые называли эти «царства» государствами, не вкладывая, несомненно, современного смысла в это понятие¹. В послевоенное время идею о наличии раннего гето-дакийского рабовладельческого государства обосновывают румынские историки К. Дайковичу и, с оговорками о слабом развитии в них рабовладения и существовании иных форм эксплуатации, А. Дайковичу². Эта идея находит свое продолжение в концепции гето-дакийского централизованного государства, возникшего якобы уже в I в. до н. э. при Буребисте (И. Кришан и др.)³, и логически завершается признанием существования нескольких государств у гето-даков уже с III в. до н. э., т. е. до появления объединившего их «царства» Буребисты (Л. Кицеску, Л. Рошу и др.)⁴. В 1980 г. в Румынии отмечалось 2050-летие создания «первого дакийского централизованного и независимого государства» — высокой формы государственности, якобы сохранявшейся на протяжении двух последующих тысячелетий истории⁵.

Однако не все румынские историки единодушны в определении характера гето-дакийских «царств». Ряд исследователей придерживался мнения о наличии у гето-даков времени Буребисты (М. Макря, М. КонстантINESКУ) и даже Децебала (М. Бабеш)⁶ племенных союзов

¹ Pârvan V. *Getika. O protoistorie a Daciei*. Bucureşti. 1926, p. 75; Patsch C. *Der dacische Grossstaat des Burebistas. Beiträge zur Völkerkunde von Südosteuropa*, V. Wien — Leipzig. 1932.

² Daicoviciu C. *Dacii din Munţii Orăştiei şi începuturile statului sclavagist dac.* — *Studii şi cercetări ştiinţifice*. Cluj, 1950, 1/2; Daicoviciu H. *Dacia de la Burebista la cucerirea romana*. Bucureşti. 1972.

³ Crişan I. H. *Burebista şi epoca sa*. Ed. 2. Bucureşti. 1977; Berciu D. *De la Burebista la Decebal*. Bucureşti. 1976; Muşat M., Ardeleanu J. *De la statul geto-dac la statul român unitar*. Bucureşti. 1983.

⁴ Roşu L. *Consideraţii cu privire la structura Societăţii dacice înainte de Burebista.* — *Revista muzeelor şi monumentelor.* — *Muzee*, 1978, № 3; Şiţescu L. *Formaţiuni unional — tribale sau formaţiuni statale?* In: *Cercetări arheologice*. IV. Bucureşti. 1981.

⁵ Cu. Chiţescu L. *Continuitate pe acelaşi teritoriu, de la organizarea statală geto-dacă la statele feudale româneşti.* — *Revista muzeelor şi monumentelor.* — *Muzee*, 1979, № 7; Crişan I. H. *Statul dac condus de Burebista.* — *Revista de istorie*, 1979, № 7, p. 1232.

⁶ Macrea M. *Procesul separării orasului de sat la daci*. In: *Studii şi referate privind istoria României*, I, Bucureşti. 1954; Constantinescu M. *Schiţa unei teorii marxiste a formaţiunii social-economice tributale*. Bucureşti. 1974; см. рецензию М. Бабеша на работу А. Дайковичу: *Studii şi cercetări de istorie veche şi arheologie*. Bucureşti, 1974, № 2.

эпохи военной демократии. Это мнение в той или иной степени разделяют и советские историки⁷.

Разносторонний подход даже на одинаковой источниковой базе, неизбежные при этом дискуссии, если они ведутся на должном уровне, лишь способствуют приближению к истине. Основная причина, открывающая их возможность, — специфическая ограниченность источниковой базы. Для изучаемой проблемы в обращении постоянно находится хотя и значительный, но в общем слабо пополняющийся круг письменных источников⁸, которые сами по себе не позволяют дать однозначный ответ на большинство вопросов социально-политической истории гето-даков, т. к. сообщения древних авторов лаконичны и могут толковаться по-разному. Правда, накопление археологических материалов дает возможность более углубленно изучать материальную и ряд сторон духовной гето-дакийской культуры⁹. Находки монет, обращавшихся в Карпато-Дунайских землях в III в. до н. э. — II в. н. э., свидетельствуют о развитии у их обитателей экономической жизни¹⁰. Однако археологические и нумизматические источники лишь косвенно освещают некоторые стороны социально-политической истории гето-даков. А такой важный источник, как язык, вообще в данном случае отпадает, ибо в современных восточнороманских языках сохранилась едва сотня — полторы слов фракийского субстрата, из которых многие к тому же сомнительны¹¹. Выявлению некоторых реликтовых субстратных фракийских элементов общественной жизни помогают этнографические и фольклорные материалы¹². Но даже в комплексе все эти источники далеко не всегда позволяют четко представить социально-политическую историю гето-дакийского мира.

Первые упоминания о гетах у античных авторов относятся к VI—V вв. до н. э. (Гекатей, Софокл, Геродот, Гелланик). Геродот, описывая поход Дария против скифов 514—513 гг. до н. э., сообщает, что царь

⁷ Златковская Т. Д. Мезия в I—II вв. н. э. М. 1951, с. 7; ее же. Племенной союз гетов под руководством Буребисты (I в. до н. э.). — Вестник древней истории (ВДИ), 1955, № 2; Блаватская Т. В. Западнопонтские города в VII—I вв. до н. э. М. 1952, с. 172; Кругликова И. Т. Дакция в эпоху римской оккупации. М. 1955, с. 34; Федоров Г. Б. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. — Материалы и исследования по археологии СССР, 1960, № 89, с. 50; Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев. 1964, с. 64—65; его же. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев. 1978, с. 27; История Молдавской ССР. Кишинев. 1982, с. 24—25; и др.

⁸ Izvoare privind istoria României, I. De la Hesiod la Itinerarul lui Antoninus. București. 1964; Izvoarele istoriei României, II. De la anul 300 pînă la anul 1000. București. 1970; Mușat M. Foreign Sources and Testimonies about the Forebears of the Romanian People. Collection of Texts. București. 1980, a. o.

⁹ Daicoviciu C. Așezările dacice din Munții Orăștiei. București. 1951; Crișan I. H. Ceramika daco-getika. București. 1969; Daicoviciu H. Dacii. București. 1972; Olteanu Șt. Aspecte ale civilizației geto-dacice în lumina cercetărilor recente. — Revista arhivelor, 1979, № 2; Epoca clasică a civilizației daco-getike. — Revista de istorie, 1980, № 3; Miclăuș J., Florescu R. Strămoșii românilor. Vestigii milenare de cultură și artă Geto-dacii. București. 1980; Decebal și Traian. Daco-romanii, I, 2. București. 1980.

¹⁰ Floca O. Contribuții la cunoașterea tezaurilor de argint dacice. București. 1956; Preda C. Monedele geto-dacilor. București. 1973; Clodariu J., Relații comerciale ale Daciei cu lumea elenistică și romană. Cluj. 1974; Mitrea B. Monedele și viața economică a geto-dacilor în timpul lui Burebista. — Revista muzeelor și monumentelor. — Muzee, 1978, № 6, a. o.

¹¹ Врачу А. Современное состояние вопроса о субстратных элементах румынского языка. — Балканско езикознание, София, 1966, II/1; Калужская И. А. Проблема автохтонных элементов румынского языка. В кн.: Античная балканистика и сравнительная грамматика. М. 1977; Нерознак В. П. Палеобалканские языки. М. 1978, с. 195—208; Russu I. I. Limba traco-dacilor. București. 1967.

¹² Златковская Т. Д. Элементы фракийской культуры в традиционном искусстве и фольклоре молдаван. — Советская этнография, 1974, № 6; ее же. К проблеме античного наследия у южных славян и восточных романцев. — Советская этнография, 1978, № 3; Спатару Г. И. Историческая молдавская народная драма. Кишинев. 1980; Pop M. Călușul. — Revista de etnografie și folclor, București, 1975, № 1.

персов, «не доходя еще до Истра... сперва покорил гетов... геты, самые храбрые и честные среди фракийцев, оказали царю вооруженное сопротивление, но тотчас же были покорены» (Herod., IV, 93). О гетах и тем более даках, обитавших к северу от Дуная (Истра), Геродоту ничего не было известно: «О том, какие племена обитают дальше к северу от Фракии, никто достоверно сказать не может. Области за Истром, по-видимому, необитаемы и беспредельны» (Ibid., V, 9).

У фракийцев, в том числе гетов, живших к югу от Дуная, социальное расслоение уже привело тогда к выделению племенной знати, сделавшей военную добычу основным средством своего обогащения, из массы простых общинников. «Человек, проводящий время в праздности, пользуется у них большим почетом. Напротив, к земледельцу они относятся с величайшим презрением. Наиболее почетной они считают жизнь воина и разбойника» (Ibid., V, 6). Эти лаконичные, но довольно определенные сообщения Геродота позволяют представить себе общество, в котором, говоря словами Ф. Энгельса, «война и организация для войны станвятся теперь регулярными функциями народной жизни», являются характерной чертой «родового общества, развивающегося в военную демократию»¹³.

В гето-дакийских могильниках того времени выделяются погребения воинов с оружием, многочисленными предметами быта, украшениями, умерщвленными конями и др. В некоторых могильниках погребения воинов составляли до 30% всех захоронений¹⁴. В районах, близких к западнопонтийским греческим городам, открыты единичные особо богатые погребения (могильники Аджигиол, Зимнича, Фэкэу, Телица и др.), иногда даже в каменных склепах, с большим числом дорогих предметов, особенно вооружения: по-видимому, захоронения племенных вождей¹⁵. Для этого периода, однако, еще характерно, что обычно погребения воинов и вождей территориально не отделены от прочих захоронений, не подчеркнуто тем самым их социальное обособление от основной массы простых, но еще свободных общинников. Однако некоторые могильники, вероятно, представляли собой уже отдельные места захоронения военно-аристократической родовой группы. В могильнике Зимнича с его курганами (это само по себе довольно редкое явление для в массе своей бескурганных могильников) в большинстве погребений находились железные наконечники копий, бронзовые стрелы, бронзовые, серебряные и даже золотые украшения, предметы быта и др. Здесь нет, как зачастую в других гетских могильниках того времени, безынвентарных погребений¹⁶.

Неуклонно развивавшаяся имущественная и социальная дифференциация в эпоху военной демократии сопровождалась созданием племенных союзов. Во второй половине IV — начале III в. до н. э. у гетов к северу от Дуная известны племенные объединения. Где-то близ Истрии против скифов Атея в 339 г. до н. э. выступил «царь» истрийцев (rex Istriarum) — видимо, глава гетского союза племен, обитавших недалеко от устья Дуная¹⁷. Некоторые из таких союзов племен оказались способными успешно противостоять наступлению Македонской державы. В 20-х годах IV в. до н. э., как считают, геты разгромили вой-

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 164.

¹⁴ Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М. 1973, с. 152.

¹⁵ Мелюкова А. И. Скифия и фракийский мир. М. 1979, с. 123, 127, 133—134. Племенные вожди, наиболее богатые представители племенной аристократии, владели художественно выполненными парадными золотыми, серебряными и боевыми бронзовыми шлемами, которые известны из случайных находок и погребений в гетских могильниках IV—III вв. до н. э. (Berciu D. Arta traco-getică. București. 1969, pp. 77—97).

¹⁶ Săpăturile arheologice de la Zimnicea (Studii, 1949, № 1; Vulpes R. Asezări getice din Muntenia. București. 1966, p. 20.

¹⁷ Блаватская Т. В. Ук. соч., с. 86—87.

ско Зопириона, наместника Александра Македонского во Фракии¹⁸, а в начале III в. до н. э. глава гетского племенного союза Дромихет дважды нанес поражение войску македонского царя Лисимаха, пленив его самого. Дромихет не мог единолично решить судьбу Лисимаха и вынужден был убеждать собрание воинов отпустить пленника (Diod., XXI, 12, 3). Этот эпизод, по мнению Т. Д. Златковской, показывает гетского «царя» лишь в роли одного из наиболее влиятельных членов народного собрания — главного общественно-правового института периода военной демократии.

Видимо, ко времени Дромихета геты достигли уровня возникновения крупных союзов племен¹⁹. Источники не позволяют определить, какие племена гетов вошли в этот союз под предводительством Дромихета. Нет оснований считать, что это межплеменное объединение составили все гетские племена на обширном пространстве их расселения от Истра (Дуная) по границам Герканского леса (от района нынешнего Будапешта до Карпат), вдоль Карпат до реки Тирас (Днестр) и на юг до Хема (Балканские горы) и реки Асаи (совр. Осым), правого притока Дуная, на западе (Thucyd., II, 96; Strab., VII, 3,2; Dio Cass., LI, 27; LXVII, 6; Ovid. Ex Ponto; Tristia). Тем не менее эта этносоциальная общность гетских племен была достаточно мощной, чтобы нанести крупное военное поражение грекам²⁰. А. И. Мелюкова высказала предположение, что центр племенного объединения во главе с Дромихетом находился в лесостепной зоне расселения гетов между Днестром и Сиретом. Здесь в IV—III вв. до н. э. была сосредоточена основная масса гетского населения и возникло большое число городищ, которые являлись не только оборонительными, но также социально-экономическими центрами²¹.

Разложение первобытнообщинных отношений и переход к классовому обществу в эпоху военной демократии у гетов происходил на базе определенных сдвигов в материальном производстве, экономической жизни. В IV—II вв. до н. э. культура гетов поднимается на новый уровень, испытывая при этом влияние южных фракийцев и особенно греческих городов Западного Понта. В земледелии распространились рало с железным наконечником, серп, мотыга, в ремесле развиваются металлургия и обработка железа, гончарство, а также, по-видимому, ювелирное дело. Остальные производства, в том числе часть керамического, еще сохраняли домашний характер. Растет торговля между гето-дакийским миром, южными фракийцами и греческими городами, в которой все большую роль начинают играть товарно-денежные отношения, распространяющиеся и внутри гето-дакийских племен, начавших чеканить собственную монету где-то в конце IV — первых десятилетиях III в. до н. э.²²

Гето-дакийские серебряные монеты вначале были представлены только одним типом, имитировавшим македонские тетрадрахмы Филиппа II²³, и, возможно, чеканились союзом племен, во главе которого стоял Дромихет. Затем, во второй половине III — II в. до н. э., появились различные типы гето-дакийских монет, характерные для определенных областей Карпато-Дунайских земель. Они, вероятно, выпускались большими племенами или союзами племен, ибо на них, как обыч-

¹⁸ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 20—21.

¹⁹ Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев. М. 1971, с. 221—222.

²⁰ Златковская Т. Д., Полевой Л. Л. Городища Прутско-Днестровского междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов. В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье. М. 1969, с. 56, 57.

²¹ Мелюкова А. И. Ук. соч., с. 237—238.

²² Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Ук. соч., с. 123—124, 128—129; Preda C. Moneda antică în România. București. 1969, p. 20.

²³ Preda C. Monedele geto-dacilor, pp. 407—408.

но на южнофракийских, кельтских и других племенных монетах, не обозначались имена предводителей и даже в отличие от южнофракийских названия племен²⁴. Чеканка гето-дакийских монет возникла прежде всего из нужд развивающейся внутренней торговли, испытывавшей также внешние греко-фракийские и кельтские экономические воздействия, ибо ареалы основной массы находок этих монет, в сущности, ограничены племенными территориями.

Во второй половине III — первой половине II в. до н. э. выделяется около десяти типов монет, с большей или меньшей уверенностью относимых к гетским, которые принадлежали племенам или союзам племен, располагавшимся на юго-западе Карпато-Дунайских земель, в нынешней Олтеннии, возможно, также Добрудже. Во второй половине II — начале I в. до н. э. чеканилось более десяти типов гето-дакийских монет в основном в четырех центрах — видимо, крупными племенными союзами, занимавшими сравнительно обширные территории, главным образом нынешних Трансильвании (долина верхнего и среднего Муреша с притоками), Олтеннии и Мунтении²⁵. Однако в первом и даже во втором периодах далеко не все гето-дакийские племена и объединения племен на всем пространстве их расселения в Карпато-Дунайских землях выпускали собственную монету. Чеканка монеты была признаком выделения в массе родственных северофракийских племен тех, которые опережали других по уровню экономического и социально-потестарного²⁶ развития, подготовившего появление более крупных межплеменных образований.

Наряду с распространением гето-дакийской племенной монеты в Карпато-Дунайских землях в IV—II вв. до н. э. широко обращалась греческая монета. Внушительное количество монет того времени, найденное в Карпато-Дунайских землях, объясняется не только развитием торговли и денежного обращения, но также накоплением богатств в кладах в результате военных грабежей, платы, получаемой гето-дакийскими наемниками от эллинистических басилеев и городов, дани греческих городов Понта, откупавшихся от нападений гето-дакийских отрядов, выкупа, даваемого за пленных, и т. д.²⁷

«Появление гето-дакийской собственной чеканки может служить свидетельством интенсивного разложения родового строя, который оказался бессильным против победного шествия денег»²⁸. Чеканка монет отдельными племенами или союзами племен и отсутствие ее у прочих гетских племен свидетельствует о неравномерности их социально-экономического развития в разное время, появлении и распаде недолговечных союзов племен²⁹, что характерно для эпохи военной демократии.

²⁴ Редко встречающиеся на южнофракийских и кельтских монетах племенной чеканки имена собственные принадлежали, как считают, главам союзов племен. (Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев, с. 68—70, 194—198; Филипп Я. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, с. 137—138; Preda C. Monedele geto-dacilor, p. 408.)

²⁵ Preda C. Monedele geto-dacilor, pp. 407—432.

²⁶ Потестарная власть — власть, еще не отделенная от народа в бесклассовом обществе, в том числе и военная демократия (см. Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии. М. 1981, с. 12—13).

²⁷ Preda C. Moneda antică în România, pp. 11—16, 18—19, 29—32; Mitrea B. Op. cit., p. 4.

²⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 113.

²⁹ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М. 1983, с. 35. Классики марксизма показали, что военная демократия, межплеменные объединения существовали на протяжении длительного времени и прошли в своем развитии четыре этапа. На первом, раннем (к концу его, видимо, и относится межплеменной союз Буребисты), эти объединения легко распадались и носили временный характер (см. Маркс К. Конспект книги Льюиса Т. Моргана «Древнее общество». — Архив Маркса и Энгельса. Т. IX, с. 89; см. также Аверкиева Ю. П. О месте военной демократии в истории индейцев Северной Америки. — Советская этнография, 1970, № 5, с. 43; и др.)

В ту же эпоху наряду с обычными открытыми поселениями появляются большие, для своего времени хорошо укрепленные мощными земляными валами, деревянными конструкциями и глубокими рвами городища-крепости, многие из которых становились опорными пунктами и убежищами отделившейся от народа племенной аристократии. У гето-даков городища появляются в IV—III вв. до н. э., что совпадает с временем первых упоминаний в источниках гетских «царей», союзов племен, создававших целые системы укреплений, подобных Бутученскому, Поянскому и др.³⁰ В дальнейшем те из них, которые уцелели при кельтском и бастарнском нашествиях (III — II вв. до н. э.), постепенно становятся не только военно-политическими и, по-видимому, религиозными, но также экономическими и культурными центрами в период постепенного перехода к созданию гето-даками своей государственности.

После Дромихета в источниках упоминаются имена других гетских «царей» — племенных предводителей или глав не столь больших союзов племен: в III в. до н. э. — Залмодегик, на рубеже III — II в. до н. э. — Ремакс и Золтес³¹, в середине II в. до н. э. — Орол и возможно Рубобост (*Trogus Pompeius* XXXII, 3, 16). Никаких сведений об общественном статусе этих лиц источники не сообщают, кроме того, что возглавлявшиеся ими гетские этносоциальные образования играли значительную роль в политической истории Северо-Западного Причерноморья³².

В первой половине I в. до н. э. на историческую сцену гето-дакийского мира выдвигается новая значительная фигура — «царя» Буребисты³³, о котором сообщает Страбон: «Возглавив свой народ... возвысил его настолько упражнениями, воздержанием от вина и повиновением повелениям, что за несколько лет создал сильную власть» (*Strab.* VII, 3, 11)³⁴. Многие румынские авторы, ссылаясь на дальнейшие экономические и социальные сдвиги в гето-дакийском обществе, характер власти и внешнеполитических действий Буребисты, считают возглавленное им объединение государственным и даже централизованным³⁵ политическим образованием, вобравшим в себя все гето-дакийские племена

³⁰ Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Ук. соч., с. 124; Никулицэ И. Т. Геты IV—III вв. до н. э. в Днестровско-Карпатских землях. Кишинев. 1977, с. 130.

³¹ Pippidi D. M. Istros et les Gètes au III-e siècle av. notre ère. — *Studii clasice*, 1981, III; Daicoviciu H. «Regatul» lui Rhemaxos. — *Asta Musei Napocensis*, 1967, IV.

³² Блаватская Т. В. Ук. соч., с. 152—156. Ряд авторов, правда, используют эпизод позорного наказания Оролом воинов, неудачно сражавшихся с бастарнами, для доказательства применения им единоличной власти якобы в отношении своих подданных (см. Roșu L. Consideratii au privire la structura societății dacice înainte de Burebista. — *Revista muzeelor și monumentelor*. Muzee, 1978, № 3, p. 52). Однако здесь прежде всего следует обратить внимание на характер наказания, носящий обычно правовой общинный характер: воины должны были спать головой к «ногам» лежа и прислуживать своим женам. «Царь» своей властью лишь дал ход обычаю, применявшемуся в общине и племени.

³³ Обосновывают разные даты выдвижения Буребисты: 70—60 гг. I в. до н. э. (Părgușan V. Op. cit., pp. 78—79), после 62—61 гг. (Златковская Т. Д. Племенной союз гетов под руководством Буребисты, с. 84). Современная румынская историография относит создание Буребистой «централизованного государства» ко времени около 70 г. до н. э. (Vulpe R. Getul Burebista — conducător di întregului neam geto-dac. — *Studii și comunicări*, Pitești, 1968, p. 41), около 82 г. до н. э. (Daicoviciu H. Cronologia regilor daci. In: *Unitate și continuitate în istoria poporului român*. București, 1968, pp. 66—70; Crișan I. H. Burebista și epoca sa, pp. 85—102; e j u s d. Statul dac condus de Burebista, pp. 1216—1218; Mușat M. Op. cit. An Introductory Study, p. XXII; a. o.).

³⁴ Цитируем по переводу в «*Izvoare privind istoria României*», I. p. 237. Существуют иные, менее тождественные оригинальному тексту переводы, где понятие «повеление» («простагма») переводится неточно — «закон» (см., напр., Кришан И. Х., Глодариу И. Самые смелые среди фракийцев. В кн.: Румыния. Страницы истории. București, 1980, с. 32).

³⁵ Daicoviciu C. Dacii din Munții Orăștiei; Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 76—91; Crișan I. H. Burebista și epoca sa, pp. 491—495; a. o.

и обширные территории далеко за пределами их расселения: от Среднего Дуная на западе до Нижнего Днепра на востоке и от Северных Карпат на севере до Старой планины (Балканских гор) на юге. Однако, как признают некоторые из них, имеющиеся письменные и археологические источники не позволяют составить достаточно определенное представление «о характере дакийского государства»³⁶.

В I в. до н. э. — начале II в. н. э., т. е. в период, непосредственно предшествующий завоеванию Дакии римлянами, ее материальная культура и экономика сделали заметный шаг вперед. Особенно значительного уровня достигло железоделательное производство. В земледелии и ремесле создаются специализированные орудия труда по обработке земли (особый тип гето-дакийского рала с железным наконечником и череслом, мотыги, кирки и др.), уборке урожая (серпы, косы и др.), наборы кузнечных (молоты, молотки, клещи, зубила, наковальни), слесарных (долота, пробойники, напильники, сверла и т. д.), ювелирных, столярно-плотницких (скобели, топоры, долота, тесла, пилы, ножи, сверла), камнетесных (клинья, долота, молоты) и др. орудий. Из железа изготавливались дакийские кривые мечи, наконечники стрел и копий, а также многие украшения (фибулы и др.), предметы упряжи (псалии³⁷, удила) и др. Добыча меди, серебра и золота в Карпатских горах создавала надежную сырьевую базу для развития ювелирного искусства и изготовления бронзовых изделий³⁸. Особый расцвет переживала гето-дакийская торевтика³⁹ с ее оригинальным стилем, богатой орнаментикой (клад серебряных сосудов из Сынкрэйень и др.). В отдельную отрасль ремесла окончательно выделяется гончарство, хотя домашнее изготовление посуды остается еще значительным⁴⁰. Таким образом, у гето-даков в I в. до н. э. — начале II в. н. э. ремесленными становятся по меньшей мере семь-восемь производств. Среди них особо выделяются те, которые связаны с добычей и обработкой металлов.

Несмотря на появившееся разнообразие земледельческих орудий, которое способствовало некоторой интенсификации сельскохозяйственного труда, основные из них — рало, серп, коса — по своим техническим характеристикам все же сравнительно мало меняются на протяжении III в. до н. э. — начала II в. н. э., в системе земледелия применяются подсека и перелог, возделывается неизменный набор культур: пшеница, просо, ячмень, рожь, бобовые, виноград, конопля и др.⁴¹. Судя по всему, и в животноводстве господствуют экстенсивные формы, среди которых преобладает отгонное скотоводство: в горах Орэштие обнаружены дакийские станы-загоны для овец, в других местах Южных Карпат — пещеры-убежища для скота, относящиеся к тому времени. В стаде преобладают овцы⁴².

В IV в. до н. э. — начале II в. н. э. у гето-даков совершается второе великое общественное разделение труда — между ремеслом и сельским хозяйством, которое набирает заметные темпы к концу периода,

³⁶ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, p. 79.

³⁷ Псалий — часть конских удили в виде двух вертикальных стержней, каждый из которых помещался на концах удила.

³⁸ Popescu D. Exploatarea și prelucrarea metalelor în Transilvania pînă la cîntropirea romană. — Studii și cercetări de istorie veche, 1951, № 2; Olteanu St. Op. cit.

³⁹ Торевтика — ювелирная техника ручной рельефной обработки художественных изделий из металла: чеканка, тиснение, обработка литых изделий.

⁴⁰ Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Ук. соч., с. 144—150.

⁴¹ Демченко Н. А. Земледельческие орудия как материал для изучения этногенеза и этнической истории молдавского народа. В. кн.: Материалы и исследования по археологии и этнографии МССР. Кишинев. 1964, с. 47—49, 54, 59; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Ук. соч., с. 149, 152; Neamtu V. La technique de la production céréalière en Valachie et en Moldavie jusqu'au XVIIIe s. București. 1976, pp. 49—51, 175—177, 236—238.

⁴² Daicoviciu H. Dacia. București. 1965, p. 131; Mitrea B. Op. cit.

в последние два столетия. Однако все попытки доказать наличие особенно существенного перелома, скачка в экономике Дакии к первой половине I в. до н. э., т. е. к появлению «державы» Буребисты⁴³, являются неубедительными. Гето-дакийская культура I в. до н. э.—начала II в. н. э. датируется пока суммарно⁴⁴, самые существенные достижения дакийской цивилизации, расцвет ее военно-политических, религиозных и торгово-ремесленных центров приходится, скорее всего, на конец I в. н. э., канун римского завоевания Дакии⁴⁵. Даже появление у гето-даков оппидумов — квазигородских поселений (Сармизегетуса), характерных для западноевропейского «варварского» мира кануна складывания раннеклассовых государственных образований⁴⁶, также, видимо, относится к этому времени и связано с подобным же уровнем социально-экономического развития.

Особый упор сторонники существования «державы» Буребисты делают на перемены в денежном обращении на рубеже II—I вв. до н. э., связанные с распространением римской монеты. Загипнотизированные внушительным соотношением массы найденной монеты второй половины II—начала I в. до н. э. (около 18 тыс. экз.) и I в. до н. э.—I в. н. э. (около 30 тыс.), некоторые исследователи пришли к заключению, что переход к «широко распространенной денежной экономике» в Дакии совершается на рубеже II—I вв. до н. э. и достигает одного из своих максимумов уже в первой половине I в. до н. э., т. е. во время Буребисты, когда было зарыто не менее 70 из 278 известных кладов римских денариев⁴⁷. Однако для объяснения этого явления в денежном обращении Дакии следует оперировать не абсолютными, а относительными экономическими оценками.

По усредненным подсчетам, масса известной к 1977 г. в находках на территории древней Дакии монеты, обращавшейся во второй половине II в.—начале I в. до н. э. (около 4450 экз. тетрадрахм Македонии, Примы и Фасоса и около 13 тыс. экз. драхм Диррахиума, Аполлонии, западнопонтических греческих городов) составила приблизительно 120—130 кг. серебра, а римского денария в находках I в. до н. э.—I в. н. э. (около 30 тыс. экз.) — около 117—120 кг серебра, т. е. она либо равна, либо даже уменьшилась. Если же учесть, что некоторая часть монеты, обращавшейся в Дакии до I в. до н. э., продолжала находиться в употреблении и позже, до конца I в. до н. э.⁴⁸, а также практически равное отношение отдельных находок монет к массе монет в кладах обоих периодов, то становится очевидным отсутствие существенных сдвигов в денежном обращении II в. до н. э.—I в. н. э. Темпы развития денежного обращения Дакии и других областей «варварского» мира, примыкавших к границам Римской империи, не отличались⁴⁹.

⁴³ Crișan I. H. Burebista și epoca sa, pp. 41—49; Roșu L. Op. cit.

⁴⁴ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 127—199; ejusd. Epoca clasică a civilizației daco-getice.—Revista de istorie, 1980, № 3; Lupu N. Die dakische Zivilisation und ihre Beziehungen zur römischen Welt im 1. Jahrh. u. Z.—Forschungen für Volks- und Landeskunde, 1977, № 2.

⁴⁵ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 127—199, 285—287.

⁴⁶ Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Ук. соч., с. 139, 153; Филип Я. Ук. соч., с. 116—129, см. также с. 93—95.

⁴⁷ По данным на 1977 г. (см. Mitrea V. Op. cit.; Chirilă E., Pop J. Tezaurul monetar de la Sînpetru.—Apulum, VII/1, 1968, pp. 166—167; Crișan I. H. Burebista și epoca sa, p. 46.

⁴⁸ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, p. 191.

⁴⁹ О наличии денежного обращения у варваров, территории которых примыкали к границам Римской империи, упоминает Тацит. Он пишет, что денежное обращение у германцев существовало в основном во внешней торговле, во внутренних же областях торговля была меновая: «Впрочем, ближайшие к нам знают цену золоту и серебру из-за применения их в торговле и разбираются в некоторых наших монетах, отлавая иным из них предпочтение, что касается внутренних областей, то, живя в простоте и на старый лад, они ограничиваются меновой торговлей. Германцы прини-

Знаменательно также абсолютное преобладание денежной массы, захороненной в кладах, над отдельными находками: из 17—18 тыс. экз. монет второй половины II — начала I в. до н. э. лишь около 200 изолированных находок, вне кладов, и соответственно в I в. до н. э. — I в. н. э. из 30 тыс. около 400—500 вне кладов, т. е. в обоих случаях более 98% всех находок монет содержалось в кладах. В связи с этим следует вспомнить слова К. Маркса о том, что клады как «резервуары сокровищ служат одновременно отводными и приводными каналами для находящихся в обращении денег» и регулируют насыщенность сферы обращения циркулирующей денежной массы. Накопление сокровищ особенно характерно для тех обществ, «где традиционному и рассчитанному на собственное потребление способу производства соответствует прочно установившийся круг потребностей»⁵⁰. В гето-дакийском обществе II в. до н. э. — I в. н. э. монета, несомненно, выступает в основном в функции сокровища, поэтому далеко не все клады зарывались ввиду грозившей их владельцам опасности, ибо как же тогда объяснить, что в относительно безопасное для населения страны время Буребисты, его победоносных походов далеко за пределы Дакии, на ее территории была зарыта почти четверть всех известных кладов I в. до н. э. — I в. н. э. (70 из 278). В. М. Массон справедливо предостерегает исследователей от преувеличения роли торговли и зарождающегося денежного обращения в жизни первобытного общества, особенно находящегося на стадии разложения. Низкий уровень только зарождающегося товарного производства приводит к обособлению меновой собственности в виде денег, выполняющих функцию сокровищ и не идущих в торговый оборот⁵¹.

Внешняя и внутренняя торговля гето-даков с античным миром развивалась и способствовала разложению первобытнообщинных отношений, углублению имущественных и социальных различий. Однако «к чему ведет этот процесс разложения...», — указывал Маркс, — зависит не от торговли, а от характера самого старого способа производства»⁵². Характер этого старого способа производства у гето-даков определялся разлагающимся первобытнообщинным строем, вступившим в переходный к классово-государственному строю период военной демократии, сопровождавшийся созданием крупных межплеменных объединений.

Северная ветвь фракийцев — гето-даки — ко времени Буребисты уже прошла довольно длительный путь образования племенных объединений, которые появлялись, распадались и вновь появлялись. В конце II — начале I в. до н. э. по нумизматическим материалам устанавливается существование по меньшей мере четырех таких гето-дакийских племенных образований, чеканивших собственную монету. Предполагается, что монетный тип Аниноаса — Добресть, распространенный в юго-западной части Карпато-Дунайских земель, между Дунаем, р. Олт и Карпатскими горами, принадлежал известному из сообщений письменных источников племенному союзу буров. Тип гето-дакийских монет Рэдулешть — Петеля — Герелуш, находки которых сконцентрированы в центральной части Карпатского плато, в долинах рек Муреш и Тырнава-Маре, чеканился племенным объединением ратаценов. Типы Вуртешу — Бухарест и Думбравень — Ипотешть принадлежали соответст-

мают в уплату лишь известные с давних пор деньги старинной чеканки, те, что с зазубренными краями, и такие, на которых изображена колесница с парной упряжкой. Серебро они берут гораздо охотнее, чем золото, но не из-за того, что питают к нему пристрастие, а потому, что покупающим простой и дешевый товар легче и удобнее рассчитываться серебряными монетами» (см. Тацит Корнелий. Соч. в 2-х тт. Т. I. М., 1969, с. 355). «Теперь мы научим их (варваров. — Авт.) принимать деньги», — пишет он далее (там же, с. 360).

⁵⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 141, 145.

⁵¹ Массон В. М. Обмен и торговля в первобытную эпоху. — Вопросы истории, 1973, № 1, с. 89.

⁵² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. I, с. 364.

венно пиефигам, союз племен которых образовался между Карпатскими горами и Дунаем и реками Яломицей и Олт, и сиенам — племенному образованию, располагавшемуся северо-восточнее, между Карпатами, Дунаем, Нижним Прутом и Яломицей⁵³. В связи с этими наблюдениями особенно важен вывод, что эти четыре племенных объединения составили «державу» Буребисты, основу ее могущества и в то же время источник ее последующего распада на те же четыре составные части⁵⁴.

«Царство» Буребисты, судя по всему, — объединение четырех гето-дакийских союзов племен: буров, ратаценов, пиефигов и сиенов, но за его пределами оставались известные по письменным источникам⁵⁵ другие гето-дакийские племена или союзы племен: котены, каукоены, потугатены, биефы, салдены, кробизы и др., часть которых, возможно, была подчинена этому объединению, как и ряд соседних негетских племен. По сообщению Страбона, Буребиста «подчинил гетам большую часть соседнего населения, его стали бояться даже римляне» (Strab., VII, 3, 11). Во всяком случае, письменные, археологические, нумизматические и другие источники не позволяют с достаточной определенностью полагать, что объединение гето-дакийских племен, во главе которого стал Буребиста, охватывало территорию Дакии I в. до н. э. — I в. н. э. от Тисы до Сирета и от Северных Карпат до Балканских гор (Strab., VII, 3, 1—2; Ptolomaeu., III, 8, 1—2). Пространство, занимаемое четырьмя упомянутыми гетскими племенными объединениями и очерченное концентрацией находок соответствующих типов монет и их чеканки, охватывает лишь юго-западную, центральную и южную часть современной Румынии. Нет оснований включать в эту территорию даже соседние местности, занимаемые «подчиненными гетам» племенами, ибо в эпоху перехода к классово-государственному строю подчинение побежденных племен еще не означало их территориального включения в состав племенного объединения победителей.

Исследования гетских завоеваний при Буребисте позволили Т. Д. Златковской показать, что это были опустошительные набеги с целью грабежа, захвата пленных, получения откупа, сопровождавшиеся физическим уничтожением тех племен, которые могли представлять опасность⁵⁶. Об этом сообщают источники: Буребиста, «перейдя смело Дунай и грабя Фракию — до Македонии и Иллирии — разорил кельтов, что были смешаны с фракийцами и иллирийцами» (Strab., VII, 3, 11); «даки атакуют (осаждают) Фракию и Понт» (Svet. XLIV, 6); Буребиста «полностью истребил боев... и таврисков» (Strab., VII, 3, 11). Территория расселения боев и таврисков между Средним Дунаем и Тисой после гетских походов на много лет превратилась в «пустыню боев» (Ibid., VII, 1, 5; Plin., IV, 146). «Часть упомянутой территории даки превратили в пустыню вследствие войны, в которой они победили боев и таврисков» (Strab., VII, 5, 2). «В царствование у готов (гетов) Бурвисты (Буребисты)... готы (геты) разорили земли германцев» (Iordan. Getica, 67). Были разрушены и разграблены Ольвия, Истрия, Одесс, вероятно, и другие города Западного Понта.

Но нет ни одного свидетельства того, что Буребиста пытался как-то закрепить и освоить хозяйственно и политически завоеванные районы, оставить там своих наместников или управителей, наладить планомерную эксплуатацию сохраненного и подчиненного населения, что было типично для ранних государственных образований и даже племен-

⁵³ Preda C. Monedele geto-dacilor, p. 431.

⁵⁴ Ibid, p. 432; Crişan I. H. Burebista şi epoca sa, pp. 48—49.

⁵⁵ См. во многом удачную и убедительную локализацию племен в Карпато-Дунайских землях В. Пырвана по Птолемею: Pârvan V. Op. cit., pp. 247—250.

⁵⁶ Златковская Т. Д. Племенной союз гетов, с. 88—90.

ных союзов, находившихся накануне создания таких образований⁵⁷. Источники не позволяют убедительно говорить о расширении границ «державы» Буребисты от Среднего Дуная (район нынешнего Будапешта) до Бугского лимана, от Северных Карпат до греческой западно-понтийской колонии Аполлонии (нынешний Созополь), где побывали гето-дакийские отряды в их далеких военных предприятиях. Археологические находки гето-дакийских производственных и жилых сооружений, предметов, а также сообщения письменных источников о гето-даках на Среднедунайской низменности, в Северном Причерноморье, на северо-западе Балканского полуострова⁵⁸ могут служить только свидетельствами в лучшем случае их расселения среди аборигенного населения этих территорий (если эти предметы не проникали туда торговыми или иными путями)⁵⁹, но никак не доказательством установления над ними власти Буребисты и тем более их включения в состав его «царства». Более того, источники не позволяют достоверно говорить даже о включении в «царство» Буребисты всех племенных гето-дакийских земель⁶⁰, находившихся за пределами территорий составивших его четырех племенных объединений, которые чеканили свою монету. Страбон, сообщения которого некоторые считают главным доказательством полного объединения всех гето-дакийских племен⁶¹, пишет о том, что гет Буребиста стал во главе своего народа, создал сильную власть и подчинил гетам большую часть соседей. Зная о даках, отличая их территориально («через их страну течет река Марисос» — Муреш) от гетов, которые жили в нижней части Дуная («Нижняя часть реки — Дуная — до Понта, вдоль которой живут геты»), Страбон прежде всего, видимо, их имел в виду, говоря о соседнем с гетами населении (Strab., VII, 3, 13). В свете сказанного иначе представляются также строки из декрета в честь Акорниона из Дионисополя (середина I в. до н. э.), где говорится, что «царь» Буребиста («самый великий среди царей Фракии») владел всей территорией по эту сторону реки (Дуная) и по ту сторону⁶², т. е. землями, где проживали геты на Нижнедунайской низменности, а часть даков, населявших Карпатское плато, могла войти в состав подчиненного Буребистой соседнего населения.

Характер военных предприятий, присущий всем народам, находившимся на военно-демократической стадии их развития, соответствовал особенностям общественного строя гето-даков времени Буребисты, которые, правда, удастся проследить главным образом по косвенным указаниям источников. Имущественное расслоение в гето-дакийском обществе того времени ярко выступает в различии между богатыми и бедными погребениями гето-дакийских могильников (Мойград), в наход-

⁵⁷ Там же, с. 89—90; Неусыхин А. И. Дофеодалный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодалному. В кн.: Проблемы истории докапиталистических обществ. М. 1968, с. 602—604.

⁵⁸ См. Crişan I. H. Statul dac condus de Burebista, pp. 1218—1225.

⁵⁹ Советские исследователи фракийских древностей в Северном Причерноморье связывают их распространение не только с возможным расселением здесь гетов примерно со II в. до н. э., но и с их экономическими и культурными связями со скифо-сарматским и античным миром Черноморского побережья до устьев Буга и Днестра (см. Мелюкова А. И. К вопросу о границе между скифами и гетами. В кн.: Древние фракийцы в Северном Причерноморье, с. 80; Вязьмитина М. И. Фракийские элементы в культуре населения городищ Нижнего Днестра.— Там же; Марченко К. К. Фракийцы на территории Нижнего Побужья во второй половине VII—I вв. до н. э.— ВДИ, 1974, № 2); Шелов Д. Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху. В кн.: Античное общество. М. 1967, с. 222.

⁶⁰ Crişan I. H. Burebista şi epoca sa, pp. 1217—1218.

⁶¹ Ibid., p. 1217.

⁶² Граков Б. Н. Материалы по истории Скифии в греческих надписях Балканского полуострова и Малой Азии.— ВДИ, 1939, № 3(18); Crişan I. H. Burebista şi epoca sa. Bucureşti, 1975, 1977. (Здесь речь идет лишь о Балканской Фракии, в греческом понимании), т. е. Буребиста был «самым великим» среди «царей» этой области, а отнюдь не из всех фракийских «царей»).

ках богатых кладов золотых и серебряных вещей, появившихся именно в I в. до н. э. (Сынкрэйень, Сэрэксэу, Сурчя, Бэлэнешть) и обладавших также большой художественной ценностью, разной величины кладов серебряных монет⁶³ и др. Накопление богатств в руках племенной знати сопровождалось выделением ее в социально обособленную, привилегированную верхушку среди свободных соплеменников. Иордан, со ссылкой на Диона Хрисостома (I в. н. э.), сообщает, что «таробостезей, впоследствии именовавшиеся «пиллеатами», были среди них благородными, из их числа поставлялись (назначались) и короли, и жрецы», и поясняет далее: во время Бурбисты «пиллеати... покрывали голову тиарами (шапками), которые мы называем по-другому пиллеус... остальной народ... капиллати (простоволосые)» (Iordan. Op. cit., 40, 71—72). Т. е. гето-дакийское общество делилось на два социальных слоя: знать, носившую войлочные шапки (пиллеус), и простой люд, ходивший с непокрытой головой⁶⁴.

Однако источники не позволяют составить четкого представления о том, дошел ли процесс обособления этих главных социальных слоев гето-дакийского общества в I в. до н. э. до уровня их становления как антагонистических классов: собственников основных средств производства, не участвовавших в производительном труде и эксплуатировавших труд лишенных собственности рабов или экономически зависимых соплеменников, которые стали в большой массе лишь пользователями средств производства. Высказывались слабо аргументированные мнения, что во время Бурбисты гето-дакийское общество переживало начальный период рабовладения⁶⁵ или встало на путь складывания рабовладельческого строя и рабы еще не были его главной производительной силой, которую составляли, как признано, свободные, незнатные земледельцы, пастухи и ремесленники⁶⁶. Некоторое суждение об отношении массы простого люда к средствам производства у гетов позволяет составить известное место из оды Горация:

Живут и непреклонные геты,
Которым неразмежеванные участки земли
Приносят свободные плоды и урожай хлебов.
И нежелательно возделывать поле более года.
Когда же покончено с трудами,
Заменяющий обновляет равную долю⁶⁷.

Т. Д. Златковская показала научную значимость и достоверность этого ценного источника, который указывает на существование у гетов I в. до н. э. общинного землевладения, с коллективным полем («неразмежеванные участки земли») и участками земли, выделенными в кратковременное, на год, по жеребьевке пользование отдельным патриархальным семьям. Гетская соседско-большесемейная община, по-видимому, находилась только на начальном этапе распада, появления временного обособленного семейного землевладения, впоследствии переходящего в постоянное и, наконец, частное, наследственное. Этот важный вывод подтверждается широким кругом привлеченных Т. Д. Златковской материалов из фракийского мира периода становления классового общества и государственности, найденных в письменных источниках

⁶³ Macrea M., Rusu M. Der dakische Friedhof von Porolissum und das Problem der dakischen Bestattungsbräushe in der Spätlatenezeit.— *Dacia*, 1960, IV; Florescu O. Op. cit., pp. 32—34; Florescu R. L'art des Daces. Bucureşti. 1969; Mitrea B. Op. cit.

⁶⁴ Златковская Т. Д. Племенной союз гетов, с. 86.

⁶⁵ Daicoviciu C. Dacia din Munţii Orăştiei.

⁶⁶ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 79—83.

⁶⁷ Златковская Т. Д. К вопросу об общинном землевладении в период становления классового общества (по фракийским материалам).— *Советская этнография*, 1970, № 5, с. 52.

и археологических наблюдениях⁶⁸. Его развивает другое заключение, что во времена Буребисты у гетов процесс классообразования прошел значительный путь и у них уже сложился слой знати, по-видимому, претендовавший на наследственное замещение мест в иерархии племенного управления⁶⁹, вплоть до передачи по наследству «царской» власти, превращения ее в отделенный от народа политический институт.

Такая попытка установления «царского» единовластия, нужно думать, была предпринята Буребистой, безусловно, выдающимся гетским племенным военным предводителем, сумевшим объединить под своей властью не только гетские, но, видимо, также часть дакийских, кельтских, иллирийских, южнофракийских и других соседних с гетами племен Карпато-Дунайских земель. Декрет в честь Акорниона называет его «первым и величайшим из царей Фракии»⁷⁰, т. е. среди других вождей племен, часть которых была объединена под его властью. Но Буребиста не обладал всей полнотой единоличной власти, разделяя ее с жрецом Декенеем, сосредоточившим в своих руках две из трех главных функций — первосвященника и судьи. «Чтобы держать в повиновении народ, он взял себе в помощь Декеней, который... толковал волю богов. А спустя некоторое время его (Декеней) стали считать богом». «И прорицатели почитались... как в наше время Декеней, который пророчествовал Буребисте» (Strab., VII, 3, 11; XVI, 2, 39).

Декеней с помощью Буребисты, обладавшего военно-административной властью, стал вводить среди гетов новые обычаи, носившие характер законов. По-видимому, об этом общегетском законодательстве, противостоящем племенным обычаям и призванном закрепить новую политическую организацию, глухо сообщает Страбон, говоря о возвышении гетов Буребистой и более определенно — Дион Хрисостом (Иордан): «Наставляя их в этике, он (Декеней) обуздал [их] варварские нравы... заставил их жить в соответствии с природой, по собственным законам, которые, будучи записаны, и до сих пор зовутся «белачины» (Iordan. Op. cit., 69). Приобретя большую власть («Бурвиста... дал ему чуть ли не королевскую власть»), Декеней прославился у них как чудодей и повелевал не только меньшими (простыми, рядовыми), но даже королями» (Ibid., 67, 71). Он стал непосредственно вмешиваться в управление (Ibid., 71—72), возможно, прибрав к рукам и «царскую» власть после убийства Буребисты, который погиб в середине 40-х годов I в. до н. э. вследствие мятежа (Strab., VII, 3, 11), видимо, подвластных ему «царей» и племенной аристократии.

О характере власти Буребисты и общественном строе племенного объединения, во главе которого он стоял, источники не позволяют составить определенного представления. Страбон, говоря об этом, употребляет многозначный термин «архэ» — власть, управление, империя, господство, возможно, государство и др., который по-разному толкуется в современной литературе⁷¹. Думается, что при Буребисте у гетов только происходил процесс зарождения единоличной царской власти, сопровождавшийся борьбой между военными предводителями, жречеством и знатью, а племенное образование во главе с Буребистой было лишь первой, но неудачной попыткой создания первичной государственности,

⁶⁸ Там же; ее же. Возникновение государства у фракийцев, с. 82—92.

⁶⁹ Златковская Т. Д. Племенной союз гетов, с. 86—87.

⁷⁰ Вариант перевода Г. Г. Матееску (Anuarul Institutului de istorie nationala, 4, Cluj, 1926—1927, p. 323).

⁷¹ «Царство» — в смысле племенного объединения во главе с вождем (греч. — «басилей» — «царь») (Златковская Т. Д. Племенной союз гетов, с. 88), «империя» — государство (Daicoviciu H. Istoria României. I. București. 1961, p. 287), «господство» — государство, власть (Vulpe R. Op. cit.), государство (Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, p. 77), «владычество» — государство (Crișan I. H. Burebista și epoca sa, pp. 79, 187—209); см. Древнегреческо-русский словарь. Т. I. М. 1958, с. 243.

натолкнувшейся на сопротивление жречества, племенных вождей, аристократии⁷².

Гето-дакийское общество, находясь в I в. до н. э. на стадии военной демократии, еще не было подготовлено к восприятию и закреплению государственных начал, в нем не созрели общественные, классовые силы, нуждавшиеся в государственной власти, способные ее создать и поддержать, хотя тенденция к этому, несомненно, была. После смерти Буребисты его «царство» распалось на четыре, видимо, те же, что вошли в его состав, «царства» — союзы племен⁷³, а к рубежу нашей эры, ко времени императора Августа, как сообщает Страбон, их стало уже пять (*Ibid.*, VII, 3, 11), т. е. еще сохранялось племенное, а не территориальное⁷⁴ деление общества, отсутствовали аппарат власти и постоянное войско, отделенные от народа, налоги⁷⁵ — отличительные черты, которые Энгельс считал определяющими для государства⁷⁶. При Буребисте и после него продолжалась племенная чеканка монеты, однако теперь имитировавшей римскую республиканскую⁷⁷: и этот немаловажный признак единоличной государственной монархической власти — чеканка собственных монет правителей — отсутствовал у гето-даков. Отказ от племенной чеканки монет разных типов, обращавшихся до I в. до н. э., и переход на имитацию римской республиканской пока не находит удовлетворительного объяснения⁷⁸. Однако отсутствие собственных монет гето-дакийских «царей» — свидетельство сохранявшейся и в I в. до н. э. племенной чеканки.

Насильственное устранение Буребисты — носителя новых тенденций единоличной «царской» власти — не означало, видимо, полного возврата к прежним родо-племенным порядкам. «Царство» его распалось, в отдельных частях гето-дакийского мира вновь установилось господство родо-племенной военно-жреческой аристократии. Однако «военно-демократическая», потестарная форма управления обществом продолжала свой путь к государственной, политической власти, соединявшей

⁷² Златковская Т. Д. Племенной союз гетов, с. 87; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Ук. соч., с. 151. Л. Е. Куббель обратил внимание на то, что в потестарном обществе, каким являлось общество военной демократии, равновесие между функциями военной и гражданской властей, с одной стороны, и жречества — с другой, чаще всего нарушается, как в данном случае у гето-даков при Буребисте, в пользу последнего (Куббель Л. Е. Потестарная и политическая этнография. В кн.: Исследования по общей этнографии. М. 1979, с. 262).

⁷³ Crișan I. N. Burebista și epoca sa, p. 49.

⁷⁴ Косвенно об этом можно судить по замечанию Диона Хрисостома (Иордана), что «Декеней... повелевал не только меньшими (простыми, рядовыми) людьми, но даже королями» (Iordan. Op. cit., 71), т. е. вождями, оставшимися во главе соответствующих племенных объединений, возможно, входивших в большой гето-дакийский союз при Буребисте.

⁷⁵ Златковская Т. Д. Племенной союз гетов, с. 88—91.

⁷⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 170—171.

⁷⁷ На гето-дакийских поселениях I в. до н. э. (Тилишка, Лудешть, Брашов — Трансильвания, Пояна — Молдова) при раскопках обнаружены монетные штемпели с выгравированными на них точными изображениями римских республиканских денаров. На территории Дакии найдено денаров (включая, видимо, практически неотличимые их копии) больше, чем во Фракии, Паннонии, Германии и даже Галлии (Preda C. Monedele geto-dacilor, pp. 345—352).

⁷⁸ Возможно, в этом сказались как экономические обстоятельства, связанные с массовым распространением в I в. до н. э. в землях к северу от Нижнего Дуная добротной римской республиканской монеты, оттеснившей греческую и деградировавшую местную племенную, так и объединительные тенденции во время Буребисты (см. также Mitrea B. Moneta republicană română și unitatea lumii geto-dace. In: Unitate și continuitate în istoria poporului român). При этом К. Преда (Op. cit., pp. 345—346) совершенно обоснованно предостерегает от преувеличения экономического значения появления столь большой массы римской монеты в Дакии, будто бы отражающей широкие торговые связи гето-даков с римским миром (Lupu N. Aspekte des Münzumschlages im vorrömischen Dakien.— Jahrbuch für Numismatik und Geldgeschichte. München, 1967, XVII), «высокую денежную экономику», «экономическую базу гето-дакийского населения, приобретающую развитие», не имеющее прецедента нигде в «вар-

в руках монарха единоличные функции гражданского управления, военного предводительства и судопроизводства. Это удается вождям одного из племенных объединений в пределах Карпатского плато. Видимо, правивший здесь после смерти Буребисты Декеней также еще не обладал всей полнотой власти, уступив одну из важнейших ее функций — военную — племенному вождю, и только Комосик «был у них и королем и первосвященником... и судил он народ с высшей справедливостью» (Iordan. Op. cit., 73). Может быть, в этом сообщении следует видеть указание на постепенно нараставшее отстранение простого люда от управления, начало отделения публичной власти от народа, зарождение единоличной царской власти, характерное уже для предгосударственных военно-иерархических и военно-олигархических обществ⁷⁹.

Вместе с этим в источниках появляются указания на то, что «царская» власть у гето-даков, по-видимому, начинает становиться наследственной привилегией особого аристократического клана. Среди «царей» дакийского племенного образования на Трансильванском плато упоминаются Скорило, его брат Дурпаней, который в 87 г. н. э. передал власть своему племяннику Децебалу, сыну Скорило⁸⁰. Причем источники ничего не сообщают об участии народа, хотя бы номинальном, в переходе «царской» власти от одного лица к другому. Правда, судя по эпизоду, о котором рассказывает римский автор Фронтин (I в. н. э.), «предводитель даков» (*dux Dacorum*) Скорило вынужден был убеждать своих «соотечественников» (*populagium* — возможно, даже «простой народ») не вмешиваться в междоусобицы в Риме (Front., I. 10, 4).

Децебал получил власть в сложной и угрожающей обстановке нарастающего наступления Римской империи, что, несомненно, способствовало укреплению ее единоличных начал. Судя по сообщениям Диона Кассия, произведение которого является основным источником, повествующим о завоевании римлянами Дакии, Децебал самостоятельно принимал и осуществлял жизненно важные для даков решения. Одержав ряд побед над римлянами, даки в 88 г. все же были разбиты римским войском у Тайэ, з современном Банате. Направив посольство к римскому императору Домициану во главе со своим братом Диегом, Децебал в 89 г. заключил на выгодных для себя условиях клиента Рима мир, по которому даже получал субсидии и ремесленников (Dio Cass., LXVII, 7, 2—4; 10, 2, 3). И все же Децебалу, как и Буребисте, по крайней мере ко времени битвы у Тайэ, видимо, приходилось разделять власть с неким Везиной, «который по сану следовал сразу после Децебала» (Ibid., 10, 2). В том же источнике находим сообщение, что во время следующей дако-римской войны 101—102 гг. Децебал направил к императору Траяну посольство, состоявшее не из «коматов», т. е. простолюдинов (капиллати — простоволосые Диона Хрисостома), как до этого, а знатных даков — самых лучших из «пиллеатов» (Ibid., XLVIII, 9, 1). Однако простые общинники наряду со знатью и при Децебале еще принимают какое-то участие в государственных делах.

В кровопролитном сражении у Тайэ в 101 г., а затем в 102 г. уже на подступах к столице Децебала Сармизегетусе даки были разбиты и заключили мир на тяжелых для них условиях. Среди последних, по свидетельству Диона Кассия, были обязательства Децебала возратить

варском» мире (Mitrea B. Monedele și viața economică a geto-dacilor în timpul lui Burebista, pp. 10—11). В связи с этим напомним, что и в период обращения римской монеты и ее местных имитаций подавляющая масса монетных находок содержится в кладах, что, наоборот, свидетельствует о вялости денежного обращения: монета выступает в основном в функции сокровища (см. выше).

⁷⁹ Неусыхин А. И. Ук. соч., с. 601—604; Лашук Л. П. Введение в историческую социологию. Вып. 2. В кн.: Конкретные проблемы исторической социологии. М. 1977, с. 26—28 и 105—106.

⁸⁰ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 97—104.

оружие и военные осадные машины, а также военных мастеров, выдать дезертиров из римской армии и впредь «не принимать ни одного беглеца, не брать на службу ни одного солдата Римской империи, так как он привлекал к себе различными уловками очень многих отважных людей» (Ibid., 9, 4—6). О бегстве римских солдат к Децебалу сообщает также другой источник (Suidas., IV, 669). Таким образом, источники свидетельствуют о создании Децебалом отрядов пришлых служилых людей — прообраза постоянной армии, одного из важнейших государственных институтов. И тем не менее основную его военную силу составляли массы простого люда, которые, как показывают современные событиям изображения (колонна Траяна в Риме, монумент близ Адамкиси в Добрудже), шли сражаться в повседневной одежде даков, часто с оголенным торсом, что особенно отличало их от закованных в доспехи солдат римской регулярной армии. Это был вооруженный народ⁸¹. В укреплении обороны страны Децебалом также заметно единое организующее начало. При нем, видимо, было завершено строительство мощной продуманной системы крепостей, начало которой было заложено, как полагают⁸², еще Буребистой. Это строительство большого размаха, однако, осуществлялось свободными общинниками (нет никаких свидетельств о широком применении рабского труда), наверное, при участии римских военных мастеров, представленных Децебалу по миру 88 г., и пленных римских солдат, обнаруженных в одной из захваченных позже Траяном дакийских крепостей.

Децебал, как сообщает Критон, создает свою администрацию — наместников над «теми, что обрабатывают землю волами», «что пасут скот», а также «из тех, что окружают царя, были назначены в крепости» (5,2), которые способствовали централизации «царской» власти. По распространению дакийских крепостей времени Децебала можно составить некоторое суждение о территории его «царства», охватывавшей южную часть Карпатского плато и, по-видимому, примыкающие к ней подгорные районы к востоку и юго-востоку, между Карпатами и р. Сирет, и к югу от Карпат⁸³. Мнение о более широких границах «царства» Децебала ничем не аргументировано⁸⁴. Однако, несомненно, основное ядро этого дакийского политического образования находилось в юго-западной части Карпатского плато, в горах Орэштие, где были сосредоточены главные и наиболее крупные крепости даков, защищавшие их столицу Сармизегетусу. Сюда по долинам Тимиша, Жиу и Олта обычно направлялись основные силы римлян во время дако-римских войн конца I — начала II в. н. э.

Несмотря на заключенный с Римом мир, Децебал готовится к новой войне: «Собирает оружие, принимает беглецов, перестраивает укрепления, посылает послов к соседям» (соседним племенам) (Dio Cass., LXVIII, 10, 3). Новая дако-римская война 105—106 гг., отличавшаяся особым ожесточением, закончилась полным разгромом даков и гибелью Децебала, покончившего с собой. Римлянами были захвачены зарытые Децебалом огромные богатства — золото, серебро, ценные предметы, а также стада скота, оружие, много пленных (Criton, 1; Dio Cass., LXVIII, 14, 1—5). Дакия Децебала была окончательно покорена, а ее большая часть, если не вся территория «царства», вошла в состав империи как провинция Дакия Траяна: Карпатское плато (в пределах нынешней исторической области Ардял), земли меж-

⁸¹ Златковская Т. Д. Племенной союз гетов, с. 90—91; Daicoviciu C., Daicoviciu H. Columna lui Traian. București. 1967; Florescu F. I. Monumentul de Adamklissi Tropaeum Traiani. București. 1961, pp. 573—574.

⁸² Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 76—77, 285—286, 336—337.

⁸³ Glodariu I. Sistemul defensiv al statului dac și întinderea provinciei Dacia.— Acta Musei Napocensis, 1928, XIX, pp. 24—30, 34.

⁸⁴ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, p. 285.

ду Мурешем, Тисой, Дунаем и Карпатами (Банат) и к западу от р. Жиу (часть Олтенции)⁸⁵. Земли между Карпатами и Дунаем, к востоку от р. Жиу, были присоединены к римской провинции Нижняя Мезия. В 118—119 гг. римляне вынуждены были оставить почти всю эту территорию, закрепившись на лимесе⁸⁶ восточнее р. Олт, далее — по линии Карпатских гор до р. Сомеш, по Западным горам и рекам Муреш и Тиса, создав две провинции — Верхнюю и Нижнюю Дакию⁸⁷, где шла интенсивная романизация.

Итак, сосредоточение «царской» власти и ее наследование особым кланом племенной гетс-дакийской знати, высокая степень единовластия Децебала, который, помимо исполнения военно-административных и судебных функций, по-видимому, являлся также верховным жрецом⁸⁸, появление постоянных воинских отрядов из находящихся на службе «царя» пришлых людей и, возможно, части свободных даков (дружина), создание из приближенных «царя» администрации (видимо, для соответствующих территориальных единиц) на местах для управления крестьянскими общинами земледельцев и пастухов, назначение военных комендантов крепостей, в обязанности которых, возможно, входило также наблюдение за поступлением различных сборов в пользу «царя»⁸⁹, — все это соответствует показанным Энгельсом признакам становления государственности — таким, как территориализация распадающейся родо-племенной организации, т. е. разделение «подданных государства по территориальным делениям», «учреждение публичной власти, которая уже не совпадает непосредственно с населением, организующим самое себя как вооруженная сила», «взносы граждан — налоги»⁹⁰, необходимые для содержания этой публичной власти. В характере власти Децебала происходят изменения, которые, особенно в период войн, «усиливают власть верховного военачальника, равно как и подчиненных ему военачальников; установленное обычаем избрание их преемников из одних и тех же семейств мало-помалу... переходит в наследственную

⁸⁵ Масгrea M. *Viața în Dacia romană*. București. 1969.

⁸⁶ Лимес (лат. «граница») — границы римских провинций или сами провинции, или их участки, огражденные земляными валами, каstrумами (военными лагерями), крепостями, башнями.

⁸⁷ Рикман Э. А. Некоторые вопросы романизации населения Левобережья Нижнего Дуная в первой половине I тыс. н. э. В кн.: Славяноволошские связи. Кишинев. 1978, с. 49—51, см. карту на с. 57.

⁸⁸ При раскопках святилища в Сармизегетусе была найдена большая глиняная культовая чаша с дакийской надписью латинскими буквами: «DECEBALUS PER SCORILLO», которую считают свидетельством исполнения Децебалом верховных жреческих функций (Daicoviciu C. și col. *Șantierul arheologic Grădiștea Muncelului — Blidaru*. — *Studii și cercetări de istorie veche*, 1955, № 1—2, pp. 201—204).

⁸⁹ Критон, личный врач Траяна, сообщил явно преувеличенные размеры сокровищ Децебала, обнаруженных римлянами: «Траян доставил римлянам пять миллионов либров золота, двойное количество серебра, кроме того, чаши и дорогие вещи, превосходящие всякую оценку» (Ioan. Lijd. *De mag.*, II, 28). Даже произвольно уменьшенные в 10 раз, эти сокровища (165 500 кг золота, соответственно более 330 тыс. кг серебра) также огромны (Russu I. I. *Comorile regelui Decebal*. — *Sargetia*, 1966, IV); источником их происхождения, видимо, были не только добыча золота и серебра в Карпатских горах (Moghiaș N., Olteanu Șt. *Din istoria mineritului în România*. București, 1970, pp. 45, 46), но и сборы с населения страны, а также насильственные дани от соседних народов в пользу «царской» власти. В связи с этим вспоминаются известия Диона Кассия о предложениях Децебала по поводу условий мира с Домицианом (чтобы «каждый римлянин давал Децебалу ежегодно по два обола»), а затем о больших суммах, выплаченных Домицианом Децебалу при заключении мира и позже вплоть до начала правления Траяна (Dio Cass. LXVII, 7, 4; LXVIII, 6, 1). Можно предположить, что потребованная Децебалом ежегодная дань в два обولا была обычным подушным налогом, взимавшимся к этому времени также с подвластного дакийского населения в пользу «царской» власти и, видимо, призванным символизировать в данном случае также подчинение римлян Децебалу. Следует заметить, что это условие было предложено Децебалом до победы римлян над ним у Тайэ в 88 году.

⁹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 170—171.

власть, которую сначала терпят, затем требуют и, наконец, узурпируют; закладываются основы наследственной королевской власти и наследственной знати. Так органы родового строя... из орудий народной воли превращаются в самостоятельные органы господства и угнетения, направленные против собственного народа»⁹¹.

Однако простой народ у даков (комати) во время Децебала еще представлял собой вооруженную силу и принимал какое-то участие в управлении наряду со знатью (пиллеати); сельские общины еще, по-видимому, являлись собственниками своей земли и зависели непосредственно от «царских» администраторов, хотя, наверное, появляется уже и частная собственность⁹². Существование социальных слоев привилегированной знати и простонародья еще не свидетельствует о достаточно далеко зашедшем процессе классового образования. Об этом же говорит и характер рабства у гето-даков, к этому времени отмеченного источниками: сообщение Овидия о захвате варварами (гетами и сарматами) в плен жителей Том (Ovid. Naso. Trist., II, 200; III, 10, 60), «у фракийцев татуировались дети благородных, а у гетов — рабы» (Artemidor, I, 8)⁹³, захваченные даками римские пленные содержались в крепости и, видимо, использовались для государственных нужд при Децебале (Дион Кассий), «всякого рода домашние рабы гетов»⁹⁴. Пленные, оставленные во владении «царя», и домашнее рабство свидетельствуют об еще слабом развитии рабовладения у даков, не ставшего господствующей формой. Главной производительной силой в дакийском обществе времени Децебала оставались свободные общинники (комати)⁹⁵, подчинявшиеся власти «царя» и его администраторам.

В современной румынской науке сложилось представление, основанное на признании «азиатского» способа производства как основы «особой» формации⁹⁶, что гето-дакийское общество эпохи Буребисты — Децебала носило все его черты: существовали социальные классы и слабо выраженное рабовладение, общинная и частная земельная собственность, государство с тремя характерными функциями (налоги, внешний военный грабеж, общественные работы)⁹⁷. В дискуссиях и специальных работах советские историки подтверждают конкретными фактами марксистскую периодизацию исторического развития и смены общественно-экономических формаций, отсутствие особого «азиатского» способа производства в ходе движения истории общества, переход от первобытнообщинной к первичным классовым формациям — рабовладельческой или феодальной.

Переход к раннеклассовому обществу обычно начинается на стадии военной демократии. Опыт современной советской и зарубежной марксистской историко-социологической науки показал, что в своей эволюции племенные объединения эпохи военной демократии прошли два

⁹¹ Там же, с. 164—165.

⁹² Именно так следует интерпретировать в связи с другими сравнительно-историческими параллелями из фракийского мира известную надпись II в. н. э. о владениях крестьян села Путеридавы (vicinos Buteridavenses). (Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев, с. 90—92).

⁹³ ВДИ, 1948, № 1, с. 262.

⁹⁴ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista la cucerirea romană, p. 80; Suidae Lexicon, IV, 617. In: Izvoarele istoriei României, II, București, 1970, p. 703.

⁹⁵ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, p. 83; Crișan I. H. Burebista și epoca sa, pp. 216—217.

⁹⁶ Chesenaux I. Ou est la discussion sur le mode de production asiatique? — La Pensée, 1965, № 122; Banu I. Sensuri universale si diferențe specifice în filozofia Orientului antic. București, 1967; Constantinescu M. Modul de producție tributul și orîntuirea tributulă. — Probleme economice, București, 1972, № 11; Bodor A. Structura societății geto-dacice. In: Studii dacice. Gluj — Napoca, 1981; Daicoviciu H. Societatea dacică în epoca statului. — Ibid.

⁹⁷ Daicoviciu H. Dacia de la Burebista, pp. 82—91; Crișan I. H. Burebista și epoca sa, pp. 209—217; а. о.

этапа. На первом возникали союзы племен, отличавшиеся непрочностью и имевшие главной целью временный разрушительный, грабительский захват земель, пригодных для земледелия и скотоводства, установление контроля и поборы с торговых центров; для них характерен довольно простой социально-потестарный строй властвования: народное собрание, совещание знати, старейшин и племенные вожди, возникающая непрочная и неустойчивая «царская» («королевская») власть военного предводителя, избираемого народным собранием из знатного рода. На втором этапе появляются крупные племенные объединения, сохраняющие деление на более мелкие группы племен и включающие также часть разрозненных племен иного этнического происхождения, которые стремятся уже к захвату и освоению земель на длительное время; происходит усложнение социальной структуры и начало развития политического строя: выделение из массы свободных родовой знати как привилегированных собственников земли, использующих труд полусвободных и несвободных; усиление роли военных предводителей дружин и упрочение позиций «царской» («королевской») власти, избираемой только совещанием знати из определенного знатного рода⁹⁸. Характеризуя подобную ступень развития строя военной демократии, Энгельс пишет: «Со времени Цезаря образовались союзы племен; у некоторых из них были уже короли; верховный военачальник, как у греков и римлян, уже домогался тиранической власти и иногда достигал ее. Такие удачливые узурпаторы, однако, отнюдь не были неограниченными властителями; но они уже начинали разбивать оковы родового строя»⁹⁹.

В непрерывной эволюции обществ военной демократии эти этапы не обязательно выступают в чистом виде. Поэтому в попытке проследить генезис гето-дакийской политической организации, учитывая очень ограниченный круг источников, не всегда возможно достаточно четко определить место ее конкретных форм в этой эволюции, следует избегать категоричных суждений и преувеличенных дефиниций. Судя по материалам, которыми располагает в настоящее время наука, «царство» Дромихета представляло собой племенную организацию (союз племен), находившуюся на первом этапе развития общества военной демократии. Гето-дакийское общество времени Бурбисты еще во многом, видимо, сохраняло черты первого этапа (непрочность племенного объединения, временный захват земель и контроль над торговыми центрами, неустойчивость «царской» власти), но уже приобретало черты строя военной демократии на втором этапе его развития (крупное объединение племен — союз союзов племен, включавший, кроме гето-дакийских, также племена иного этнического происхождения; заметное социальное расслоение с выделением знати — тарабостов, стремление военного предводителя — «царя» к полной единоличной власти, однако так и не достигнутой Бурбистой, и др.). Тем не менее остаются еще существенные неясности в ходе развития экономики и социального строя гето-дакийского общества III—I в. до н. э.

Имея в виду в основном универсальность военной демократии как начальной переходной стадии к становлению классового общества и политической организации управления им, надо учитывать также, что древние народы могли совершать переход от родо-племенных структур к одной из двух классовых антагонистических формаций — рабовла-

⁹⁸ Неусыхин А. И. Ук. соч., с. 597—603; Аверкиева Ю. П. Ук. соч., с. 33—35, 44—45; Андреев И. Л. О характере социальных связей в эпоху перехода от первобытнообщинного к классовому обществу. — Советская этнография, 1971, № 2; Хмелинский В. М. О понятии военной демократии. — Там же, 1973, № 4; Лащук Л. П. Ук. соч., с. 40—43; Herrmann I. Militärische Demokratie und die Übergangsperiode zur Klassengesellschaft. — Ethnographisch-archäologische Zeitschrift, 1982, № 1; Sellnow I. Gentile und politische Institutionen im Prozess der Staatsentstehung. — Ibid., 1983, № 1; а. с.

⁹⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 142—143.

дельческой или феодальной — опять-таки через сменяющую военную демократию стадию, в которой господствуют военно-иерархические и олигархические формы, непосредственно предшествующие рабовладельческому или феодальному государству¹⁰⁰. На этой стадии эволюции племенных объединений возникает необходимость появления «дополнительной военной силы» для закрепления привилегий отделившейся родо-племенной элиты: упрочения единоличной власти военного предводителя («царя», «короля»), опирающейся на дружину¹⁰¹. Однако это было общество, еще сохранявшее формально уравнительную организацию, вписанную в структуру племенного иерархического или военно-олигархического типа.

Подобное общество, продолжая эволюцию еще в рамках разлагающейся доклассовой формации, уже довольно далеко зашло по пути социальной стратификации, сопровождавшейся усилением противоречий между социальными группами. Углубление этих противоречий и «давление внешних (обычно военных) обстоятельств» вызывали к жизни «новые общественные структуры организации социального порядка и власти, призванные служить всему племени, но открывающие также возможность к возвышению над народом и усилению правящей элиты, все более претендующей на определенную часть совокупного общественного продукта. В последнем случае — это уже зарождение раннеклассового общества с первичной государственностью»¹⁰². К этой стадии, непосредственно перераставшей в политические, государственные структуры классового общества, стоявшей в их преддверии, ученые относят «номовые государства» древнего Востока, видимо, Одрисское «царство» фракийцев, «племенные княжения» славян, «варварские королевства» Западной Европы и т. д. — зачаточные, самые примитивные формы государственности¹⁰³. Характеризуя такой уровень общественно-политического развития по пути классовообразования и развития государственных начал, Энгельс писал, что у племен, достигших его, «существовала такая же организация управления, как та, которая получила развитие у греков героической эпохи и у римлян эпохи так называемых царей... Это была наиболее развитая организация управления, какая вообще

¹⁰⁰ Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 191; Андреев И. Л. Системно-генетический анализ и проблема смены формаций. — Вопросы философии, 1972, № 4, с. 66—67; Лашук Л. П. Ук. соч., с. 104—105 (см. также работы Б. Д. Грекова, А. И. Неусыхина, И. М. Дьяконова, Л. Е. Куббеля и др.).

¹⁰¹ Берзин Э. О. Некоторые вопросы возникновения раннеклассовых формаций. В кн.: *Общее и особенное в историческом развитии стран Востока*. М. 1966, с. 68—69. Ряд авторов в последнее время подобные потестарно-политические структуры власти называет «вождествами» и рассматривает их как непосредственно предшествовавшие государственной организации (см. Куббель Л. Е. Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества. В кн.: *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе*. М. 1982, с. 128—130).

¹⁰² Лашук Л. П. Ук. соч., с. 110—111.

¹⁰³ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы», «империи». Проблемы типологии. — ВДИ, 1982, № 2, с. 3—6; судя по заключительным выводам Т. Д. Златковской о характере общественного и политического строя южных фракийцев, Одрисское царство V—IV вв. до н. э. было, видимо, военно-олигархическим образованием на стадии перехода к раннеклассовой политической начальной государственной структуре (Златковская Т. Д. Возникновение государства у фракийцев, с. 254). Б. Д. Греков называл «политическими образованиями государственного типа» племенные княжения, существовавшие у восточных славян накануне возникновения Древнерусского государства (Греков Б. Д. Избранные труды. Т. II. М. 1959, с. 95—96; см. также Ловмянский Г. Основные черты позднплеменного и раннегосударственного строя славян. В кн.: *Становление раннефеодальных славянских государств*. Киев. 1972; Корюк В. Д. Основные проблемы раннефеодальной государственности и народности славян Восточной и Центральной Европы. — Там же, с. 218—219; Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII—XIII вв. М. 1982, с. 258—284; Неусыхин А. И. Очерки истории Германии в средние века. В кн.: *Проблемы европейского феодализма*. М. 1974, с. 224—229).

могла сложиться при родовом строе... наступал конец родовому строю; он разрушался, его место заступало государство»¹⁰⁴.

Гето-дакийское общество и организация управления им времени Децебала представляются наиболее близкими к этой стадии господства военно-олигархической формы власти, перераставшей в раннеклассовую государственность, не обладавшую, однако, еще всеми атрибутами, связанными с прочным государственным образованием¹⁰⁵. Шло интенсивное классовое образование: разделение общества на привилегированную знать («пилеати. Это у них самые уважаемые люди») и простонародье («комати... пользовались у них наименьшим влиянием») (Dio Cass., LXVIII, 9, 1 — Petr. Patz. Exc. de leg. 6, 4), возможно, уже находившееся в какой-то степени экономической зависимости от формирующегося господствующего класса. Складывающийся государственный аппарат, не совпадающая с народом публичная власть («царская» дружина, организация регулярного войска, коменданты крепостей и администрация на местах), был призван не только способствовать укреплению обороноспособности, но, видимо, во многом обеспечивать интересы военно-олигархического режима внутри страны, прочность «царской» власти, становившейся наследственной привилегией определенного клана. В то же время основную массу непосредственных производителей еще составляли лично свободные комати, не полностью отстраненные от управления обществом и составлявшие вооруженный народ.

В. И. Ленин подчеркивал, что «государство, как особый аппарат принуждения людей, возникало только там и тогда, где и когда появлялось разделение общества на классы»; «рабовладельцы и рабы — первое крупное деление на классы»; «когда... упрочилось существование этого класса рабовладельцев, и чтобы оно упрочилось, необходимо было, чтобы явилось государство»¹⁰⁶. Углубление социального неравенства, как в гето-дакийском обществе перед римским завоеванием, — это лишь дальнейшее движение этого общества по пути классового образования. Существование довольно явно выделяющихся двух основных полноправных, свободных социальных групп, при наличии слабо оформившейся прослойки царских и домашних рабов в «варварских» обществах Европы начала I тыс. н. э., «не позволяет трактовать их как сложившиеся сословия классового общества... можно и должно говорить о возникновении в недрах варварского общества новых социальных групп, которые сложатся впоследствии в классы»¹⁰⁷. Превращавшаяся в господствующий, эксплуатирующий класс племенная знать по мере роста ее богатств и влияния нуждалась в институте государства, который упрочил бы и обеспечил ее положение¹⁰⁸. Гето-дакийская знать в лице ее «представителя» — «царя» начинает создавать государственный аппарат управления и принуждения, публичной власти, «царской» администрации, обособленной от народа и организованной, нужно думать, по территориальному принципу; одной из основных ее функций было, видимо, взыскание налогов или других форм поборов, что являлось одной из основных прерогатив представителей центральной власти на местах¹⁰⁹. В амбивалентном гето-дакийском обществе времени Децебала складывались раннеклассовые или предклассовые отношения, а его «царство» было переходным к самой ранней зачаточной форме государственной организации древней Дакии, при сохранявшемся еще

¹⁰⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 143—144.

¹⁰⁵ Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Ук. соч., с. 151.

¹⁰⁶ Ленин В. И. ПСС. Т. 39, с. 69, 70, 73.

¹⁰⁷ Неусыхин А. И. Собственность и свободы в варварских правдах (Очерки эволюции варварского общества на территории Западной Европы в V—VIII вв. н. э.). В кн.: Проблемы европейского феодализма, с. 209.

¹⁰⁸ Ленин В. И. ПСС. Т. 39, с. 73.

¹⁰⁹ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 21, с. 171.

ряде особенностей, характерных для последних этапов существования доклассового общества, в частности периода военной демократии. Подобные социальные организации в советской исторической науке называются протогосударствами, или предгосударствами¹¹⁰.

Объективно представленные материалы истории гето-даков IV в. до н. э.—начала II в. н. э. не позволяют детально судить о формах экономического и социально-политического развития гето-дакийского общества периода разложения родо-племенных и складывания раннеклассовых отношений, тем более категорически утверждать, что уже при Буребисте в первой половине I в. до н. э. сложилось и полностью оформилось рабовладельческое централизованное государство, включившее предшествующие ему местные политические образования гето-даков и обширные завоеванные этим государством территории от Среднего Дуная до устья Буга и от Северных Карпат до Балканских гор,—своего рода «мировую империю», подобную древневосточным и античным державам. Имея в своем распоряжении крайне ограниченные и специфические источники, историки вправе лишь предполагать, что это была конфедерация гето-дакийских и других племен, к тому же образованная, судя по всему, не всеми северофракийскими племенами Карпато-Дунайских земель, во главе с Буребистой, после устранения которого эта конфедерация тут же распалась на составлявшие ее племенные группы. Многочисленные и дальние походы Буребисты были направлены не на захват новых территорий, а на обеспечение поступления добычи, выкупов, даней, характерных для военной демократии источников обогащения племенной знати и военных предводителей — «царей».

Только ко времени Децебала сложились внутренние, объективные условия появления зачаточных форм раннеклассовой предгосударственной, или протогосударственной, организации. Так же как и конфедерация племен Буребисты, сложившаяся не на всей территории расселения гето-дакийских племен, сокрушенное римлянами «царство» Децебала так и не завершило своего оформления в государство. Строгий научный подход к истории социально-политических форм общественной организации в Карпато-Дунайских землях должен учитывать также этнокультурные смены в населении этих земель: появление романизованного населения после почти двухвекового господства римлян на части территории Дакии, включенной в состав империи; затем, с приходом в Карпато-Дунайские земли славян и романо-славянских контактов, возникновение новой этнической общности — волохов; выделение из массы волохов вследствие волошко-восточнославянских и волошко-южнославянских контактов двух восточнороманских народностей: молдавской и волошской¹¹¹. Возникновение этих народностей происходило вместе с формированием у них феодальных классов и государственности. Появившиеся в XIV столетии Молдавское и Валашское княжества были первыми в Карпато-Дунайских землях аборигенными полностью сложившимися государствами.

¹¹⁰ Массон В. М. Ленинские идеи о неравномерности исторического процесса и проблемы истории древнего мира. В сб.: Методологические и философские проблемы истории. Новосибирск. 1983, с. 95; Бромлей Ю. В. Современные проблемы этнографии, с. 190.

¹¹¹ См. Бромлей Ю. В., Корольков В. Д. Славяне и волохи в великом переселении народов и феодализация Центральной и Юго-Восточной Европы. В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев. 1973; Зеленчук В., Мохов Н., Советов П. Этногенеза популаций молдовенеск. 6/4; Лабыршия приетней секulare. Кишинев. 1983.

КАК ЭТО БЫЛО

ОБОРОНА АРХАНГЕЛЬСКА ОТ ШВЕДОВ В 1701 ГОДУ *

Ю. Н. Беспятых

По условиям Столбовского мирного договора, заключенного в 1617 г. с Швецией, Россия оказалась отрезанной от Балтийского моря. Интересы русской внешней торговли терпели значительный ущерб. Единственным морским портом страны оставался Архангельск, значение которого в то время для России трудно переоценить: через него она получала необходимые товары, а казна пополнялась за счет пошлинных сборов. Не случайно шведский военачальник Я. Делагарди, еще в 1614 г. советовавший королю Густаву II Адольфу уничтожить архангельский порт, «десять лет спустя не мог утешиться, что его советы не были в свое время услышаны»¹.

Швеция строила планы переноса торговли с Белого моря на Балтийское, под свой контроль, что принесло бы ей значительные выгоды и преимущества. С этой целью шведские власти стремились убедить Голландию, Англию, немецкие города (прежде всего Гамбург и Бремен) торговать с Россией только через владения шведской короны. В середине XVII в. правительство Швеции, используя противоречия, возникшие между Англией и Россией, предпринимало попытки подтолкнуть англичан к нападению на северный русский порт для его ликвидации². В составе ряда посольств, отправлявшихся из Стокгольма к русскому двору, находились люди, специально назначенные для сбора сведений о русской архангельской торговле с купечеством западноевропейских стран. Такие сведения использовались, в частности, для подбора аргументов, с помощью которых предполагалось представить архангельскую торговлю в глазах купцов менее выгодной, нежели балтийская.

Сводки, составленные шведскими резидентами в России и агентами И. Родесом, П. Луфельдтом, И. Ф. Кильбургером, И. С. Пёттер-Лиллиенхофом и другими³, являются бесценными источниками для исследователей, изучающих историю архангельской торговли. Пёттер-Лиллиенхоф, побывавший в России в 1674 г., вслед за Родесом и Кильбургером пришел к заключению, что западноевропейским купцам, без сомнения, выгоднее торговать с Россией именно через Архангельск. Стало быть, утверждал агент в представленном в королевскую коммерц-коллегию рапорте, следует оставить всякую надежду на осуществление столь долго вынашиваемых замыслов переноса торговли на Балтийское море. Единственный способ разрешить вопрос, полагал он, — завоевать Архангельск и засорить фарватер, ведущий в устье Северной

* От редакции. В январе 1984 г. на телэкранах страны демонстрировался телефильм «Россия молодая» в 9 сериях (по мотивам романа Ю. П. Германа, сценарий и постановка И. Я. Гуркина). В связи с этим журнал получил ряд писем, в которых читатели просят рассказать об упомянутых в нем событиях. Редакция выполняет их пожелания.

¹ Вайнштейн О. Л. Экономические предпосылки борьбы за Балтийское море и внешняя политика России в середине XVII в. — Ученые записки Ленинградского университета, 1951, № 130, с. 174—175.

² Курц Б. Г. Донесения Родеса и архангельско-балтийский вопрос в половине XVII века. — Журнал Министерства народного просвещения, 1912, март, с. 87, 91—92; Вайнштейн О. Л. Ук. соч., с. 175—176.

³ Ekonomiska förbindelser mellan Sverige och Ryssland under 1600-talet. — Dokument ur svenska arkiv, Stockholm, 1978, №№ 19, 20, 38, 39; Кильбургер И. Ф. Краткое известие о русской торговле, как она производилась в 1674 г. вывозными и привозными товарами по всей России. В кн.: Курц Б. Г. Сочинение Кильбургера о русской торговле в царствование Алексея Михайловича. Киев, 1915.

Двины⁴. Не ограничившись приведенными рекомендациями, автор рапорта приложил составленную им карту-схему уничтожения фарватера⁵.

В течение всего XVII в. в Архангельск ежегодно приходили с запада десятки торговых судов, разгружая в порту важные для России товары и принимая на борт высоко ценившиеся в Западной Европе предметы традиционного русского экспорта⁶. С началом Северной войны (1700—1721 гг.) значение Архангельска возросло еще более. Товары, привозимые в Россию из Западной Европы через единственный морской порт, были необходимы для развития страны и борьбы с сильным противником. Были приняты активные меры на случай угрозы Архангельску со стороны Швеции. 17 декабря 1700 г. Петр I распорядился построить Новодвинскую крепость в устье Северной Двины для защиты города и порта, поручив составление проекта и руководство работами инженеру Я. Адлеру.

«И та крепость строить города Архангельского и колмогорцы посадскими и всяких чинов градскими людьми и уездных государевых волостей и архиепископами и монастырскими крестьяны всеми, чей бы хто ни был»⁷. Однако к весне 1701 г. дело почти не продвинулось: Адлер подготовил неудовлетворительный проект, к тому же возникли трудности со строительными материалами. Петр торопил архангельского воеводу А. И. Прозоровского, неоднократно напоминая о необходимости скорейшего возведения укреплений. Архиепископ Холмогорский и Важский Афанасий и воевода получили царский указ с предписанием «города Архангельской и на Холмогорах крепить и жить в великом опасе от шведов, для того что летом будут к городу воинские шведские корабли, и в новой Двине на корабельном усом проходе строить вновь для крепости город каменной со всякою крепостью»⁸.

Вместо Адлера в марте 1701 г. был прислан другой инженер, бранденбуржец Е. Резен, которому поручалось сделать чертеж местности «с подлинным и явным размером и описью». На острове Линском в Березовском устье Северной Двины (в 15 верстах ниже Соломбалы) выбрали «место зело угодное и в отпоре неприятелей во всем потребное и необходимое: яко такового места другого во всем Двинском Березовском устьи не обретається», — писал архиепископ Афанасий одному из сподвижников Петра I, Ф. А. Головину. В строительстве должны были участвовать также жители четырех городов — Каргополя, Чаронды, Кевроля и Мезени. Надзор за строительством поручался Семиградской ратуше, специально учрежденной указом от 3 апреля; заведовал ею дьяк Ф. Гусев. Начатые весной подготовительные работы по строительству крепости продолжались до июня. «И по нынешнее майя 30 число..., — отписывали царю, — на том месте под строение крепости под стены и под башни рвы выкопаны все и сваи бьют и идет то дело... радетельно и поспешно»⁹. Воевода отправил отряд в 300 солдат во главе с капитаном А. Капрановым в г. Кемь, Коляский и Сумской остроги, а также «на немецкой рубеж». Жители Поморья были предупреждены о возможном приходе неприятеля, указом Петра населению запрещалось выходить в море на промысел «ради опасения воровских кораблей»¹⁰.

Новодвинская крепость должна была защитить ведущий в гавань узкий фарватер. Закладка ее состоялась 12 июня. Чуть раньше опасения о возможности нападения шведов на Архангельск подтвердились. В грамоте Петра I от 12 июня воевода прочел: царю «ведомо... учинилось чрез посланника стольника Андрея Петро-

⁴ Nyström P. Mercatura Ruthenica.— Scandia, 1937, bd. X, h. 2, s. 287—288.

⁵ Projekt jämte karta över en hamnspärring vid Arkangel.— Ibid., s. 291.

⁶ Изюмов А. Размеры русской торговли в XVII в. через Архангельск в связи с неисследованными архивными источниками.— Известия Архангельского общества изучения Русского Севера, 1912, № 6; Рухманова Э. Д. Архангельская торговля России (XVII в.). В кн.: Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск. 1980.

⁷ Голубцов Н. Новодвинская крепость. В кн.: Петр Великий на Севере. Архангельск. 1909, с. 50.

⁸ [Новиков Н. И.] О высочайших пришествиях великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича... из царствующего града Москвы на Двину к Архангельскому городу, троекратно бывших; о зачатии Новодвинской крепости и о освящении нового храма в сей крепости. М. 1783, с. 54—55.

⁹ Голубцов Н. Ук. соч., с. 53.

¹⁰ [Новиков Н. И.] Ук. соч., с. 55.

ва сына Измайлова, пребывающего в Копенгагене, что он у неких доброжелательных людей проведает: у пристани де, называемой Гельзигньере, неприятельской свейской комиссар, или слугитель, искал четырех стурманов, которые б знали и бывали у Архангельского города, чтоб им быть на их четырех неприятельских кораблях вожами; а те корабли в городе Готтенбурге готовятся у них наспех; а разглашают, будто на тех кораблях умышляют и конечно хотят идти в Гренланду, где китов бьют и рыбу ловят»¹¹.

Итак, Петру I по дипломатическим каналам стало известно о готовящейся экспедиции. Угроза Архангельску превратилась в реальность, поэтому началась форсированная подготовка к обороне. Был усилен гарнизон Архангельска: сюда из Холмогор перебросили Русский и Гайдуцкий стрелецкие полки. Возвели новые укрепления; во всех местах, где мог появиться противник, поставили батареи, в том числе три (15 пушек) у Новодвинской крепости и одну (15 пушек) на Марковом острове. Березовское устье отправился защищать воинский отряд под командой солдатских голов Г. Меркурова и Г. Животовского; такой же отряд, снабженный 20 пушками, готовился к обороне Пудожемского и Мурманского устьев Северной Двины, которые были, кроме того, перекрыты: засыпаны землей, забиты сваями и засорены затопленными старыми судами. У Архангельска поставили шесть брандеров, ими предполагалось зажигать неприятельские корабли. В самом городе расставили пушки и пищали, укрепили русский и немецкий гостиные дворы и набережную Северной Двины.

В целях предосторожности необходимо было задержать в порту иноземные торговые суда, пришедшие на ярмарку, и снять с них потребные для обороны пушки. Горожанам раздали оружие, «чтобы всяких чинов люди во время их (шведов.— Ю. Б.) приходу были вооружены и во всякой воинской готовности»¹². На 18 июня состояние дел было следующим: «Ко отпору тех неприятелей приход в Двинском большом устье и в малой Двинке... шанцы и валы земляные, иные крепости построены и утверждены; и ружья и пушек к бою на места со всякими припасы приуготовлены. И... ратные люди в тех крепостях поставлены ко ополчению во всякой готовности; а Двинское Мурманское устье засыпано и Пудожемское устье засыпают; да сверх того на тех устьях учинены шанцы и в них поставлено по сту человек солдат, да с ними по десяти пушек на всяком устье»¹³. Царь потребовал от Прозоровского поставить на островах особых людей для наблюдения, притом таких, «которые б Двиною рекою пути без вожей знать не могли»; иноземные корабли без расспроса к Архангельску не пропускать. В устье были заблаговременно сняты «предостерегательные знаки», обозначавшие фарватер.

В Швеции уже в 1700 г. вновь активно обсуждалась старая идея ликвидации архангельской торговли. Военно-стратегическое значение Архангельска не подлежало сомнению. В связи с этим в Стокгольме рассматривались различные планы уничтожения города и порта. Некое частное лицо предложило собрать крестьянское ополчение, которое, продвинувшись глухими северными местами с территории Финляндии на восток, внезапно напало бы на русский порт. Карл XII в принципе одобрил этот план и согласился предоставить его автору необходимое количество оружия. Однако до реализации замысла дело не дошло¹⁴. Автор другого проекта, генерал К. М. Стюарт, полагал, что отряд численностью в 10—12 тыс. мог бы на небольших военных кораблях или рыбацких судах подняться вверх по Неве в Ладогу, затем пройти по р. Свири к Онежскому озеру до Повенца и далее маршем по суше — к побережью Белого моря. Но это предприятие представлялось рискованным: столь долгий и сложный путь практически не оставлял надежд на возможность внезапной атаки русского порта¹⁵.

¹¹ Там же, с. 59--60.

¹² Там же, с. 66.

¹³ Сие описание из разных письменных известий и от разведывания людей собрано и сочинено самим преосвященным Афанасием, и оное здесь предлагается слово в слово.— Там же, с. 89--90.

¹⁴ Fryxell A. Berättelser ur svenska historien. 22 del.: Karl den Tolfte regering, h. 2. Stockholm. 1856, s. 4.

¹⁵ Ibid., s. 4—5; Koskinen Y. Finnische Geschichte von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart. Leipzig. 1874, s. 309.

Изучался вопрос об использовании наемной военной силы. Шведский резидент в Париже Пальмквист получил задание нанять французских каперов, которые, соблюдая секретность, не только проверяли бы направлявшиеся к Архангельску торговые суда на предмет наличия контрабандных товаров, но при благоприятных обстоятельствах разрушили бы город и порт. (По условиям договоров Швеции с некоторыми западноевропейскими государствами купцы этих стран не имели права ввозить в Россию ряд товаров, в том числе продовольствие. Такие товары считались контрабандой и подлежали конфискации.) По мнению государственного секретаря Швеции С. Океръельма, одного из наиболее активных сторонников идеи уничтожения русского северного порта, два или три каперских судна вполне могли бы справиться с такой задачей. Однако возникли препятствия на пути осуществления и этого плана¹⁶. В конце концов было принято решение организовать, при строжайшей секретности, экспедицию силами шведского военно-морского флота. В ее подготовке при активном содействии Карла XII приняли участие виднейшие шведские сановники.

В конце февраля 1701 г. президент двух коллегий Ф. Вреде и С. Океръельм представили королю проект инструкции для командира эскадры, которым предлагали назначить капитана К. Х. Лёве. Он пользовался репутацией одного из наиболее способных специалистов в шведском военно-морском флоте. 20 марта король подписал приказ о снаряжении экспедиции, которая должна была отправиться не позднее начала апреля¹⁷. Эскадра состояла из семи кораблей: фрегат «Варберг» (266 человек личного состава и 42 пушки), фрегат «Эльфсборг» (соответственно 264 и 40), фрегат «Марстранд» (133 и 26), фрегат (или флейт) «Сулен» (91 и 4), шнява «Мьёхунден» (35 и 6), галиоты «Фалькен» (11 и 5) и «Тёва-литет» (28 и 4). Таким образом, отряд, вышедший на Архангельск, насчитывал 828 человек личного состава (в том числе 700 человек пехоты) при 127 орудиях¹⁸.

В начале апреля экспедицию отправить не удалось. Разные причины задержали начало похода почти на два месяца. О дальнейших событиях рассказывает корабельный журнал флагманского фрегата «Варберг»; его содержание изложено шведским историком Э. Хольмбергом. В нашем распоряжении имеется также документ, вышедший из-под пера Лёве, под названием «Всепокорнейшая реляция обо всем, что случилось и произошло во время экспедиции к Архангельску на пути туда и обратно»¹⁹. Этот чрезвычайно интересный и содержательный документ был составлен командиром эскадры (вероятно, главным образом по материалам корабельного журнала «Варберга») 21 августа 1701 г., вскоре после возвращения отряда в Гётеборг. Реляция явилась, по-видимому, официальным отчетом об экспедиции.

27 мая были подняты якоря, и отряд направился в открытое море. За две недели до этого Лёве была вручена секретная инструкция Карла XII. Никто из участников экспедиции не должен был знать ее содержания, а стало быть, целей похода, прежде чем корабли не выйдут в открытое море. 28 мая командор собрал на борту «Варберга» морских и пехотных офицеров. Были взломаны печати на пакете, и Лёве ознакомил присутствовавших с королевской инструкцией, которая состояла из 16 пунктов. Инструкция гласила, что цель похода — воспрепятствовать ввозу в Россию через архангельский порт запрещенных товаров, а также причинить возможный вред русским в названной местности.

Король требовал прийти к Архангельску «прежде, чем там появятся какие-либо иностранные купеческие суда, сжечь и разорить город и все русские корабли и суда, захватить и увезти, по военному обычаю, все, что смогут». Карл XII обра-

¹⁶ Holmberg E. Sjöexpedition mot Arkangel 1701. In: Karolinska Förbundets Arsbok. Lund. 1918, s. 107; Holm N. F. Kampen om ryska ishavsvägen på Karl XII's tid.— Forum navale, 1948, № 9, s. 15—17.

¹⁷ Holm N. F. Op. cit., s. 19.

¹⁸ Handlingar rörande Commendören Charles H. Lewes sjöexpedition till Archangel, år 1701.— Svenskt historiskt magasin, Stockholm, 1849, № 1, s. 44.

¹⁹ Den allerödmiuk hörsambst Relation om allt hvad som under Expedition åth Archangel i fram och återreesan kann hafva sig tilldragit och passerat.— Handlingar, s. 30—43.

щал внимание офицеров на необходимость уничтожения верфи и строившихся на ней кораблей, а также складов смолы. Он объявил, что участники похода получают четвертую часть всей конфискованной ими в море контрабанды и, кроме того, половину добычи, которую они захватят у русских в ходе архангельской операции. До момента решающего удара по Архангельску поход следовало совершать в условиях секретности. Дополнительная инструкция, составленная Вреде и Окертьельмом, предписывала после выполнения основной задачи отряду солдат подняться в шлюпках вверх по Северной Двине, чтобы жечь и разорять окрестные селения²⁰. Экспедиция должна была лишить Россию единственного морского порта на Севере. В случае успеха операции у Швеции возросли бы шансы на победу в Северной войне.

За месяц эскадра обогнула Скандинавский и Кольский полуострова и под видом торговых судов вошла в Белое море. У о. Сосновца шведы захватили русскую поморскую лодью; были взяты в плен 32 человека, среди них шкипер лодьи, служба Николо-Карельского монастыря Иван Рябов²¹. В ночь на 25 июня эскадра стала на якорь близ Мудьюжского острова и подняла английский флаг, полагая привлечь этим внимание русских лоцманов. Под утро к «Варбергу» подошло небольшое русское судно; первым на борт флагмана поднялся переводчик Дмитрий Борисов (в реляции — Микаэль Борис; очевидно, в устной речи это звучало как Митька Борисов). Переводчик объяснил на голландском языке Лёве, что лоцманы переведены на остров внутрь строящейся крепости и следует послать за лоцманом шлюпку, а также написать письмо купцам, для которых привезены товары. Прозоровский приказал держать на Мудьюге караул и осматривать все прибывающие к Архангельску суда. Как потом узнал Лёве от Борисова, некие голландцы предупредили русские власти о задуманном шведами походе, чем и были вызваны особые меры предосторожности. Шведам стало ясно, что на внезапность удара рассчитывать не приходилось.

Во время разговора с шведским командором переводчик понял, что имеет дело отнюдь не с купцами. Вскоре он, а также прибывшие на русском судне начальник караула на Мудьюге капитан Николай Тихонович Крыков (в реляции — Николай Кйканов, искаженное «Тихонов»), писарь и несколько солдат были схвачены шведами и подверглись допросу о положении дел в архангельском порту²². Отвечая на вопросы, Борисов рассказал следующее. В Архангельск прибыли 43 голландских, 6 английских, 2 шотландских, 2 гамбургских и 1 французское, а всего 54 иностранных купеческих судна. Англичане разгружают табак и одежду, голландцы привезли перец и вино, французы — тоже вино. А вот прошлой осенью голландцы доставили большое количество боеприпасов и ружей. Когда здесь стало известно о намерении шведов напасть с моря на Архангельск, иностранные купцы (разумеется, чрезвычайно заинтересованные в беспрепятственном продолжении прибыльной торговли с Россией) просили воеводу усилить гарнизон города, и численность войск в Архангельске вскоре возросла до 1800 человек. На крепостных валах в городе стоит 50—60 орудий. В устье Двины заложена новая крепость, куда привезены, но еще не установлены 15 пушек. На работах по сооружению крепости занято ежедневно 600 солдат, однако ее высота пока не превышает половины человеческого роста. Завтра, добавил переводчик, будет день выдачи жалованья²³.

²⁰ Holmberg E. Op. cit., s. 116—118.

²¹ Несколько лет тому назад архангельский краевед Н. Л. Коньков обнаружил в ЦГАДА документ (Распросная двинского бобылька Ивана Ермолина сына Седунова), согласно которому шкипера звали Иван Ермолаевич Седунов, а «Рябов» было, вероятно, прозвищем (Коньков Н. Л. Новый документ о новодвинском сражении 25 июня 1701 года. В кн.: *Летопись Севера*. Т. VII. М. 1975, с. 180—183). Выводы Конькова, первоначально опубликованные в местной печати, встретили энергичные возражения, хотя и не сопровождаемые аргументацией (Фруменков Г. Г. Петр I на Севере. Архангельск. 1972, с. 16—17; сго же. Соловецкий монастырь и оборона Беломорья в XVI—XIX вв. Архангельск. 1975, с. 82—83). Возможно, Конькову удалось установить подлинную фамилию героя, мы же будем пока называть его в соответствии с традицией.

²² Relation, s. 31—32; Holmberg E. Op. cit., s. 120.

²³ Holmberg E. Op. cit., s. 121—123, 125.

Из рассказа Борисова следовало, что защитники крепости вряд ли способны оказать серьезное сопротивление. Удовлетворенный полученными сведениями, Лёве расценил ситуацию как благоприятную для активных действий и, поскольку промедление было на руку русским, принял решение атаковать крепость и пробиваться к Архангельску. Оставалось найти лоцмана. Собственный лоцман командора прежде бывал в Архангельске, однако фарватер с тех пор изменился, и теперь отыскать его, несмотря на все старания, не удалось. Но ведь кто-нибудь из русских наверняка должен был знать фарватер! Борисов на вопрос о том, сможет ли он стать к штурвалу, решительно отказался. Рябов в ответ на подобное предложение заявил, что скорее умрет, чем поддастся уговорам, а если его к этому принудят, то он ни за что не отвечает. Затем к командору привели Крыкова и его писаря. Пуская в ход то угрозы, то посулы, Лёве предлагал им ввести эскадру в Северную Двину. Но и они держались стойко, неизменно отвечая отказом. По возвращении в Швецию Лёве донесет своему начальству: «Я велел спросить русского капитана и его писаря, не могут ли они ввести нас в устье реки, и употребил все средства, поначалу обещая вознаграждение, а затем принуждая и угрожая»²⁴. Все было тщетно. Русские в один голос продолжали утверждать, что фарватера не знают.

Лёве сознавал, что время работает на строителей и защитников крепости: каждый лишний день означал дальнейшее укрепление оборонительных сооружений. Поэтому командор разработал план, согласно которому три меньших корабля — оба галиота и шнява под командой капитана К. Х. Вахтмейстера, усиленные дополнительным личным составом (всего свыше 120 человек) и дополнительными орудиями, должны были с приливом атаковать крепость, прорваться к острову, где находятся лоцманы, захватить их и вернуться к фрегатам. Все это следовало сделать быстро, по возможности не вызвав подозрений. Потом с помощью лоцманов предполагалось подойти к Архангельску, чтобы выполнить главную задачу экспедиции²⁵.

25 июня в полдень галиоты и шнява, подняв французский и гамбургский флаги, взяли курс на крепость. Шведы подошли к входу в Березовский рукав Северной Двины, и солдатский голова Г. Животовский, взяв с собой солдат, со знаменем и барабаном отправился на карбасе для проверки чужих кораблей. К «Мьёхунден» приблизились два судна, на большем было 30 человек, на меньшем — до 6. Большее (карбас Животовского) подошло к шняве с левого борта, и с карбаса спросили по-голландски, откуда корабль. Лейтенант Х. Шёшерна, переодетый в дюнкерского шкипера, вспрыгнул на планшир, приветственно приподнял шляпу и ответил на ломаном французском, что корабль пришел из Дюнкерка и нуждается в лоцмане²⁶. Русские начали было подниматься на борт, но заметили притаившихся на палубе солдат, спрыгнули обратно в карбас и стали отгребать. «И с тех де воинских воровских кораблей учили по ним из пушек стрелять и выстрелили по ним дробью и с трех пушек и из мелкого ружья стреляли ж и убили у него, Григория (Животовского. — Ю. Б.), писаря да трех человек солдат и двух человек работных людей. И его, Григория, да сержанта ранили»²⁷. В перестрелке лейтенант Шёшерна был убит выстрелом из мушкета. Именно это имеет в виду русский источник, когда сообщает: «Солдат Леонтий Огжеев... убил... на фрегате неприятельского капитана до смерти»²⁸.

Во время боя шнява и галиот «Фалькен» сели на мель приблизительно «на расстоянии хорошего мушкетного выстрела от суши». Попытки снять их с мели не имели успеха, к тому же начался отлив. Корабли встали не только прочно, но и неудачно для нападавших — носом к крепости. Поэтому их расположенные по бортам пушки оказались бесполезными. В то же время крепостная артиллерия и поставленные для защиты новой крепости и устья береговые батареи, о существова-

²⁴ Relation, s. 32—33.

²⁵ Holmberg E. Op. cit., s. 123; Holm N. F. Op. cit., s. 24.

²⁶ Holmberg E. Op. cit., s. 127—129.

²⁷ Огородников С. Ф. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб. 1890, с. 130.

²⁸ Сие описание, с. 72. Сведения русских и шведских источников об этой стычке расходятся лишь в некоторых деталях.

нии которых Борисов ни словом не обмолвился командору, вели методичный обстрел неподвижных целей. Русскую оборону возглавили стольник Сильвестр Иевлев, заведовавший хозяйственной частью строительства крепости, и инженер Резен. «Селиверст с инженером велели из батарей, в которой он с служилыми людьми были, также и из иных батарей из пушек стрелять и его, Григория, с солдаты тою стрельбою очистили и воинских людей отбили и фрегат и яхту тою стрельбою разбили... А как в приходе тех воинских кораблей учал быть бой, и в то время работные люди многие было испужались, побежали, и он де Селиверст стал на тех работных людей кричать и говорить им, буде кто из них побежит, и он де будет их колоть копьями, или он, Селиверст, побежит, чинили б и ему тож; также и солдатам, которые с ним были, он говорил же и укреплял, чтоб они стояли мужественно»²⁹.

Шведы боролись за севшие на мель корабли, постепенно переправляя с них личный состав на «Тёва-литет». Однако русская артиллерия была все прицельнее, а затем, когда от крепости «отошло на веслах множество вооруженных ботов»³⁰ с намерением захватить шняву и галиот, исход боя, продолжавшегося 13 часов, был решен³¹. Русские заняли севшие на мель корабли; шведы уже «недерзнуша прити их ратовать, но бегству яшася»: захватив оставленный промышленниками коч, поставили с него руль на поврежденный в сражении галиот «Тёва-литет» и отступили к основной эскадре. «И около ноци на тот коч, ради облегчения своего, переложя припасы и пересадив людей, вышли от Двинки на взморье к прочим им воровским большим кораблям и тот коч увезли с собою»³².

Шведам оставалось сожалеть, что они поверили словам переводчика. Как выяснилось, сведения, сообщенные Борисовым, не имели ничего общего с истинным положением дел. В реляции Лёве, спустя несколько часов узнавшего о печальном исходе нападения, читаем выразительные слова: «Силы противника оказались совершенно иными, нежели это было представлено нам вышеупомянутым переводчиком Микаэлем Борисом»³³. Хольмберг констатирует: «Дорогой ценой убедились, что относительно расположения и состояния крепости и сил неприятеля, а также свойств самого входа в устье реки русский переводчик сообщил неверные, введшие в заблуждение сведения, несомненно с целью заманить шведов в западню»³⁴.

Но не только дезинформация привела шведов к поражению. Русский источник сообщает, что Рябоз и Борисов «аще и в смертной беде сущей, обаче соглася между собою на пилубе, оных супостатов свейских людей из тех один фрегат да яхту привели перед самую Двинку, прямо новыя крепости в прилук, и навели их на мель в няши, против государева ружья по прилучаю к упалой воде»³⁵. Борисову терять было нечего: его обман раскрылся, а Рябов предупреждал, что если его принудят встать к штурвалу, то посадит корабли на мель. Оказавшись в затруднительном положении, командор доверил пленникам управление. А они, договорившись между собой и воспользовавшись суматохой во время перестрелки, посадили вражеские галиот и шняву на мель.

²⁹ Огородников С. Ф. Ук. соч., с. 130. Прозоровский в сражении не участвовал. Он в тот день повел себя, согласно показаниям С. Ивлева, отправленным в Новгородский приказ, странно: «Услышав... пушечную стрельбу, поехал... к Архангельскому городу, не заехав к той новой крепости», прибыл на место боя лишь 28 июня (там же, с. 131).

³⁰ Holmberg E. Op. cit., s. 127—129.

³¹ В реляции командора приведена скромная цифра потерь шведов в этом сражении: убит Х. Шёшерва и еще двое солдат ранены (Relation, s. 34). Это расходится с показаниями русского источника: «Многих супостатов ранили, а иных до смерти» (Сие описание, с. 74). Вероятно, на основании последнего сообщения Фруменков считает возможным говорить о спасшихся лишь «остатках экипажа погибших кораблей» (Фруменков Г. Г. Петр I на Севере, с. 16; его же. Соловецкий монастырь, с. 82).

³² Сие описание, с. 76—77.

³³ Relation, s. 33; Holm N. F. Op. cit., s. 24.

³⁴ Holmberg E. Op. cit., s. 129.

³⁵ Сие описание, с. 73.

Шведские источники не содержат указаний на то, что Рябов и Борисов вели какой-либо корабль³⁶. Шведам, не добившимся от русских согласия провести эскадру в Северную Двину, при атаке крепости оставалось, по словам Хольмберга, «уповать на провидение», т. е., используя прилив, попытаться самостоятельно, на ощупь, пройти Березовским устьем. Однако оба русских пленника во время этой операции находились на борту одного из кораблей. В донесении Вахтмейстера командору о сражении читаем: «Переводчик Микаэль Борис и шкипер с русской лодки нашими насмерть застрелены»³⁷. Историк Н. Ф. Хольм, изучивший фонды нескольких архивохранилищ Швеции, нашел документ, в котором также говорилось: «Nota bene, Микаэль Борис тотчас же был застрелен нашими»³⁸. Исследователь констатирует: «Переводчик Микаэль Борис, принужденный участвовать в этой атаке, заплатил жизнью за свой патриотический обман»³⁹. Раненый Рябов чудом спасся: он притворился мертвым, затем, улучив момент, бросился в воду и вплавь достиг берега.

Тот факт, что командор нигде не упоминает об использовании пленников в качестве лодманов, можно объяснить тем, что он не хотел сообщать в официальных реляциях, как погубил два корабля в результате собственного легковерия. После боя, когда уцелевший галиот присоединился к эскадре, Лёве собрал офицерский совет, на котором было решено отказаться от повторной попытки пройти в Северную Двину. Тогда шведы стали разорять окрестные поморские селения и солеварни. В конце июня — начале июля были разорены Куйский соляной промысел Соловецкого монастыря, сожжены соляные варницы и крестьянские дворы на Мудьюжском острове, соляная варница Воскресенского монастыря на р. Пялице и деревня из 11 дворов.

Около 30 русских пленных были оставлены шведами на пустынном морском берегу, остальные (среди них и капитан Крыков) увезены в плен. Лёве стремился нанести русским максимальный урон, с тем чтобы загладить впечатление от провала экспедиции. Сообщения об учиненных разорениях занимают две трети реляции командора⁴⁰. Затем эскадра отправилась в обратный путь и 15 августа стала на якорь в гётеборгской гавани. Так бесславно завершилась экспедиция, с которой шведское правительство связывало столь большие надежды.

Карл XII, находившийся с армией за пределами Швеции, еще несколько месяцев пребывал в неведении: никто из сановников не решался сообщить ему неприятную весть... В ноябре 1701 г. король прислал в адмиралтейскую коллегия в Стокгольм письмо с требованием немедленно доложить о результатах экспедиции⁴¹. По делу о провале похода было назначено расследование; в январе 1704 г. собрался генеральный военный суд, в состав которого вошли виднейшие адмиралы шведского флота. Суд вынес приговор (этот документ в его наиболее важных частях опубликован⁴²), в котором объявил, что постигшие экспедицию неудачи объясняются объективными сложностями, несчастливом стечением обстоятельств; действия же командора в продолжение похода были правильными. Лёве был оправдан, а спустя некоторое время даже возведен в дворянское достоинство, стал адмиралом и президентом адмиралтейской коллегии.

Опоздание с приходом к Архангельску, незнание фарватера и недостаток провианта — вот главные причины, обусловившие, по мнению членов суда, провал

³⁶ В зарубежной литературе только А. Фрюкселль, знакомый с русскими источниками, сообщает, что шведам, не сумевшим найти лодманов, «предложили свои услуги двое русских рыбаков. Но они умышленно повели суда неверным путем, и два судна сели на песчаную отмель. Раздосадованные шведы расправились с вероломными проводниками» (F r u x e l l A. Op. cit., s. 5).

³⁷ Relation, s. 34.

³⁸ Holm N. F. Op. cit., s. 24. Ср. с русским источником: «Тогда они неприятельские люди, абие их волей, переводчика Дмитрия Борисова и Ивана Рябова в каюте бывши, единокупно из фузей стреляли» (Сие описание, с. 73).

³⁹ Holm N. F. Op. cit., s. 24.

⁴⁰ Relation, s. 35—43.

⁴¹ Holm N. F. Op. cit., s. 26; Holmberg E. Op. cit., s. 135.

⁴² Transsumt af Kongl. Amt. Ofwer-Rättens dom uti undersökning målet angående den under Commendeuren Leves anförande förrättade Expedition till Archangel.—Handlingar, s. 45—47.

шведского замысла. Хольмберг отнес неблагоприятный исход экспедиции за счет «непредвиденных фатальных обстоятельств» и заключил свою статью словами, что эта неудача — результат «неблагодарности судьбы»⁴³. В обоих случаях среди причин не упоминаются ни действия русских пленников, ни отпор солдат и строителей Новодвинской крепости. Понятно, что Лёве не был заинтересован в показе их истинной роли в этом деле. Что касается жизни русских поморов в шведском плену, то до сих пор об этом было известно главным образом из рассказа Рябова, записанного архиепископом Афанасием.

Шведские документы⁴⁴ не оставляют сомнений относительно роли двух отважных поморов в операции и правдивости позднейшего рассказа Рябова о пребывании в плену. Эти источники заставляют убедиться в героизме Борисова, который до сих пор в нашей историографии находился в тени. В документах содержатся новые факты, свидетельствующие о мужественном поведении Крыкова и других русских людей. Шведские источники позволяют также точнее определить значение и место похода на Архангельск в общем контексте стратегии шведского руководства в начале Северной войны.

Результат победы при Новодвинской крепости был чрезвычайно важным. В этом сражении впервые в истории России были завоеваны иноземные военно-морские флаги. В качестве трофеев фигурировали также два военных корабля, 13 пушек, 200 ядер, припасы⁴⁵. В последующие годы шведы уже не предпринимали попыток уничтожить северную торговлю России. Оборот товаров, проходивших через архангельскую таможню, постоянно возрастал: в 1700 г. Архангельск посетили 64 иностранных купеческих судна, в 1702-м — 149, в 1708-м — 208, в 1716-м — 233⁴⁶. Последняя цифра особенно впечатляет, ведь в то время морская торговля уже переводилась Петром I в Петербург. Таковы были последствия событий, исход которых в значительной мере определили исключительное мужество и патриотизм простых русских людей.

⁴³ Holmberg E. Op. cit., s. 134, 142.

⁴⁴ Bespättyh J. Kommentaja Löwen virhe.— Punalippu, 1981, № 7, s. 142—145.

⁴⁵ [Новиков Н. И.] Уж. соч., с. 84—87.

⁴⁶ Огородников С. Ф. История Архангельского порта. СПб. 1875, с. 15.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ

ПУТЬ КРЕСТЬЯНСТВА ЛАТВИИ К СОЦИАЛИЗМУ

П. Я. Бондарев

Великий Октябрь открыл возможность создания социалистического общества перед всеми народами России. Но трудящиеся Латвии смогли по-настоящему приступить к социалистическим преобразованиям лишь после изгнания фашистских захватчиков с территории республики. Нелегкому пути тружеников латвийской деревни к социализму посвящен данный очерк.

1. Барон, хозяин и батрак

«Можно, пожалуй, сказать, что в Латвии деревенский пролетариат существовал раньше, чем капитализм»¹. В этих словах П. И. Стучки есть доля истины. Еще при крепостном праве крестьянская земля закреплялась здесь помещиками за зависимыми состоятельными крестьянами, в распоряжение которых отдавались крепостные батраки. На каждый хутор крепостных «хозяев» приходилось в среднем три-четыре крепостных батрака². Первые имели некоторые преимущества. В частности, под их контролем батраки отработывали барщину.

На основании закона, выработанного курляндским и лифляндским дворянством и утвержденного Александром I, 25 августа 1817 г. в Курляндии и 26 марта 1819 г. в Лифляндии была провозглашена отмена крепостного права. Отказываясь от своих крепостных и от прав на крестьян, местные бароны сохраняли свою собственность на землю. Крестьянин был лишен средств производства и прав пользования землей, которыми он ранее располагал. То был прикрытый законом грабеж в пользу дворянства. Кроме того, прибалтийские бароны³ обладали различными привилегиями. Мызная земля была освобождена от волостных налогов и повинностей. Исключительно дворянству принадлежало право на содержание корчм, шинков, спиртных и пивоваренных заводов. Право патроната (назначения лютеранских пасторов), устройства базаров, охоты и рыбной ловли дополняли их привилегии. Дворянские сословные организации получили возможность решать вопросы самоуправления, ведать полицейским надзором и судами. Это была «такая суровая форма барщины, какой еще никогда не испытывал ни один крестьянин всего мира»⁴.

Реализация нового законодательства превратила многих крестьян Прибалтийского края в бездомных бродяг. Вместо бывших крепостных отношений утверждались арендные, что привело к пролетаризации латвийского села. Арендаторы, испытывающие материальные трудности, в своих хозяйствах стремились обойтись наименьшим числом батраков. А лишенные земли и крова крестьяне устремились в местные города или в деревни центральных губерний России. В 1864 г. в Лифляндской губернии безземельные составляли 78,5%, семьи дворохозяев — 21,5%; в Курляндской губернии — соответственно 84% и 16%⁵. В 1860-е годы в латвий-

¹ Партийный архив Института истории партии (ПА ИИП) при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 2, д. 508, л. 2.

² Там же, ф. 55, оп. 6, д. 44, л. 3.

³ Под прибалтийскими баронами подразумеваются помещики немецкого происхождения, которые обосновались в Прибалтийском крае с XIII в., т. е. в эпоху крестовых походов. Накануне Октябрьской революции они составляли около 90% помещиков края (Latvijas zemes īpašumi Vidzemē. Rīgā. 1920, 14. lpp).

⁴ Ветеран [Стучка П.]. Латышский край и аграрный вопрос.— Вестник жизни, 1906, № 12, с. 34.

⁵ Козин М. И. Латышская деревня в 50—70-е гг. XIX века. Рига. 1976, с. 52.

ской деревне образовался большой излишек рабочей силы. В одной только Лифляндской губернии было зафиксировано около 200 тыс. «лишних» сельскохозяйственных рабочих⁶.

Процесс пролетаризации села сопровождался выступлениями крестьян против баронов. Поджоги и убийства на почве аграрных конфликтов, массовый отход от немецкой лютеранской церкви и переход в православие, образование тайных организаций, распространение памфлетов и прокламаций были естественным выражением горечи людей, лишенных средств к существованию и брошенных на произвол судьбы. Таким было начало пути латышского пролетариата. В Латвии, как и в других местах, капиталисты принуждали насильственно лишенное земли, изгнанное и в широких размерах превращенное в бродяг деревенское население «к дисциплине наемного труда поркой, клеймами, пытками»⁷.

Другим важным социальным сдвигом эпохи становления капитализма на латышской земле явилось образование крупного крестьянского землевладения. Бароны в целях приглушения классовой борьбы и упрочения своего положения путем создания прослойки зажиточных крестьян-землевладельцев были вынуждены пойти на уступки, хотя и тут думали в первую очередь о своей выгоде. При продаже земли крестьянам помещики ориентировались на взвинченную арендную плату. Земля в Курземе (Курляндская губ.) и Видземе (южная часть Лифляндской губ.) продавалась в 2—3 раза дороже по сравнению с ценой, которая была установлена Положением 19 февраля 1861 г. для других губерний⁸. Продажа крестьянских усадеб в частных имениях Лифляндской и Курляндской губерний в массовом порядке началась с 1860-х годов и достигла кульминации в 70-е годы XIX века. К 1881 г. там было продано более 61% дворов, находившихся на крестьянской земле. Хотя в конце 90-х годов прошлого столетия большинство крестьянских дворов было выкуплено, выкупные и другие долги тяжким бременем легли на крестьянские хозяйства. К пережиткам феодализма прибавилась капиталистическая ипотека.

Размер крестьянского участка (в среднем более 40—50 десятин на одну усадьбу), высокие выкупные цены и жесткие условия выкупа, продиктованные помещиками, в значительной мере определили состав будущих владельцев: это были крупные арендаторы, часто посторонние лица (купцы, мельники, лесничие и др.), сумевшие накопить необходимый капитал, по крайней мере для первого взноса помещику. В третьей административно-этнической составной части Латвии — Латгалии, входившей до 1917 г. в Витебскую губ., аграрные отношения развивались по образцу центральных губерний России. Таким образом, в 1860—1870-е годы развернулось формирование национальной сельской буржуазии в Латвии: бывшие крепостные «хозяева» превратились в «серых баронов» — кулаков. И хотя сохранялись сильнейшие социально-экономические и политические противоречия между крестьянами и помещиками, социальные отношения в латышском селе дополнились теперь противоречиями между безземельными и батраками — с одной стороны, богатыми дворохозяевами — с другой.

2. И крестьянин встал...

В конце XIX в. революционное движение в Латышском крае, сравнительно высокоразвитой части Российской империи, стало серьезным фактором общественного прогресса. Рабочие промышленных центров, в которых концентрировались крупные многонациональные отряды пролетариата, вступили в борьбу с самодержавием и за свои классовые интересы. В Латвии распространялись труды основоположников марксизма, сначала на немецком и русском, затем — на латышском языке. В 1900—1904 гг. на латышском языке массовым тиражом были изданы «Манифест Коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса, работа В. И. Ленина «Проект программы Российской социал-демократической рабочей партии»; на русском языке — труды Маркса и Энгельса («Манифест Коммунистической партии»,

⁶ Статистика. Экономические очерки областей, губерний и городов России. Киев. 1913, с. 340.

⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 23, с. 747.

⁸ Козин М. И. Ук. соч., с. 231.

«Капитал», «Анти-Дюринг», «Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии») и Ленина («Развитие капитализма в России», «Что делать?», «Шаг вперед, два шага назад», «К деревенской бедноте», «Письмо товарищу о наших организационных задачах» и др.)⁹.

Росло социал-демократическое движение, отдельные рабочие марксистские кружки объединялись в территориальные организации. В 1899 г. была создана Рижская социал-демократическая организация, вслед за ней — сельские (областные). В 1901—1903 гг. возникли Лиепайская, Елгавская и Талсинская социал-демократические организации¹⁰. Консолидация местных марксистских сил завершилась образованием в июне 1904 г. Латышской социал-демократической рабочей партии (ЛСДРП). Одним из главных направлений ее деятельности стало укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством.

В годы первой российской революции Латвию охватили непрерывные экономические и политические стачки, митинги и демонстрации. Среди них особенно выделяется длительная забастовка более 30 тыс. сельских рабочих Курляндской губ. в конце июля 1905 года. К осени в ряде уездов вследствие вооруженных восстаний власть временно перешла к трудящимся. Почти во всех волостях Латвии были распущены старые правления и заменены распорядительными комитетами, выполнявшими функции Советов. Эти революционные органы власти создавали отряды народной милиции для охраны порядка, борьбы с реакционерами и действовали как органы самоуправления. «Удивительно быстро, — писал П. И. Стучка, — революционная рабочая партия Латвии стала исторической партией. Она окончательно сформировалась в июне 1904 года и уже через год руководила, в полном смысле этого слова, революцией 1905 года в Латвии»¹¹. К декабрю 1905 г. из 20 тыс.¹² членов ЛСДРП состояло в сельских организациях около 14 тысяч. К середине 1906 г. социальный состав сельских организаций ЛСДРП был следующим: рабочих — 60%, хозяев — 10%, мелких собственников и арендаторов — 20%, ремесленников — 10%¹³.

Широкое развитие получила партийная подпольная печать в виде газет, политических брошюр, листовок. С 1904 по 1907 г. ЦК и местными организациями ЛСДРП было выпущено свыше 2 тыс. воззваний и листовок общим тиражом несколько млн. экз.¹⁴, причем значительное количество таких изданий было адресовано сельскохозяйственным рабочим и крестьянам. В них излагались политические и экономические требования трудящихся села. «Мы накануне крупных политических перемен, которые будут иметь значение далеко за пределами России, — отмечалось в листовке ЦК ЛСДРП «Крестьяне!», изданной в марте 1905 г. в количестве 25 тыс. экз. — Революция началась и торжественно совершит свое победоносное шествие по всей стране»¹⁵. Партия готовила крестьян к вооруженной борьбе против самодержавия и помещиков, выступала за установление демократической республики, одобряла опыт крестьянского движения на Кавказе, провозглашавшего национализацию крестьянской земли, призывала крестьян отказываться от выкупных, арендных и других кабальных платежей помещикам и казне.

ЦК ЛСДРП разработал конкретные требования для сельскохозяйственных рабочих как самой революционной силы в деревне. Эти требования отражали бедственное положение большинства деревенского населения. «В нищете и тяжелом труде проходит наша безрадостная жизнь, — говорилось в одном из воззваний. — В законченной, вонючей батрацкой лачуге мы ее начинаем, со скудной коркой хлеба в

⁹ P a e g l i s J. Marksisma-lenīnisma klasiku darbu izdošana un izplatīšanās Latvijā (līdz 1940. gadam). Rīgā, 1973, 35. lpp.

¹⁰ Организационная структура Коммунистической партии Латвии, 1904—1941. Рига, 1978, с. 37.

¹¹ LKP 25 gadi. Rakstu un materialu krājums. M. 1929, 7. lpp.

¹² Зиле Л., Зиёмелис С. Этапы большого пути. 75 лет Коммунистической партии Латвии. Рига, 1979, с. 14.

¹³ Бондарев П. Аграрная политика Коммунистической партии Латвии, 1904—1940 гг. Рига, 1982, с. 141.

¹⁴ Фонд листовок Института истории партии при ЦК КП Латвии.

¹⁵ Листовки социал-демократических организаций Латвии в период первой русской революции. Рига, 1956, с. 48.

богадельне или на краю придорожной канавы с нищенской сумой заканчиваем. До солнца мы встаем, после заката ложимся и все же не можем обеспечить себе ни скудного приварка, ни сносного жилья, ни одежды. Мы строим пышные хоромы, а сами живем иногда по 3—4 семьи в душных клетушках, где нет пола, нет солнечного света. Мы поливаем своим потом землю, которая нам не принадлежит»¹⁶. ЛСДРП внушала труженикам села, что не просьбами и низкопоклонством, а лишь открытой борьбой сельскохозяйственные рабочие могут добиться лучшей доли, завоевать человеческие права, добиться повышения заработной платы, улучшения условий быта и сокращения рабочего дня. Широкие слои обездоленных, притесняемых крупными землевладельцами жителей села становились на путь революционной борьбы.

В Венденском уезде Лифляндской губ. жил и работал сельский учитель Петер Докс. Для пропаганды марксизма он создавал в окрестностях местечка Цесвайне первые сельские социал-демократические кружки, составлял воззвания, писал прокламации и руководил одним из самых активных кружков — «Аркис» («Плуг»). 29 мая 1905 г. по его инициативе состоялось собрание 80 сочувствующих социал-демократическому движению селян. Там обсуждалась возможность революционных выступлений против помещиков. 9 июня члены кружка издали листовку, в которой требовали защиты интересов сельскохозяйственных рабочих от произвола немецких баронов и богатых хозяев. В тот же день была организована демонстрация в пасторском имении Цесвайнской волости с требованием погасить задолженность крестьян и снизить арендную плату на 30%. Перепуганный пастор пошел на уступки¹⁷. В листовке, изданной в июне сельским социал-демократическим кружком «Аркис», выражался протест против расправы казаков с участниками народного собрания в Дзелзавской волости 3 июня. Листовка призывала сельских жителей организоваться и подавить всех помещиков, пастырей и казаков.

В июне 1905 г. образовалась Малиенская областная (сельская) организация ЛСДРП. Созданные при ее содействии сельские социал-демократические кружки «Зибенс» («Молния»), «Угунскурс» («Костер»), «Свеце» («Свеча») и др. в ряде волостей Венденского уезда объединились в IV район этой организации, а Докс был избран районным организатором (секретарем райкома). Лето и осень 1905 г. прошли для него в заботах по укреплению парторганизации и подготовке вооруженного восстания. Социал-демократы многих волостей звали его «Крестный». Нередко он получал письма примерно такого содержания: «Дорогой Петер! У меня родился сын. Приезжай на крестины и возьми с собой подарки» (т. е. он приглашался на организационное собрание нового кружка вместе с просьбой привезти нелегальную литературу). В 1906 г. Докс был направлен на подпольную работу в Ригу и от городской парторганизации избран делегатом на V съезд РСДРП и II съезд социал-демократии Латышского края (после объединения в 1906 г. ЛСДРП с РСДРП) в 1907 г. в Лондоне.

В дни революционных событий волостные распорядительные комитеты брали под контроль ведение дел в имениях, отменяли выкупные и арендные платежи помещикам. Много баронских замков было тогда сожжено, хозяйство поместий, однако, сохранялось и велось сельскохозяйственными рабочими на общественных началах. К концу 1905 г. в 470 местных волостях из 501 действовали распорядительные комитеты или подобные им революционные органы власти; под их контролем находилось более 90% территории края¹⁸. Лифляндское губернское жандармское управление в отчете Департаменту полиции от 4 ноября 1905 г. писало, что ЛСДРП в дни, «когда вспыхнуло само восстание, послала в провинцию своих многочисленных интеллигентов, установивших на местах ряд так называемых распорядительных комитетов, заменивших деятельность упраздненных волостных правлений»¹⁹. 19 ноября в Риге прошел съезд волостных представителей Лифляндской и Курляндской губерний.

¹⁶ Там же, с. 53.

¹⁷ Ceļa cirtēji. Rīgā. 1982, 203—207. lpp.

¹⁸ Martinsons K. Rīcības komitejas Latvijā 1905. gada revolūcijā. Rīgā. 1972, 86—87, 179—196. lpp.

¹⁹ ЦГАОР СССР, ф. 102, 00, оп. 233, д. 1800, ч. 59, л. 17.

Оценивая итоги революции 1905—1907 гг., Ленин отмечал, что латышский пролетариат «больше, чем кто-либо другой, втянул в великую революционную борьбу против царизма и помещиков латышский сельскохозяйственный пролетариат и латышское крестьянство»²⁰. По всему краю развернулось партизанское движение «лесных братьев».

С декабря 1905 г. в Прибалтику направляются первые карательные экспедиции царских войск. На местах действовали вооруженные формирования монархистов, в которых участвовало также около 300 баронов. Жертвами контрреволюционной расправы стали тогда до 10 тыс. жителей Латышского края²¹. Врачей и аптекарей убивали «за то, что лечили социалистов» (селения Айнажи, Нитауре); закололи штыками четырех членов социал-демократического комитета (Виндава); мирных жителей привязывали к лошадям и таскали по земле до смерти; больных силой поднимали с постелей, привязывали к деревьям и расстреливали (Леймане); когда в Штокмангофе искали революционера И. Берзина, то из трех жителей этой волости, носивших такую фамилию, взяли наугад одного и повесили перед волостным правлением; за отсутствующих «неблагонадежных» сыновей казнили отцов; расстреливали подряд всех членов волостных распорядительных комитетов; казнили ораторов, выступавших на легальных собраниях после царского манифеста 17 октября; расстреливали председательствовавших на народных митингах²². Достаточно было малейшего подозрения, чтобы без суда и следствия лишиться жизни и имущества.

Карательные меры были настолько незаконными, что это признавали даже сами их исполнители. Курляндское губернское жандармское управление в донесении от 7 декабря 1906 г. в охранное отделение Департамента полиции сообщало: «Преследование... велось с той репрессией, которая была необходима для подавления движения, поэтому кроме временных военных судов постепенно возникали районные военные суды (приказ Временного Курляндского генерал-губернатора от 22 февраля 1906 г. № 9) и наконец военно-полевые суды. Предварительное следствие и формальное дознание во многих случаях... заменялось полицейским и военным дознанием, а поэтому значительно было ускорено осуждение виновных. Сильно устрашающими являлись военно-полевые суды»²³. Чтобы «изъять» из латышской деревни «горючий материал», власти размещали на землях казенных имений и вблизи железных дорог переселенцев из других районов страны, а бароны увольняли латышских батраков и брали на их место немецких колонистов. Поскольку в латгальской деревне еще сохранялась община, столыпинская аграрная реформа больно ударила по ней. Тысячи обезземеленных крестьян ушли тогда в города, становились батраками и пополняли скрытую армию безработных.

3. За Советскую власть!

После свержения самодержавия в феврале 1917 г. революционные события в Латвии развивались очень бурно. Как и во всей России, одним из главных являлся здесь аграрный вопрос. Большевики Латвии исходили в своей деятельности из задачи завоевания политической власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством. По инициативе СДЛК был созван съезд 436 делегатов от рабочих, крестьян и батраков Видземе, состоявшийся в Вальмиере 16—18 апреля. В качестве первоочередных мер он принял резолюцию с требованием «конфисковать все частные и церковные имения без вознаграждения, оставляя в пользование прежним владельцам частных имений лишь небольшие земельные участки согласно решению демократических органов самоуправления... Конфискованные имения следует передать в распоряжение областных органов самоуправления, которые устанавливают минимальные и максимальные нормы отдельных земельных участков, а также способ их использования»²⁴. Съезд отверг эсеровскую резолюцию о земле и избрал Видзем-

²⁰ Ленин В. И. ПСС. Т. 19, с. 306.

²¹ Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Ч. I. Рига. 1962, с. 184.

²² Прибалтийские письма.— Витебская жизнь, 1906, №№ 1, 6.

²³ ЦГАОР СССР, ф. 102,00, оп. 234, л. 7, п. 8, л. 3.

²⁴ Коммунистическая партия Латвии в Октябрьской революции 1917. Док. и м-лы. Рига. 1963, с. 54.

ский совет безземельных в составе 45 человек, из которых 42 были большевиками. После этого местные Советы безземельных развернули конфискацию помещичьих имений во всех уездах, свободных от немецкой оккупации. Чтобы было понятно, кого большевики Латвии подразумевали тогда под безземельными, приведем решение V съезда СД Латвии (июль 1917 г.), где сказано: «Безземельными мы считаем сельский пролетариат (батраков), исполщиков и арендаторов небольших хозяйств (которые не эксплуатируют наемную рабочую силу), ремесленников и лиц свободных профессий, как учителей и т. д.»²⁵.

К середине мая во всех 239 волостях Видземе уже работали подобные Советы²⁶. К середине июля на территории Латвии насчитывалось около 300 таких Советов²⁷. Они сыграли важную роль в укреплении союза рабочего класса с трудовым крестьянством и сплотили вокруг себя до 70 % сельского населения, преимущественно сельскохозяйственных рабочих и беднейших крестьян. Немалые успехи были достигнуты и в демократизации общественно-политической жизни на местах. Советы безземельных, аграрные и продовольственные комитеты в своем большинстве выступали за претворение в жизнь политической линии большевиков. Накануне Октябрьской революции под их прямым руководством или влиянием большевиков находилось свыше половины волостных органов самоуправления. Еще до социалистической революции они конфисковали в Видземе 23 помещичьих имения²⁸. Важной победой Советов безземельных явилось введение в деревне прогрессивной налоговой системы. Если до Февральской революции безземельные платили почти 90 % волостных налогов, а дворовладельцы — чуть более 10 %, то теперь цифры соответственно изменились наоборот²⁹. Развернулась острая классовая борьба с контрреволюцией в лице властей Временного правительства, помещиков, т. н. крестьянских Советов (в Латвии они представляли сельскую буржуазию).

Большое значение имело проведение V съезда СДЛ в Риге во дворце бывшего губернатора, что явилось открытым вызовом силам реакции³⁰. С докладом по аграрному вопросу выступил Ю. Данишевский. Он подчеркнул, что от разрешения этого вопроса зависит исход революции, и разъяснил, что буржуазия защищает помещичью собственность потому, что сама боится за свою собственность; задача состояла в том, чтобы выбить из-под ног правящих классов экономический фундамент, ибо хозяйственная кабала порождает и политическую зависимость³¹. Среди основных мероприятий аграрной политики съезд наметил конфискацию помещичьих имений и национализацию всей земли, не дожидаясь созыва Учредительного собрания. Практическими исполнителями должны были стать Советы безземельных, продовольственные и аграрные комитеты, которые наладят общественное управление конфискованной землей. Сохранялось индивидуальное землепользование при гарантии удовлетворения требований сельскохозяйственных рабочих. Тем самым съезд соблюдал основные требования ленинской аграрной программы РСДРП(б), нацеленной на сплочение рабочего класса с трудовым крестьянством в борьбе за торжество социалистической революции.

С победой Великого Октября, после принятия ленинского Декрета о земле было положено начало претворению в жизнь этой программы. Съезд рабочих, солдатских и безземельных депутатов в Вальмиере 16—18 декабря 1917 г. принял закон о конфискации имений и создании в крупных имениях совхозов. Оккупация войсками кайзеровской Германии в феврале 1918 г. территории Латвии приостановила здесь ход социалистической революции, в том числе аграрные преобразования. Конфискованные земли были возвращены прежним владельцам. После аннулирования Брестского мирного договора осенью 1918 г. опять сложились благоприятные условия для победы в Латвии революционных сил. К концу 1918 г. вооруженное

²⁵ Там же, с. 253.

²⁶ Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Ч. I, с. 347—348.

²⁷ ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 1, оп. 4, д. 10, л. 2.

²⁸ Грейтъяне Р. С. Деятельность Советов безземельных Видземе в 1917 году (март — октябрь). Автореф. канд. дисс. Рига. 1980, с. 15, 20.

²⁹ Kaimiņš J. Strālieku šķiras savienība ar zemniecību sociālistiskajā revolūcijā Latvijā 1917—1919. gadā. Kr.: Par Oktobra uzvaru. Rīgā. 1967, 87. lpp.

³⁰ Сина, II (24). VII. 1917, № 49.

³¹ ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 1, оп. 4, д. 10, лл. 11—12.

восстание против буржуазного правительства стало массовым. 4 декабря было образовано Временное правительство Советской Латвии во главе с П. И. Стучкой. 17 декабря оно опубликовало Манифест, в котором провозглашались установление в Латвии Советской власти, отмена частной собственности на землю и другие социальные преобразования. 22 декабря 1918 г. правительство РСФСР декретом, подписанным Лениным, признало независимость Советской Латвии и обещало оказывать ей всестороннюю поддержку³². С 13 по 15 января 1919 г. в Риге прошел I съезд Советов объединенной Латвии. Вновь развернулись социалистические преобразования. VI съезд СДЛ в марте 1919 г. переименовал партию в Коммунистическую.

За короткое время в Советской Латвии была создана новая система политической власти, реорганизованы экономика и культура, проведены важные мероприятия для улучшения жизни трудящихся. На базе шестой части конфискованных имений, имевших достаточно высокий агротехнический уровень и материально-техническую основу для крупного сельскохозяйственного производства, было создано 239 совхозов. Из них хозяйственный год завершили 49, находившихся в Латгалии³³, т. к. Советская власть существовала там до начала 1920 года. Как свидетельствуют цифры, продуктивность этих хозяйств была хорошей. Другую категорию землепользователей составляли бывшие хозяева, арендаторы, исполщики и батраки, которым по их желанию были выделены участки земли либо в прежних их хозяйствах, либо в конфискованных поместьях на равных условиях государственной годовой аренды. До получения первого урожая большую помощь продовольствием Советской Латвии оказывала Советская Россия. Однако при решении аграрного вопроса имели место и ошибки: форсирование темпов обобществления средств сельскохозяйственного производства, неоправданно короткий срок государственной аренды земли и др.

Объединенные силы внутренней и международной контрреволюции развернули в Латвии наступление. 22 мая 1919 г. пала Рига. В начале 1920 г. ими была захвачена вся Латвия. Ее Советское правительство передало временно свои полномочия ЦК КПЛ до момента, когда будет восстановлена власть трудящихся. В состав буржуазной Латвии вошли Курляндия, южная часть Лифляндии и Латгалия. На долю сельских жителей приходилось тогда более 75% населения Латвии³⁴.

4. Два десятилетия буржуазного правления

Практически лишенная торговых связей с СССР Латвия стала хозяйственным придатком империалистических государств. Главной отраслью ее хозяйства было сельское. Хозяйственный регресс местная буржуазия именovala «народным благосостоянием» и «естественным развитием», которые она связывала с аграрной реформой сентября 1920 года. Эта контрреволюционная мера отменила национализацию земли и конфискацию помещичьей собственности. Сельская буржуазия получила дополнительно почти 1 млн. гектаров. Она безжалостно эксплуатировала 200-тысячную армию сельскохозяйственных рабочих, массу разорившихся и малоземельных крестьян. Развернулась «аграризация» страны. Кулацкие хозяйства получали миллионные правительственные дотации, премии, приплаты на мелиоративные работы и пр. Из Польши и Литвы ввозилась дешевая батрацкая сила, использовавшаяся преимущественно для развития животноводства и расширения запашки. Лишь в 1930—1940 гг. пошло с молотка около 43 тыс. хозяйств мелких земледельцев³⁵.

КПЛ в трудных условиях борьбы, особенно после установления в 1934 г. фашистской диктатуры, выдвигала лозунг создания в Латвии рабоче-крестьянского правительства³⁶. Коммунисты приложили большие усилия для использования всех

³² Образование Социалистической Советской Республики Латвии и социалистическое строительство в 1919 году. Док. и м-лы. Рига. 1959, с. 166—167.

³³ Сипа, I. III. 1969.

³⁴ Очерки истории Коммунистической партии Латвии. Ч. II. Рига. 1966, с. 16.

³⁵ Подробнее см.: Дризулис А. Латвия под игом фашизма. Рига. 1960.

³⁶ Latvijas Komunistiskās partijas kongresu, konferenču un CK plēnumu rezolūcijas un lēmumi, I. d. Rīgā. 1958, 322. lpp.

возможностей ведения легальной и нелегальной пропаганды на селе. Там создавались партийные фракции в профсоюзах, учреждениях местного самоуправления, больничных кассах, потребительских кооперативах, культурно-просветительных обществах. С 1928 по 1934 г. в сейме действовала рабоче-крестьянская фракция. Для привлечения крестьянства на путь революционной борьбы КПЛ следовала опыту ВКП(б), советам коминтерна и Международного крестьянского интернационала³⁷. Призывая бедное и среднее крестьянство сомкнуться с рабочим классом в антифашистском фронте, она выдвинула конкретную «Программу борьбы сельскохозяйственных рабочих, беднейшего и среднего крестьянства Латвии»³⁸. В ноябре 1934 г. КПЛ заключила договор о создании единого фронта с Социалистической рабоче-крестьянской партией, стремилась сохранить в условиях подполья свои кадры как в городе, так и в деревне, не прекращала действий в защиту обездоленных трудящихся села.

5. Отвоёванная земля

1940 г. в Латвии ознаменовался восстановлением Советской власти. Глубокие революционные преобразования развернулись по всей республике, включая село. В принятой Народным сеймом 22 июля 1940 г. «Декларации об объявлении земли народной собственностью» говорилось: «Руководствуясь жизненными интересами трудового крестьянства и выражая волю всего трудового народа, сейм провозглашает всю землю с ее богатствами, лесами, озерами и реками собственностью всего народа, т. е. государственной собственностью. Оставляемое крестьянам количество земли ограничивается участком не более чем 30 га. Вся оставшаяся земля переходит в государственный земельный фонд, чтобы государство могло обеспечить земель безземельных и малоземельных крестьян. С этого времени на нашей земле нет и не будет места тем, кто жил за счет пота, проливаемого трудовым крестьянством, не будет места эксплуататорам — крупным землевладельцам и их сторонникам»³⁹. 29 июля новое правительство Латвии приняло решение, в котором были указаны источники образования государственного фонда земель, порядок раздела и формы пользования ими, определены категории землевладений и собственности, подлежащие конфискации.

Ликвидировав частную собственность на землю, Советская власть создала благоприятные условия для перехода к социализму на селе, открыла широкие возможности для организации машинно-тракторных станций и совхозов в деревне, содействовала развитию сельскохозяйственной кооперации. Одновременно с национализацией земли Советская власть отменила существовавшие в буржуазной Латвии налоги, выкупные платежи за землю и долги трудового крестьянства.

В результате проведения земельной реформы были обеспечены (каждый в среднем по 10 га земли) около 52 тыс. безземельных крестьян, а 23 тыс. малоземельных получили дополнительно по 3 га в среднем каждый. Это позволило создать для примерно 300 тыс. человек условия свободного труда на земле, переданной им в бессрочное пользование. Площадь под хозяйствами сельской буржуазии значительно сократилась, хозяйства бедного и среднего крестьянства увеличили площадь своей земли приблизительно на 600 тыс. гектаров. В деревне возрос удельный вес середняков. До реформы крестьянские хозяйства площадью менее 5 га составляли, по данным 1939 г., 26,52% всех хозяйств; после нее — 10,9%; хозяйства размером от 5 до 20 га прежде составляли 44,46%, объединяя 32,6% крестьянской земли, а после реформы их доля повысилась соответственно до 63,1% и 50%⁴⁰. Упрочился союз рабочего класса с середняком.

Советская власть не только удовлетворила стремление крестьян получить землю, но и предоставила трудовым крестьянам помощь в обработке земли. Наиболее значи-

³⁷ Бондарев П. Аграрная политика Коммунистической партии Латвии. Рига. 1982, с. 287—293.

³⁸ ПА ИИП при ЦК КП Латвии, ф. 240, оп. 1, д. 123, лл. 1—20.

³⁹ Sociālistiskās revolūcijas uzvara Latvijā 1940. gadā. Dok. un m-lī. Rīgā. 1963, 303. lpp.

⁴⁰ Социалистические революции 1940 г. в Литве, Латвии и Эстонии. Восстановление Советской власти. М. 1978, с. 460—461; История Латвийской ССР. Рига. 1971, с. 600—601.

тельным мероприятием было образование МТС и машинно-коннопрокатных пунктов. До весны 1941 г. в ЛатССР было создано 50 МТС, в распоряжении которых находились 600 тракторов и 502 прокатных пункта, в среднем по одному на волость. Весной 1941 г. были организованы 33 совхоза и 3 колхоза, которым выделили 25 тыс. га земли⁴¹. Они представляли собой социалистическую форму хозяйства в деревне. Братские республики СССР оказали сельскому хозяйству Латвии широкую помощь: снабжали тракторами и другими сельхозмашинами, кормовыми концентратами и минеральными удобрениями. Аграрная реформа 1940 г. стала в Латвии неотъемлемой частью социалистических преобразований.

6. Победа колхозно-совхозного строя

Прерванное фашистскими оккупантами в 1941—1944 гг. строительство социализма в Латвии возобновилось сразу же после освобождения республики от врагов. Были восстановлены принципы землепользования, утвержденные в 1940 г., а также проведена новая аграрная реформа, которая углубила основные черты предыдущей. В первую очередь получили землю батраки и малоземельные крестьяне. К 1946 г. были образованы 48 873 новых крестьянских хозяйства. Им отдали в пользование 606 тыс. га земли; около 90 тыс. га прирезали 20 897 бедняцким хозяйствам⁴².

Сложились предпосылки для социалистических преобразований в местной деревне. Стали более тесными экономические и политические связи города и села. Упрочился союз рабочего класса и крестьянства. Для решения этих задач Коммунистическая партия в условиях переходного периода к социализму использовала принципы нэпа. Одним из важнейших начинаний явилось широкое развитие простейших форм сельскохозяйственной кооперации: за 1946—1948 гг. около 70 % трудового крестьянства было охвачено сельскохозяйственной, молочной, кредитной, мелиоративной, другими ее формами⁴³. Помогая укрепить смычку города и деревни, она содействовала союзу рабочих и крестьян, способствовала распространению навыков коллективной работы в деревне, создавала базу для коллективизации сельского хозяйства.

Уже в первые послевоенные годы, наряду с простейшими формами сельхозкооперации, постепенно развивалась производственная кооперация. К осени 1946 г. во многих уездах возникли инициативные группы бедняков и середняков. Они изучали Примерный устав сельхозартели, проводили подготовительную работу для создания колхозов. В ноябре 1946 г. 11 крестьянских семей Шкибской волости Елгавского уезда решили объединиться в производственную сельскохозяйственную артель. Этот первый колхоз республики получил символическое название «Накотне» («Будущее»). Ныне он является одним из наиболее высокотеханизированных, благоустроенных и передовых хозяйств Советской Латвии. Во главе колхоза стоит инициатор колхозного движения, новатор сельскохозяйственного производства А. Чиксте. Еще будучи подростком, Чиксте стал активным участником колхозного движения. Как звеньевому комсомольско-молодежного звена, получившего высокие урожаи зерновых, ему в 1949 г. второму в республике было присвоено звание Героя Социалистического Труда. За те два десятилетия, что он возглавляет колхоз, это хозяйство стало высокоразвитым и многоотраслевым. На 100 га сельхозугодий там производят 840 ц молока и 270 ц мяса. «Жизнь полна идей, — говорит его председатель. — Нужно только иметь зоркий глаз, чутье и желание работать. Узнал что-то хорошее — подумай, изучи, взвесь. Пригодилось — используй, нет — откажись!»⁴⁴. Такими, как Чиксте, стали многие из плеяды руководителей сельскохозяйственного производства в социалистической Латвии.

Кулаки и буржуазные националисты старались всячески затормозить мероприятия, нацеленные на социалистическое преобразование сельского хозяйства, но тщетно. Вот выдержка из доклада об организации колхоза «Дзиркстеле» («Искра») Даугавпилсского уезда от 6 января 1947 г., отмечавшая, что настроение у крестьян

⁴¹ История Латвийской ССР, с. 600—602.

⁴² Там же, с. 686.

⁴³ Padomju Latvijas desmit gadi. — Rakstu krājums, Rīgā, 1950, № LVI, 42. lpp.

⁴⁴ Сīņa, 1.1.1980.

хорошее; они заявили: «Мы очень долго думали и обсуждали вопрос об организации колхоза. Сначала очень возражали наши жены. Теперь мы все убеждены, что колхозный путь является единственным к благополучной жизни»⁴⁵. X съезд КПЛ в январе 1949 г. отметил, что значительная масса крестьянства уже убедились в преимуществах колхозного строя и вступила на путь объединения в сельскохозяйственные артели. К моменту съезда в республике насчитывалось свыше 1 тыс. колхозов, объединявших около 25 тыс. крестьянских хозяйств⁴⁶.

1949 год стал переломным в коллективизации сельского хозяйства в Латвии. К началу 1950 г. там в сельхозартели объединилось до 90% крестьянских хозяйств. Таким образом, коллективизация в короткий срок переросла в сплошную и к концу 1951 г. была завершена. Колхозы явились рычагами социалистического преобразования деревни, той формой хозяйства, через которую крестьянство приблизилось к новой технике, училось навыкам коллективного труда, включалось в новые производственные отношения. Кулачество было ликвидировано как класс. Колхозное строительство сопровождалось усиленным оснащением сельского хозяйства техникой, как только что произведенной, так и поступающей из других братских республик.

В 1949 г. в Латвии тракторов было в 4 раза, в 1950 г. — в 7 раз, в 1953 г. — в 12,5 раза больше, чем в 1945 году⁴⁷. Имели место и недостатки, связанные с перегибами при обобществлении хозяйств. Так, в Алуксненском, Бауском, Елгавском и Мадонском уездах были случаи, когда батраков и бедняков, у которых не было семян и других средств производства, подлежавших обобществлению, отказывались принимать в колхозы⁴⁸. Партийные, советские и сельскохозяйственные организации не всегда оперативно помогали новым колхозам обобществлять инвентарь и скот, планировать работу, организовать учет.

Коллективизация сельского хозяйства означала крутую ломку векового уклада деревенской жизни, и крестьяне, вступившие в колхоз, не сразу перестроились на коллективный труд. Лишь по мере организационно-хозяйственного укрепления колхозного строя их сознание постепенно освобождалось от пережитков и предрассудков прошлого. Новый уклад сельской жизни, основанный на колхозно-кооперативной и государственной собственности, вырабатывал новую психологию с характерными для нее чертами коллективизма, гуманизма, интернационализма и социалистического патриотизма⁴⁹. Используя опыт социалистического преобразования села, накопленный ранее братскими советскими республиками, и на основе общих закономерностей социалистического строительства Коммунистическая партия вывела крестьянство Латвии на дорогу социализма.

Колхозно-совхозный строй в ЛатССР политически и экономически укрепил Советскую власть, обеспечил союз рабочих, крестьян и народной интеллигенции в деревне. Перед восьмой пятилеткой в Латвии функционировали 782 колхоза, 187 совхозов, оснащенных высокопроизводительной отечественной техникой. На селе работало 19,6 тыс. тракторов, свыше 11 тыс. грузовиков, 3,7 тыс. зернокомбайнов. Основным направлением местного сельского хозяйства стало животноводство. Имелось свыше 1 млн. голов крупного рогатого скота, свыше 900 тыс. свиней. Постепенно ликвидировалась хуторская система, строились сельские поселки современного типа⁵⁰.

7. Годы больших перемен

Оценивая результаты почти четырех с половиной десятилетий развития латвийской деревни по социалистическому пути, мы ясно видим, что этот путь был объективно необходимым и единственно верным. «Ныне лицо латвийской деревни, — отмечал первый секретарь ЦК КП Латвии А. Э. Восс на торжественном заседании

⁴⁵ ЦГАОР ЛатССР, ф. 270, оп. 2, д. 5164, л. 76.

⁴⁶ Зиле Л. Я. Исторический путь строительства социализма. Рига. 1978, с. 103.

⁴⁷ Padomju Latvijas desmit gadi, 43. lpp.; Каралюв В. Ю. Союз промышленности и сельского хозяйства. Рига. 1979, с. 52.

⁴⁸ Построение социализма в Советской Прибалтике. Исторический опыт компартий Литвы, Латвии, Эстонии. Рига. 1982, с. 323.

⁴⁹ Зиле Л. Я. Ук. соч., с. 132.

⁵⁰ Латвийская ССР в цифрах в 1982 году. Краткий статистический сборник. Рига. 1983, с. 116, 124, 128, 132.

11 июля 1980 г., посвященном 40-летию восстановления Советской власти в Латвии, — определяют не хутора и единоличные хозяйства, а крупное высокomeханизированное производство, животноводческие комплексы, благоустроенные поселки»⁵¹. Мощность используемых в сельском хозяйстве республики тракторов возросла с 31 тыс. л. с. в 1940 г. до 2,5 млн. к началу 1983 года⁵². Широкие масштабы приобрела мелиорация земель. За годы Советской власти осушено более 2 млн. га (в буржуазной Латвии — 71 тыс. га)⁵³.

Плодотворными в сельском хозяйстве республики были восьмая—десятая пятилетки. За их годы достигнут значительный рост производства сельхозпродукции. Если до 1965 г. урожай зерновых в 12 ц считался рекордным, то к одиннадцатой пятилетке он поднялся в два с лишним раза, резко возросли валовые сборы зерна. Более чем вдвое увеличились государственные закупки мяса, в 1,5 раза — продажа государству молока, в 4,5 — яиц⁵⁴. Однако Продовольственная программа требует более высоких достижений. Сейчас труженики социалистических полей борются за то, чтобы достичь среднегодового производства мяса (в убойном весе) в 310 тыс. т, молока — 1,9 млн. т, зерна — 2,1 млн. т, добиться роста производства кормов в 1,4 раза⁵⁵. В 1983 г. Латвия перевыполнила план продажи государству всех видов продукции, улучшилась обеспеченность населения республики продуктами питания. По итогам развития народного хозяйства в 1983 г. она вышла победителем во Всесоюзном социалистическом соревновании и была награждена переходящим Красным знаменем ЦК КПСС, Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ.

В 1983 г. в Латвии, как и по всей стране, осуществлялись крупные мероприятия по социальному развитию и повышению народного благосостояния. Среднемесячная заработная плата рабочих и служащих достигла 182 руб., оплата труда колхозников — 168 рублей.

Осуществляется индустриализация латышской деревни на основе агропромышленной интеграции и специализации. Интеграция обеспечивает развитие главных отраслей пищевой промышленности республики — мясо-молочной и рыбной. Действуют комбинаты молочные, мясные, сыродельные, плодоовощеконсервные, мукомольно-крупяные, комбикормовые. В рамках специализации внедряется новая техника в выращивание и обработку льна на востоке республики и сахарной свеклы на юге, овощей — в пригородных районах, кормовых культур — на северо-востоке, фруктов, ягод и цветов — на западе. Строятся птицефабрики; распространяется пчеловодство, особенно на западе республики. На зверофермах выращиваются песцы, серебристые лисицы, норки. Все колхозы и совхозы подключены к государственной энергосети. Развернули свою деятельность агропромышленные объединения. В деревне трудятся десятки Героев Социалистического Труда. Тысячи рабочих совхозов и колхозников удостоены высоких государственных наград. На селе осуществлена культурная революция, господствует социалистическое мировоззрение.

Анализируя уже достигнутое с позиций апрельского (1984 г.) Пленума ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Латвии Б. К. Пуго подчеркнул, что партийные организации, советские и хозяйственные органы республики должны принять меры «для выполнения планов и социалистических обязательств в каждом колхозе и совхозе», использовать возможности «по совершенствованию межотраслевых связей, улучшению планирования, внедрению в производство экономических методов управления, прогрессивных форм организации и стимулирования труда»⁵⁶. Залогом осуществления этих задач является опыт, накопленный крестьянами Латвии в ходе строительства развитого социалистического общества.

⁵¹ Советская Латвия, 12.VII.1980.

⁵² Латвийская ССР в цифрах в 1982 году, с. 124.

⁵³ Зиле Л., Зиемелис С. Этапы большого пути, с. 54, 55.

⁵⁴ Торжественное заседание ЦК КПЛ и Верховного Совета ЛатССР, посвященное 40-летию восстановления Советской власти в Латвии, 11 июля 1980 г. Стеногр. отч. Рига. 1980, с. 150.

⁵⁵ Советская Латвия, 18.VIII.1982.

⁵⁶ Советская Латвия, 13.V.1984.

СТАНОВЛЕНИЕ СТАЛЕЛИТЕЙНОГО ПРОИЗВОДСТВА В РОССИИ

(в людях и эпизодах прошлого столетия)

А. Я. Черняк

Это было невиданное до той поры зрелище. Более трех месяцев, с 26 ноября 1860 г. по 8 марта 1861 г., одиночное орудие на испытательном полигоне близ Петербурга вело прицельный огонь. Сделана первая тысяча выстрелов, вторая. Усиливается заряд, повышается темп стрельбы. Для охлаждения орудия, которое сильно накалилось, на него пришлось сыпать снег и чистить ствольный канал банником, обмоченным в снег. Третья тысяча выстрелов. Орудие оставалось целым. 12-фунтовые чугунные ядра так же исправно ложились в цель, удаленную на 500 сажень. Четвертая тысяча выстрелов... Первая русская стальная пушка выдержала испытания блестяще. По их итогам артиллерийская инстанция дала такую оценку: «Литая сталь Обухова превосходна... Его орудие превосходно выдерживает стрельбу зарядами даже сильнейшими, чем обыкновенный. Вязкость и упругость этой стали такова, что орудие выдержало без разрыва более 4 тысяч выстрелов, и металл при этом ничуть не подался. Доставленное г. Обуховым орудие ни в чем не уступает орудиям Круппа, и остается только желать, чтобы точно такие же орудия приготавливались им при производстве орудий из литой стали в большом числе»¹.

Пушка Обухова с надписью «Отлита в 1860 г. на Князе-Михайловской фабрике из стали Обухова; выдержала более 4 тысяч выстрелов» была сдана на хранение в С.-Петербургский арсенал «в числе достопамятных предметов»². В мае — июне 1861 г. пушка экспонировалась на С.-Петербургской мануфактурной выставке и имела немалый успех³. На Всемирной выставке 1862 г. в Лондоне первая русская стальная пушка не только получила золотую медаль, но и превзошла по качеству металла все представленные там орудия западноевропейских стран и США. «Можно ручаться, и я отвечаю за это, — писал один из горных инженеров, — что на всей Лондонской выставке нет ни одного металлического изделия, которое по качеству металла могло бы сравниться с обуховской пушкой»⁴. Владельцы знаменитых Шеффилдских заводов, знавшие толк в сталелитейном деле, с изумлением познакомились с образцами обуховской стали⁵. Триумф этой пушки был важным фактом признания достоинств российской сталелитейной промышленности.

Пока нет специальных трудов, посвященных в целом развитию сталелитейного производства в России. Имеется лишь ряд работ об отдельных аспектах развития этой отрасли отечественной промышленности. В их числе — содержащие интересный материал биографии ее основоположников⁶. Интересны их труды, ибо они содер-

¹ Архив Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи в Ленинграде (далее — АВИМА), ф. Временного артиллерийского комитета (ВАК), оп. 41, л. 24, лл. 236—237.

² ЦГВИА СССР, ф. 503, оп. 3, л. 486, лл. 30, 31.

³ Там же, л. 30.

⁴ Северная пчела, 1862, № 160.

⁵ Полетика В. О железной промышленности в России. СПб. 1864, с. 81.

⁶ Падучев П. Первые русские стальные пушки. — Исторический вестник, 1894, № 4; Кавадзоров П. М. Обухов. — Русская старина, 1905, т. 123; Д. К. Чернов: очерк из жизни и деятельности, посмертные труды и избранная переписка. Пг. 1923; Данилевский Б. В. Русская техника. Л. 1948; Д. К. Чернов — основоположник научного металловедения. М. 1950; Д. К. Чернов и наука о металлах. Л.-М. 1950; Сергеева О. П. Павел Петрович Аносов. М. 1950; Шарц А. Уральские техники-изобретатели. Молотов. 1950; Черняк А. Я., Нахимов Д. М. Русский ученый-металло-

жат богатые фактические сведения из первых рук. Существуют также работы о заводах Обуховском, Путиловском, Пермском (Мотовилихинском) и др.⁷ Использование этих материалов, а также архивные изыскания и данные опубликованных источников позволяют дать очерк становления сталелитейной промышленности в России XIX века.

Предыстория русского сталелитейного дела восходит к харалужным мечам героев «Слова о полку Игореве». Средние века знали сравнительно налаженное сталелитейное дело. Сохранились во множестве стальные изделия русских мастеров XVI—XVII веков. В 1785 г. в России возникла первая крупная сталелитейная мануфактура в Пышме, изготавливавшая уклад (сырую сталь). В первой четверти XIX в. производство отечественной стали достигло уже значительных размеров. Ее выплавляли на казенных заводах Каменском, Верх-Исетском, Алапаевском, Воткинском, Нижне-Тагильском, Ижевском, Златоустовском, на частных заводах Баташова, Мальцова, Строганова и др. Характерно, что в 1820 г. Департамент горных и соляных дел отказался дать купцу Полюхову привилегию на производство стали на его заводе, объяснив, что «приготовление стали в разных ее видах доведено уже в России до совершенства и на других заводах, и притом выделка ее, быв весьма уже значительна, составляет важную ветвь частной промышленности, полезную и для самого государства»⁸.

К тому времени на ряде заводов изготавливали литую сталь, обладавшую ценными техническими свойствами. Большой вклад в развитие сталелитейного дела внес талантливый мастер Семен Иванович Бадаев (1778—1849 гг.). Будучи еще крепостным, он на казенном заводе хирургических инструментов в Петербурге открыл в 1808 г. новый способ получения литой стали. Позднее Бадаев основал «стальную фабрику» на Камско-Воткинском заводе, где усовершенствовал свой способ⁹. Его сталь не уступала лучшим сортам английской¹⁰. Большую помощь Бадаеву оказал управляющий заводом И. П. Чайковский (отец композитора). «Так как доказано, что эта сталь мало в чем уступает английской,— писал он,— то о распространении известности ее приняты надлежащие меры и вместе с тем усугублено попечение о приготовлении стали самого лучшего качества и сколь возможно дешевле»¹¹. Бадаев первым в России решил проблему получения особо высококачественного металла, шедшего на штемпеля, монеты, различные штампы. Его авторитет был столь велик, что когда в 1830 г. Харлемское общество наук объявило международный конкурс на лучший способ получения литой стали, не было сомнений, что премию должен получить именно Бадаев¹². Тем не менее он умер полузабытым, расстроив здоровье напряженной работой, но успев передать свои знания и опыт группе мастеров и рабочих Камско-Воткинского завода.

Другим центром мануфактурного производства стали был тогда Златоустовский завод (фабрика белого оружия при нем). Производство стали началось там в 1802 г., сначала в небольших размерах. Но именно там сложились искусные кадры сталеваров (среди них такие умельцы-самородки, как Н. Швецов, П. Уткин, П. Камчатов и др.) и выработался тип русского мастера-металлурга, способного получить высо-

вед Н. В. Калакуцкий. М. 1951; Богачев И. Н. П. П. Аносов и секрет булата. М.-Свердловск. 1952; Пешкин И. П. П. Аносов. М. 1954; Сорокин Ю. Н. Выдающийся русский металлург А. С. Лавров. В кн.: Труды по истории техники. Вып. 4. М. 1954; Головин А. Ф. О жизни и деятельности Дмитрия Константиновича Чернова (1839—1921). М. 1968; Федоров А. С. Творцы науки о металле. М. 1969; Александров А. А. С. И. Бадаев. М. 1971; Прокошкин Д. А. П. П. Аносов, 1799—1851. М. 1971; Гумилевский Л. Чернов. М. 1975; Гариш Ф. А. Запоздалое письмо. М. 1976.

⁷ Колчак В. История Обуховского сталелитейного завода в связи с прогрессом артиллерийской техники. СПб. 1903; Розанов М. Обуховцы. М. 1938; Мельников Ф. Е. Возникновение Мотовилихинского артиллерийского завода.— Ученые записки Пермского университета, 1947, т. 5, вып. 2; Мительман М., Глсбов Б., Ульяновский А. История Путиловского завода, 1801—1917. М. 1961; и др.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 3, д. 38, л. 134.

⁹ Впервые получили литую сталь в 1740 г. в Англии (Энциклопедический лексикон. Т. 4. СПб. 1835, с. 68); о Бадаеве см.: Александров А. А. Ук. соч.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 2, д. 705, лл. 16, 19, 38, 96.

¹¹ Там же, л. 1.

¹² Северный муравей, 1830, № 45, с. 373

качественный металл в труднейших производственных условиях. «Опытность, внимательность, твердость характера и сметливость, — писал о них современник, — суть качества, необходимые для хорошего стального мастера: искусный, но слабый портывается при расстройстве в горну и не найдет приличных средств к исправлению. Они затруднительны и для мастера, одаренного твердостью духа и способностью предузнавать истинную причину расстройства: все, что происходит в горну, от него скрыто, и он должен руководствоваться одними явлениями на поверхности горна и некоторыми ограниченными признаками»¹³. В ту пору сталелитейное дело зиждилось еще на личном искусстве, а не на разработанных научных положениях.

К середине XIX в. качество стали не всегда удовлетворяло возросшим техническим требованиям, да и масштабы производства были невелики. Получение качественного металла находилось в стадии опытов. Требовалось обобщить их и подвести под процесс производства научную базу. Эту задачу поставил и в значительной степени решил великий русский металлург Павел Петрович Аносов (1799—1851 гг.). Его деятельность тоже связана с Златоустовским заводом, на котором он проработал 30 лет. Непосредственно к изысканию новых способов производства литой стали Аносов приступил в середине 20-х годов XIX в. после назначения на должность управляющего оружейной фабрикой. В стали испытывали острую нужду возникавшие тогда в России машиностроительные предприятия, она нужна была для изготовления различных инструментов, требовалась для вооружения армии. В этих условиях проблема получения высококачественной стали в больших масштабах приобрела государственное значение. За границей ею занимались многие крупные ученые, но они не нашли тогда правильных путей ее решения¹⁴.

Аносов открыл и обосновал новый способ получения литой стали, который заключался «в сплавлении негодных к употреблению железных и стальных обсечков в глиняных горшках при помощи возвышенной температуры воздушных печей»¹⁵. Вопреки сложившимся представлениям о том, что для цементации — насыщения железа углеродом — необходимо их непосредственное соприкосновение, Аносов доказал возможность цементации в газовой среде, для чего достаточно в нужный момент приостановить процесс насыщения: «Плавильный горшок с крышкой есть просто отпираемый ящик. Стоит только знать, когда его открыть и когда закрыть»¹⁶. В Златоусте начали практически управлять плавкой стали, причем она отличалась высокими качествами и шла на холодное оружие, косы, инструменты, слесарные пилы и др. Одних кос там изготовили в 1836 г. около 10 тысяч штук¹⁷. В 1839 г. Московское общество сельского хозяйства наградило Аносова золотой медалью «за усовершенствование косного производства на Златоустовском заводе»¹⁸. Он же впервые осуществил прокатку литой стали¹⁹. Обладая широким кругозором, Аносов показал, что прокатка повлечет за собой резкое расширение употребления стали²⁰.

Кроме того, он вошел в историю металлургии как ученый, впервые восстановивший утраченный секрет производства булата. Результаты этой работы обобщены им в труде «О булатах» (1841 г.). Его булатные изделия демонстрировались на промышленных выставках у нас и за границей и получали высокие оценки, ибо только в России выпускали тогда новый булат²¹. Выдающиеся достижения Аносова позволили перейти от изготовления малых изделий к отливке изделий весом в десятки пудов. В конце 1840-х годов Ф. Крупп в Германии начал изготавливать из

¹³ ЦГВИА СССР, ф. ВУА (Военно-ученый архив), оп. 1, д. 26124, л. 10.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 2, д. 482, лл. 93—94, 104—105; Артиллерийский журнал, 1857, № 1, Отдел ученый и технический, с. 22.

¹⁵ Аносов П. П. О приготовлении литой стали. — Горный журнал, 1837, № 1, с. 88.

¹⁶ Там же, с. 88—89.

¹⁷ Центральный архив Главполиграфиздата (далее — ЦАГПИ), ф. 1, оп. 177, д. 7, л. 80; д. 14, л. 10.

¹⁸ Богачев И. Н. Ук. соч., с. 92, 137.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 2, д. 482, л. 1; Черняк А. Я. Новые документы о П. П. Аносове. — Вопросы истории естествознания и техники, 1957, вып. 4.

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 2, д. 482, л. 2.

²¹ Мануфактурные и горнозаводские известия, 3.IX.1843, с. 285; 6.VI.1851, с. 215.

литой стали артиллерийские орудия. Они экспонировались на Всемирной выставке 1855 г. в Париже. Принято считать их первыми орудиями такого рода. Однако есть упоминания о том, что еще ранее Аносов отлил стальную пушку. В архиве сохранилась подписанная им «Ведомость о выделке оружия и изделий Златоустовской оружейной фабрики», из которой видно, что действительно в 1835 г. на его фабрике было изготовлено 40 пуд. 30 ф. «литой стали в пушках». Судьба этих орудий, к сожалению, неизвестна. В последние годы жизни Аносов работал над созданием легированных сталей. Большое значение имеют проведенные им исследования структуры металлов. Он успешно применил с этой целью микроскоп и указал на зависимость между структурой стали и ее свойствами²². Эти работы закладывали основы металловедения как науки.

Возникновение общественной потребности и окончательное формирование научно-технических и организационных рамок развития крупного сталелитейного производства в России относится ко второй половине XIX в., когда понадобилось перевооружить армию и флот, построить ряд металлургических заводов, наладить металлообработку, машиностроение и станкостроение. Существенную роль сыграл переход в армии к нарезному оружию. Он поставил вопрос о более прочном металле для стволов. Бронза, чугун и железо не удовлетворяли новым требованиям²³. Годилась лишь литая сталь. В 1860 г. Временный артиллерийский комитет признал: «Стальными орудиями следует заменить медные и чугунные»²⁴. Эта проблема стояла тогда перед всеми ведущими державами, но каждая страна решала ее по-своему. В России это осуществлялось путем строительства собственных сталелитейных заводов.

Огромный вклад в данное дело внес Павел Матвеевич Обухов (1820—1869 гг.). Сын заводского мастера, он окончил Институт корпуса горных инженеров, работал на ряде уральских заводов и в 50-х годах прошлого века применил новый способ выплавки стали, основу которого составляло не науглероживание железа, а обратный процесс — обезуглероживание чугуна при помощи окислов железа, сплавляемых вместе с чугуном; в шихту вводились также магнитный железняк, стальные и железные обсечки, черный шлак, мышьяк, селитра, глина²⁵. Более интенсивный характер деятельности Обухова приобрела с 1854 г., когда он стал управляющим Златоустовской оружейной фабрикой, где приступил к изготовлению клинков. Сравнительные испытания обуховских, немецких (золингенских) и испанских (толедских) клинков показали превосходство русских. По отзыву акад. А. Я. Купфера, испытывавшего их, «едва ли имеется сталь, которая в мягком отпущенном состоянии может лучше передерживать эту жестокую пробу, как испытываемая»²⁶.

Затем Обухов приступил к изготовлению кирас для тяжелой кавалерии и тоже добился успеха. «Испытанные ныне кирасы подполковника Обухова, — отмечал Артиллерийский комитет в 1855 г., — не только не уступают в достоинстве кирасам Круппа, но даже превосходят их в отношении легкости и сопротивления ударам пуль, даже с очень близких дистанций»²⁷. В то же время сталь Обухова была значительно дешевле английской и немецкой. В 1858 г. фабрика получила заказ на изготовление 2883 кирас, и их производство приобрело массовый характер. Было впервые освоено также изготовление 60-фунтовых стальных ядер и стальных досок для обшивки военных судов²⁸. Еще в ходе Крымской войны встал вопрос о замене железа в стволах огнестрельного оружия сталью. За границей только Крупп проводил соответствующие опыты. К ним приступил теперь и Обухов. В декабре 1855 г. Министерство финансов провело сравнительные испытания крупновских и обуховских ружейных стволов. Последние оказались более качественными²⁹. Далее было показано, что из обуховской стали можно выделывать ин-

²² ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 2, д. 482, л. 28.

²³ ЦГВИА СССР, ф. 501, оп. 1, д. 939, л. 26; ф. 506, оп. 1, д. 676, л. 110.

²⁴ АВИМА, ф. ВАК, оп. 41, д. 24, л. 46.

²⁵ ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 3, д. 160, л. 154.

²⁶ Там же, д. 317, лл. 21—22, 33.

²⁷ ЦГВИА СССР, ф. 503, оп. 5, д. 418, лл. 46—47.

²⁸ Там же, д. 506, л. 161; АВИМА, ф. ВУК (Военно-ученая коллекция), оп. 40, д. 239, лл. 73, 142, 178.

²⁹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 11, д. 525, л. 8.

струмент и целиком артиллерийские орудия. Тем не менее царское правительство продолжало заказывать стволы у Круппа, и только в 1869 г. были сделаны практические шаги для организации в России производства стальных ружейных стволов³⁰.

К 1857 г. Обухов мог уже создавать различные сорта и марки стали: твердую и среднюю инструментальную, клинковую, кирасную, ствольную и пр., что достигалось соответствующими расчетами состава шихты. Он получил привилегию на свой способ выплавки литой стали³¹ и вскоре разрешил проблему получения ее однородною большой массой. Это позволило отливать крупные изделия, включая орудия. Однако для этого требовалось построить специальный завод. В 1858 г. началось возведение в Златоусте сталелитейной фабрики³², а в феврале 1860 г. вступила в строй первая ее очередь. Фабрику называли Князе-Михайловской, и там вскоре были отлиты первые стальные орудия. После блестящих их испытаний Временный Артиллерийский комитет 19 апреля 1861 г. отметил: «Получение превосходных стальных орудий на Златоустовской фабрике не есть дело случая, возможность получения таких орудий несомненна... С артиллерийско-технической стороны... вопрос об орудиях из литой стали Обухова можно считать решенным»³³. Теперь надо было оснастить фабрику оборудованием. В Златоуст были доставлены заказанные в Бельгии, а также изготовленные в Екатеринбурге паровые молоты, машины, котлы и станки³⁴, сооружены фабричные корпуса (сталелитейный, ковочный, сверлильный, обточный, отделочный, тигельный, модельный, инструментальный и пр.), построены полигон, помещения для химического, физического и механического испытаний металла и проверки готовых орудий. Оборудования не доставало, многие трудоемкие операции производились вручную, на низком уровне находилось энергетическое хозяйство, представленное главным образом системой водяных колес примитивного устройства. Все это не могло полностью обеспечить производственные нужды фабрики.

Строительство второй очереди и монтаж оборудования велись медленно. Одной из важнейших причин была нерентабельность труда. Фабрику строили, и на ней работали бывшие крепостные. «Всякий, прослуживший в заводах хотя бы короткое время, — писал тогда один горный деятель, — согласится со мной в том, что все работы заводские, за исключением заделных, .. всегда обходились чрезвычайно дорого, убыточно и редко производилось прочно. Причина этому одна: свойство крепостного труда»³⁵. После прекращения сталепушечного производства на Князе-Михайловской фабрике положение рабочих резко ухудшилось. До 3 тыс. человек были уволены и остались без средств к существованию. Сохранилось их письмо министру финансов М. Х. Рейтерну от 18 мая 1867 г., в котором описывается отчаянное положение безработных и содержится просьба обеспечить их работой. Однако помощь не была оказана, и значительная часть рабочих была вынуждена, покинув Златоуст, отправиться в Петербург и Пермь³⁶. Другой причиной медленных темпов строительства был недостаток средств, которых выделяли мало, а отпущенное расхищали чиновники. Бельгийское оборудование оказалось плохим, единый план строительства отсутствовал³⁷. На организацию сталелитейного производства в Златоусте ушло около 3 млн. рублей³⁸. Особенно тяготил Обухова бюрократизм Уральского горного начальства: «Вместо живого содействия, — писал он, — к скорейшему выполнению поручения, как предписано горному начальнику Златоустовских заводов, я встречаю одни препятствия, получаю дурные и дорогие материалы»³⁹.

³⁰ В. Б. Р. Несколько слов о введении у нас литой стали для ружейных стволов. — Оружейный сборник, 1863, № 1, лл. 141—146; ЦГВИА СССР, ф. 506, оп. 1, д. 1118, л. 1.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 44, оп. 3, д. 160, л. 158.

³² Там же, ф. 37, оп. 11, д. 529, л. 78.

³³ АВИМА, ф. ВАК, оп. 41, д. 24, лл. 223—224.

³⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 11, д. 531, л. 257.

³⁵ Котляревский. По поводу введения вольного труда на заводах и некоторых предстоящих перемен. — Горный журнал, 1863, № 3, с. 575.

³⁶ ЦАГПИ, ф. 1, оп. 177, д. 21, лл. 165—166, 169—170, 183.

³⁷ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 11, д. 532, л. 208.

³⁸ Голос, 1864, № 269; Падучев П. Ук. соч., с. 176.

³⁹ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 11, д. 530, л. 257.

Важное значение имело получение высококачественных отливок с однородной массой металла. Сталь выплавлялась в тиглях из смеси огнеупорной глины с графитом. Каждый тигель вмещал 1 пуд 25 ф. шихты. Жидкая сталь сливалась в форму, получался слиток. Располагая 127 горнами, фабрика могла выплавлять одновременно до 570 пуд. стали. Вот как описывал очевидец эту операцию: «Сталь поспела, и из всех тиглей надобно отлить орудие, наблюдая, чтобы она выливалась в изложницу непрерывной, ровной струей и чтобы она не перестояла; мы с удовольствием смотрели, как с обеих сторон горнов в величайшем порядке подходили рабочие к чану рядами. Не доходя до чана, тигель ставился на пол, с него снималась осторожно крышка, сдувался угольный мусор, тигель снова подхватывался клещами и подносился к чану, в который сталь отливалась ровной тихой струей. Опроставшийся тигель проворно откладывался в сторону, чтобы дать место другим, и мальчики крючками схватывали пустые тигли... Лишь только орудие отлито, изложницу сверху закрывают чугуиной крышкой, чтобы сталь не вскипала, и засыпают песком для отстранения доступа воздуха»⁴⁰. Ковка велась 250- и 550-пудовыми молотами, привезенный туда 1000-пудовый молот не был установлен. После обточки и сверления орудия поступали для проверки качества к приемщикам от Военного министерства. Получая заказы от военного и морского ведомств, фабрика с 1860 по 1867 г., до закрытия сталепушечного производства, изготовила 365 орудий⁴¹.

Деятельность фабрики стала приходить в упадок с отъездом в 1864 г. Обухова в Петербург и приходом новой администрации: «Управление заводом, — писал военный приемщик Князе-Михайловской фабрики, — попало в иные руки, и горное начальство в течение немногих лет привело дело к совершенному расстройству и прекращению пушечного производства в Златоусте»⁴².

В разработку научных и технических основ сталелитейного производства внесли заметный вклад военные приемщики Князе-Михайловской фабрики Алексей Степанович Лавров (1838—1904 гг.) и Николай Вениаминович Калакуцкий (1831—1889 гг.). Они выдвинулись после того, как в 1866 г. Комитет по изготовлению артиллерийских орудий для крепостей и флота рассмотрел вопрос о стальных орудиях Пермского завода и Князе-Михайловской фабрики. Признав, что их производство не основывалось на прочной научной базе, Комитет решил ввести испытания орудийного металла, чтобы найти зависимость между физическими свойствами металла и изделиями из него⁴³. Исследования Лаврова и Калакуцкого велись в трудных условиях, вне рабочих обязанностей, в атмосфере окружавшего их пессимизма. Один из высокопоставленных чинов горного ведомства И. Ф. Фелькнер после посещения ряда иностранных заводов писал, что затруднения при выработке крупных стальных изделий «нераздельны с природой вещей и вне власти человеческих рук, следовательно, они недостижимы именно потому, что сталь есть сталь»⁴⁴.

Но вот начали появляться статьи молодых исследователей: «Проба стальных орудий», «О приготовлении стальных орудий», «Материалы для изучения стальных орудий», «Материалы для изучения сталелитейного дела в России»⁴⁵. Они обобщали несколько тысяч опытов. Авторы призывали отказаться от старых приемов работы и поставить производство на иную основу. «Нам хотелось провести здесь ту идею, — писал Калакуцкий, — что как отливка, так и ковка стальных болванок должна быть основана на строго научных началах, а не на одних только соображениях и сноровке мастеров»⁴⁶. Лавров и Калакуцкий разрешили тогда важнейшие вопросы металлургии и обработки стали. Знаменитый впоследствии ученый Д. К. Чернов тогда же заявил: «Труды гг. Лаврова и Калакуцкого, не имея ниче-

⁴⁰ Котляревский. Путешествие по Уральским и в Луганский заводы в 1864 г. — Горный журнал, 1865, № 6, с. 234—235.

⁴¹ Артиллерийский журнал, 1869, № 9, с. 276, 282, 284.

⁴² Лавров А. С. Работы и заметки по литейному делу. Т. I. СПб. 1904, с. 1.

⁴³ ЦГВИА СССР, ф. 506, оп. 1, д. 802, л. 11об.

⁴⁴ Горный журнал, 1864, № 6, с. 420—421.

⁴⁵ Артиллерийский журнал, 1866, №№ 1, 10, 11; 1867, №№ 5, 7, 9, 10; 1869, №№ 1, 4, 9.

⁴⁶ Там же, 1867, № 9, с. 1641—1642.

го себе подобного не только в русской, но и в иностранной литературе, заслуживают с нашей стороны полной признательности к их авторам... Они впервые указали распределение пустот в литых стальных болванках и зависимость их от обстоятельств плавки и литья — распределение плотностей самой стали в различных местах болванок и неодинаковость их химического состава»⁴⁷. Калакуцкий впервые в мире изложил основы теории внутренних напряжений в металлах. В далеком Златоусте усилиями двух скромных горных офицеров закладывались на воздвигнутом еще Аносовым фундаменте основы подлинной науки о стали.

Дальнейшие успехи сталелитейного производства в России были связаны с деятельностью Обуховского, Пермского и Путиловского заводов. Возникновение Обуховского завода обуславливалось необходимостью перевооружения морской артиллерии, особенно строившихся броненосцев. Основателями этого крупнейшего русского сталелитейного предприятия были Обухов и предприниматель Н. И. Путилов. 12 сентября 1861 г. они заключили договор на 25 лет: будучи связан с Князе-Михайловской фабрикой, Обухов передавал право на изобретенный им способ производства стали Путилову, который получал исключительное право строить сталелитейные заводы с тем, чтобы техническое руководство находилось в руках Обухова, причем последний потребовал строгого сохранения тайны производства, «чтобы способ сей не мог быть передан за границу»⁴⁸. Они вошли в соглашение с богатым подрядчиком и 4 мая 1863 г. заключили контракт с Морским министерством⁴⁹. Завод начал строиться на частные капиталы при значительной поддержке казны и в 1864 г. вступил в строй. Он был оборудован по последнему слову техники, состоял из литейного, молотового, сверлильного, тигельного цехов, ряда мастерских; при нем имелся газовый завод, а в 1867 г. была возведена фабрика паровозных и вагонных колес.

С самого начала на Обуховском заводе изготовлялось 22 сорта стали. Мягкие сорта шли на ружейные стволы, из твердой готовили инструменты и стеклорезы. Сложное оборудование частично было привезено из-за границы, частично — изготовлено на отечественных предприятиях⁵⁰. Его гордостью были крупнейшие в Европе 35-тонный, затем 50-тонный молоты. Энергетическое хозяйство строилось на паровой основе. Использовался обуховский тигельный способ производства стали. Его автор переехал на завод в 1863 г. вместе с лучшими златоустовскими литейщиками. В 1871 г. приемщиком там стал Калакуцкий⁵¹. В Петербург стягивались лучшие люди сталелитейного производства. Они внесли много усовершенствований в технологический процесс. Так, плавка стали, потребной для болванок весом до 900 пуд., длилась ранее до трех часов, а позднее — 45 минут.

Однако при испытаниях одни орудия прекрасно выдерживали до 3 тыс. выстрелов усиленными зарядами, другие же разрывались сразу⁵². Инженеры и техники только констатировали тот факт, что металл оказывался в различных орудиях неоднородным. Значительное количество заказанных заводу орудий не выдерживало испытаний, браковалось и сваливалось на склад. Причиной было несовершенство технологического процесса, отсутствие научных принципов изготовления изделий. Встала задача строгой отработки всех операций. От ее решения зависела судьба сталепушечного производства. Если первые шаги в этом направлении сделали Лавров и Калакуцкий, то честь окончательного решения принадлежит Чернову, основоположнику современного металловедения и теории термической обработки стали.

Дмитрий Константинович Чернов (1839—1921 гг.) по приглашению Обухова

⁴⁷ Записки Русского технического общества (далее — ЗРТО), 1868, июль, с. 339—340.

⁴⁸ ЦГВИА СССР, ф. 501, оп. 1, д. 935, л. 84.

⁴⁹ Государственный исторический архив Ленинградской области, ф. Главной конторы Обуховского завода, № 1267, оп. 1, св. 1, д. 1-а, 1863 г., лл. 1—8.

⁵⁰ Колчак В. Ук. соч.; Каптерев. Обуховский сталелитейный завод. СПб. 1908; Журнал мануфактур и торговли, 1865, т. 5, с. 589—600; Морской сборник, 1864, № 10, с. 1—15; № 11, с. 81—88.

⁵¹ С.-Петербургские ведомости, 3.1.1869, № 3; ЦГВИА СССР, ф. 504, оп. 9, д. 63, лл. 33—34.

⁵² Энгельгардт А. Заметка о стальных орудиях. — Артиллерийский журнал, 1864, № 9, отд. неофиц., с. 701; Вестник общества технологов, 1914, № 23, с. 844.

в 1866 г. поступил на Обуховский завод. Разрывы орудий при испытаниях заинтересовали его, и он начал систематические исследования, подвергнув детальному анализу всю технологию. Ему удалось установить, что причины коренятся в обработке литых болванок. «Генерал Обухов, — писал он впоследствии, — умел хорошо лить тигельную сталь, но обрабатывать ее не умел. Обработка стали по идеям генерала Обухова была неправильна. При этом совершенно не знали причины... брака материала»⁵³. Результаты были обобщены им в докладе «Критический обзор статей гг. Лаврова и Калакуцкого о стали и стальных орудиях и собственные Д. К. Чернова исследования по этому же предмету», сделанном на заседании Русского технического общества в 1868 году. Отдав должное Лаврову и Калакуцкому, Чернов изложил сущность своего открытия: он исследовал влияние химического состава стали на механические свойства, структуру стальных литых болванок, температурный режим и условия проведенияковки и установил зависимость структуры и свойств стали от температуры нагревания; при определенных температурах сталь претерпевает превращения, изменяющие ее структуру и свойства.

Эти узловые пункты известны теперь в науке под названием «точек Чернова». Точка «а» соответствует такой температуре, при нагреве ниже которой сталь «не принимает закалки, как бы быстро ее ни охлаждали»⁵⁴; точка «в» соответствует температуре, при которой сталь получает аморфную структуру. Руководствуясь установленными критическими точками, Чернов вывел рациональный температурный режим, обеспечивающий в изделиях высококачественный однородный металл, показав, что решающую роль в формировании структуры и свойств стали играет нековка, как думали раньше, а термическая обработка. Чернов сумел исправить ряд забракованных обуховских орудий без всякой механической их обработки⁵⁵.

Эти выводы означали революцию в сталелитейном производстве и получили признание во всем мире. В 1900 г. на Всемирной выставке в Париже директор Общества французских металлургических заводов П. Монгольфье заявил: «Считаю своим долгом открыто и публично перед столькими знатоками и специалистами заявить, что наш завод и все сталелитейное дело своим настоящим развитием и успехами обязаны в большой степени работам и исследованиям русского техника г. Чернова, и приглашаю вас выразить ему нашу искреннюю признательность и благодарность от имени всей металлургической промышленности»⁵⁶. Хотя открытия Чернова были внедрены в практику, администрация завода (Обухов оставил его по болезни в 1868 г.) отказывала ученому в средствах, заявляя, «что завод — не для науки»; Чернов же считал, что «без науки нет завода», и в 1880 г. покинул Обуховский завод⁵⁷. На Всероссийской мануфактурной выставке 1870 г. изделия последнего были еще в центре внимания. Там экспонировались орудия, ружейные стволы, оси для паровозов, шины для вагонных колес, образцы стали⁵⁸. Крупным достижением завода было также освоение с 1872 г. прогрессивных способов выплавки стали — бессемеровского и мартеновского.

У рабочих Обуховского завода славное революционное прошлое. С конца XIX в. предприятие стало одним из центров рабочего движения в Петербурге, а в 1901 г. прославилось знаменитой «Обуховской обороной» — вооруженным сопротивлением пролетариев царским опричникам. Тем не менее жизнь рабочих в первые десятилетия существования завода освещена пока слабо⁵⁹. Строительство предприятия велось вольнонаемными, бывшими посессионными Александровской мануфактуры. Рабочие делились на две основные группы: номерные (постоянные) и валовые (поденные). К 1877 г. насчитывалось 800 номерных и 260 валовых⁶⁰. Положение

⁵³ Д. К. Чернов: очерк, с. 120.

⁵⁴ ЗРТО, 1868, июль, с. 399.

⁵⁵ Там же, 1903, № 4, с. 221.

⁵⁶ Цит. по: Лившиц Б. Г. Д. К. Чернов и мировое значение его работ по металлургии. М. 1949, с. 4—5.

⁵⁷ Вестник Общества технологов, 1914, № 23, с. 849.

⁵⁸ ЦГАВМФ СССР, ф. 421, 1869 г., д. 3, л. 275; Голос, 23.VII.1870, № 206.

⁵⁹ См., в частн.: Гордон М. Материалы к истории рабочих Обуховского завода. — Архив истории труда в России, 1923, № 9; Розанов М. Ук. соч.; История рабочих Ленинграда. Т. 1. Л. 1972.

⁶⁰ Розанов М. Ук. соч., с. 25.

первых было лучше, валовые же не пользовались даже теми мизерными правами, которых добились номерные: поденная зарплата не превышала 35 копеек⁶¹. В более благоприятных условиях находились златоустовские мастера, которых вместе с членами семей насчитывалось 150 человек. Однако все рабочие без исключения подвергались жестокой эксплуатации, трудились в тяжелых условиях, часто болели, ютились в неблагоустроенных жилищах⁶². Заводоуправление получало высокие прибыли, порой в 3 раза превышавшие себестоимость заказов⁶³.

В 1863 г. развернулось строительство Пермского (Мотовилихинского) завода. Место было выбрано близ Мотовилихинского литейного предприятия. Руководителем строительства и завода был назначен бывший помощник Обухова по возведению Князе-Михайловской фабрики Н. В. Воронцов. Строительство было завершено в течение двух лет и обошлось дешево. «Суммы эти, — писал главный начальник Уральских заводов А. Иосса, — ничтожны в сравнении с огромными затратами, сделанными государством на приобретение пушек от Круппа... Вся постройка Пермской фабрики, стоившая до 940 тысяч рублей, немного превышает стоимость большого парового молота на фабрике Круппа, а на производство опытов по выделке пушек Армстронга истрачено в Англии более двух миллионов фунтов стерлингов»⁶⁴.

Фабрика могла выдавать в одну плавку 1080 пуд. стали по способу Обухова. Технологический процесс почти не отличался от принятых на Князе-Михайловской фабрике и Обуховском заводе, кроме некоторых усовершенствований. Уже в 1864 г. была разработана программа исследований, ставивших целью определение наилучшего состава шихты, степени твердости стали и выбор способа еековки⁶⁵. Испытания первого стального орудия прошли блестяще: оно выдержало 4 тыс. выстрелов⁶⁶. Это имело принципиальное значение. «Превосходство литой стали как материала для приготовления орудий, — отмечал Артиллерийский комитет, — доказанное опытами над орудиями Круппа и Обухова, вполне подтверждается новым опытом над орудием Пермского завода. Этот опыт тем более важен, что он доказывает техническую возможность приготовления хорошей стали не на одной только какой-нибудь фабрике по способам, составляющим секрет или искусство одного лица, но на многих фабриках, через что упрочняется самое дело и теряется характер личного искусства»⁶⁷. Завод получил крупные заказы Военного министерства, начал изготавливать стальные отливки для машин и железнодорожных принадлежностей.

Но в дальнейшем начались массовые разрывы орудий, изготовленных и на Пермском заводе. Возникла ситуация, в которой «истинная причина, очевидно, лежащая в приемах и способах производства, остается без надлежащего разъяснения»⁶⁸. С середины 60-х годов XIX в. все три первых русских сталелитейных предприятия прекращают выполнение заказов и переходят к экспериментам. Каждый завод искал свои пути выхода из создавшегося кризиса. Были вскрыты недостатки в технологическом процессе: в шихте употреблялась сырая сталь неоднородной структуры; для орудий составлялась шихта твердой стали, которая в готовых изделиях часто давала трещины; при плавке вместо соснового угля применялся еловый, который оставлял много вредной золы; при ковке допускался перегрев стали⁶⁹. Эти недостатки были исправлены. Большое значение имели работы Воронцова по определению зависимости между свойствами металла и прочностью орудий. Они велись по оригинальной методике, в которую внес поправки Чернов⁷⁰.

С конца 60-х годов XIX в. технический кризис стал преодолеваться. Военный

⁶¹ Голос, 21. XI. 1868, № 322.

⁶² Там же, 13. XI. 1879, № 314; Архив истории труда в России, 1923, № 1, с. 68.

⁶³ ЦГВИА СССР, ф. 504, оп. 15, д. 159, лл. 2—3.

⁶⁴ ЦГИА СССР, ф. 37, оп. 11, д. 746, лл. 1, 8, 9, 23, 24, 31, 145—150; д. 747, лл. 26—165; АВИМА, ф. ВАК, оп. 41, д. 24, лл. 531—540; ЦГВИА СССР, ф. 506, оп. 1, д. 802, л. 464.

⁶⁵ АВИМА, ф. ВАК, оп. 41, д. 24, лл. 551—562.

⁶⁶ ЦГВИА СССР, ф. 506, оп. 2, д. 9, лл. 83—89.

⁶⁷ Там же, л. 88.

⁶⁸ Там же, д. 1694, л. 6.

⁶⁹ Котляревский. О причинах разрыва русских стальных орудий. — ЗРТО, 1867, № 4, с. 201—205.

⁷⁰ Воронцов Н. В. Об испытании физических свойств стали в отлитых болванках для орудий на Пермском заводе. — Там же, 1869, № 7, с. 178—187.

министр Д. А. Милютин писал в докладе от 1 января 1869 г.: «В особенности же важны результаты, достигнутые в сталелитейном деле на Пермском заводе»⁷¹. Вскоре завод получил официальное признание военного министерства и обширные заказы. В 1870 г. экспертная комиссия Министерства финансов признала состояние сталелитейного производства на Пермском заводе весьма удовлетворительным⁷². Период овладения технологией доброкачественных стальных изделий завершился. А в середине 70-х годов в связи с расширением потребностей сталелитейное хозяйство завода подверглось реконструкции на базе новой техники: были сооружены 10 печей Сименса, построена первая мартеновская печь, объем производства увеличился.

Работы на Пермском заводе велись руками вольнонаемных, преимущественно местных или приписанных к Мотовилихинскому обществу, но, согласно положению от 8 марта 1861 г., сохранявших вынужденную связь с землей⁷³. В. И. Ленин указывал, что вследствие таких условий «освобождения» горнозаводского населения «чрезвычайно понижается заработная плата; заводы получают «своих», привязанных к заводу и дешевых рабочих»⁷⁴. Зарботная плата рабочих Пермского завода была ниже, чем у обуховцев. В 1868 г. на Обуховском номерной чернорабочий получал до 75 коп. в день, квалифицированный рабочий — до 1 р. 50 коп., а на Пермском соответственно до 50 коп. и до 1 рубля⁷⁵. Производственные и бытовые условия тоже были неудовлетворительными⁷⁶. Завод испытывал нужду в рабочей силе. Правда, мотовилихинцы обладали высокой квалификацией⁷⁷. Н. В. Воронцов подчеркивал: «Наши рабочие не только не уступают европейским, но по смелости, преданности делу и способности в экстренных случаях к необычным усилиям даже превосходят их»⁷⁸. В 1894 г. на Пермском заводе трудилось 4 тыс. человек, в 1905 г. — 8 тыс.⁷⁹. Первая стачка мотовилихинских пролетариев пришлась на 1882 год⁸⁰.

Путиловский завод, один из старейших, был основан казной в 1801 г., но в 60-е годы пришел в упадок. Новый период его истории начался с 1868 г., когда он был куплен Путиловым. Способный ученый, видный инженер и делец, Путилов ввел на заводе, впервые в России, изготовление железных рельсов со стальной головкой. Его рельсы имели преимущество перед чисто стальными, в то время хрупкими, и железными, которые легко прогибались. В 1867 г. Николаевская железная дорога оказалась в критическом положении: рельсы английского и бельгийского производства вышли из строя раньше срока, замены не было, и Министерство путей сообщения обратилось с заказом на 600 тыс. пуд. на Путиловский завод⁸¹. В короткое время на заводе было положено начало массовому производству рельсов, производительность была вскоре доведена до 2 млн. пуд. в год. Началось валовое производство русских рельсов. Удалось ввести в технологический оборот старые, негодные рельсы, что дало большую экономию. Применялся пудлинговый металл, для чего был установлен в прокатной ряд печей.

Усовершенствование и расширение рельсового производства на Путиловском заводе происходило в 70-е годы XIX века. Главное направление — переход от комбинированных сталежелезных рельсов к стальным. В 1870 г. был установлен бессемеровский конвертер для производства литой стали⁸², потом начал осваиваться мартен. Развитию технических средств завода много способствовал его новый директор Н. В. Воронцов. В 1879 г. завод изготовил свыше 3 млн. пуд. стальных рель-

⁷¹ РО ГБЛ, ф. Д. А. Милютина, № 10514/1, с. 158.

⁷² Горный журнал, 1893, № 3, с. 52.

⁷³ Мельников Ф. Е. Ук. соч., с. 61—62; ПСЗ. Т. XXXVI, № 36719.

⁷⁴ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 486.

⁷⁵ Голос, 11. XI. 1868, № 312.

⁷⁶ Мозель Х. Пермская губерния. Ч. II. Пермь. Б. г., с. 653.

⁷⁷ Металлисты Урала накануне и в период 1905 г. Свердловск. 1926, с. 49.

⁷⁸ Голос, 27. IV. 1875, № 115.

⁷⁹ Красный архив, 1940, № 6, с. 85.

⁸⁰ Русский курьер, 1882, № 46.

⁸¹ К столетию Путиловского завода, 1801—1901. СПб. 1902, с. 18; Мительман М., Глебов Б., Ульяновский А. Ук. соч., с. 12.

⁸² К столетию Путиловского завода, с. 18.

сов, а всего за первые 10 лет предоставил в распоряжение русских железных дорог около 14 млн. пуд., в том числе стальных — 5 млн.⁸³ Россия постепенно освобождалась от зависимости в этом деле от западных стран. С 70-х годов XIX в. металлургический профиль завода стал расширяться: он перешел к производству артиллерийских снарядов, товарных вагонов и частей паровозов, стальных мостов, железнодорожных инструментов и проката, хотя до конца 80-х годов XIX в. преимущественно оставался сталелитейным. В 90-е годы прошлого века были освоены новые виды изделий: артиллерийские орудия и лафеты, военные корабли, паровозы.

В 1873 г. было учреждено акционерное общество Путиловского завода, в котором главную роль продолжал играть сам Путилов. После его смерти предприятие попало в тяжелое финансовое положение. Там скопилось свыше 4 млн. пуд. рельсов, которые лежали мертвым грузом, и была свернута работа основных прокатных цехов. Долг казне составил 16 млн. рублей. В счет долга были заложены рельсы, постройки, акции, и предприятие продали «Синдикату Брянского и Варшавского сталелитейных заводов», затем большинство акций перешло в руки Н. Н. Андиферова, управляющего имуществом графа Строганова⁸⁴.

К началу XX в. Путиловский завод превратился в гигантское предприятие с 12440 рабочими, 38 мастерскими и годовым оборотом более 20 млн. руб. Он уступал в Европе лишь предприятиям Круппа в Германии и Армстронга в Англии, стоял на одном уровне с заводами Шнейдера во Франции и Коккерилля в Бельгии, однако не мог похвастаться стабильностью финансового положения, новизной оборудования и станочного парка. «Русские предприятия,— отмечал П. И. Лященко применительно к 1890-м годам,— даже таких ведущих отраслей, как, например, казенный Обуховский военный и орудийный завод или частный Путиловский машиностроительный и металлообрабатывающий завод, имели хронический недостаток в средствах, даже на основное оборудование, и часто употребляли станки и машины 30—50-летней давности»⁸⁵. Техническое значение работ на Путиловском заводе состояло тогда в том, что были освоены сварка стальной головки рельса с железным основанием, отливка стальных снарядов с готовой пустотой (без обточки и высверливания), производство стальных изделий очень крупных масштабов⁸⁶.

Своим успехом предприятие было обязано и многотысячному коллективу рабочих. Многие из них были талантливыми умельцами, знатоками своего дела. В то же время с самого начала существования завода там установились жесточайшая эксплуатация тружеников, система грабительских штрафов и вычетов. Путиловские рабочие организовывали революционные кружки, объявляли забастовки, проводили маевки. В 90-е годы XIX в. передовые путиловцы участвовали в первых социал-демократических кружках, ленинском «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». С 1896 по 1899 г. на этом заводе работал токарем М. И. Калинин. Уже тогда предприятие стало одной из баз пролетарского движения. Эту свою роль путиловцы пронесли через все три российские революции. «Не было в истории революционного движения в России такого момента,— отмечал С. М. Киров,— когда не было бы слышно могучего имени путиловского рабочего»⁸⁷.

Что касается общего уровня сталелитейной промышленности царской России, то она все же заметно отставала от уровня в наиболее развитых капиталистических странах⁸⁸. Ее история в XIX в.— это ряд ярких вех научных открытий, технических усовершенствований, беззаветного труда талантливых инженеров и народных умельцев на общем, более тусклом техническом фоне в противоречивых условиях прогресса, осложненного наличием феодальных пережитков в стране.

⁸³ Там же, с. 19.

⁸⁴ Петунин П., Шургин М. Наш Кировский завод 1801—1951. Л. 1951, с. 16; Бовыкин В. И. Зарождение финансового капитала в России. М. 1967, с. 102.

⁸⁵ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. 2. М. 1956, с. 149.

⁸⁶ Заводы Н. Путилова, 1857—1870. СПб. 1870, с. 55—63; Левицкий М. Путиловский сталелитейный, железоделательный и механический завод. Кронштадт. 1898, с. 8; Металлургия Кировского завода. Сборник статей к 100-летию мартеновского производства на заводе (1874—1974). Л. 1974, с. 18—26.

⁸⁷ Цит. по: Петунин П., Шургин М. Ук. соч., с. 5.

⁸⁸ Хромов П. А. Экономическое развитие России в XIX—XX веках. М. 1950, с. 325—326.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА В СССР

В Отделении истории АН СССР

В БЮРО ОТДЕЛЕНИЯ

15 мая 1984 г. под председательством заместителя академика-секретаря Отделения истории АН СССР чл.-корр. АН СССР П. А. Жилина состоялось очередное заседание Бюро Отделения.

Сообщение о комплексной программе Отделения истории «Революции и социальный прогресс» сделал возглавляющий реализацию этой программы председатель Научного совета по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции» акад. И. И. Минц. Он охарактеризовал программу в целом и остановился на некоторых актуальных ее аспектах, назвав в их числе: разработку теоретико-методологических вопросов революции как исторического явления; исследование мирового революционного процесса, развернувшегося в результате Великого Октября 1917 г.; изучение историографии имевших место революций, включая борьбу с буржуазными их фальсификаторами. Среди новых проблем он упомянул изучение роли мелкобуржуазных масс как участника революции и роли интеллигенции как носителя революционной либо контрреволюционной идеологии. К 70-летию Великого Октября намечается выпуск крупного коллективного труда по теме комплексной программы. И. И. Минц предложил создать при Отделении рабочую группу для подготовки этого труда, а также предпринять издание серии книг об истории борьбы Советской России 1918—1920 гг. с империалистической интервенцией по регионам (Украина, Белоруссия, Прибалтика, Петроград, Север, Закавказье, Средняя Азия).

Выступая в прениях, акад. Б. А. Рыбаков высказал мнение, что в комплексной программе нужно уделить главное внимание той ее части, которая касается конкретных результатов победившей революции, социального прогресса в международном масштабе как следствия Великого Октября. Важно осветить позитивные социально-экономические итоги социалистической революции в России в национальном и международном аспектах; сравнить, как шло развитие стран, в которых революции победили или потерпели поражение; сопоставить общие закономерности и особенности революций в разных странах и в различные эпохи. Чл.-корр. АН СССР Г. Ф. Ким остановился на хронологических рамках обсуждаемой программы. Он предложил: уделить основное внимание революциям XX в., а предшествующие освещать сугубо сопоставительно; разработать типологию современных революций; углубить изучение социальных и политических последствий Великого Октября и советского опыта построения социализма в целях расширения возможностей более широкого использования этого опыта освободившимися странами Азии и Африки.

Чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуев отметил, что вопрос об интервенции в Советскую Россию исторически важен, поскольку он связан сегодня с необходимостью давать отпор, в том числе идеологический, экспорту контрреволюции. Тем не менее в комплексной программе освещению хода интервенции отведено слишком много места в ущерб другим, не менее важным темам. Он предложил поручить учреждениям Отделения представить свои предложения о том, как они планируют участвовать в реализации данной программы. Чл.-корр. АН СССР А. А. Искендеров внес предложение сузить тематику комплексной программы, ограничившись исследованием революций от начала эпохи империализма до наших дней.

Директор Института всеобщей истории АН СССР чл.-корр. АН СССР З. В. Удалцова рассказала о том, как будет выполнять этот институт свою часть

программы (сопоставительное исследование различных революций, подготовка коллективного труда по типологии революций эпохи империализма). Целесообразно включение в программу латиноамериканской тематики и членение программы на блоки: выпуск крупного труда к 70-летию Великого Октября; издание книги о предшествующих революциях; публикация серии работ о послереволюционном прогрессе в экономической, социальной, политической, культурной и идеологической сферах. Чл.-корр. АН СССР Ю. А. Поляков высказал соображения о возможной структуре намечаемого труда к 70-летию первой победившей социалистической революции.

Чл.-корр. АН СССР Н. Д. Ковальченко полагает, что главный акцент в программе следует сделать на исследовании позитивных результатов победившей революции. Труд к 70-летию Великого Октября целесообразно разделить на две части: историография проблемы и теоретико-методологические вопросы. Председатель Археологической комиссии АН СССР С. О. Шмидт считает, что детальное изучение интервенции в Советскую Россию входит в непосредственные задачи Научного совета, а в комплексную программу следует включить несколько фундаментальных тем и в их числе — империалистическую интервенцию как типичное явление нашей эпохи. Зам. председателя вышеупомянутого совета Ю. И. Кораблев рассказал о большой работе, которая за последнее время проделана в стране по исследованию неизвестных ранее сторон антисоветской интервенции.

После заключительного слова акад. И. И. Минца чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин подвел итоги дискуссии и отметил, что Бюро Отделения завершило обсуждение всех комплексных программ, намеченных к выполнению до 2000 года¹. Со своей стороны он предложил следующее направление исследований в программе «Революции и социальный прогресс»: от теории революции — к ее проведению, от проведения — к реализации ее идей, от их реализации — к использованию этого исторического опыта в других странах. Чтобы усилить общественно-воспитательное воздействие книг по данной тематике, писать их надо в увлекательной и полемической форме. Что касается новых аспектов изучения интервенции в Советскую Россию, то он находит правильным сосредоточить внимание на фактах, относящихся к ее краху.

Бюро одобрило основные положения комплексной программы с учетом замечаний и предложений, внесенных в ходе состоявшегося обмена мнениями.

Зам. директора Института истории СССР АН СССР В. И. Буганов сделал сообщение о плане мероприятий в связи с 1000-летием принятия христианства на Руси. Институтом предусматриваются: издание коллективного труда «Православная церковь в XX веке», сборника статей «Общество, церковь и религия в феодальной России», сборника статей «Церковь и антицерковные движения в России (проблемы историографии и источниковедения)», нескольких монографий, а также публикаций источников XVI — XVII вв. и серии статей; доклад на Ученом совете института, чтение лекций в массовых аудиториях, выступления по радио и на телевидении.

Чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуев заметил, что в рамках Отделения следует предусмотреть расширение публикаций о судьбах христианства на Руси в X — XV веках. Акад. Б. А. Рыбаков рассказал о работах, которые подготовит в данной связи до 1988 г. Институт археологии АН СССР, и предложил провести координационное совещание специалистов по данной тематике.

Чл.-корр. АН СССР З. В. Удалцова коснулась того, как папство пытается использовать 1000-летие крещения Руси в своих политических целях, и предложила расширить изучение международных аспектов этой темы, создав для того межинститутское совещание. Институт всеобщей истории АН СССР будет разрабатывать темы о месте Киевской Руси в системе отношений между Римом и Константинополем X в. и о подоплеке униатского движения. С. О. Шмидт отметил, что как православная, так и католическая церковь уже развертывают соответствующую идеологическую кампанию в связи с 1000-летием христианизации Руси. Это обстоятельство должно быть учтено советскими историками. Чл.-корр. АН СССР П. А. Жилин предложил провести координационное совещание гуманитарных Отделений АН СССР по данному вопросу. Он рекомендовал Институту истории СССР запланировать выпуск большим тира-

¹ См. о предыдущих: Вопросы истории, 1984, № 3, с. 108—109; № 4, с. 109—110; № 5, с. 92—96; № 6, с. 117—118.

жом для широкого круга читателей популярной, хорошо иллюстрированной работы о христианстве на Руси.

Затем В. И. Буганов сообщил о плане мероприятий того же института в связи с 800-летием «Слова о полку Игореве». Намечаются: торжественное заседание, межведомственная научная конференция, публикация книги «Древняя Русь в эпоху «Слова о полку Игореве» и серии статей, чтение лекций, подготовка научно-документального фильма.

Акад. Б. А. Рыбаков предложил организовать с участием Министерства обороны СССР и Госкино СССР кавалерийский поход по возможным маршрутам движения Игоревых войск для проверки существующих на этот счет гипотез, а также написать историографию «Слова» с акцентом на том, что сделано учеными за последние 30 лет. Чл.-корр. АН СССР И. Д. Бовальченко указал на желательность созыва Всесоюзной конференции, посвященной «Слову». Чл.-корр. АН СССР П. В. Волобуев рекомендовал привлечь к знаменательному юбилею внимание других учреждений и организаций. Зам. председателя Научного совета «История исторической науки» АН СССР В. А. Дунаевский предложил осуществить критический анализ зарубежной литературы, касающейся «Слова».

Бюро одобрило с дополнениями планы, представленные Институтом истории СССР.

На основе сообщения чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцово¹ Бюро рекомендовало издать подготовленный к печати перевод «Мемуаров» французского политического деятеля конца XV в. Филиппа де Комина, которые ознаменовали собой начало гуманистической историографии во Франции.

Были приняты также решения по другим вопросам.

А. Ш.

Обзоры

НОВЕЙШАЯ СОВЕТСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О ЗАСЕЛЕНИИ СИБИРИ РУССКИМИ В ЭПОХУ ФЕОДАЛИЗМА

Советская историография заселения Сибири русскими в период феодализма имеет богатые традиции, интерес специалистов к этой теме не угасает, т. к. от степени ее изученности зависит решение многих других важных вопросов отечественной медиевистики, в частности понимание сибирского варианта системы «государственного феодализма». Ниже предпринята попытка рассмотреть современное состояние изучения проблемы, обобщить итоги ее исследования за последнее пятилетие¹.

Сохраняет силу сформулированное ранее² положение о трех основных этапах заселения Сибири русскими в феодальную эпоху, но прежняя их датировка (первый этап: конец XVI—начало XVIII в., второй: 20—80-е годы XVIII в., третий: с конца 1780-х годов) не вполне удовлетворяет историков. Так, А. Д. Колесников считает принципиальным рубежом в освоении края не 20-е годы XVIII в., а конец XVII столетия. С этого времени, по его убеждению, Сибирь уже «не была сплошным вновь заселяемым районом. В ней обозначились старозаселенные районы, как районы выхода переселенцев, и районы оседания крестьян». Основное увеличение русского населения Сибири с конца XVII в., как утверждает автор (новых данных

¹ Обзор предшествующей литературы по данной проблеме см.: Миненко Н. А. Историография Сибири (Период феодализма). Новосибирск. 1978.

² См. Бояршинова З. Я. Заселение Сибири русскими в XVI—первой половине XIX в. В кн.: Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск. 1971.

в обоснование своего вывода он, правда, не приводит), «шло за счет естественного прироста»³. Показательно, что и в обобщающем труде по истории сибирского крестьянства первая четверть XVIII в. фактически отнесена ко второму этапу освоения края русскими⁴. Подвергается пересмотру также взгляд на заключительную дату этого этапа. В новейших работах⁵ проводится мысль о том, что ею является конец XVIII столетия, а не 1780-е годы. Во внимание принимается при этом главным образом качественное изменение в переселенческой политике правительства, которое произошло на рубеже XVIII и XIX вв. (предоставление некоторой свободы передвижения государственным крестьянам европейских губерний, разработка программы заселения Сибири ссыльными и начало ее проведения).

Специально вопрос о периодизации миграционных процессов на востоке страны в период феодализма пока не исследовался, это затрудняется недостаточной изученностью самих этих процессов. Авторы новейших трудов, как правило, исходят из признания двух форм заселения Сибири русскими: вольнонародной и правительственной⁶. Под вольнонародной миграцией все понимают стихийное движение (легальное, полунегальное и нелегальное) переселенцев. В определении же понятия «правительственное заселение» единого мнения до сих пор нет: одни трактуют его широко, включая различные перемещения по инициативе государства⁷, другие — лишь принудительное заселение края⁸. Сторонники второй точки зрения считают, что в том случае, когда добровольное начало в переселении сочеталось с организаторской работой властей, следует говорить о смешанной форме. Последняя формулировка была предложена в свое время М. М. Громыко⁹. Подобное разграничение форм миграций позволит точнее определить роль усилий трудового люда и государственной власти в освоении Сибири.

Преобладающим в конце XVI — XVII в. считается вольнонародное переселение¹⁰. Однако новых фактов, подтверждающих этот тезис, в литературе почти не приводится. Вместе с тем в истории заселения восточной окраины русскими на его первом этапе все большее место отводится инициативе государства. Проанализирована, например, деятельность правительства в конце XVI — первой половине XVII в., направленная на привлечение для целей заселения Сибири людских и денежных ресурсов Среднего Поволжья. «Первоначальное освоение Сибири, — пишет А. А. Преображенский, — осуществлялось в общегосударственном масштабе». При этом автор указывает, что замыслы правительства могли осуществиться лишь благодаря неустанному труду крестьян, ремесленников, рядовых служилых людей: «Именно уси-

³ Колесников А. Д. Некоторые особенности формирования русского населения Сибири (XVI—XIX вв.). В кн.: Численность и классовый состав населения России и СССР (XVI—XX вв.). Таллин. 1979, с. 39, 42.

⁴ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск. 1982, с. 36—45, 157—164.

⁵ Там же, с. 157—167; Кузьмина Ф. С. Переселение крестьян в Сибирь в первой трети XIX века. В кн.: Крестьянство России периода разложения феодализма и развития капитализма. Новосибирск. 1978, с. 17—18; Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Ч. 2. Томск. 1982, с. 186—212.

⁶ Кабузан В. М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII — начале XX века (1795—1917 гг.). — История СССР, 1979, № 3, с. 22—30; Никитин Н. И. Военнослужилые люди и освоение Сибири в XVII веке. — Там же, 1980, № 2, с. 161—163; Бекмаханова Н. Е. Формирование многонационального населения Казахстана и Северной Киргизии. Последняя четверть XVIII—60-е годы XIX в. М. 1980, с. 177—192, 249; Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья в феодальную эпоху. Томск. 1981, с. 138—139; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 35—45, 98—107; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск. 1982, с. 22, 52.

⁷ Кузьмина Ф. С. Ук. соч., с. 17—33; Никитин Н. И. Ук. соч., с. 169; Бекмаханова Н. Е. Ук. соч., с. 177—178, 249.

⁸ Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в. Новосибирск. 1981, с. 75—161, 187—189, 245—246; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 157—167.

⁹ Громыко М. М. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск. 1965, с. 98—99.

¹⁰ Кабузан В. М. Ук. соч., с. 22; Этнография русского крестьянства Сибири. XVII — середина XIX в. М. 1981, с. 13; Курилов В. Н. Сибирская промышленность в XVII в. В кн.: Промышленность Сибири в феодальную эпоху (конец XVI — середина XIX в.). Новосибирск. 1982, с. 6; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 22; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 37—45.

лия народных масс составляли ту внутреннюю пружину, которая раздвигала пределы государства и обеспечивала эффективность его деятельности по присоединению и освоению новых земель»¹¹. Автор убедительно обосновывает свою позицию свежими фактами, документами. Близкие идеи изложены в историографической статье Н. И. Никитина об участии «военно-служилого элемента» в освоении Сибири. По его мнению, роль служилых людей на начальном этапе этого процесса недооценивается. В XVII в. землепроходцы основывали города и поселения, занимались земледелием и промыслами, обеспечивали защиту границ; в миграционном потоке они до конца века превосходили по численности другие категории: «На раннем этапе колонизации самой заметной фигурой в Сибири являлся служилый человек»¹². А если это так, то представление о главенствующей роли крестьянства в освоении Сибири в XVII в. должно быть пересмотрено. Однако автор не учел особенностей формирования контингента сибирских служилых людей. Известно, что в значительной части они являлись выходцами из черносошных деревень Русского Севера¹³. Следовательно, процесс этот — пусть не полностью — надо считать одной из форм крестьянской колонизации Сибири¹⁴. Думается, кстати, что в числе причин, побудивших многих сибирских казаков и стрельцов заняться земледелием, важнейшей было их крестьянское происхождение.

Задача изучения вклада в освоение Сибири различных социальных групп сохраняет свою актуальность. В последних работах, рассматривающих происхождение русских первопоселенцев края, вопрос этот лишь затрагивается¹⁵. Доказано, однако, что в заселении зауральских пространств в конце XVI — XVII в. принимали участие практически все слои непривилегированного населения европейской России (включая служилых людей «по прибору») и что главный поток «сходцев» шел сюда из черносошных деревень северо-восточных уездов. Несколько конкретизирована за последнее время картина применительно к районам Верхотурья и Томска¹⁶ — приведены дополнительные фрагментарные данные.

Вносятся поправки в ту схему социально-географического размежевания в XVII в., которая десять лет назад была предложена А. А. Преображенским: «Черносошные крестьяне, основная масса которых обитала в Поморье, заселяли Урал и Сибирь, — писал он, — крепостные светских и духовных феодалов центральной полосы России уходили на территорию южных уездов, Поволжья и Дона». Приток крепостных в Сибирь был, по мнению А. А. Преображенского, «еще крайне

¹¹ Преображенский А. А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири (конец XVI — середина XVII в.). — Вопросы истории, 1981, № 10, с. 89, 77.

¹² Никитин Н. И. Ук. соч., с. 172.

¹³ Доказано, что служилые в Сибири в значительной своей части происходили из «гулящих» людей, а последние являлись преимущественно выходцами из поморских деревень (см.: Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М. 1964, с. 79—81, 83, 109, 143—156; Копылов А. Н. Русские на Енисее в XVII в. Новосибирск. 1965, с. 33—34, 36; Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. М. 1972, с. 101—118; Курилов В. Н. Наемные работники в Сибири в XVII в., их социальное положение и борьба. В кн.: Промышленность Сибири в феодальную эпоху, с. 68; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 93, 97, 99—100).

¹⁴ Трудно догадаться, кого имеет в виду Н. И. Никитин, когда пишет, что безраздельно господствовавшее в литературе 1940—1950-х годов мнение о главенствующей роли крестьянства в освоении Сибири XVII в. «в настоящее время перестает удовлетворять многих исследователей» (Никитин Н. И. Ук. соч., с. 172). В новейшем коллективном труде по истории рабочего класса Сибири, например, говорится: «За «промышленными людьми» и рядом с ними шли казаки и стрельцы, а вскоре в Сибирь по царским указам и по собственной воле в поисках лучшей жизни пошел русский крестьянин. Крестьянская колонизация постепенно, но прочно связала Сибирь с Россией» (Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 22; см. также соответствующие разделы в кн.: Крестьянство Сибири в эпоху феодализма).

¹⁵ Колесников А. Д. Состав переселенцев в Сибирь. В кн.: Вопросы формирования русского населения Сибири в XVII — начале XIX в. Томск. 1978, с. 3—4; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 22—26; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма.

¹⁶ Преображенский А. А. Среднее Поволжье и первоначальное освоение Сибири, с. 77—84; Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху. Ч. 1. Томск. 1980, с. 97—157; ч. 2, с. 187—212.

мал»¹⁷. А. П. Окладников и Н. Н. Покровский ставят вопрос несколько иначе: «В XVII в. государственная деревня Севера России участвовала в процессе заселения Сибири гораздо интенсивнее помещичьей деревни центра страны»¹⁸. Они, таким образом, считают роль крепостных крестьян все же заметной. О. Н. Вилков при характеристике социального состава нелегальных переселенцев ставит этих крестьян на первое место: «Убегали в Сибирь от усиливавшегося феодально-крепостнического гнета частновладельческие, дворцовые и государственные крестьяне и посадские»¹⁹. Еще дальше идет А. И. Алексеев: «Гонимые крепостным правом, доведенные до обнищания «холопы» и крестьяне бежали в Сибирь, на Дальний Восток, в Северную Америку, становились вольными, «гулящими» людьми»²⁰. Положение это пока еще не подкреплено фактами. Вообще источников, которые ставили бы под сомнение вывод А. А. Преображенского о роли поморского «элемента» в заселении Сибири в конце XVI—XVII в., за рассматриваемое время в научный оборот не введено. Выяснить места выхода и социальное происхождение переселенцев, может быть, помогут данные генеалогии, на что указала М. М. Громыко, занимавшаяся изучением родословных представителей непривилегированных сословий феодальной Сибири²¹.

С вопросом о социальном составе «сходцев» тесно связан другой, не менее важный — о причинах переселения, о стимулах миграции за Урал на первом этапе освоения Сибири. По общему мнению, стихийное движение в Сибирь являлось своеобразной формой протеста против наступления феодально-крепостнических порядков в Европейской части страны²². Отдельные исследователи (О. Н. Вилков, В. Н. Курилов) стремятся связать вольнонародную форму освоения в конце XVI—XVII в. и с развитием буржуазных отношений в поморской деревне. В. Н. Курилов, опираясь на данные П. А. Колесникова, пишет: «Трудно переоценить и влияние раннебуржуазных отношений на миграционные процессы, особенно в основном районе выхода «первых насельников Сибири» — на Русском Севере»²³. Факты, приведенные в интереснейшем исследовании П. А. Колесникова о северорусском крестьянстве, не дают повода для столь категоричных суждений, и сам автор точку зрения В. Н. Курилова не разделяет²⁴. Показательно, что в капитальном труде о рабочем классе Сибири О. Н. Вилков, В. Н. Курилов и их соавторы (А. А. Малых, Д. Я. Резун и В. В. Рабцевич) придерживаются несколько иного взгляда: признавая влияние «начавшегося в северорусской деревне процесса социального расслоения» на масштабы переселенческого движения в Сибирь, само это расслоение они не расценивают как проявление раннебуржуазных отношений на Русском Севере²⁵. Так же и В. А. Александров пишет в данной связи просто о «расслоении» поморской деревни (не давая ему определения)²⁶.

¹⁷ Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века, с. 68.

¹⁸ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 12.

¹⁹ Вилков О. Н. К проблеме наемного труда в сибирской промышленности конца XVI — начала XVIII в. В кн.: Промышленность Сибири в феодальную эпоху, с. 32. Эта же статья О. Н. Вилкова под несколько иным названием и с небольшими сокращениями опубликована в кн.: Исторические записки. Т. 108.

²⁰ Алексеев А. И. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М. 1982, с. 33—34.

²¹ Громыко М. М. Социально-экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири. В кн.: История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М. 1977.

²² См.: Алексеев А. И. Ук. соч., с. 33—34; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 10—12, 38; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 25.

²³ Курилов В. Н. Сибирская промышленность в XVII в., с. 7. Ту же мысль высказывает О. Н. Вилков: «Определенную роль в «выталкивании» части европейского населения играли и сложившиеся на базе социального расслоения раннебуржуазные отношения, особенно четко выраженные в Поморье, в результате чего в Сибирь приходили крупные предприниматели и разоренный, ищущий заработка люд» (Вилков О. Н. Ук. соч., с. 32).

²⁴ См. Колесников П. А. Северная деревня в XV — первой половине XIX века. Вологда. 1976, с. 226—257.

²⁵ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 25.

²⁶ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 38.

Важную роль на начальном этапе движения в Зауралье играли, как отмечается в литературе, жажда освоения промысловых богатств Сибири и относительная земельная теснота в районах выхода переселенцев²⁷.

Исследования последних лет²⁸ подтвердили, что причины стихийных внутри-сибирских миграций XVII в. мало отличались от тех, которые вызывали непрерывный приток «сходцев» из европейской России. Главные из них — это, с одной стороны, стремление избавиться от феодальных повинностей во всех их проявлениях, а с другой — поиск лучших условий хозяйствования. Причем в рассматриваемое время в перераспределении населения внутри Сибири вольнонародные переселения имели ведущее значение, хотя заметную роль играла и деятельность властей²⁹. Н. Ф. Емельянов показал, что в числе первых русских «населенников» Томского края было немало переведенцев из других сибирских уездов³⁰.

Вопрос об источниках роста русского населения Сибири — один из центральных в работах о XVIII столетии. Все, кто занимается данной темой, разделяют мнение о том, что тогда заселение Сибири было обусловлено не столько притоком людей из-за Урала, сколько интенсивным естественным приростом. Однако в целом проблема пока не решена. Литература первой половины 70-х годов иногда характеризовала приток вольных переселенцев из европейской России как крайне незначительный и сводила роль бегства в заселении Сибири практически на нет³¹. Масштабы стихийного переселения при этом определялись косвенным путем по данным о естественном приросте, методика же подсчетов, как доказал Г. Ф. Быконя, применялась весьма несовершенная. Она-то, как выяснилось, и приводила к завышению естественного прироста, а следовательно, и его роли в пополнении русского населения Сибири в XVIII веке. Недостатки ревизского и церковного учета, по мнению Г. Ф. Быконя, ставят перед историками задачу совершенствования приемов обработки этих источников. «Обычно с завершением первичного устройства и окончанием льгот, — пишет он, — посельщик и старообрядец, переведенец и ссыльный оказывались в податном окладе и последующий фискальный и церковный учет лишь в особых случаях выделял их из сторожилов»; как правило же, «эти новые тяглецы показывались в их общей массе по очередной ревизии либо приписывались в податные списки прежней». Практика подобных приписок осложняет подсчеты. «Без углубленной дальнейшей разработки этих вопросов вряд ли можно правильно судить о реальном соотношении источников формирования русского населения Сибири в XVIII в., а значит и о характере ее заселения»³².

На необходимость более осторожно оценивать достоверность статистических данных при изучении проблемы воспроизводства населения в Сибири в XVIII столетии указывает и А. Л. Перковский: «До сих пор остается невыясненным: какие компоненты естественного движения населения учитывались с большей, а какие — с меньшей полнотой? Поскольку нет ясности в этом вопросе, то и проблема определения достоверности тех или иных итогов демографического развития в масштабе

²⁷ Там же, с. 37—38; Сафронов Ф. Г. Русские промыслы и торги на северо-востоке Азии в XVII — середине XIX в. М. 1980, с. 7—33; Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 22—23.

²⁸ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 37, 94—95, 105; Этнография русского крестьянства Сибири, с. 15—16, 63—65, 68, 72; Емельянов Н. Ф. Население Среднего Приобья. Ч. 1, с. 104, 134.

²⁹ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 47—49; Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья, с. 50—57, 85, 119, 131.

³⁰ Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья, с. 13—22, 48—59, 72—74, 82—85, 96—97, 101—105, 130—131, 139; его же. Население Среднего Приобья, ч. 1, с. 97—144, 234—235. Все перемещения, организованные сверху, автор считает принудительными, тогда как уже на этом этапе широкое развитие получила смешанная форма. Материал, которым располагает Н. Ф. Емельянов, не дает оснований для вывода о ведущей роли принуждения в заселении края до конца XVII века.

³¹ Колесников А. Д. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX в. Омск. 1973; Воробьев В. В. Формирование населения Восточной Сибири. Новосибирск. 1975.

³² Быконя Г. Ф. К вопросу о соотношении источников прироста русского населения Сибири в XVIII веке. В кн.: Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.). Новосибирск. 1979, с. 115—116.

страны или отдельных ее регионов для XVIII в. еще ждет своего решения»³³. Представляется, что пути к решению этой проблемы — всестороннее изучение организации учета населения в Сибири в XVIII в., привлечение новых источников (в частности очередных рекрутских книг) и, наконец, обращение к той методике анализа источников, которую успешно используют эстонские историки³⁴. Конечно, придется приспособить эту методику к сибирским материалам.

Вообще проблема надежности демографической статистики выдвигается сейчас на первый план. В результате произошла некоторая «реабилитация» вольнопереселенческого движения в Сибирь. Оно и в XVIII в. вымывало из европейской части страны значительное число людей — к такому выводу приходят авторы труда по истории рабочего класса Сибири. Введение паспортной системы в 20-х годах XVIII в. привело к резкому возрастанию в общей массе беглых удельного веса отходников-«невозвращенцев»³⁵. Причем, как установил Г. Ф. Быконя, сибирские власти, соблюдая свои интересы и реально оценивая возможности борьбы с бегством, неоднократно предлагали центру оставлять пришлых из европейской России «без высылки», и правительство в 1740—1760-е годы несколько раз давало разрешение не высылать не только государственных крестьян и посадских людей с действительными и просроченными паспортами, но и «беглых, не помнящих родства людей», т. е. крепостных³⁶.

Частое обращение правительства к вопросу о беглых в Сибирь само по себе есть свидетельство их многочисленности, что согласуется с данными «Истории крестьянства Сибири», где воспроизведены цифры В. К. Андриевича, определяющего число беглых в Сибирь на 1722 г. примерно в 40 тыс. душ муж. пола (около 17% всего русского мужского населения региона). Приведены и новые сведения о «беглых из российских городов», зарегистрированные разными проверками в записей Сибири и свидетельствующие об интенсивности притока вольнопоселенцев из-за Урала в XVIII веке. «В 1720-х гг. десятки тысяч старообрядцев бежали из разгромленного керженского центра. Вряд ли когда-нибудь станет известно, сколько их оказалось в Сибири, но показательно, что с тех пор старообрядцев здесь стали называть «керженцами», «кержаками»³⁷, — такие косвенные наблюдения, безусловно, полезны.

Есть и другая точка зрения, согласно которой в XVIII в. «миграционное движение в Сибирь было очень невелико», вообще после 1724 г. «приток вольных переселенцев почти прекратился»³⁸. Убедительных доказательств в подтверждение этого, однако, не приведено.

В литературе последних лет получила развитие мысль об усилении в XVIII в. принудительного перемещения людей в Сибирь — в основном ссыльных³⁹. Современное состояние изученности проблемы позволяет заключить, что в то столетие правительство вообще заметно расширило свою деятельность по заселению Сибири:

³³ Перковский А. Л. Об изучении смертности и продолжительности жизни в России в XVIII веке. В кн.: Проблемы истории демографической мысли и критика буржуазных демографических концепций. Киев, 1979, с. 136; см. также: Миненко Н. А. Очерки по источниковедению Сибири XVIII — первой половины XIX в. Новосибирск, 1981, с. 7—17.

³⁴ См.: Лиги Х. Население крестьянского двора («пере») в Эстонии в конце XVIII века. В кн.: Тезисы докладов и сообщений XII сессии Межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. М. 1970; его же. О приемах составления и достоверности эстляндских таксовых ревизий XVIII в. В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1975. М. 1976; Палли Х. Естественное движение сельского населения Эстонии (1650—1799). Чч. 1—3. Таллин. 1980; Численность, структура и движение населения. Реферат. сб. Таллин. 1981.

³⁵ Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период, с. 52—54.

³⁶ Быконя Г. Ф. Государственный порядок и местная практика территориальных и сословных миграций крестьян Сибири. В кн.: XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). XIX сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Тезисы докладов и сообщений. М. 1982.

³⁷ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 158—160.

³⁸ Кабузан В. М. Ук. соч., с. 24; Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья, с. 139.

³⁹ Колесников А. Д. Состав переселенцев в Сибирь, с. 3; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 160—161.

«В XVIII в. казна организовывала освоение недр Алтая, Приаянья и Забайкалья, создавала укрепленные военные линии по всей южной Сибири, прокладывала сухопутный Московский тракт и другие пути сообщения. Остро нуждаясь в рабочих руках, правительство все шире черпало колонизационный элемент в европейской части России и все чаще прибегало к принудительному перемещению населения внутри самой Сибири»⁴⁰. Ход правительственного заселения пограничных районов на юге Западной Сибири освещен Н. Е. Бекмахановой (автор опирается преимущественно на работы своих предшественников)⁴¹. Соотношение правительственной и народной инициативы в освоении Приенисейского края в XVIII в. рассматривает Г. Ф. Быконя. Он использует ревизские сказки и материалы церковного учета населения, сопоставляя их друг с другом и с документами иных типов, впервые привлекает в качестве статистических источников присяжные листы.

Проследив процесс заселения русскими пяти естественно-географических районов Средней Сибири (Хакасско-Минусинского, притрактового, Красноярского, Енисейского и Туруханско-Таймырского), Г. Ф. Быконя нашел, что наиболее интенсивно в то время осваивались русскими плодородные земли от Красноярска на юг до Саян (Хакасско-Минусинский р-н), куда переселялись жители из лежащих севернее мест Приенисейского края и других уездов Сибири. В большинстве своем это были крестьяне и разночинцы, переселявшиеся добровольно. Меры властей по заселению Хакасско-Минусинского района в целях обеспечения безопасности границ и эксплуатации горнорудных богатств не дали, как следует из монографии Г. Ф. Быконя, заметных результатов. Гораздо большее значение имела переселенческая деятельность администрации в зоне Московско-Сибирского тракта. Оказалось, что первоначально власти организовали вольное заселение притрактового р-на (смешанная форма), но с 60-х годов XVIII в. главную роль играли меры принуждения. Такое положение сохранялось «до тех пор, пока тракт к 90-м гг. XVIII в. не был окончательно устроен и не было упорядочено его обслуживание ближним и дальним населением»⁴². Автору удалось показать, что усилия властей и народных масс по заселению зауральских пространств находились не только в сложном переплетении и взаимодействии, но и в противоборстве.

Последний вывод находит подтверждение в данных Н. Ф. Емельянова⁴³. В его работах использован значительный материал из фонда Сибирского приказа ЦГАДА, дополняющий наши представления об участии народа, правительства и сибирской администрации в освоении Сибири. Однако поскольку автор не дает пояснения относительно критерия отбора документов для статистического анализа и о главных своих источниках говорит лишь в самой общей форме⁴⁴, отказавшись от самой попытки выяснения их достоверности, то некоторые его выводы не кажутся убедительными.

Авторы новейших работ признают первостепенную роль внутрисибирских миграций в заселении и освоении Сибири в XVIII веке⁴⁵. При этом самовольные переселения рассматриваются как своеобразная форма массового противодействия трудового люда системе государственного феодализма с его ограничениями свободы передвижения. В частности, продвижение русских в XVIII в. в южные районы Сибири объясняется не только экономическими причинами (поисками нераспаханных плодородных земель и пр.), но и стремлением избавиться от наиболее тяжелых форм эксплуатации. Большой интерес в данной связи представляют работы

⁴⁰ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 160.

⁴¹ Бекмаханова Н. Е. Ук. соч., с. 66—76.

⁴² Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края в XVIII в., с. 161.

⁴³ Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья; его же. Население Среднего Приобья. Чч. 1—2.

⁴⁴ На это обращено внимание в рец. Н. И. Никитина и А. А. Преображенского: История СССР, 1983, № 4, с. 159 (эта же рецензия напечатана в кн.: Проблемы исторической демографии СССР. Вып. 2. Томск. 1982). Помимо фонда Сибирского приказа, статистическая документация по тому же вопросу имеется и в других фондах ЦГАДА, а кроме того, в Тобольском архиве, ЦГИА СССР, ЦГВИА, Архиве Всесоюзного географического общества, и ее стоило бы, конечно, привлечь.

⁴⁵ Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 157—166, 172—177; Быконя Г. Ф. Заселение русскими Приенисейского края, с. 246 и др.

Т. С. Мамсик, основанные на широком круге критически изученных источников, выявленных в сибирских и центральных архивах и в подавляющей массе впервые вводимых в научный оборот⁴⁶. На материалах приписной деревни Т. С. Мамсик показала важную роль бегства в заселении Западной Сибири в 40—80-х годах XVIII века. Основная причина бегства крестьян на новые территории в рассматриваемый период, по ее мнению, — это «усиление феодального гнета в ранее освоенных районах Сибири», цель незаконных переселений состояла «в уклонении на время от уплаты ренты, исполнения феодальных повинностей». Имели значение и религиозные гонения со стороны властей, что прослеживается автором при изучении процесса складывания независимой от феодального государства промыслово-земледельческой общины «каменщиков» на Бухтарме и ее притоках.

Наименее изученным остается третий этап. Известно о возрастании роли ссылки в заселении Сибири в первой половине XIX в., однако в оценке этого фактора историки расходятся. Ф. С. Кузьмина, основываясь преимущественно на документах из фондов ЦГИА СССР и Томского областного госархива, считает, что колонизационное значение ссылки и в первой половине XIX в. оставалось ограниченным, поскольку ссыльные «не приживались» в местах своего поселения. «Существенной причиной слабых успехов в устройстве ссыльных, — пишет автор, — явилось отсутствие у них семей и недостаток материальных средств для создания хозяйства»⁴⁷. В. М. Кабузан отводит ссылке большую роль⁴⁸. Однако его точка зрения основывается главным образом на официальных данных о количестве ссыльнопоселенцев, прибывших за Урал, а о дальнейшей их судьбе в Сибири автор, в отличие от Ф. С. Кузьминой, сведений не приводит. Так же и Н. Ф. Емельянов на основе официальных данных полагает, что ссылка позволила правительству за первую половину XIX в. «почти утроить население» Среднего Приобья, «перекрыть все ранее достигнутые результаты его роста в течение двух столетий»⁴⁹.

Есть основания более критически подойти к оценке используемых данных. Комиссия Министерства государственных имуществ, ревизовавшая Томскую губ., отмечала, что количество ссыльнопоселенцев «показано соответственно причисления к селениям согласно распоряжений местного управления»; наличное же число проживающих в селениях ссыльных «вовсе не соответствует» первоначальному — ввиду «бродячей их жизни и самовольных отлучек»⁵⁰. Председатель той же комиссии Г. Вонлярлярский докладывал министру, что «тысячи их, будучи лишены всякого надзора, блуждают из одного края в другой»⁵¹. Между тем все эти мигранты формально числились живущими в той волости или уезде, куда их сослали. Официальная статистика, таким образом, не отражала реальной ситуации.

Ф. С. Кузьмина отмечает, что в первой половине XIX в. появляется и другое направление в политике правительства по заселению Сибири: переселяться в Сибирь было разрешено государственным крестьянам из малоземельных губерний европейской России. В связи с этим усилилась легальная вольная миграция⁵². И. Б. Маркова по материалам, обнаруженным в Томском архиве, охарактеризовала связанную с этим деятельность сибирской губернской администрации в 20—40-х годах XIX века⁵³. Она, как и Ф. С. Кузьмина, в целом сдержанно оценивает эффективность деятельности властей по переселению за Урал государственных крестьян. Слабо изучено правительственное заселение Сибири в 40—50-х годах XIX в.,

⁴⁶ Мамсик Т. С. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90-е годы XVIII в. Новосибирск. 1978; ее же. Новые материалы об алтайских «каменщиках». В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск. 1982.

⁴⁷ Кузьмина Ф. С. Ук. соч., с. 22; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма, с. 167—172.

⁴⁸ Кабузан В. М. Ук. соч.

⁴⁹ Емельянов Н. Ф. Заселение русскими Среднего Приобья, с. 139.

⁵⁰ ЦГИА СССР, ф. 1265, оп. 1, л. 71, лл. 3об.—4.

⁵¹ Там же, ф. 1589, оп. 1, л. 530, л. 16об.

⁵² Кузьмина Ф. С. Ук. соч.

⁵³ Маркова И. Б. Об участии губернской администрации в организации переселения государственных крестьян в 20—40-е годы XIX в. (на примере Томской губернии). В кн.: Социально-политическое развитие Сибири в XIX—XX вв. Новосибирск. 1982.

когда им ведало Министерство государственных имуществ. Лишь некоторые его аспекты в последнее время нашли освещение в статьях А. Д. Колесникова и М. М. Громыко⁵⁴.

Большого внимания заслуживают самовольные переселения первой половины XIX века. По мнению Ф. С. Кузьминой, волна таких переселений становится особенно заметной с 20-х годов столетия⁵⁵. В. М. Кабузан, видимо, считает, что бегство теряет с конца XVIII в. оцутимое значение, и рассматривает в числе мигрантов только легальных переселенцев и ссыльных. По мнению Т. С. Мамсик, вольное движение за Урал в рассматриваемый период определялось прежде всего «стремлением к земельному простору и устойчивому состоянию», которое крестьяне «теряли на родине» в результате наступления крепостничества. Самовольно переселялись преимущественно крестьяне-середняки — они составляли «самый сильный в экономическом плане колонизационный элемент»; в целом в первой половине XIX в. «массовые самовольные переселения выступали как стихийная, мучительная, но относительно результативная для крестьянства... форма борьбы с надвигавшимся раскрестьяниванием»⁵⁶.

Вследствие недостаточной изученности масштабов переселенческого движения в Сибирь и обратного переселения в первой половине XIX в. представляется небедительным основанное на фрагментарных данных мнение о том, что и в это время главным источником увеличения числа русских жителей Сибири был естественный прирост⁵⁷. Как решение этого вопроса, так и в целом воссоздание картины русского заселения Сибири в эпоху феодализма связано с дальнейшим расширением круга используемых источников, совершенствованием методики их анализа (включая применение ЭВМ для обработки массовых данных) и возможно более полным учетом уже полученных результатов.

Н. А. Миненко

⁵⁴ Колесников А. Д. Состав переселенцев в Сибирь; Громыко М. М. Община в процессе переселения «панцирных бояр» Себежского уезда в Сибирь. В кн.: Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск. 1983. «Панцирными боярами» назывались некоторые группы государственных крестьян в Витебской губернии.

⁵⁵ Кузьмина Ф. С. Ук. соч., с. 29—32.

⁵⁶ Мамсик Т. С. Самовольные крестьянские переселения (По материалам Сибири первой половины XIX в.). В кн.: Хозяйственное освоение Сибири и рост ее народонаселения (XVIII—XX вв.). К вопросу о самовольных внутрисибирских миграциях Т. С. Мамсик обращается и в статье, посвященной Беловодью. Здесь она без видимых оснований связывает бегство с борьбой «нарождавшейся крестьянской буржуазии» за свободу своей «экономической деятельности» (см. е. е. Беловодцы и Беловодье (По материалам следственного дела о побеге 1827—1828 гг.). В кн.: Источники по культуре и классовой борьбе феодального периода. Новосибирск. 1982).

⁵⁷ См. Кабузан В. М. Ук. соч., с. 25; Алексеев А. И. Ук. соч., с. 134; Колесников А. Д. Некоторые особенности формирования русского населения Сибири (XVI—XIX вв.), с. 42.

К 40-летию Великой Победы

Рецензии

А. Ф. ВАСИЛЬЕВ. *Промышленность Урала в годы Великой Отечественной войны 1941—1945*. М. Наука. 1982. 277 с.

Победа СССР и его Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне была временно экономической победой советско-

го тыла над тылом фашистской Германии. Особо выдающаяся роль в достижении этой победы принадлежала Уралу, который

стал основным арсеналом Красной Армии. На его долю пришлось 40% всего военного производства в СССР¹.

За послевоенные годы советские историки проделали большую работу по исследованию вклада индустрии Урала в создание экономических предпосылок разгрома немецко-фашистских захватчиков. Эти проблемы нашли отражение как в общих трудах, так и в очерках истории отдельных областей и автономных республик этого региона и их партийных организаций, в статьях и сборниках, раскрывающих отдельные проблемы развития уральской экономики в годы войны². Однако обобщающих трудов по истории промышленности Урала периода Великой Отечественной войны до последнего времени не было. Между тем наряду с обстоятельно изученными вопросами имелись и слабо и даже совсем не исследованные проблемы развития многоотраслевой индустрии этого важнейшего региона страны.

Монография старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР доктора исторических наук А. Ф. Васильева является первым обобщающим трудом о развитии ведущих отраслей промышленности Урала в их комплексе, о трудовом героизме уральцев в годы войны как составной части беспримерного подвига советского народа во имя победы.

Автор, естественно, не мог обойти в своей работе тех проблем, которые уже нашли отражение в трудах других исследователей. Без освещения этих проблем невозможно было дать обобщающий анализ развития промышленности Урала военных лет как единого целого. Однако практически при рассмотрении любого вопроса, в той или иной мере ранее уже раскрытого другими исследователями, А. Ф. Васильев вводит в научный оборот новые сведения (почерпнутые либо в архивах, либо в периодической печати), которые углубляют наше знание уже знакомых процессов, происходивших в индустрии Урала в 1941—1945 годах.

¹ Вознесенский Н. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М. 1948, с. 50.

² Очерки истории Пермской областной партийной организации. Пермь. 1971; Очерки истории Башкирской организации КПСС. Уфа. 1973; Очерки истории Оренбургской областной организации КПСС. Челябинск. 1973; История Урала. Т. 2. Пермь. 1977; Очерки истории Челябинской областной организации КПСС. 1917—1977. Челябинск. 1977; и др.

Это относится прежде всего к истории перестройки промышленности региона на военный лад. При этом автор сосредоточил основное внимание на тех отраслях индустрии, особенности перестройки которых так полно и глубоко ранее не освещались. Большой и интересный фактический материал привлечен в книге по вопросу о размещении на Урале эвакуированного оборудования. Эвакуация промышленности из западных районов на восток страны, ввод в строй перемещенного оборудования составляют одну из наиболее сложных задач перевода народного хозяйства на военные рельсы. «Цель эвакуации,— говорится в книге,— состояла не столько в спасении от врага ценного промышленного оборудования, хотя и это было крайне важно, сколько в том, чтобы в чрезвычайно сжатые сроки поставить его на службу фронту» (с. 38). Обосновав суммарную цифру о количестве эвакуированных на Урал промышленных предприятий, автор на конкретном материале показал, как размещение и ввод в строй прибывшего оборудования позволили увеличить мощности уральских заводов, производивших оборонную продукцию, ликвидировать имевшиеся перед войной узкие места в промышленности региона.

Составной частью перестройки экономики на военный лад являлось обеспечение предприятий рабочей силой. Но поскольку это направление перестройки, как и развитие социалистического соревнования, автор справедливо относит к числу хорошо изученных, ему отведено в книге сравнительно мало места. Но один из вопросов кадровой проблемы — о роли эвакуировавшихся рабочих коллективов в обеспечении предприятий высококвалифицированными кадрами, об их вкладе в перестройку и развитие промышленности Урала в годы войны — остался вообще обойденным. Между тем их количественное и качественное влияние было велико. Они обогатили своим опытом, общей и производственной культурой кадры промышленных районов Востока и вместе с ними своим самоотверженным трудом крепили экономическую мощь советского тыла, обеспечили фронт всем необходимым для разгрома врага. Эта проблема заслуживала большего внимания.

В монографии раскрыто такое направление военной перестройки промышленности, мало отраженное в литературе, как освоение новых источников сырья на Урале, в чем огромную роль сыграли ученые под

руководством президента АН СССР В. Л. Комарова.

Показывая итоги перестройки промышленности, А. Ф. Васильев приводит обобщенные данные о таких количественных и качественных сдвигах военного производства на Урале и в целом в СССР, которые позволяют утверждать, что перелом в работе советского тыла, промышленности произошел не в 1943 г., как считают многие исследователи, а в 1942 г., точнее, с лета 1942 г., когда завершилась перестройка экономики, и прежде всего промышленности, на военный лад, «вследствие чего в стране было создано слаженное военное хозяйство, послужившее экономической основой и необходимой предпосылкой для коренного перелома на фронте Великой Отечественной войны» (с. 90)³.

Центральный раздел монографии отведен укреплению базовых отраслей промышленности — росту черной металлургии, развитию топливной промышленности, подъему электроэнергетики. С лета 1942 г., когда завершилась перестройка промышленности применительно к нуждам фронта и перед тылом всталла задача на базе слаженного военного хозяйства развернуть производство оборонной продукции в необходимых размерах, возникла потребность увеличить производство металла, прежде всего на Урале. С привлечением новых материалов в монографии рассказано о строительстве и расширении предприятий черной металлургии. Прежде всего следует отметить здесь исследование процесса увеличения выплавки черных металлов на заводах Урала за счет более эффективного использования агрегатов и оборудования. Эта проблема прежде практически не изучалась. А. Ф. Васильеву удалось нарисовать впечатляющую картину успешной борьбы сталеваров Магнитки и доменщиков Новотарского завода за наращивание производства стали и чугуна посредством интенсификации плавки. Одновременно в книге показана организаторская и массово-политическая работа партийных организаций, направленная на поддержку и распространение передового опыта сталеваров. В 1945 г. производство чугуна на Урале возросло по сравнению с 1940 г. на 188,4%, стали — на 165,4%, проката — на 155,9%. Урал стал, по словам автора, «главным металлургическим цехом Советского Союза и

за счет этого сыграл исключительно важную роль в материально-техническом обеспечении победы над врагом» (с. 135).

Не менее обстоятельно раскрыта в монографии борьба за развитие топливной промышленности Урала в годы войны, проанализированы причины снижения добычи угля осенью и зимой 1941—1942 гг., принятые государственными и партийными органами меры, которые позволили весной 1942 г. приостановить этот спад, а затем namного увеличить угледобычу. Одновременно, как показано в работе, районы Урала внесли существенный вклад в обеспечение народного хозяйства и фронта жидким топливом.

Третьей из базовых отраслей уральской промышленности, рассмотренной в монографии, явилась электроэнергетика, которая в связи с размещением перебазируемого оборудования и строительством новых заводов переживала крайние трудности. Партия и правительство определили главные направления подъема электроэнергетики на Урале. Был построен ряд новых, мощных по тем временам электростанций. Как убедительно показано автором, энергетическая проблема решалась также путем реконструкции действующих электростанций, упорной борьбой за обеспечение своевременного ремонта турбин, котлов, энергосетей.

Устойчивый рост базовых отраслей промышленности Урала после перестройки экономики на военный лад создал необходимые условия для дальнейшего крутого подъема выпуска оборонной продукции, открыл новые возможности для широкого применения в промышленности наиболее прогрессивных и эффективных методов производства. Раздел об интенсификации промышленного производства отличается новизной как по выявлению ее особенностей в условиях войны, так и по введению в научный оборот материалу, по содержанию авторских обобщений и выводов. Ни историки, ни экономисты ранее не раскрывали в такой мере особенностей проявления научно-технического прогресса в уральской промышленности в военных условиях, когда он стал одним из главных факторов грядущей экономической и военной победы Советского Союза над фашистской Германией. В книге убедительно раскрыты главные направления технической политики партии, направленные на совершенствование оборудования и технологических процессов, за счет рационализации и изобретательства, на внедрение поточных методов

³ Этот вывод автор сделал в своих ранее опубликованных работах (см. Вопросы истории, 1966, № 6, с. 112).

производства, на борьбу за ритмичность работы фабрик и заводов. Многие формы движения за совершенствование техники и технологии, за экономию и повышение качества промышленной продукции, впервые столь детально рассмотренные в монографии, не утратили своей актуальности и в современных условиях.

Много внимания автор уделяет освещению трудовых подвигов уральцев. На страницах книги содержатся яркие данные о подлинно героическом труде рабочих и специалистов, самоотверженно ковавших оружие грядущей победы. В этом одно из достоинств монографии.

Обобщая итоги исследования, А. Ф. Васильев приходит к новому, пока не получившему распространения в научной литературе выводу (с. 268) о том, что промышленность Урала, как и вся советская промышленность, в своем развитии прошла за время Великой Отечественной войны три периода, а не два, как считает большинство историков и экономистов. Первый из них (в этом единодушны все исследователи) — перестройка народного хозяйства на военный лад — с начала войны до лета 1942 года. Второй большинство авторов распространяет на время с лета 1942 г. до конца войны. По мнению А. Ф. Васильева, второй период, начавшийся с лета 1942 г., завершился летом 1944 г. — это был период обеспечения военно-экономической победы над врагом, а третий — с осени 1944 г. до конца войны — был периодом частичной реконверсии промышленности.

Целесообразность выделения последнего периода в качестве самостоятельного автор аргументирует тем, что во второй половине 1944 г. собственно военное производство в СССР достигло такого уровня, что, помимо полного удовлетворения потребностей фронта, удалось создать крупные резервы боевой техники, оружия и боеприпасов. «Исходя из этого, а также учитывая зримую перспективу победы над врагом и насущные нужды народного хозяйства, партия и правительство сочли возможным во второй половине 1944 г. снизить темпы

производства ряда видов оборонной продукции, переключив многие предприятия на выпуск обычных изделий... Уже в первом квартале 1945 г. мирное промышленное производство превысило объем выпуска военной продукции. Таким образом, с осени 1944 г. началась подготовка необходимых условий к переводу советского народного хозяйства, в том числе и индустрии Урала, на мирные рельсы» (с. 268).

С идеей о выделении третьего периода в развитии советской экономики в период Великой Отечественной войны в принципе нельзя не согласиться. Однако начавшуюся подготовку условий для перевода военного хозяйства на мирные рельсы едва ли можно выдавать за коренную черту, присущую этому периоду, когда преобладающей продолжала оставаться, как и в 1942—1943 гг., военная направленность экономики и по характеру производимой продукции и по военным методам организации труда и всей жизни страны. Вопрос о периодизации развития советской промышленности, особенно о времени наступления третьего периода и его экономического обосновании, является дискуссионным, нуждается в дополнительном исследовании.

В ряде случаев у автора имелась возможность привести более полные данные о результатах развития отдельных промышленных предприятий и отраслей индустрии, поскольку они уже опубликованы другими исследователями. Чувствуется порою сухость изложения, особенно при описании технологической стороны производства.

В целом же книга заслуживает высокой оценки как за широту и комплексность рассмотренных вопросов, так и за глубину их научного анализа и обобщения. Она явилась заметным достижением в изучении истории советского тыла, истории индустриального развития Урала. И тем не менее это только один из шагов на пути к созданию труда, в котором получил бы всестороннее освещение вклад всех отраслей экономики, науки и культуры этого региона в обеспечение победы над врагом.

М. И. Лихоманов

П. С. КАБЫТОВ. *Аграрные отношения в Поволжье в период империализма (1900—1917 гг.)*. Изд-во Саратовского ун-та. 1982. 200 с.

В последнее десятилетие исследователи все больше обращаются к анализу социально-экономических процессов, в том числе и аграрных, в пределах экономико-географических регионов. Без таких исследований невозможно решить актуальные проблемы типологии социально-экономического развития России. Активизировалось и изучение экономической жизни Поволжья в эпоху империализма¹. До последнего времени внимание историков-аграрников привлекали в основном классовая борьба крестьянства, столыпинская земельная реформа, а ряд столь же важных проблем, таких, как развитие производительных сил деревни, экономический строй крестьянского и помещичьего хозяйств, оставался в стороне.

Монография доцента Куйбышевского университета кандидата исторических наук П. С. Кабытова по постановке вопросов, охвату тем и характеру используемых источников смыкается с подобными ей работами по другим районам страны. В ней обобщены результаты частных исследований историков-аграрников Поволжья, ряд вопросов освещен впервые. Книга дает наиболее полное представление о сельском хозяйстве Поволжья в период империализма.

В книге преобладает производственно-экономический аспект, что вполне оправдано состоянием историографии. Автор поставил задачи проследить изменения в землевладении и землепользовании, выявить сдвиги в развитии зернового производства и животноводства, проанализировать формы и степень распространения наемного труда и применения сельскохозяйственных орудий и машин, показать степень классового расслоения деревни в период империализма (с. 9). Этим задачам подчинена структура книги: каждой из названных тем посвящена глава или раздел. Впервые столь большой круг вопросов рассмотрен на материалах пяти губерний Поволжья.

Определение границ района при региональных исследованиях — задача сложная, в частности вопрос о границах Среднего и Нижнего Поволжья до сих пор остается дискуссионным. Решение П. С. Кабытова исследовать аграрные отношения в пределах Казанской, Симбирской, Самарской, Саратовской и Пензенской губерний может быть оспорено, видимо, лишь относительно последней. Пензенская губ. не выходила к Волге, а по типу аграрной структуры, как это установлено методами многомерного математического анализа, относилась к Центрально-Черноземному району². Что касается Астраханской губ. (некоторые сведения о ней приведены в книге), то по специализации хозяйства она резко отличалась от прочих поволжских губерний (с. 75).

Исследованием охвачено предоктябрьское 20-летие, но по многим показателям сравнение проведено и за больший срок. Характеристика почвенной структуры и климата, анализ автором демографических процессов (гл. 1) помогают получить представление об условиях развития производительных сил в Поволжье и обосновать положения о разных типах развития его северной и южной зон, о наличии аграрного перенаселения.

В книге подробно рассмотрено развитие земледелия и животноводства — главных отраслей сельского хозяйства — на основе таких известных и солидных источников, как урожайная статистика Центрального статистического комитета МВД, Всероссийские сельскохозяйственные переписи 1916 и 1917 гг., отчеты губернских ветеринарных инспекторов, а также данные земской и губернской статистики. Статистические показатели сведены в 19 таблиц, которые служат основанием для выводов о характере развития производительных сил. Автором отмечены расширение посевных площадей, изменение их структуры в сторону углубления специализации и приспособления к потребностям и запросам рынка, появление многопольной системы земледелия, некоторое улучшение инвентаря и агротехники (с. 80, 83, 84, 90). Следствием этих

¹ См., напр., сборники статей Средневолжского объединения аграрников: Вопросы аграрной истории Среднего Поволжья. Йошкар-Ола. 1978; Историография и источники по аграрной истории Среднего Поволжья. Саранск. 1981; Сельское хозяйство и крестьянство Среднего Поволжья в периоды феодализма и капитализма. Чебоксары. 1982; Патрушев А. С. Марийская деревня в период империализма. Йошкар-Ола. 1974.

² Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология губерний Европейской России на рубеже XIX—XX веков. — История СССР, 1979, № 1, с. 81.

сдвигов был рост валовых сборов зерна и картофеля, урожайности и товарности зернового производства (с. 99, 102, 109).

При всей тщательности анализа, доказательности основных выводов эта часть работы вызывает, однако, замечания. Поскольку Поволжье неоднородно по типу аграрной эволюции, а административное деление на губернии не совпадало с экономическим районированием, могли бы быть полезными, кроме общих выводов, вытекающих из погубернских данных, еще и промежуточные итоги по зонам на основе поуездных показателей (источники позволяют это сделать). Такой прием помог бы яснее представить результаты двух путей развития аграрного капитализма и уточнить аграрную типологию района. Отметив, что сельское хозяйство Поволжья развивалось экстенсивно (с. 101, 171), П. С. Кабытов не делает вывода о кризисе экстенсивных методов хозяйствования у помещиков и крестьян. Основания же для этого были: автор приводит сведения о кризисе трехполья, а прогресс зернового производства связывает с интенсивными факторами.

П. С. Кабытов не оставил в стороне такой важный показатель развития капитализма в сельском хозяйстве, как рост товарности производства. Однако, назвав два метода исчисления товарности зернового производства (точнее, две разновидности одного метода, основанного на определении потребности сельского населения в сельскохозяйственных продуктах), автор сделал расчет, видимо, по совершенно иной методике, приняв за товарную массу сумму зерна, вывезенного из пределов указанных губерний и потребленного местными винокуренными и пивоваренными заводами (с. 107—109). К сожалению, остался нерешенным трудный вопрос об уровне товарности других отраслей сельского хозяйства, в том числе животноводства, и разных типов хозяйств. Думается, что грешит преувеличением тезис автора о новом этапе в эволюции систем земледелия в Поволжье в связи со столыпинской реформой, организацией опытных полей и участков в хозяйствах землеустроенных хуторян и струбников (с. 95).

По мнению П. С. Кабытова, в поволжской деревне существовало сложное сочетание американского и прусского путей развития капитализма, причем борьба между типами буржуазной аграрной эволюции не закончилась победой того или другого (с. 5, 28, 74). Это положение подтверждается

тщательным анализом структуры землевладения и землепользования, из которого следует, что к 1917 г. в Поволжье сохранилась сословная собственность, причем довольно значительным был удельный вес помещичьего, а преобладало наделное землевладение. К этому можно добавить, что доля собственно общинного землевладения уменьшилась, особенно в южной зоне. Представляют интерес данные о наемном труде в земледелии: о численности местных наемных рабочих, составе рынка рабочей силы и распространении типичных форм найма (с. 134—136).

Сопоставляя помещичье и крестьянское хозяйство, автор отметил, что последнее развивалось в условиях тяжелого налогового гнета, частых неурожаев и острой нехватки земли, которую не могла компенсировать продовольственная аренда, и находилось в кризисном положении (с. 104). Тем не менее именно крестьяне давали большую часть сельскохозяйственной продукции, роль же помещичьего хозяйства в производстве неуклонно падала. Переход помещиков к капиталистическим методам хозяйствования к 1917 г. не завершился. Такие пережиточные явления, как кабальные формы аренды, применение отработок первого и второго видов в крупных имениях, оживление деятельности общины при сохранении помещичьего землевладения, тормозили развитие капитализма и создавали условия для первой социальной войны. В целом же, как считает П. С. Кабытов, в Поволжье капитализм пронизал и вовлек в сферу своего действия все социально-экономические типы хозяйств: здесь проявились общие закономерности развития аграрного капитализма в России (с. 159, 170).

Проследив расслоение крестьянства по материалам военно-конских переписей 1899, 1905, 1912 гг., автор пришел к выводу, что степные уезды района по темпам образования сельской буржуазии приближались к наиболее развитым южным губерниям России (с. 172); что в Поволжье формировались условия и для второй социальной войны. На основании подворной переписи крестьянских хозяйств в 1910—1911 гг. П. С. Кабытов выделил в Симбирской губ. пять социальных групп (по величине посева): пролетарские, полупролетарские, мелкотоварные, середняцкие и кулацкие (с. 162). Думается, что нет причин рассматривать мелкотоварные хозяйства отдельно от середняцких. В Поволжье в этот период

выделялись следующие пять групп хозяйств: пролетарские, полупролетарские, середняцкие (они же и мелкотоварные), зажиточные крестьянские (товарные, эпизодически применявшие наемный труд), капиталистические (с постоянным применением наемного труда). Кстати, наличие последних двух групп автор фактически признает.

В книге показано, что обострение кризисных явлений в сельском хозяйстве в годы первой мировой войны ускорило созревание здесь материальных предпосылок для социалистической революции.

Рассматриваемая работа восполняет некоторые пробелы в изучении сельского хозяйства Поволжья за период империализма. Она послужит хорошей базой для дальнейшего исследования аграрных отношений в регионе. В частности, ждут еще решения такие вопросы, как влияние монополистического капитала на развитие сельскохозяйственного производства, уровень товарности разных типов хозяйств и выделение самих этих типов по комплексу признаков.

Н. Л. Клейн

Д. И. ИСМАИЛ-ЗАДЕ. *Русское крестьянство в Закавказье. 30-е годы XIX — начало XX в.* М. Наука. 1982. 311 с.

Переселение русских крестьян на окраины бывшей Российской империи в эпоху капитализма стало специально и систематически изучаться только в послевоенные годы. Ныне имеются исследования и публикации документов по истории переселения крестьян в Сибирь, на Дальний Восток, в Среднюю Азию и Казахстан. Что же касается миграции на Кавказ, то историки до сих пор занимались лишь степным Предкавказьем и Северным Кавказом либо сосредоточивали внимание на какой-нибудь части Закавказья или ограниченном аспекте проблемы¹.

Монография старшего научного сотрудника Института истории СССР АН СССР, кандидата исторических наук Д. И. Исмаил-заде — первое исследование, охватывающее историю русских переселенцев в Закавказье с 30-х годов XIX до начала XX в., т. е. от начала переселения до Великого Октября. Автор всесторонне рассматривает жизнь русского крестьянства, его созидательную, хозяйственную деятельность в Закавказье.

В теоретическом плане массовое переселенческое движение связано как с проблемой зарождения капиталистических отношений в Закавказье, так и с вопросами распространения капитализма вширь. Очевидна и политическая актуальность темы. Сов-

ременная буржуазная литература (К. Максей, Н. Рязановский, Л. Снайдер, Б. Желавич, Д. Ирвинг, Д. Филдхауз и др.) стремится исказить историю народов нашей страны, фальсифицирует их взаимоотношения, роль русского народа в их хозяйственно-культурном и политическом развитии². Монография содержит материал, дающий основу для аргументированных выводов и оценок, противостоящих построениям современной буржуазной историографии.

Д. И. Исмаил-заде вводит в научный оборот систематизированные и проанализированные данные как о самом процессе переселения, так и о политике царизма в этом вопросе. В книге опубликованы составленные автором по архивным источникам карты-схемы русских поселений в 30-е годы XIX в.—1916 г. с указанием численности жителей по периодам, а также о хозяйственном освоении Мугани русскими переселенцами в начале XX в. (с. 263). Интересны и многочисленные демографические таблицы, составленные Д. И. Исмаил-заде по публикациям источников, в том числе по материалам камерального описания, проведенного на Кавказе в 1873 году. Таблицы содержат данные по губерниям о распределении и численности русского населения

¹ Айтян А. Х. Русские переселенцы в Восточной Армении (40-е годы XIX в.—1921 г.). Автореф. канд. дисс. Ереван. 1975; Оруджев Г. А. К истории образования русских поселений в Азербайджане.— Известия АН АзССР, история, философия и право, 1969, № 2.

² Macksey K. The Partisans of Europe in World War II. Lnd. 1975, p. 210; Riasanovsky N. A History of Russia. N. Y. 1977, p. 582; Snyder L. Encyclopedia of the Third Reich. Lnd. 1976; Jelavic B. St. Petersburg and Moscow. Tsarist and Soviet Foreign Policy. 1814—1974. Bloomington. Lnd. 1974; Irving D. Hitler's War. N. Y. 1977; Fildhouse D. Colonialism 1870—1945. Lnd. 1981, pp. 103—106.

всего Кавказского края (на 1873 г.), русского населения собственно Закавказья (по посемейным спискам 1886 г.). В приложениях помещен список русских поселений в Закавказье в 30-е годы XIX — начале XX в. (с. 289—304). Этот материал полезен для решения вопросов гораздо более широких, чем те, которые специально рассматриваются в монографии, причем для всего Кавказского региона.

Ленинская концепция распространения капитализма в пореформенный период, как известно, является результатом исследования процесса освоения окраин России, в том числе Кавказа. В. И. Ленин указывал на необходимость специального изучения истории колонизации окраин с точки зрения распространения капитализма вширь. Касаясь непосредственно Кавказа, Ленин указывал: «Еще более приложимо это понятие колонии к другим окраинам, например, к Кавказу. Экономическое «завоевание» его Россией совершилось гораздо позднее, чем политическое». В качестве одной из черт освоения Кавказа он отмечал приток туда колонистов: «В пореформенную эпоху происходила... сильная колонизация Кавказа, широкая распашка земли колонистами (особенно в Северном Кавказе)»³. На основе ленинской концепции о двух сторонах процесса образования рынка для капитализма (развитии его «вглубь» и «вширь») автор поставил задачи по изучению роли трудящегося крестьянства в хозяйственном освоении территорий Закавказья, связи переселений с аграрным строем России в целом, по определению характера аграрно-капиталистической эволюции на осваиваемых территориях, исследованию переселенческой политики царского правительства на Северном Кавказе и в Закавказье.

Анализируя переселенческую политику самодержавия, Д. И. Исмаил-заде выявляет особенности ее кавказского направления. При этом, что весьма важно, прослежена связь переселенческого движения в Закавказье с аналогичными процессами в масштабе всей России, намечены и определенные этапы переселения. Впервые в литературе автор выявляет динамику численности русских крестьян в Закавказье, а также роль переселенцев в процессе формирования многонационального населения края, рассматривает сложное переплетение аграр-

ных и межнациональных отношений, аграрную политику царизма в Закавказье, положение местного крестьянства. Всесторонне изучив земельное положение коренного и русского крестьянства, Д. И. Исмаил-заде раскрывает колонизаторские методы царской администрации, регулировавшей размещение русского крестьянства на Северном Кавказе и в Закавказье. Автор доказывает, что такие методы в равной степени отрицательно сказывались на земельном положении как коренного, так и русского крестьянства, что «трудовое крестьянство — как русское, так и местное — продолжало оставаться объектом угнетения со стороны помещичье-крепостнического государства, вопреки антинародной колонизаторской политике вступая во взаимные хозяйственные контакты, объединяясь в единый фронт социальной борьбы» (с. 207—208).

Всесторонний охват проблемы — бесспорное достоинство рецензируемой монографии. Однако стремление не упустить сколько-нибудь значительных фактов и событий временами оборачивается излишней описательностью, особенно в III и V главах, подавляющих обилием содержащихся в них сведений и особенно цифровым материалом. Представляется преувеличенным утверждение, что во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг. большая часть мусульманского населения ушла в Турцию и Иран (с. 33). Имеющиеся в литературе данные по этому вопросу, используемые в книге, очевидно, не учитывают того, что ориентация на Россию усиливалась в первой трети XIX в. не только среди населения, исповадовавшего христианство, но и среди мусульман Закавказья. Это относится именно к периоду русско-иранской войны 1826—1828 гг. и русско-турецкой войны 1828—1829 годов.

За рамками исследования оказались военно-политические аспекты проблемы. Повидимому, следовало рассмотреть и вопросы привлечения русского населения Закавказья к несению воинской повинности, участия его представителей в войнах России в рассматриваемый период, провести дифференцированный анализ подхода царского правительства к русскому населению Закавказья в решении военных и военно-административных вопросов на различных этапах переселения.

Работа Д. И. Исмаил-заде, написанная с глубоким знанием дела, является серьез-

³ Ленин В. И. ПСС. Т. 3, с. 593—596.

ным исследованием и дает толчок дальнейшему изучению сложных вопросов истории национальных и аграрных отношений в до-революционной России. А это важная составная часть исследования процесса созрева-

вания предпосылок победы Великого Октября, истории братства трудящихся русского и других народов нашей страны.

Хаджи Мурат Ибрагимбейли

А. М. СТАНИСЛАВСКАЯ. Политическая деятельность Ф. Ф. Ушакова в Греции. 1798—1800 гг. М. Наука. 1983. 302 с.

В своей новой работе старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР доктор исторических наук А. М. Станиславская продолжает начатое ею более 20 лет назад¹ исследование русской внешней политики и международных отношений конца XVIII — начала XIX в. в Восточном Средиземноморье. Как и в предыдущей работе², в центре внимания автора — политика России и Греции, на этот раз на кратком этапе 1798—1800 гг., и показана она через деятельность выдающегося русского флотоводца адмирала Ф. Ф. Ушакова.

Исследование основано на расширенной по сравнению с предшествующей литературой источниковой базе и значительно изменяет наши представления о Ф. Ф. Ушакове, характеризуя его не только как флотоводца (что обстоятельно описано Е. В. Тарле, А. И. Андрущенко и др.), но и как крупного политического деятеля умеренно-либерального направления, одного из представителей «курса на приспособление к послереволюционным отношениям в Европе» (с. 10). При этом автору удалось отчасти преодолеть ту схему, согласно которой царизм всегда и везде был чудовищем, слуги же его на местах являлись людьми прогрессивными, причем эта прогрессивность возрастала как бы в прямой зависимости от географической удаленности места их деятельности от Петербурга.

А. М. Станиславская показывает, что Ушаков не был исключением во внешней политике России конца XVIII — начала XIX в., когда осуществлял на практике свою «конституционную дипломатию» на Ионическом архипелаге. Подобным образом (хотя, может быть, и не столь заметно) действовали отдельные русские дипломаты

и политики на Балканах, в итальянских и германских княжествах, в Финляндии и Бессарабии вплоть до европейских революций 20-х годов XIX века.

Детально рассматривая частный эпизод русской военной политики в удаленном от России регионе Южной Европы, автор решает более общую и сложную проблему двух методов во внешней политике царизма — сочетание либеральных (приспособление) и реакционных (военная интервенция) методов. Для понимания обоих методов особенно интересна пятая, ключевая глава книги. Автор показывает напряженную, полную драматизма борьбу вокруг указанных двух методов в русских военных и дипломатических сферах на Балканах, используя оригинальную и не лишенную художественной образности форму — изображение столкновения двух личностей, двух высокопоставленных деятелей царской России: военного — адмирала Ф. Ф. Ушакова и дипломата — посланника в Константинополе В. С. Томары (при этом, правда, Ушаков выписан как личность гораздо более ярко).

Оба отстаивают интересы укрепления военно-политических позиций царизма в Восточном Средиземноморье, видят главного врага в консульской Франции Бонапарта. И тот и другой понимают, что в борьбе против нее необходима опора на местное население, но оба озабочены проблемой антифеодальных и национально-освободительных выступлений христианского населения Балкан. В вопросе же о том, на кого опираться, Томара и Ушаков резко расходились. Первый считал, что следует опираться на потомственное дворянство, церковь, традиции, а второй полагал, что, может быть, в Греции необходимо привлечь на свою сторону прежде всего буржуазию и поэтому надо расширить ее политические права. Но тогда «ионическим грекам нужна конституция, и такая, которая успокоит, примирит особенно обострившиеся при французах

¹ Станиславская А. М. Русско-английские отношения и проблемы Средиземноморья (1798—1807 гг.). М. 1962.

² Станиславская А. М. Россия и Греция в конце XVIII — начале XIX в. Политика России в Ионической республике. 1798—1807 гг. М. 1976.

противоречия, предостережет революционную вспышку» (с. 268).

Очень ценно, что А. М. Станиславская показывает и линию Ушакова и линию Томары не изолированно, не как усилия одиночек, движимых самолюбием и личной неприязнью, а в контексте борьбы, развернувшейся не только на Ионических островах, но и шире — в дворянском общественном мнении Европы и России. В 1800 г. верх взял Томара: либеральная конституция Ушакова 1799 г. (Временный план) не была принята, а республике была навязана аристократическая конституция венецианского образца. Но автор подчеркивает, что исторически Ушаков оказался прозорливее: когда в Ионическом архипелаге вновь появилась русская эскадра, ушаковские принципы возобладали в разработанной русскими представителями конституции 1803 года.

Тема политической деятельности Ушакова — главная в книге, но есть еще одна проблема, которую автор впервые в советской историографии столь подробно осветил, — это методы господства термидорианской Франции и Бонапарта на завоеванных территориях. До сих пор эта проблема рассматривалась в советской литературе лишь применительно к Северной Италии, Египту и Сирии (в монографии «Наполеон Бонапарт» А. З. Манфреда). А. М. Станиславская детально исследует кратковременное пребывание французов на Ионических островах. Отмечая гибкость их методов, стремление опираться на средние слои, прогрессивность ряда мероприятий французской военной администрации (ограничение политических прав аристократии, отмена феодальных повинностей крестьян, ограничение произвола ростовщиков, открытие начальных школ, типографий, библиотек, преподавание на новогреческом языке и др.), она все же указывает, что французы не нарушили традиционной социальной структуры ионического общества, сложившейся при 300-летнем господстве венецианцев, и не допустили «третье сословие» к земле и власти.

Пропагандируя лозунг «Свобода, равенство и братство!», первый консул, как это показала А. М. Станиславская на основе его переписки по ионическому вопросу, хотел фактически превратить архипелаг в тыловую базу для снабжения своей армии в Египте. В итоге, подчеркивает автор (ссылаясь также на мнение современных греческих историков), вскоре наступило разочарование. Крестьяне начали выступать про-

тив французов, оживилась реакционная оппозиция нобилитета и клира, и приход войск Ушакова на острова большинством населения был воспринят как избавление от иноземного управления и надежда на национальное возрождение.

Не все в равной мере удалось автору в интересной и насыщенной фактическим материалом работе. На существенный вопрос — как расценивали политику приспособления к послереволюционным условиям Екатерина II и Павел I — в работе нет отчетливого ответа. Правда, автор, опираясь на новейшие советские и зарубежные исследования³, в значительной степени отходит от традиционных представлений о Павле I как о всего лишь помещике-самодуре, страдавшем отклонениями психики, и видит в его коротком правлении реальные попытки перестроить внутреннее управление в России (поправить финансы, наказать казнокрадов, укрепить дисциплину в армии и полиции и т. д.). Отмечает А. М. Станиславская и преемственность внешнеполитической линии Екатерины II и Павла I: «Безразлично, кто будет царствовать во Франции (т. е. Бурбоны или Бонапарты.— В. С.), лишь бы правление было монархическое», — говорил Павел I (с. 287). Но на этом она и останавливается, избегая более определенной авторской характеристики: у обоих монархов на этот счет были лишь «смутные угадывания» (с. 287).

В другом месте, характеризуя весьма важную для понимания политики даризма записку Екатерины II «О мерах к восстановлению во Франции королевского правительства» (1792 г.), автор повторяет: у нее были «лишь неопределенные аморфные зачатки идеи приспособления к новому положению вещей» (с. 6). К сожалению, в оценке этой программной декларации А. М. Станиславская, видимо, приняла точку зрения К. Е. Джеджулы, увидевшего в записке Екатерины II (из-за использования очень неточного перевода в «Русском архиве») лишь обычный продукт ультрароялистской пропаганды⁴. На деле же все обстояло, скорее, наоборот — именно здесь изложены основные принципы политики приспособления: привлечение на сторону

³ Эйдельман Н. Я. Грань веков. М. 1982; Paul I: A Reassessment of his Life and Reign Pittsborough. 1979.

⁴ Критику этого мнения К. Е. Джеджулы см.: Нарочницкий А. Л. Россия и наполеоновские войны за господство над Европой. — Вопросы истории, 1979, № 4, с. 68.

антифранцузских коалиций буржуазии и верхушки крестьянства путем сохранения за ними земли и другой собственности и допущения этих «новых собственников» к политической власти через парламент⁵. По сути, эту же программу выполнял и Ушаков, и вряд ли кто-либо из сановников и военачальников даже либерального толка осмелился бы на такую акцию, как разработка и применение прогрессивной конституции, не имея на это санкции царя, что, впрочем, признает и автор: Павла I «не миновало — хотя бы отчасти — сознание совершившихся перемен» (с. 287).

⁵ Те же идеи были затем развиты «молодыми друзьями» Александра I в англо-русской конвенции 1805 г. «О мерах к установлению мира в Европе», в рекомендациях русских дипломатов эмигрантам-роялистам в 1807 г. и, наконец, отразились в политике России 1813—1815 гг. по отношению к Бурбонам (подробнее см.: Сироткин В. Г. Великая французская буржуазная революция, Наполеон и самодержавная Россия.— История СССР, 1981, № 5).

Встречаются в книге некоторые фактические неточности. Вряд ли период 1798—1807 гг. можно определять как единый «период войны с Францией» (с. 3). Здесь было несколько войн, перемежавшихся мирными передышками, в 1801—1804 гг. Россия и Франция находились даже в состоянии юридически оформленного мира. Выпадают из общего стиля книги такие неологизмы, как «крупнобуржуазная Французская республика» (с. 29), «реактивно» (с. 30 — о влиянии революции на Европу), «умнейшая монархия» (с. 6) и др.

В целом же А. М. Станиславской удалось создать оригинальное исследование, значительно расширяющее наше представление о практических результатах приспособления внешней политики царизма к развитию капитализма и условиям, возникшим в Европе после Французской буржуазной революции конца XVIII века.

В. Г. Сироткин

Развитие этнического самосознания славянских народов в эпоху раннего средневековья. М. Наука. 1982. 357 с..*

В современных условиях наблюдается повсеместный рост этнического, национального самосознания. В мире социализма это явление теснейшим образом связано с экономическим, социальным и культурным прогрессом наций, вызывающим у каждой из них законную национальную гордость. Если при этом учесть, что важнейшим компонентом этнического, национального самосознания каждого народа является представление об общности исторического прошлого, то станет понятным, почему ныне столь острый интерес вызывают проблемы этнической истории народов.

Относящиеся в своем большинстве к далекому прошлому, эти проблемы весьма сложны. Будучи связанными с различными аспектами жизни общества, они в извест-

ном смысле дуалистичны, проявляясь не только в объективных свойствах народов, но и в их самосознании. Между тем при изучении проблем этногенеза обычно основное внимание уделяется анализу объективных свойств формирующихся народов, прежде всего опредмеченных в культуре. Процессы же возникновения их этнического самосознания остаются в тени. Но такое — неперемный компонент каждого этноса. Не случайно, когда с целью разработки этногенетической проблематики исследуются только опредмеченные формы культуры, вопрос о ее этнической принадлежности нередко оказывается открытым.

Этим во многом определяется значимость изучения становления у народов мира их этнического самосознания, представляющего собой своеобразную результативную этногенетических процессов. К тому же следует учитывать, что большинство западных ученых данную проблематику вообще не считает научной: поскольку не было наций (это — явление нового времени), утверждают они, постольку не было и этнического самосознания (любого уровня); было лишь религиозное единство и сознание государственной принадлежности, подданства.

* Авторский коллектив: Л. А. Гиндин, В. В. Иванов, Я. Д. Исаевич, [В. Д. Королук], Г. Г. Литаврин, Е. П. Наумов, В. Э. Орел, А. И. Рогов, Г. Э. Санчук, Н. И. Толстой, Б. Н. Флоря. Редакция: Л. В. Заборовский (отв. секретарь), В. В. Иванов, [В. Д. Королук] (отв. редактор), Г. Г. Литаврин (зам. отв. редактора), Н. И. Толстой, Б. Н. Флоря.

В свете всего сказанного не может не привлечь внимания первый в отечественном славяноведении опыт историко-сравнительного изучения одной из центральных проблем древнейшей этнической истории славян — становления и развития их этнического самосознания в эпоху раннего средневековья.

Поскольку основным источником для решения этой проблемы являются свидетельства письменных памятников, созданный для ее разработки авторский коллектив состоял преимущественно из историков. Вместе с тем в его состав вошли и лингвисты; в работе широко используются данные этнолингвистики, топонимики (особенно микротопонимики), гидронимии, а также археологии (в первую очередь материалы о жилище, культе, ритуале захоронений). В этом смысле работа, по существу, имеет комплексный характер.

Авторы поставили перед собой задачу установить, какие формы самосознания существовали у отдельных групп славянского населения (и славянской общности в целом) в период, предшествовавший образованию народности, выявить их постепенную трансформацию, определить время появления иных форм самосознания, характерных для раннефеодальной народности, выделить специфику этих форм самосознания и их отличие от форм более ранних и, наконец, установить их место в общей иерархии этнических представлений. Исходя при этом из современной теории этнических общностей, считающей не только народность, но и племя этносоциальным организмом, авторы рассматривают собственно этнические процессы не изолированно, а в неразрывной связи с ходом социально-экономического и социально-политического развития славянского общества в эпоху раннего средневековья.

Монографию открывает характеристика древней славянской этнической общности, а также ранних этноязыковых контактов славян на Балканах. Далее в отдельных главах исследуется становление этнического самосознания таких славянских раннефеодальных народностей, как болгарская, великоморавская, чешская, сербская, хорватская, древнерусская, польская и особенно этнического самосознания полабских славян. Проблемы становления этнического самосознания таких славянских народностей, как русская, украинская и белорусская, а также словенская, словацкая и боснийская, в работе не рассматриваются. Это

объясняется тем, что у одних из этих народов данные процессы протекали в более поздний период, на этапе развитого феодализма, для изучения же их у других нет достаточного количества письменных источников.

Хронологические рамки исследования неодинаковы во всех главах, так как анализируемый процесс развивался в отдельных частях славянского мира различными темпами. Как правило, авторы глав заканчивают свое изложение в тот момент, когда уже можно с определенностью, по их мнению, констатировать или появление этнического самосознания раннефеодальной народности с достаточной отчетливостью или разрыв в этом процессе, связанный с воздействием неблагоприятных условий.

Лингвистические разделы работы посвящены проблемам воздействия на южных славян балканского субстрата (в его языковом аспекте), важного для определения специфики в развитии этой части славян, эволюции языка славянского ареала в рассматриваемую эпоху в сопоставлении с его этническим развитием, влияния на этнические представления славян и этнические процессы в славянском мире существования единого (для ряда народностей) древнеславянского литературного языка и особой славянской письменности.

Важнейшая часть монографии — ее заключение, в котором не просто суммируются основные выводы, а предпринимается попытка осмысления в целом процесса становления этнического самосознания у славянских народов в раннее средневековье. В результате выделено три этапа развития этнического самосознания: самосознание эпохи существования слабо дифференцированной и занимавшей сравнительно ограниченную территорию славянской общности (этот этап устанавливается гипотетически), самосознание в период интенсивной этносоциальной и этнокультурной дифференциации славянской общности и образования военно-территориальных племенных союзов и, наконец, самосознание в период образования раннефеодальных государств и возникновения отдельных славянских народностей.

Особенно внимательно и всесторонне рассмотрен авторами третий этап — этап становления качественно нового уровня самосознания — народностного, т. е. этнического самосознания раннефеодальной народности. Утверждение сознания принадлежности к особой народности сопровожда-

лось, как специально отмечается в ряде разделов монографии, распадом и исчезновением старых форм племенного и союзно-племенного самосознания, на смену которому приходило сознание территориально-государственной принадлежности, порой не связанное с какими-либо этническими представлениями. Этот процесс распространялся на все население, затронув сознание практически всех социальных слоев. Как полагают авторы, не у всех славянских народов к началу XII в. процесс оформления народностного самосознания получил свое завершение.

Сохранившиеся источники позволяют исследовать этническое самосознание прежде всего определенных слоев господствующего класса, которое в целом ряде отношений могло отличаться от самосознания других, более широких социальных слоев. Авторы выделяют такие характерные для него черты, как представление о тесной связи этноса-народности с определенной территорией и государством, с наличием характерных для данного государства законов и обычаев. Прослеживаемая и здесь связь между государством и народностью проявлялась в развитии культа «святых патронов» — покровителей одновременно и народа и «земли», т. е. государства. Вопреки высказывавшемуся подчас исследователями (в особенности западнославянскими) мнению, что в период раннего средневековья народ отождествлялся только с господствующим классом, авторы констатируют, что в представлениях средневековых идеологов начала XII в. в состав народа включались представители самых разных социальных слоев.

Степень языковой дифференциации славян в период раннего средневековья была объективно весьма незначительна — один из наиболее существенных выводов монографии, сделанный одновременно историками и лингвистами. Соответственно в число компонентов самосознания славянских народностей еще не входило представление об особом языке каждой из них. В эпоху раннего средневековья сохранялось представление, что все славянские народы (именуемые уже особыми этнонимами) говорят тем не менее на одном, славянском, языке. В этом факте авторы видят определенное отличие этнического самосознания именно раннефеодальной народности. Впрочем, это характерно в еще большей мере для этносов бесклассовых обществ.

В целом в монографии ярко проявился

комплексный подход к исследуемой проблеме, который становится все более характерным для советского славяноведения. Привлекает внимание также широкое применение авторами современной теории этноса. Вместе с тем, поскольку многие используемые в работе этнические термины сравнительно недавно введены в научный обиход, было бы нелишне сделать по поводу некоторых из них дополнительные пояснения; в частности, следовало пояснить, употребляются ли понятия «этносоциальный организм» и «этнополитический организм» (см., например, с. 28) как синонимы или же между ними проводится разграничение содержательного характера. К тому же авторы дают повод для заключения, что они противопоставляют этносоциальные организмы и племена (с. 253). Между тем в другом месте они справедливо рассматривают племена в качестве одного из типов этносоциальных организмов (с. 7).

Как известно, этническое самосознание формируется в оппозиции «мы» — «они». И это обстоятельство не раз подчеркивается в работе (в частности, отмечается, что самосознание обычно более четко проявляется в зонах межэтнических контактов). И все же представляется, что авторам следовало уделить больше внимания тем этносам, с которыми в рассматриваемый период славянские народы непосредственно соприкасались. Общая этническая ситуация, в которой происходило формирование этнического самосознания исследуемых народностей, оказалась несколько обедненной. Жаль также, что, сосредоточив внимание на различных видах этносоциальных организмов, авторы практически оставили вне поля своего зрения этнические группы, представлявшие собой «осколки» славянских народов.

Характеризуя столь сложный феномен, каким является становление этнического самосознания, авторы, как правило, проявляют должную осторожность в своих заключениях (тем более необходимую, что во всех многих случаях они вынуждены опираться на весьма скудные и противоречивые свидетельства источников). И все же не все их выводы достаточно убедительны. Таким представляется утверждение, что «в ходе исторического развития потомки мораван утратили ...свой этноним» (с. 94). Ведь не исключено, что этноним «словене» («словаки»), которым ныне именуется славянское население современной территории бывшей Великоморавской державы, мог

восходить к эпохе ее существования; в пользу этого говорит не только большая устойчивость этнонимов, но и тот факт, что источники того времени при этнической характеристике жителей Великой Моравии называют их словенами.

Хотя авторы стремятся в проблемно-тематическом отношении ограничить свою задачу сферой этнического самосознания, они неизбежно оказываются вынужденными выходить за пределы этой сферы, нередко рассматривая многие другие аспекты происхождения отдельных славянских народов. Разумеется, от таких экскурсов нельзя требовать исчерпывающей полноты. Но все же подчас они представляются излишне односторонними. В частности, это относится к вопросу об основных этнических компонентах формирования болгарской народности. В соответствующей главе этот вопрос несколько упрощен, становление болгарской народности фактически сведено к симбиозу двух этносов — славян и прото-болгар (с. 50). Между тем был и третий важный этнический компонент этого процесса — фракийский. Как признает автор главы, «следы воздействия фракийской культуры на славян (в том числе на болгар) несомненны» (с. 53). Судя по всему, и антропологические материалы свидетельствуют в пользу того, что фракийскому

субстрату в формировании болгарского этноса принадлежала существенная роль.

Представляется достаточно очевидным, что эти замечания касаются остающихся дискуссионными вопросов весьма сложной проблемы происхождения славянских народов. В целом же — и это главное — рецензируемый труд поднял ее разработку на новую, гораздо более высокую как в методологическом, так и в конкретно-историческом отношении ступень. Монография показала, что вопреки все еще довольно распространенному представлению о возникновении народностей у славян чуть ли не сразу после их расселения, в действительности этот процесс отнюдь не был единовременным актом, а охватил значительный отрезок времени, протекая в разных регионах славянского мира весьма неравномерно. Привлекают также внимание идея двух видов иерархичности этнического самосознания (с. 8), классификация этнонимов (с. 256) и т. д.

Теперь важно распространить удачно начатое изучение этнического самосознания славянских народов на более поздние периоды их истории. Ведь соответствующие проблемы, оставаясь слабо разработанными, представляют огромный научный интерес.

Академик Ю. В. Бромлей

А. Ю. БОРИСОВ. СССР и США: союзники в годы войны. 1941—1945.
М. Международные отношения. 1983. 288 с.

Доцент Московского государственного института международных отношений МИД СССР, кандидат исторических наук А. Ю. Борисов посвятил свою книгу советско-американским отношениям в годы Великой Отечественной войны, когда, несмотря на различия общественных систем и идеологий, сложное переплетение специфических интересов двух стран, удавалось найти основу для сотрудничества в целях борьбы с общим врагом. Этот опыт, справедливо подчеркивает автор, «имеет не только большое историческое значение, но и полезен при анализе современных международных отношений, перспектив их развития» (с. 6).

Указанная тема всегда привлекала внимание советских историков, что нашло свое отражение в многочисленных трудах по истории второй мировой войны. А. Ю. Борисов сделал эту тему предметом специ-

ального монографического исследования. Он использовал широкий круг источников, среди которых важное место принадлежит материалам из Архива внешней политики СССР, документальным публикациям Министерства иностранных дел СССР и госдепартамента США.

Благодаря привлечению новых материалов А. Ю. Борисову удалось пролить дополнительный свет на такие малозвестные сюжеты, как предложение СССР в 1941 г. об урегулировании вопроса о получении в США займа в 500 млн. долл. путем поставок советского сырья (с. 58), американская нота от 13 ноября 1941 г., в которой, по существу, оправдывалось зверское обращение гитлеровцев с советскими военнопленными (с. 76), новые данные об откликах в США на победу Красной Армии под Москвой (с. 78—82), попытки Вашингтона «увязать» вопрос об

открытии второго фронта с признанием советской западной границы (с. 91), роль Советского Союза в облегчении участи американских военнопленных, захваченных Японией в ходе сражений в Азии (с. 124—125), и некоторые другие.

Автору удалось проследить по основным проблемам и этапам сложную историю советско-американских отношений в годы войны и дать аргументированный отпор буржуазным фальсификаторам, утверждающим, будто отношения между СССР и США в тот период доказывают невозможность длительного и устойчивого мирного сосуществования государств с различным социальным строем.

В исследовании проведен принцип историзма. Внешняя политика США в годы второй мировой войны рассматривается в широком историческом контексте: как в свете неудовлетворенности американского империализма итогами первой мировой войны и Версальско-Вашингтонской системой, так и с учетом его претензий на мировую гегемонию после второй мировой войны. В этой связи вполне оправдано то внимание, которое автор уделяет предвоенному периоду, участию США в политике «умиротворения» агрессоров.

В книге хорошо показана ответственность США за то, что были упущены реальные возможности советско-американского сотрудничества. За ширмой якобы пассивного выжидания и бездействия, подчеркивает автор, скрывались корыстные замыслы американских монополий, весьма активно стремившихся «попытаться разрешить все противоречия как межимпериалистические, так и классовые и сравнительно малой ценой обеспечить США руководящие позиции в мире» (с. 22).

В центре внимания автора находятся следующие основные вопросы: американские поставки в СССР, открытие второго фронта в Европе, вопросы послевоенного устройства мира. Автор — и это естественно — уделяет много места противоборству реалистических и авантюристических тенденций в политике США, характеристике политических деятелей, эти тенденции представляющих. Не обойдена вниманием и прогрессивная Америка, народ США, его сочувствие и поддержка героических усилий советского народа.

Говоря об американских поставках Советскому Союзу, автор отмечает, что, когда фашистская Германия напала на СССР, руководство США не торопилось с оказа-

нием помощи и реальной поддержки нашей стране. Более того, Советскому Союзу был даже назначен своего рода «испытательный срок» — выдержит ли он натиск фашистских орд до октября 1941 года. Посол СССР в США К. А. Уманский отмечал тенденцию в американских правящих кругах с самого начала использовать еще не предоставленную помощь Советскому Союзу «для проникновения в наши дела» (с. 52). Характерно, что американская сторона все время пыталась употребить контакты с СССР и обсуждение различных проблем для получения секретной информации, имеющей стратегическое значение (с. 130—132), насаждения своей разведывательной агентуры, в частности в Сибири и на Дальнем Востоке (с. 122—123).

Советская сторона, указывает автор, рассматривала американские военные поставки «не только с точки зрения их самостоятельной ценности, но в большей степени как первый шаг к налаживанию прочного военного и политического сотрудничества с Вашингтоном» (с. 50). В книге аргументированно разоблачаются измышления буржуазных историков, принижающих значение решающего вклада советского народа в разгром фашизма, утверждающих, будто американские поставки «спасли» СССР, на все лады превозносящих «благородство» и «великодушие» США, которые якобы даже не попытались воспользоваться «бедственным положением» СССР и не потребовали за свою помощь каких-либо уступок.

Рассматривая историю переговоров об открытии второго фронта, автор критикует американских буржуазных историков, до сих пор упорно утверждающих, что в затяжке открытия второго фронта тон-де задавали англичане. В монографии раскрыта неблагоприятная роль в этом вопросе США, которые предпочитали «оставаться в тени в делах сомнительного свойства» и сознательно выдвигали «на передний план» более прямолинейных англичан (с. 101). Советская дипломатия понимала смысл тактики западных союзников, «изменить которую могли лишь успехи советского оружия на фронте, подкрепленные неустанными дипломатическими усилиями» (с. 106).

Из материала, приведенного в книге, видно, что американское руководство упорно стремилось подменить вопрос об открытии второго фронта и ускорении разгрома фашистской Германии другими проблемами, среди которых особое место занимали вопрос о вступлении СССР в войну с Япо-

нией и проблемы послевоенного устройства. Правящие круги США были более всего озабочены главной целью: завоеванием мировой гегемонии. В 1943 г. президент говорил своему сыну, что цель США в том, чтобы «в конечном счете извлечь из нее (войны.— Р. К.) наибольшие выгоды», а не вести ее так, «чтобы кончить... возможно скорее» (с. 113).

Речь шла о глобальной экспансионистской программе США, нацеленной на передел мира в свою пользу за счет побежденных и ослабленных, в том числе и за счет своих союзников — старых колониальных держав. В книге подробно разобраны основные аспекты этой имперской программы — требование расчленения Германии, планы «международной опеки», создание нового баланса сил на Дальнем Востоке, реализация принципа «открытых дверей», «свободы торговли», «равных возможностей», использование в интересах США международной организации, которой отводилась роль центрального звена всей послевоенной стратегии США, средоточия «американского влияния в мире» (с. 118, 150). Эта программа наложила отпечаток и на характер отношений США с СССР.

Борьба в правящих кругах США по вопросам послевоенного устройства мира занимает в книге значительное место. В ней показано усиление накала этой борьбы по мере разгрома фашизма и складывания нового соотношения сил в мире. На позициях реализма, отмечает автор, стояла влиятельная часть правящего класса США, исходившая из необходимости сотрудничества с СССР (с. 170). Выразителем ее был Рузвельт, взгляды которого претерпели за годы войны значительную эволюцию в позитивном направлении. В рузвельтовском реализме, замечает автор, «классовые интересы не заслоняли объективной действительности» (с. 172). На противоположном полюсе находилась достаточно тесно сплоченная группа политиков, видевших свою цель в срыве линии на развитие советско-американского сотрудничества. Они усиленно распространяли миф о «советской угрозе», призывали к «твердости», «жесткой взаимности» в отношениях с СССР, использованию экономических рычагов давления на СССР для получения от него политических уступок. Уже во время второй мировой войны появился тезис, что подстегивание гонки вооружений может быть использовано в качестве орудия «ис-

тощения» советской экономики (с. 196—197).

В книге показано, что вопреки маневрам противников советско-американского сотрудничества возобладал все же реалистический подход, о чем свидетельствуют итоги Ялтинской и Потсдамской конференций. Этот вывод весьма существен, в частности, и в связи с тем, что советологи упорно продолжают называть Ялтинскую конференцию «новым Мюнхеном», означавшим «победу СССР» и «поражение США», и началом «холодной войны».

Автор специально рассматривает вопрос о повороте во внешней политике Вашингтона, особенно в отношениях с СССР, происшедшем после смерти Ф. Д. Рузвельта. Он подчеркивает, что этот поворот от сотрудничества к конфронтации с Советским Союзом был «запрограммирован» глубоко в недрах американского капитализма, поскольку «гибкая внешняя политика президента Рузвельта, сочетавшая в себе заботу об интересах американского капитализма с достаточно трезвой оценкой международной действительности, задолго до его кончины перестала удовлетворять наиболее реакционную часть правящего класса США» (с. 232). В этой связи автор возвращается к обстоятельствам избрания Г. Трумэна вице-президентом в 1944 г., когда Рузвельт под сильнейшим нажимом правого крыла демократической партии вынужден был отказаться от кандидатуры либерала Г. Уоллеса и согласиться с кандидатурой Г. Трумэна¹, тесно связанного с военными концернами. Последний если и был «серой лошадкой», то только для публики, а на самом деле «был выдвинут с дальним прицелом... Он как нельзя лучше устраивал тех, кто вынашивал планы мировой послевоенной экспансии» (с. 230).

Разумеется, рассматриваемая книга не могла, да и не претендует на то, чтобы осветить все аспекты советско-американских отношений. Но она, как нам представляется, не только удачно обобщила и систематизировала итоги изучения этой многоплановой и обширной проблемы, но и наметила пути дальнейшей ее разработки. К первостепенным и, пожалуй, наиболее актуальным вопросам относится вопрос о влиянии сдвигов в соотношении мировых сил на позиции различных группировок правящих кругов США и в целом на их внешнеполи-

¹ М а н ы к и н А. С. История двухпартийной системы США. М. 1981, с. 189.

тический курс. Нам думается, что именно изменение соотношения сил в мире имело решающее значение для развития советско-американских отношений.

Необходимо также сделать глубокие выводы из того обстоятельства, что США и в довоенный период и во время войны настойчиво старались втянуть СССР в войну с Японией еще до завершения разгрома фашистской Германии. В книге А. Ю. Борисова содержится много материала по этому вопросу (с. 14, 16, 17, 69, 70—72, 119, 123—124, 146, 164—165, 250 и др.). Приведенные автором факты свидетельствуют о том, что американские дипломаты рассматривали эту задачу как главную. Затягивая открытие второго фронта, правящие круги США подталкивали СССР к вступлению в войну с Японией, имея в виду при этом не только ускорить разгром своего конкурента, но и заставить СССР принять на себя основную тяжесть войны с Японией, а одновременно отвлечь значительные силы с Восточного фронта в Европе и тем самым ослабить «натиск русских» на заключительном этапе войны и создать бла-

гоприятные условия для продвижения англо-американских войск в Европе дальше на восток. Вступление СССР в войну с Японией явилось примером честного отношения к союзническому долгу.

Ждет разработки и весь комплекс вопросов, относящихся к советско-американским отношениям, из которых главные получили столь удачное освещение в рецензируемой книге. Речь идет, в частности, о влиянии этих отношений на отношения США с другими европейскими странами².

Книга А. Ю. Борисова очень своевременна. Она напоминает об исторической ответственности правящих кругов США за то, что были «упущены реальные возможности осуществления надежд народов на прочный послевоенный мир» (с. 266). Ее содержание вновь подтверждает, что сотрудничество СССР и США возможно и плодотворно, если оно строится на справедливой, равноправной основе.

Р. Е. Кантор

² См., напр., Севостьянов Г. Н., Уткин А. И. США и Франция в годы войны 1939—1945. М. 1974.

А. Б. ЛЕТНЕВ. *Общественная мысль в Западной Африке, 1918—1939.* М. Наука. 1983. 280 с.

Период между двумя мировыми войнами в истории Тропической и Южной Африки, когда открытые антиколониальные выступления были сравнительно редки, долгое время оставался вне поля зрения советских исследователей. Только недавно они приступили к его углубленному изучению, стремясь раскрыть процессы вызревания новых социальных отношений и становления новых форм общественного сознания у народов этого региона. Хотя отсутствие и труднодоступность источников делают эту тему одной из самых сложных, наши африканисты уделяют ей довольно большое внимание вот уже на протяжении полутора десятилетий.

Начало изучению общественной мысли Тропической и Южной Африки положил один из основоположников советской африканистики И. И. Потехин¹. Советские ученые исследовали различные формы духовной деколонизации африканских народов и

развитие прогрессивной идеологии в Африке², зарождение интеллигенции и становление общественной мысли в английских колониях Западной Африки³, охарактеризовали широкий диапазон идейных течений в Африке, религиозные формы общественного сознания⁴, идейные искания интеллигенции французских колоний в Африке (наибольшее внимание привлек при этом негритюд)⁵.

² Давидсон А. Б. Южная Африка. Становление сил протеста. 1870—1924. М. 1972.

³ Френкель М. Ю. Общественная мысль британской Западной Африки во второй половине XIX в. М. 1977; Ерасов Б. С. Тропическая Африка. Идеология и проблемы культуры. М. 1972; его же. Социально-культурные традиции и общественное сознание в развивающихся странах Азии и Африки. М. 1982; и др.

⁴ Шаревская Б. И. К вопросу о типологии антиколониальных религиозно-политических движений в Тропической Африке. — Народы Азии и Африки, 1974, № 4.

⁵ Потехина Г. И. Очерки современной литературы Западной Африки. М. 1968; Мо-

¹ Потехин И. И. Африка смотрит в будущее. М. 1960; и др.

Оба эти направления африканистики: и изучение проблем межвоенного периода и исследование общественной мысли африканских народов нашли отражение в книге заведующего сектором новой и новейшей истории Института Африки АН СССР кандидата исторических наук А. Б. Летнева. В его работе раскрывается широкий диапазон взглядов, убеждений, духовных исканий интеллигенции французских колоний Западной Африки — от проколониальных до радикальных. В этом одно из главных достоинств работы. Ведь до сих пор изучение общественной мысли в африканских странах сосредоточивалось в основном на ее антиколониальных направлениях. Такой подход был, конечно, не только оправдан, но и необходим, поскольку именно эти течения общественной мысли меньше всего изучались и больше всего искажались проколониальной буржуазной историографией.

Однако роль и значение антиколониальных идейных течений невозможно верно представить вне контекста всей общественной мысли. Для Западной Африки это особенно справедливо: в отличие от многих колоний восточной и южной частей континента, где общественное сознание африканцев было буквально пронизано антиколониализмом, в Западной Африке были развиты и довольно широко распространены идейные течения, не носившие антиколониального характера. Автор подробно анализирует религиозные направления общественной мысли, различные формы идейного компромисса африканской интеллигенции с колониальными кругами, проассимиляторство, проколониализм и т. д. И именно этот анализ позволяет понять глубину самобытности национально-демократических взглядов таких представителей передовой общественной мысли, как дагомейцы Т. Уэну и Л. Ункарэн, прогрессивность раннего негритюда, значимость первых контактов национально-освободительного движения с французскими коммунистами.

Исследование всего многообразия идейных течений в среде африканской интеллигенции западноафриканских французских колоний — чрезвычайно трудная задача.

с е й к о А. Н. Негритюд и современная философско-эстетическая и теоретико-литературная борьба в странах Тропической Африки. В кн.: Теории, школы, концепции (критические анализы). Художественный процесс и идеологическая борьба. М. 1975; Голден Л. Негритюд, африканите... и жизнь. — Иностранная литература, 1979, № 1.

Многие термины, используемые обычно при характеристике идейной борьбы в развитых капиталистических странах («буржуазный национализм», «мелкобуржуазный радикализм», «социал-реформизм» и т. д.), становятся в какой-то мере условными применительно к колониальному обществу 20—30-х годов с его неоднородной социальной структурой и еще не сформировавшимися классами буржуазного общества. Кроме того, некоторые неологизмы, появившиеся в работах о развивающихся странах («добуржуазный национализм», «феодалный национализм» и т. д.), кажутся порой искусственными. А. Б. Летневу удалось добиться того, что его определения и термины не превратились в застывшие ярлыки, утратившие связь с сутью исследуемого явления. Достигается это тем, что каждое из этих явлений анализируется поэтапно, в конкретной исторической обстановке.

Судьбы дианизма⁶, например, прослежены в монографии на протяжении почти трех десятилетий, и оценка его в разные периоды далеко не однозначна: читатель получает полное представление как о вкладе этого движения в идеологию антиколониализма (с. 43—47), так и о его эволюции к соглашательству. То же и с негритюдом. Подчеркнув антиассимиляторскую (а значит, в какой-то мере и антиколониальную) сущность раннего негритюда (с. 172, 228), справедливо отметив, что «идейное сплочение под знаменем негритюда было ответом не только на расизм доморожденных французских реакционеров, но и на официальную человеконенавистническую идеологию «третьего рейха» (с. 180), автор в то же время характеризует и его реакционную сущность, проявившуюся уже в 30-е годы (с. 229—230). Тем самым читатель подводится к мысли о преемственности между «проассимиляционистом» Б. Дианем и «антиассимиляционистом» Л. Сенгором в их роли союзников французской буржуазии (с. 240—241). Именно историзм исследования придает убедительность типологии основных направлений общественной мысли, предложенной автором (с. 237), делает ее ценным методическим инструментом при исследовании сходных явлений.

Рецензируемая монография — одна из немногих в советской африканистике, пост-

⁶ Блез Диань (1872—1934 гг.) — наиболее яркий представитель буржуазно-националистического течения в западноафриканской общественной мысли.

роенных полностью на архивных материалах и первоисточниках, среди которых не только правительственные документы, материалы общественных организаций, рукописи и письма общественных деятелей, но также и списки западноафриканских подписчиков некоторых газет, издававшихся африканцами в Париже, в частности, «*Raïa*»⁷. Благодаря хорошей документированности работы история идей в ней неразрывно связана с историей конкретных людей, что, к сожалению, до сих пор еще является редкостью в африканистике. Перед читателем проходят десятки характеров и судеб, давая ему возможность почувствовать живую реальность исследуемой эпохи. Столь же конкретно показано влияние коммунистических идей на развитие и ход национально-освободительного движения во французских колониях Западной Африки. Богатство источниковой базы позволяет автору найти новые аспекты, казалось бы, хорошо изученных тем. Таков подробный анализ идейных истоков негритюда (с. 169—181). А. Б. Летневу удалось открыть и совершенно новые, неисследованные аспекты темы — это прежде всего характеристика взглядов молодого поколения интеллигенции, которому предстояло внести свою лепту в антиколониальную борьбу после второй мировой войны.

Вместе с тем деление небольшого периода (20 лет), исследуемого автором, на пять подпериодов создает впечатление излишней дробности. О диализме А. Б. Летнев рассказывает в четырех из пяти глав работы. О негритюде — в трех, причем раздел «Политический дебют негритюда» фактически посвящен одной, хотя и, несомненно, важной, лекции Л. Сенгора. Два раздела об Л. Унканрэне разделены между со-

бой почти 100 страницами. Такая дробность осложняет восприятие материала. Жаль, что, уделив столь большое внимание связям, взаимодействию и взаимовлиянию общественной мысли французских колоний и метрополии, автор почти не сопоставил характер и специфику общественного сознания во французских и соседних английских колониях.

Представляется также, что название монографии — «Общественная мысль в Западной Африке» — не вполне соответствует ее содержанию, поскольку в ней исследуется общественная мысль только французских колоний, расположенных в этом регионе. Термин «субрегион» вряд ли применим в данном случае, поскольку эта группа колоний представляла собой политическое, а не географическое единство. В монографии охарактеризованы духовные искания африканской интеллигенции французских колоний Западной Африки. За пределами исследования осталась важнейшая проблема: массовое сознание африканских обществ этих колоний и соотношение его с идейными течениями в среде образованной элиты. На нынешнем уровне развития африканистики, в том числе и в странах Западной Африки, анализировать массовое сознание, особенно в межвоенный период, трудно. Для этого необходимо привлечь местные архивы, устную традицию и воспоминания очевидцев, так что пока изучение этой проблемы — задача завтрашнего дня. Однако первые подходы к ней уже сейчас помогли бы представить идеологию африканской интеллигенции в широком контексте среды, из которой эта идеология вырастала.

Высокий идейно-творческий уровень монографии, обилие конкретного материала делают ее важным достижением советской африканистики. В дальнейшем автору следовало бы продолжить исследование темы: расширить его хронологические рамки, привлечь новые источники, число которых резко увеличивается для периода после второй мировой войны. Важно было бы также изучить историю общественной мысли в отдельных странах, чтобы проследить как преемственность, так и истоки нового в ее развитии.

И. И. Филатов

⁷ Автором использованы, напр., материалы: Archives Nationales (Sénégal). Fonds Afrique Occidentale Française (AOF) (modern), 17G/56—75; Institut Fondamental d'Afrique Noire (IFAN) (Dakar). Bibliothèque. La manuscrits des anciens de W. Ponty; Archives Nationales (Bénin); Archives Nationales (France). Section Outre-Mer. Service de liaison avec les originaires des territoires de la France d'Outre-Mer (SLOTFOM); National Archives (USA); Library of the Congress, USA, Manuscript Division; и др.

НОВЫЕ КНИГИ

История СССР

Авксентьев А. В. *Ислам на Северном Кавказе*. 2-е изд., дораб. и доп. Ставрополь. Книжное изд-во. 1984. 287 с. 10 000 экз. 45 коп.

Андронов С. А. *Боевое оружие партии*. Газета «Правда» в 1912—1917 гг. Л. Лениздат. 1984. 423 с. с илл. 5000 экз. 1 руб. 80 коп.

Боевое содружество. О советско-монгольском боевом содружестве. М. Воениздат. 1983. 334 с. с илл. 20 000 экз. 1 руб. 30 коп.

В боях — морская пехота. Сборник воспоминаний ветеранов 12-й отдельной Краснознаменной Печенгской бригады морской пехоты Северного флота. Сост. С. И. Полозов, В. П. Загребин. Мурманск. Книжное изд-во. 1984. 161 с. 5000 экз. 75 коп.

Вела нас партия. Воспоминания партизан и подпольщиков Могилевской области периода Великой Отечественной войны. Сост. И. И. Гаврилов, Н. А. Толстик. Минск. Беларусь. 1984. 447 с. с илл. 40 000 экз. 2 руб.

Волохович Л. И. *Идейное и организационное укрепление Компартии Белоруссии, 1926—1932*. Минск. Университетское изд-во. 1984. 160 с. 1100 экз. 1 руб. 70 коп.

Воробьев М. Д. *В сердце и в памяти*. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1984. 160 с. (Верны подвигу отцов). 5000 экз. 55 коп.

Воробьев П. С. *Имени комсомола*. 2-е изд., перераб. и доп. Минск. Беларусь. 1984. 240 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 30 коп.

Ворожейкин И. Е. *Летопись трудового героизма*. Краткая история социалистического соревнования в СССР. 2-е изд., доп. М. Политиздат. 1984. 336 с. 100 000 экз. 1 руб. 60 коп.

Гареев М. *Штурмовики идут на цель*. 4-е изд. Уфа. Башкирское книжное изд-во. 1984. 366 с. 50 000 экз. 55 коп.

Голубев В. Ф. *Крылья крепнут в бою*. 2-е изд., доп. Л. Лениздат. 1984. 253 с. с илл. 50 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Грунт А. Я., Старцев В. И. *Петроград — Москва, июль — ноябрь. 1917*. М. Политиздат. 1984. 280 с. 200 000 экз. 2 руб. 60 коп.

Дело общенародное. Коммунисты в борьбе за выполнение Продовольственной программы СССР. Сост. И. П. Магай. М. Политиздат. 1984. 349 с. 100 000 экз. 65 коп.

Дзюбенко П. В. *Социалистическое соревнование и коммунистическое воспитание*. Теоретические аспекты, опыт, проблемы. М. Мысль. 1984. 203 с. 15 000 экз. 80 коп.

Диброва С. С. *У истоков историко-партийной науки на Украине*. Киев. Политиздат Украины. 1984. 224 с. 5000 экз. 55 коп.

Долгов И. А. *Золотые Звезды калитинцев*. В 2-х кн. 3-е изд. М. Московский рабочий. 1984. Кн. 2. 383 с. 20 000 экз. 1 руб.

Дорогой Владимир Ильич! Письма, телеграммы, приветствия оренбуржцев Б. И. Ле-

нину, 1918—1924 гг. Сост. Н. И. Сайгин. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1984. 160 с. 5000 экз. 55 коп.

Евланова М. Н. *Рабочий класс — фронту*. Историографический очерк. Челябинск. Южно-Уральское книжное изд-во. 1984. 113 с. 3000 экз. 20 коп.

Ежегодник книги СССР, 1981. Государственный библиографический указатель. Т. 1, ч. 2. Вспомогательные указатели. Всесоюзная книжная палата. Сост. М. И. Беляевская и др. М. Книга. 1984. 288 с. 3000 экз. 1 руб. 80 коп.

Забыть не вправе. Очерки и воспоминания. Сост. Б. П. Агуренко. Ростов н/Дону. Книжное изд-во. 1984. 207 с. 10 000 экз. 30 коп.

Зиза Н. К., Лихолобова З. Г. *Братское содружество рабочего класса в борьбе за индустриализацию страны*. Киев — Одесса. Вища школа. 1984. 158 с. 1400 экз. 1 руб. 40 коп.

Злоказов Г. И. *Документы всенародного обсуждения проекта новой Конституции СССР как исторический источник*. По материалам редакций газет «Правда», «Известия», «Труд». М. Наука. 1984. 136 с. 2550 экз. 80 коп.

Зорькин В. Д. *Чичерин*. М. Юридическая литература. 1984. 109 с. (Из истории политической и правовой мысли). 10 000 экз. 65 коп.

История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях. Аннотированный указатель книг и публикаций в журналах. Т. 4. Ч. 2: 1895—1917. Государственная публичная историческая библиотека РСФСР, Государственная библиотека имени В. И. Ленина. Сост. В. Б. Воронцова и др. М. Книга. 1984. 440 с. 8000 экз. 2 руб. 20 коп.

История Саратовского края, 1590—1917. Хрестоматия. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов. Изд-во СГУ. 1983. 340 с. 6000 экз. 1 руб.

Кавалеры ордена Славы. Сост. И. П. Циприков. Красноярск. Книжное изд-во. 1984. 183 с. 10 000 экз. 55 коп.

Калечиц Е. Г. *Первоначальное заселение территории Белоруссии*. Минск. Наука и техника. 1984. 159 с. 1200 экз. 1 руб. 60 коп.

Калицкий В., Машковец П. *Восточный Краснознаменный*. Очерк истории войск Краснознаменного Восточного пограничного округа. Алма-Ата. Казахстан. 1984. 160 с. с илл. 19 000 экз. 70 коп.

Клочкова В. *Встречи с мужеством*. Записки секретаря райкома партии. Минск. Беларусь. 1984. 206 с. с илл. 2000 экз. 75 коп.

Количественные методы в исторических исследованиях. Учебное пособие. М. Высшая школа. 1984. 384 с. 7000 экз. 1 руб. 10 коп.

Коммунистическая партия Узбекистана в условиях развитого социализма. Летопись событий. Авт.—сост. М. Н. Гуревич. Ташкент. Узбекистан. 1984. Ч. 7. 1959—1965. 254 с. 3000 экз. 2 руб. 30 коп.

Корзун М. С. *Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов, X в.—1917 г.* Минск. Беларусь. 1984. 255 с. 5000 экз. 1 руб. 20 коп.

Косович С. С., Филимонов А. М. *Советские железнодорожные. Военно-исторический очерк.* Предисловие С. Куркоткина. М. Воениздат. 1984. 309 с. с илл. 30 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Котенко В. А. *Борьба Компартии Украины за дальнейший рост производительности труда в промышленности республики.* Харьков. Вища школа. 1984. 167 с. 1000 экз. 1 руб. 60 коп.

Кривошеев Е., Костин Н. *Битва за Нарву, февраль—сентябрь 1944 г.* Таллин. Ээсти раамат. 1984. 159 с. с илл. 9000 экз. 50 коп.

Кузнецов И. И., Джога И. М. *Первые Герои Советского Союза, 1936—1939.* Иркутск. Изд-во Иркутского ун-та. 1983. 225 с. 5000 экз. 1 руб. 50 коп.

Лазутка С., Гудавичюс Э. *Первый Литовский статут.* Палеографический и текстологический анализ списков. Ч. I. Вильнюс. Минтис. 1983. 419 с. с илл. 3000 экз. 35 руб.—На лит. и рус. яз.

Ленинское учение о партии и его развитие в документах КПСС. Историография проблемы. Л. Изд-во ЛГУ. 1984. 144 с. 3216 экз. 1 руб. 20 коп.

Ленинцы. Сборник. Сост. А. Свалова. Вступительные тексты В. Чикина. М. Молодая гвардия. 1984. 286 с. с илл. (Отечество). 10 000 экз. 5 руб. 70 коп.—К 60-летию присвоения комсомолу имени В. И. Ленина.

Мухина Т. Д. *Русско-скандинавские художественные связи конца XIX—начала XX в.* М. Изд-во МГУ. 1984. 116 с. с илл. 2700 экз. 1 руб. 10 коп.

Навеки в памяти народной. Воспоминания об И. Т. Фиолетове. Сост. З. К. Алиев, Р. К. Султанов. Баку. Азернешр. 1984. 105 с. 4000 экз. 36 коп.

Некрасов С. *Российская академия.* М. Современник. 1984. 253 с. с илл. 25000 экз. 90 коп.

Нишнанидзе Г. Д. *Пресса и радиовещание Грузии в годы Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945 гг.* Тбилиси. Мецниереба. 1984. 342 с. 4700 экз. 3 руб. 30 коп.

О Валериане Куйбышеве. Воспоминания, очерки, статьи. Сост. М. И. Владимиров. М. Политиздат. 1984. 319 с. с илл. 100 000 экз. 1 руб.

Образование Молдавской ССР и создание Коммунистической партии Молдавии. Сборник документов и материалов. Сост. С. Я. Афтенюк и др. Кишинев. Картя молдовеняскэ. 1984. 359 с. 4500 экз. 90 коп.

Островский В. П. *27 января 1944.* Предисловие А. М. Самсонова. М. Молодая гвардия. 1984. 143 с. с илл. (Памятные даты истории). 75 000 экз. 55 коп.

Пайчадзе Г. А. *Когда сияют небеса.* Воспоминания. Тбилиси. Сабчота Сакартвело. 1984. 114 с. 2000 экз. 20 коп.

Панченко А. М. *Русская культура в канун петровских реформ.* Л. Наука. 1984. 205 с. 13 000 экз. 95 коп.

Подвиг во имя жизни. Очерки о Героях Советского Союза, уроженцах Одесской области. Сост. А. Ф. Абрамов, А. И. Бульба. Одесса. Маяк. 1984. 311 с. с илл. 15 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Родному Ильичу. Сост. Т. И. Богомолва, Т. А. Садова. 2-е изд., доп. Йошкар-Ола. Марийское книжное изд-во. 1984. 120 с. с илл. 3000 экз. 40 коп.

Рудницкая Е. Л. *Русская революционная мысль.* Демократическая печать, 1864—1873. М. Наука. 1984. 330 с. 2200 экз. 2 руб. 40 коп.

Сергеев Т. С. *Социалистическая культура Чувашии.* Чебоксары. Чувашское книжное изд-во. 1984. 160 с. 1500 экз. 45 коп.

Симферополю 200 лет: 1784—1984. Сборник документов и материалов. Сост. Л. И. Васильева и др. Киев. Наукова думка. 1984. 319 с. с илл. 8000 экз. 1 руб. 20 коп.

Слука О. Г. *Комсомольская строка.* Проблемы идейно-политического воспитания в молодежной печати Белоруссии. Минск. Университетское изд-во. 1984. 125 с. 1000 экз. 20 коп.

Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941—1945. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 2: 1944—1945. М. Политиздат. 1984. 575 с. с илл. 100 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Стенин А. А. *«Ермак» на Мораве.* 2-е изд., доп. Киев. Политиздат Украины. 1984. 295 с. с илл. 165 000 экз. 70 коп.

Тарасов К. *Память о легендах.* Белорусской старины голоса и лица. Минск. Полымя. 1984. 143 с. с илл. 30 000 экз. 1 руб. 20 коп.

Троицкий Н. А. *«Народная воля» перед царским судом (1880—1894).* 2-е изд., испр. и доп. Саратов. Изд-во СГУ. 1983. 423 с. 18 000 экз. 3 руб.

Фельдман Б. А. *Становление.* Краткий очерк истории издательства ЦК КПСС «Правда» и типографии газеты «Правда» имени В. И. Ленина. М. Правда. 1984. 136 с. 5000 экз. 55 коп.

Формозов А. А. *Историк Москвы И. Е. Забелин.* М. Московский рабочий. 1984. 239 с. с илл. 50 000 экз. 45 коп.

Хмелевский К. А., Хмелевский С. К. *Буря над тихим Доном.* Исторический очерк о гражданской войне на Дону. Ростов н/Д. Книжное изд-во. 1984. 176 с. 5000 экз. 50 коп.

Чернов М. П. *Разработка В. И. Лениным теории и программы большевистской партии по национальному вопросу.* М. Высшая школа. 1984. 152 с. 2280 экз. 1 руб. 70 коп.

Шестаков К. *Мой город родной.* Записки старожила. Куйбышев. Книжное изд-во. 1984. 254 с. 10 000 экз. 45 коп.

Этнокультурные контакты народов Сибири. Л. Наука. 1984. 144 с. 1350 экз. 2 руб. 30 коп.

Яковлев А. И. *Эффективность идеологической работы.* М. Политиздат. 1984. 304 с. 50 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Всеобщая история

Айрапетов А. Т. *Эрвин Сабо — пламенный революционер, социалист*. М. Мысль. 1984. 141 с. с илл. (Выдающиеся деятели коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения). 28 000 экз. 60 коп.

Античное наследие в культуре Возрождения. М. Наука. 1984. 285 с. с илл. 25 000 экз. 1 руб. 90 коп.

Арабаджян А. З. *Отраслевая структура экономики развивающихся стран*. Историкографический очерк. М. Наука. 1984. 131 с. 1100 экз. 1 руб. 30 коп.

Белый дом и черный континент. М. Прогресс. 1984. 166 с. 30 000 экз. 40 коп.

Бизнес на помощи. Механизм империалистического грабежа развивающихся стран. М. Экономика. 1984. 214 с. с илл. 70 000 экз. 75 коп.

Дипломатический вестник. Год 1983. М. Международные отношения. 1984. 351 с. 12 000 экз. 2 руб. 40 коп.

Иванов В. Г. *История этики средних веков*. Л. Изд-во ЛГУ. 1984. 279 с. 15 000 экз. 1 руб. 50 коп.

Источниковедение истории Древнего Востока. Учебное пособие. М. Высшая школа. 1984. 392 с. 17 000 экз. 1 руб. 10 коп.

Критика буржуазных извращений реального социализма. Казань. Изд-во КГУ. 1984. 200 с. 4027 экз. 1 руб. 80 коп.

Крутских А. В. *Политика США в Индийском океане*. М. Наука. 1984. 256 с. 3400 экз. 1 руб. 90 коп.

Кули-Заде З. *Закономерности развития восточной философии XIII—XVI вв.* (Регион ислама и проблема Запад — Восток). Баку. Элм. 1983. 233 с. 1500 экз. 2 руб. 20 коп.

Мареев С. Н. *Диалектика логического и исторического и конкретный историзм К. Маркса*. М. Наука. 1984. 158 с. 3400 экз. 95 коп.

Меньшиков Л. Н. *Описание китайской части коллекции из Хара-хото*. Фонд П. К. Козлова. Прил. сост. Л. И. Чугуевский. М. Наука. 1984. 527 с. 1300 экз. 4 руб. 10 коп.

Милитаризм и разоружение. Справочник. Сост. В. П. Абаренков. М. Политиздат. 1984. 350 с. 200 000 экз. 45 коп.

Овчинников В. *Горячий пепел*. Хроника тайной гонки за обладание атомным оружием. М. Изд-во АПН. 1984. 127 с. с илл. 200 000 экз. 45 коп.

Печатнов В. О. *Гамильтон и Джефферсон*. М. Международные отношения. 1984. 335 с. с илл. 40 000 экз. 1 руб. 80 коп.

Путинцева Т. А. *Следы ведут в пески Аравии*. М. Наука. 1984. 286 с. 50 000 экз. 1 руб. 40 коп.

Рабочий класс в мировом революционном процессе. М. Наука. 1984. 318 с. 3600 экз. 2 руб. 80 коп.

Разоружение — веление времени. Документы и материалы. Вып. 3. Сост. Н. Прокопкин. М. Правда. 1984. 240 с. 80 000 экз. 45 коп.

Революционный процесс в странах Африки и Азии. Тбилиси. Мецниереба. 1984. 231 с. 1000 экз. 2 руб. 10 коп.

Старостин Б. С. *Освободившиеся страны*. Общество и личность. Критический анализ немарксистских концепций. М. Мысль. 1984. 286 с. 7000 экз. 1 руб. 70 коп.

Черняк Е. Б. *Судьи и заговорщики*. Из истории политических процессов на Западе. М. Мысль. 1984. 302 с. с илл. 75 000 экз. 1 руб. 70 коп.

Ян Хиншун. *Материалистическая мысль в древнем Китае*. М. Наука. 1984. 181 с. 7000 экз. 80 коп.

Книги, переведенные с иностранных языков

Китайская Народная Республика. Конституция и законодательные акты. Пер. с кит. М. Политиздат. 1984. 470 с. 6000 экз. 1 руб. 40 коп.

СТАТЬИ В СОВЕТСКИХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ

История СССР 1984, № 3, Куликов В. И. Забота о благе человека — высшая цель социализма; Лыч Л. М. Вклад рабочего класса БССР в производственное развитие агропромышленного комплекса республики; Соловьева А. М. Прибыли крупной промышленной буржуазии в акционерных обществах России в конце XIX — начале XX в.; Мельникова Е. А., Петрухин В. Я., Пушкина Т. А. Древнерусские влияния в культуре Скандинавии раннего средневековья (К постановке проблемы); Левыкин К. Г., Разгон А. М. Экспозиция музея и история науки (К столетию первой экспозиции Государственного Исторического музея); Швагуляк М. Н. Советские историки об антинаучном характере нацистского «остфоршунга»; Мурадалиева Э. Б. Акционерная статистика

России конца XIX — начала XX в. как источник по истории промышленного капитализма; Рафи-заде И. Р. Статистические приложения к «Материалам для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края» как исторический источник; Павленко Н. И. О некоторых спорных вопросах социально-экономического развития России в XVII — первой половине XIX века (По поводу книги «Эволюция феодализма в России»); Чернышев Г. И. Опыт интеграции науки и производства на современном этапе (На материалах Сибирского отделения АН СССР); Куц А. М., Рихтер К. У истоков советско-чехословацкого боевого сотрудничества (О подвиге советских и чехословацких воинов в боях против гитлеровских захватчиков под Соколово на Харь-

ковщине); Костина Р. В. Московский городской совнархоз в решении вопросов управления промышленностью столицы (1918—1920 гг.); Герасименко Г. А. Противодействие крестьян столыпинской аграрной политике; Стродс Х. Социальная структура латышского крестьянства в Курляндии (1734—1813 гг.); Елисеев С. А. О времени создания А. М. Курбским «Истории о великом князе Московском»; Айзенштадт А. Л. Социально-экономическое развитие современной советской деревни в освещении буржуазной историографии; Мионов Б. Н. История холопства в России в освещении американского историка.

Новая и новейшая история 1984, № 3. Тихвинский С. Л. Развитие международных связей советских историков; Ильин В. П. Установление дипломатических отношений между СССР и Румынией в 1934 г.; Полтавский М. А. Становление социал-демократического движения в Австрии; Загидуллин Г. Н. Англия и революционная Франция (1789—1793 гг.); Адо А. А. Идеинный конфликт индпендентов и левеллеров в годы Английской буржуазной революции; Лапицкий М. И., Мостовец Н. В. Юджин Деннис; жизнь, отданная борьбе (окончание); Прасолов С. И. Чехословакия и Малая Антанта в 1936—1937 гг.; Григулевич И. Р. Туссен Лувертюр — создатель независимого Гаити; Давидсон А. Б. Сесиль Родс — «герой дня» британского империализма; Кокорев А. А. Проблемы гонки вооружений в освещении американской историографии 70—80-х гг. (Обзор литературы).

Советская археология 1984, № 2. Николов В. Ранненеолитические культуры в Западной Болгарии; Мавлеев Е. В. Этруские зеркала; Фролова Н. А. Монетное дело Фофorsa (285—308 гг. н. э.); Внуков С. Ю. Скифские слон городища Чайка (опыт статистической обработки); Акопян Г. П. Древняя Армения в торговле Запада с Востоком (первые века нашей эры); Соломина В. П. Уникальный памятник северного средневековья; Сериков Ю. Б. Новые памятники Горбуновского торфяника; Горелик А. Ф. Исследование мезолитических комплексов стоянки Зимовники I в Северо-Восточном Приазовье; Черняков И. Т., Никитин В. И. Бандуркинский клад бронзового века из Южного Побужья; Пятых Г. Г. О происхождении деревянной посуды срубной культуры Поволжья; Петренко В. Г. Погребальные комплексы и находки у с. Пелагиада; Генинг В. Ф., Корякова Л. П. Лихачевские и Черноозерские курганы раннего железного века Западной Сибири; Аннаев Т. Дж. Раскопки раннесредневековой усадьбы Куёв-курган в Северном Тохаристане; Авдусина Т. Д., Владимирская Н. С., Панова Т. Д. Русская поливная керамика из раскопок Московского Кремля; Галкин Л. Л. Стеклодельная мастерская на городище Селитренное; Щапова Ю. Л. Химико-технологическое изу-

чение стекол из мастерской на городище Селитренное.

Советская этнография 1984, № 2. Рабинович М. Г., Шмелева М. Н. Город и этнические процессы (из опыта этнографического изучения восточнославянских городов); Будина О. Р. О соотношении общих и локальных традиций (на примере балканских этнических групп на Украине и в Молдавии); Александров В. А. Эволюция земельного обычного права в русской позднефеодальной крепостной деревне (XVIII—начало XIX в.); Гиренко Н. М. Восточноафриканские культуры в процессе формационных изменений (XIX—XX вв.); Березкин Ю. Е. Культурная преемственность на северном побережье Перу в V—XV вв. (по данным мифологии и изобразительного искусства); Федосеева Е. П. А. Л. Троицкая и ее архив; Калышев А. Б. Межнациональные браки в сельских районах Казахстана (по материалам Павлодарской области. 1966—1979 гг.); Гайсин Г. А. Гармоника в музыкальном быту казахов (XIX—начало XX в.); Файнберг Л. А. Судьбы коренного населения Бразилии; Смирнова Я. С. Усыновление покровителя.

Советское славяноведение 1984, № 2. Участникам IX Международного съезда славистов; Обращение участников IX Международного съезда славистов ко всем ученым мира; Костюшко И. И. IX Международный съезд славистов; Желицки Б. И., Копашева М. И. Классовые отношения в социалистических странах Европы (социально-экономические аспекты развития); Бирман М. А. Связи революционных социал-демократов России и Балкан в начале XX века; Грачева Л. Е. Вопросы революционного движения России в трудах Г. Бакалова; Дьяков В. А., Фрейдзон В. И. Основные этапы развития и типология общественно-политической мысли славянских народов в XIX веке; Миллер А. И. К вопросу о становлении политического течения «станьчиков» (Пolemika Ю. Шуйского с П. Попелем в 1864—1867 гг.); Большакова К. В. Советскопольские театральные контакты в 1946—1949 годах (по материалам ВОКС и ОПСД); Бернштейн С. Б. Еще раз о Срезневском; Алексеев А. Ф. Принципы историко-филологического изучения литературного наследия Кирилла и Мефодия.

Рабочий класс и современный мир 1984, № 2. Жилин Ю. А. Безопасность в ядерный век; Дилигенский Г. Г. Массовое общественно-политическое сознание рабочего класса капиталистических стран: проблемы типологии и динамика (статья вторая); Загладин Н. В. Страны Запада: проблемы развития рабочего движения; Яновский Р. Г., Ожегов Ю. П. Воспитание активной жизненной позиции; Григорьева Л. А., Силантьева Г. А. Бригадная организация труда и повышение производственной активности промышленных рабочих; Гельбрас В. Г. Социально-экономические аспекты национального строительства в КНР; Локшин Г. М. Важнейшая задача современности; Андриянов В. В.

Германская компартия в антивоенном движении; Михайлов С. В. Новые процессы и явления на рынке труда. Великобритания: тенденции и перспективы; Экономическая конъюнктура, положение трудящихся и требования профсоюзов (обзор); Фридман Л. А., Воронин С. В. Пролетариат освободившихся стран: структура, состав и социальное развитие; Кулиш В. М. Внешняя политика социалистического сотрудничества — политика мира и безопасности народов; Кривогуз И. М. Стратегия и тактика компартий стран развитого капитализма.

Украинский исторический журнал 1984, № 4. Зашкильняк А. С. В. И. Ленин — создатель партии нового типа; Кондрацкий А. А. Воплощение в жизнь ленинских идей о социалистической дисциплине труда; Березовчук Н. Д. Историческое значение ленинской концепции организации сельской бедноты как предпосылки формирования класса колхозного крестьянства; Хворостяный И. М. Современность в свете ленинского учения о войне и мире; Солдатенко В. Ф., Гошук И. Л. В. И. Ленин о роли периодической прессы в революционном преобразовании общества; Нагорная Л. А. Ленинская критика бернштейнианства и современность; Сиволоб Ю. В. Ведущая роль рабочего класса в социалистическом соревновании; Курас И. Ф. К вопросу о ленинской методологии исследования истории политических партий России; Зубко А. Н. Ленинский метод статистических группировок в процессе анализа земских источников; Комаренко Т. А. Участие коллективов промышленных предприятий УССР и братских республик в социалистическом соревновании (1971—1980 гг.); Скляренко А. Е. Об участии ученых АН УССР в сооружении новостроек Сибири и Дальнего Востока (1971—1980 гг.); Исмаилов С. П., Хасанова С. Х. Последователи П. Ангелиной в Узбекистане; Кокоско А. О. В. И. Ленин о факторах роста производительности труда в условиях социализма; Перепелица Г. М. Участие учащейся молодежи Кировоградской области в сельскохозяйственных работах; Сазичев Н. П. 50-летие учреждения звания Героя Советского Союза; Пирог Р. Я. А. С. Бубнов (К 100-летию со дня рождения); Калакура Я. С., Рогожа М. М. Партийное руководство культурным строительством на Украине в условиях развитого социализма.

Украинский исторический журнал 1984, № 5. Скаба А. Д., Маковийчук И. М. Роль прессы Украинской ССР в борьбе трудящихся за осуществление экономической политики КПСС и Советского государства; Орлов В. М. Организационные принципы большевизма и их историческое значение (К 80-летию выхода книги В. И. Ленина «Шаг вперед, два шага назад»); Вербило А. Н., Боева С. Ю. К критике буржуазных концепций по вопросам войны и мира; Бесов Л. М., Мордовец Л. М. Партийное руководство развитием бригадных форм организации труда

в промышленных производственных объединениях Украины; Шелест Д. С., Гошук В. В. Привлечение парторганизациями Украины рабочих к укреплению правопорядка; Коваль М. В., Чернега П. М. Участие профсоюзов в налаживании материально-бытового обслуживания трудящихся Украинской ССР; Меметов В. С. Идеино-политическая работа парторганизаций среди интеллигенции на территории, освобожденной от фашистской оккупации (1943—1945 гг.); Чайковский А. С. Воины-чекисты в партизанской борьбе на Украине (июнь 1941—июль 1942 гг.); Богачук С. Г. Роль патриотических починов в укреплении дружбы трудовых коллективов РСФСР и УССР (1933—1937 гг.); Бородий Н. К. К истории борьбы с чумой на Украине в XVIII ст.; Мартыненко Б. А. Некоторые вопросы внешней политики Канады во время нацистского «блицкрига» против стран Западной Европы; Шайдюк В. А. Роль парторганизаций коллективов работников искусств УССР в коммунистическом воспитании трудящихся (1971—1975 гг.); Козик П. З. Изучение роли народных масс и личности на уроках истории в школе; Пометун Е. И. Изучение на уроках истории в IX классе вопросов борьбы украинского народа за власть Советов (1917—1920 гг.); Вовчик А. Ф., Овсяй И. А. Лениным путем (К 60-летию XIII съезда РКП(б)); Николаенко В. Е. Патриот, интернационалист (К 120-летию со дня рождения Ф. Я. Кона); Сергийчук И. Н. Пресса Советов как источник изучения борьбы за установление Советской власти на Украине (конец октября 1917 г. — март 1918 г.).

Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Статьи и материалы. Институт истории СССР АН СССР. М. 1984. Буганов В. И., Клосс Б. М., Корецкий В. И., Кучкин В. А., Муравьева Л. Л. Некоторые проблемы изучения русского летописания на современном этапе; Кучкин В. А. Договор Калиновичей (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива); Громов В. П. Наказы казачьих войск Кавказа в Законодательную комиссию 1767 г. как исторический источник; Минц С. С. Об отражении особенностей социальной психологии в мемуарных источниках последней трети XVIII — первой трети XIX в.; Кучкина Т. Г. К вопросу об изучении эволюции эпистолярных источников второй половины XIX — начала XX в.; Литвак Б. Г. О закономерностях эволюции делопроизводственной документации в XVIII—XIX вв. (К постановке вопроса); Давлетбаев Б. С. К методике анализа жалоб и прошений крестьян Башкирии (начало XIX в.); Рыбаков Ю. Я. Своды законов Российской империи первой половины XIX в. (К источниковедческой характеристике); Троицкий Н. А. Судебно-следственные материалы как источник по истории освободительного движения в России на разном этапе; Селунская Н. Б. Изменения в

структуре источниковой базы изучения помещичьего хозяйства капиталистической России; Трехбратов Б. А. Статистические источники о сельскохозяйственном пролетариате Юга России; Воронкова С. В. Промышленная статистика в России в последние десятилетия XIX—начале XX в. (К проблеме эволюции статистических источников); Черников В. Н. Из опыта изучения комплексов источников по истории монополизации цементной промышленности России; Мошков Ю. А. Происхождение и эволюция годовых отчетов социалистических сельскохозяйственных предприятий; Калмыкова А. И., Роголина Н. Л. Использование статистических источников 20-х годов для изучения социальной структуры доколхозной деревни; Лисовина А. П. К изучению закономерностей возникновения и эволюции годового отчета социалистического промышленного предприятия (30—50-е годы); Соколов А. К. Эволюция массовых источников по истории советского рабочего класса; Люблинская А. Д. Современная система специальных исторических дисциплин и источниковедения в зарубежной медиевистике; Мельникова А. С. К вопросу о социально-экономической природе и источниковедческом значении монетных кладов XVI—XVII вв.; Шепелев Л. Е. Изучение персональных титулов в системе историко-вспомогательных дисциплин; Дуров В. А. Знаки отличия XVII—XX вв. как исторический источник; Разгон А. М. Музейный предмет как исторический источник.

Историческая наука Советской Молдавии. К 60-летию образования Молдавской ССР и создания Коммунистической партии рес-

публики. Институт истории имени Я. С. Гросула Академии наук Молдавской ССР. Кишинев. 1984. Царанов В. И. Развитие исторической науки в Молдавской ССР; Афтенюк С. Я. Библиейшвили Н. К., Коренев А. А. Исследование историко-партийных проблем в Молдавии; Есауленко А. С., Гициу М. М. Победа социалистической революции в Молдавии в советской исторической литературе; Копанский Я. М. Итоги изучения истории борьбы за восстановление Советской власти в Бессарабии и ее воссоединение с социалистическим отечеством (1918—1940); Репида Л. Е. Рабочий класс Молдавии как проблема в советской историографии; Стратиевский К. В., Сытник М. К. Итоги изучения проблем коллективизации сельского хозяйства и укрепления колхозного строя в Молдавии; Бульмага Л. Е. Изучение истории аграрных отношений в МССР в период развитого социализма; Брысякин С. К., Петровская Н. Б. Изучение истории культуры Советской Молдавии; Топузлу Г. Н. Исследование проблем дружбы и сотрудничества молдавского народа с братскими народами СССР; Драгнев Д. М., Советов П. В. Становление и развитие советской медиевистики по истории Молдавии; Жуков В. И. Изучение социально-экономической и общественно-политической истории Бессарабии XIX—начала XX в.; Левит И. Э., Мошану А. К. Некоторые итоги исследования проблем всеобщей истории нового и новейшего времени в Молдавской ССР; Лисовина А. П. Основные этапы и некоторые итоги изучения проблем источниковедения истории Молдавии советского периода.

Хроникальные заметки

◆ Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» АН СССР, Всесоюзная книжная палата, Государственная библиотека им. В. И. Ленина и Всесоюзное общество любителей книги явились инициаторами созыва V Всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения «Книга и социальный прогресс», проходившей в Москве 10—12 апреля 1984 года. Вступительным словом конференцию открыл А. С. Мыльников (Ленинград). На пленарном заседании были заслушаны доклады: Н. М. Сикорский, Е. Л. Немировский — «Книга и социальный прогресс»; Д. Д. Зуев — «Издание учебной литературы в свете проекта ЦК КПСС о школьной реформе»; Ю. Н. Столяров — «Возможности системного подхода к изучению основных проблем дисциплин документально-коммуникационного цикла (на примере библиотекостроения)»; И. М. Монастырский — «Роль научных исследований в повышении эффективности книгоиздатель-

ского дела». На конференции работали секции: общих проблем книговедения, издательского дела, книжной торговли, библиографии, истории книги, национальной книги, теоретических проблем библиофильства. На совместном заседании секций истории книги и национальной книги были заслушаны доклады: А. С. Мыльников — «О задачах разработки концепции всеобщей истории книги»; С. П. Луппов (Ленинград) — «Основные направления изучения истории русской книги эпохи феодализма»; И. И. Фролова (Ленинград) — «История книги и книжного дела в России периода капитализма. Основные проблемы исследования»; А. Я. Черняк — «Д. И. Менделеев и книга (к 150-летию со дня рождения ученого)»; В. И. Харламов — «Теоретические и организационные проблемы создания многотомной коллективной монографии «История книги в СССР» (1917—1987 гг.)».

◆ 16 апреля с. г. в Москве тот же Научный совет провел научную сессию «Мировая

культура против милитаризма и войны». В работе сессии приняли участие акад. Д. С. Лихачев, члены-корреспонденты АН СССР З. В. Удальцова и И. Р. Григулевич. Вступительное слово произнес акад. Б. Б. Пиотровский.

◆ 14—16 мая с. г. состоялась созданная по инициативе того же Научного совета и Комиссии по культуре Возрождения конференция «Культура Возрождения и общество». Обсуждались задачи и перспективы комплексного изучения проблем социологии культуры Ренессанса. Вступительное слово произнес чл.-корр. АН СССР В. И. Рутенбург. С докладами выступили: Л. М. Брагина — «Социально-политические идеи в итальянском гуманизме XV в.»; А. Д. Ролова (Рига) — «Итальянское общество XVI в. и специфика культуры позднего Возрождения»; В. М. Богуславский — «О значении позднего Ренессанса»; С. М. Стам (Саратов) — «Высокое Возрождение: социальные истоки, общественная роль»; Л. С. Чиколлини — «Идеал «смешанного правления» в политической мысли Возрождения»; О. Ф. Кудрявцев — «Гуманистические академии итальянского Возрождения»; Е. В. Бернадская (Ленинград) — «Гуманизм и политическая практика итальянских государств в XIV—XV вв. (постановка вопроса)»; А. Х. Горфункель (Ленинград) — «Молот ведьм» — средневековые или Возрождение?»; А. Н. Немиллов (Ленинград) — «Гуманисты, гуманистическая культура и гуманистическое движение эпохи Возрождения»; Н. В. Ревякина (Иваново) — «Формирование личности в гуманистической педагогике итальянского Возрождения»; В. М. Володарский — «Социальная этика Парацельса»; Л. Е. Маслобоева (Ленинград) — «Этика гуманизма и Реформация: Теодор Агриппа д'Обинье»; Д. Э. Харитонович — «Ваноччо Вирингуччо и его трактат (к проблеме восприятия гуманистической культуры в итальянском обществе XVI в.)»; и др.

◆ 14—15 мая с. г. в Москве состоялась XIV конференция молодых ученых Института этнографии АН СССР. Вступительное слово произнес зам. директора института С. И. Брук. Доклады касались четырех основных тем: «Миграции как стимулятор межэтнических контактов»; «Контакты и заимствования в традиционной культуре»; «Демографические аспекты межэтнических контактов»; «Современные проблемы межэтнических контактов».

◆ 17 мая с. г. в Ленинградском отделении Института истории СССР АН СССР имело место расширенное заседание, посвященное 75-летию со дня рождения видного советского историка И. И. Смирнова. Вступительным словом заседание открыл Н. Е. Носов. Был заслушан доклад А. И. Копанева и Ю. Г. Алексеева «И. И. Смирнов — исследователь и источниковед». Воспоминаниями об ученом поделились его коллеги и ученики А. Л. Шапиро, Д. М. Патрикеев, А. Г. Маньков, В. М. Паниных, Л. С. Прокофьева и др. В ра-

боте совещания принимали участие ученые других городов.

◆ 15—16 мая 1984 г. в Архангельске проходила конференция «История и культура Архангельского Севера» в связи с 400-летием города. Ее организаторы: Научный совет по комплексной проблеме «История мировой культуры» и Археографическая комиссия АН СССР, Архангельский пединститут им. М. В. Ломоносова, Архангельский обком ВЛКСМ. На пленарном заседании были заслушаны доклады «Роль Архангельска в истории СССР» и «Вклад Европейского Севера СССР в мировую культуру». Далее работа конференции проходила в секциях: история научного изучения Севера (археография, источниковедение, историография); книга и письменность на Русском Севере; археология и этнография Европейского Севера СССР; история феодализма на Севере; история капитализма на Севере; Север социалистический; Север в истории КПСС. В рамках конференции были проведены также XII годовичное заседание Проблемного объединения по аграрной истории Европейского Севера СССР и Северного отделения Археографической комиссии АН СССР, зональная научно-теоретическая конференция молодых ученых по проблемам общественных наук.

◆ В апреле с. г. в Москве работал симпозиум на тему «Античная балканистика: Карпато-Балканский регион в диахронии». Его организаторы — институты славяноведения и балканистики, всеобщей истории, археологии АН СССР. С докладами выступили: Е. Е. Кузьмина — «Миграции в Евразийских степях и Подунавье в свете некоторых археолого-этнографических данных»; Л. А. Лелеков — «Начальные и вторичные очаги индоевропейских миграций»; Ю. В. Откупщиков (Ленинград) — «Фракийцы, фригийцы и карийцы в доисторической Элладе»; В. П. Яйленко — «Фрако-дакийская и иллирийская топонимика в Европейской Сарматии и Скифии»; Д. С. Раевский — «Эллинское искусство на службе скифского и фракийского общества (некоторые аспекты сопоставления)»; Ф. Р. Балонов (Ленинград) — «Фракийский Гермес, гиганты и другие»; И. А. Левинская (Ленинград) — «К вопросу о фракийском происхождении культа Теос-гилсисос»; Л. В. Куркина — «Паннония как один из центров славянских миграций»; Е. П. Наумов — «Менандр о вторжениях «варваров» во второй половине VII в. (к вопросу о славянизации карпато-балканских земель)»; С. А. Иванов — «Диалоги» Псевдопавсания и место славян в структуре этнографического описания у Прокопия», и др.

◆ Книга В. С. Эмексузяна «Из ленинской гвардии» (Красноярск. Красноярское книжное изд-во. 1984) посвящена малоизвестным страницам жизни и деятельности профессиональных революционеров-большевиков, находившихся в 1906—1917 гг. в ссылке в Енисейской губернии.

◆ В. С. Лельчук («Индустриализация СССР: история, опыт, проблемы». М. Полит-

издат. 1984) на конкретном материале рассказывает о первой в истории социалистической индустриализации, раскрывает деятельность партии и рабочего класса по превращению СССР в передовую промышленную державу.

◆ Автор книги «Возрожденный Севастополь» (М. Наука. 1984) Д. К. Моторин непосредственно участвовал в разработке планов и осуществлении восстановительных работ в городе-герое после Великой Отечественной войны. Привлекая архивные материалы, периодическую печать и личные записи, он рассказывает о трудовых подвигах строителей, о том, как шло восстановление города и возрождались его уникальные памятники.

◆ В монографии А. Н. Боханова «Буржуазная пресса России и крупный капитал. Конец XIX в.—1914 г.» (М. Наука. 1984) рассматриваются особенности отношений между капиталом и буржуазной прессой, процесс превращения газетно-издательского дела в отрасль капиталистического предпринимательства. В центре внимания — такие издания, как «Новое время», «Русское слово», «Русские ведомости», «Речь», «Голос Москвы», «Утро России».

◆ Ц. П. Каландадзе («Участие грузин в культурной и общественной жизни России в 1-й половине XIX в.» Тбилиси. Мецниереба. 1984) рассматривает деятельность некоторых представителей грузинской эмиграции, приехавших в Россию с Вахтангом VI и ранее, а также членов грузинской колонии, прибывших в Россию в начале XIX века.

◆ Книга А. И. Копанева «Крестьяне Русского Севера в XVII в.» (Л. Наука. 1984) характеризует историю черносошных крестьян, их экономическое и правовое положение, борьбу за сохранение своего статуса.

◆ Н. П. Гриценко исследует историю Дербента, Семендера, Татартупа, Кизляра, Моздока, Владикавказа и других городов, их влияние на развитие производительных сил региона («Города Северо-Восточного Кавказа и производительные силы края. V—середина XIX века». Ростов н/Д. Изд-во Ростовского университета. 1984). Монография написана на основе данных археологических изысканий и документов, многие из которых вводятся в научный оборот впервые.

◆ В издательстве «Дониш» вышло в свет исследование монетного дела и денежного обращения в древней Средней Азии (Е. В. Зеймаль. «Древние монеты Таджикистана». Душанбе. 1983). В книге представлен нумизматический материал, охватывающий время от V в. до н. э. по V в. н. э. В основу публикации легло собрание древних монет АН ТаджССР, которое сопоставляется с материалами музеев других среднеазиатских республик, а также археологическими находками. Особое внимание автор уделяет использованию древних монет в качестве источника.

◆ Имя ученого-энциклопедиста Абу Насра аль-Фараби (870—950 гг.) прочно вошло в историю мировой науки и культуры. Авторы сборника «Социально-этические и эстетические взгляды аль-Фараби» (Алма-

Ата. Наука. КазССР. 1984) вводят в оборот новые источники, сопоставляют воззрения аль-Фараби со взглядами Платона, Аристотеля, иных мыслителей прошлого.

◆ К 1200-летию юбилею ученого-энциклопедиста ал-Хорезми издательство «Дониш» выпустило сборник «Хорезм и Мухаммад ал-Хорезми в мировой истории и культуре» (Душанбе. 1983). В нем рассматривается история средневекового Хорезма и освещаются различные аспекты творчества ал-Хорезми.

◆ Сборник «Этнография народов Сибири» (Новосибирск. Наука. Сибирское отделение. 1984) посвящен материальной и духовной культуре русского и коренного населения Сибири в свете новейших полевых исследований.

◆ Новые материалы из раскопок Верхнетарасовской, Днестровской, Донецкой, Запорожской, Левобережной и других экспедиций публикуются в сборнике «Антропологические данные о составе древнего населения на территории Украины» (Киев. Наукова думка. 1984).

◆ В книге «Семья у селькупов (XIX—начало XX в.)» (Новосибирск. Наука. Сибирское отделение. 1984) И. Н. Гемуев выделяет исторические формы семьи у селькупов, устанавливает причины их смены, рассматривает формы брака, хозяйственную деятельность семьи, семейные обычаи и традиционные принципы воспитания детей.

◆ Публикуемый в работе И. Л. Кызласова материал («Аскизская культура Южной Сибири X—XIV вв.» М. Наука. 1983) позволяет получить представление о материальной культуре местного населения Верхнего и Среднего Енисея, о ее происхождении и развитии. По-новому освещены многие проблемы социально-экономического развития древнехакасского государства и некоторые моменты его политической истории.

◆ Сборник трудов советско-болгаро-венгерской экспедиции «Маяцкое городище» (М. Наука. 1984) посвящен результатам трехлетних раскопок на крупнейшем памятнике салтово-маяцкой культуры, состоящем из крепости и большого поселения. Авторами рассмотрены история и задачи археологических изысканий на городище, а также вопросы антропологических исследований останков жившего там населения.

◆ «Материалы по древней и средневековой археологии Юга Дальнего Востока СССР и смежных территорий» (Владивосток, 1983) — сборник научных трудов о материальной и духовной культуре населения южной части советского Дальнего Востока эпох древности и средних веков. Данные полевых исследований, проведенных с привлечением современных естественнонаучных методов, позволяют осветить социально-экономическое развитие местного населения.

◆ В сборнике статей «Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья» (Киев. Наукова думка. 1984) вводятся в научный оборот материалы раскопок белозерских могильников, рассматриваются история переходного периода от эпохи бронзы к железному веку, материальная культура

и идеология скифских племен Северного Причерноморья.

◆ Идейной и социально-политической эволюции голлистского движения, его социальной базе в современной Франции посвящена книга Г. И. Новикова «Голлизм после де Голля. 1969—1981 гг.» (М. Наука. 1984). В работе анализируются причины кризиса голлизма, деятельность партии Объединение в поддержку республики, оценивается влияние голлизма на политическое развитие Франции.

◆ В работе В. А. Рыжикова «Британский лейборизм сегодня: теория и практика» (М. Мысль. 1984) предпринята попытка комплексного анализа теории и практики лейборизма на основе изучения главных направлений внутренней и внешней политики послевоенных лейбористских правительств Англии.

◆ В. М. Матвеев («Британская дипломатическая служба». М. Международные отношения. 1984) исследует структуру и функции МИД Великобритании и английских представительств за рубежом, рассматривает организацию британской внешнеполитической пропаганды, систему подготовки дипломатических кадров.

◆ В книге «Борьба Вашингтона против революции в Иране» (М. Международные отношения. 1984) В. А. Кременюк прослеживает действия американского империализма, направленные против революционного процесса в Иране, анализирует формы и методы империалистического вмешательства в дела этой страны.

◆ Б. Х. Парвизпур («Великий Октябрь и суверенитет Ирана». Тбилиси. Мецниереба. 1984) исследует русско-иранские и советско-иранские отношения с конца XIX в. по начало 1920-х годов. Особое внимание уделено им анализу советско-иранского договора 1921 г. как основополагающего документа советско-иранских отношений.

◆ В. А. Богословский и А. А. Москалев («Национальный вопрос в Китае (1911—1949)». М. Наука. 1984) характеризуют национальную ситуацию в Китае, политику гоминьдана и КПК в национальном вопросе, подход Сунь Ятсена к национальной проблеме, доктрину «единой нации» Чан Кайши, положение в национальных районах Китая.

◆ В монографии Н. А. Иванова «Османское завоевание арабских стран, 1516—1574» (М. Наука. 1984) освещается политическая история арабских стран в XV—XVI вв., внешние и внутренние предпосылки османского завоевания, распространение туркофильства в арабском мире, борьба арабских народов против иностранного порабощения.

◆ А. С. Шофман в монографии «Распад империи Александра Македонского» (Казань. Изд-во Казанского университета. 1984) рассматривает историю государств диадохов. Книга завершает цикл исследований автора, результаты которых изложены в работах «История античной Македонии» и «Восточная политика Александра Македонского».

◆ В свое время акад. А. П. Окладников предложил создать при Этнографическом музее народов Забайкалья археологический комплекс под открытым небом. Сейчас завершена первая очередь этого комплекса. Здесь собрано около 30 различных памятников, найденных в результате десятилетних археологических работ в различных зонах Восточной Сибири и Забайкалья. Бронзовый век представлен четырьмя плиточными могилами знати и рядового населения, жертвенным очагом, тремя «олениными» камнями, фрагментом скалы с красочными рисунками «селенгинского» стиля; хуннское время — двумя землянками с Нижневолгинского городища, двумя надмогильными кладками, подготовлено к переносу захоронение хуннского вождя из Ильмовой пади; тюркское время — четырьмя камнями с рельефными рисунками, двумя рядовыми могилами, жертвенным очагом, пятью шатровыми могилами курыкан с о. Ольхон на Байкале; эпоха ранних монголов — тремя типами надмогильных каменных сооружений; перенесены также памятники раннего буддизма.

◆ При земляных работах в кишлаке Кахрамон Гиссарского р-на в Таджикистане найдена хорошо сохранившаяся фигурка богини Анахиты, выполненная из обожженной глины. Возраст находки — I—III в. н. э.

◆ При раскопках на месте строящегося Жинвальского гидротехнического узла грузинские археологи обнаружили остатки древних поселений городского типа, датируемых III—IV вв., богатое женское погребение с многочисленными ювелирными изделиями, римские монеты.

◆ При раскопках средневековой крепости армянские археологи обнаружили в ее кладке камень с клинописной надписью урартского царя Аргишти I. При ремонтных работах в с. Саригюх Иджеванского р-на обнаружено захоронение воина с хорошо сохранившейся амуницией. Обряд захоронения и найденные предметы указывают на то, что это — захоронение монгольского воина XIII века.

◆ У с. Орловка (Измаильская обл.) открыт памятник древнеримского фортификационного искусства. Рядом с крепостью найден клад монет из электрона (сплава золота и серебра), каждая из которых весит около 16 г и имеет вид морского камушка. На них штампами оттиснуты изображения Афины в коринфском шлеме с гребнем, Атемиды и Диониса. Возможно, этот клад был спрятан во время похода в эти районы Зоопириона, одного из полководцев Александра Македонского.

◆ В Ереване при земляных работах обнаружена гробница VIII в. до н. э., в которой лежали кинжалы, биметаллический меч, шаровидный керамический сосуд с ручками в форме бычьих голов и бронзовый пояс. Рядом вскрыто погребение эпохи средней бронзы, содержащее инкрустированные сосуды, бронзовые кинжалы, булаву, бронзовый котел и обсидиановые наконечники стрел.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СВЯЗИ СОВЕТСКИХ ИСТОРИКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА НА IX МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ

С 4 по 14 сентября 1983 г. в Киеве проходил IX международный съезд славистов. В нем приняли участие около 2 тыс. делегатов из 26 стран мира, в том числе свыше 1100 ученых из СССР и свыше 500 из социалистических стран. Советский комитет славистов проделал большую работу по подготовке съезда. В соответствии с решением пленарных заседаний Международного комитета славистов были изданы резюме докладов и письменных сообщений, включенных в его Программу¹. Отдельным изданием вышли доклады советской делегации². В Киеве были изданы также доклады ученых УССР³, а доклады славяноведов БССР и некоторых зарубежных участников были напечатаны отдельными брошюрами.

Открывая съезд, исполняющий обязанности президента Международного комитета славистов акад. АН УССР П. Т. Тронько (Киев) отметил особую значимость встреч и контактов ученых, укрепления научных связей в современных условиях. Он подчеркнул, что славистика может и должна объединять ученых как для плодотворного творческого труда, направленного на всестороннее изучение общественной и духовной жизни, языка и культуры группы родственных народов, так и для созидательных усилий в борьбе за мир.

Большое внимание съезд уделил освещению проблем этногенеза славян, международного значения Древнерусского государства и его культуры, этнических традиций,

этнографии и фольклора славянских народов, проблем исторического и культурного развития славянских народов вплоть до современного этапа, поскольку интерес к истории и культуре славянских народов особенно возрос, когда они вместе с другими народами приступили к созданию нового, социалистического строя.

Работа секции «Историческая проблематика» открылась докладом С. С. Хромова «Развитие советского общества на современном этапе: социально-экономические аспекты». Он дал развернутую характеристику 70-х годов, которые были для советского общества единым и цельным этапом, значительно отличавшимся от предшествовавших ступеней социалистического создания. Докладчик выделил основные факторы экономического роста СССР в этот период, подчеркнул тесную связь изменений в экономике с социальными и политическими явлениями в стране. Особое внимание в докладе было уделено рассмотрению руководящей роли Коммунистической партии на этом этапе. К докладу С. С. Хромова тематически примыкали доклады чл.-корр. АН УССР Ю. Ю. Кондуфора (Киев) «Советская Украина в братском союзе народов СССР» и чл.-корр. АН БССР П. Т. Петрикова (Минск) «Основные черты социального развития Белорусской ССР в составе СССР». Постановка такого рода докладов способствовала расширению представлений о стране — устроительнице съезда, осмыслению широких социально-экономических и культурных аспектов развития славянских народов в рамках советского общества.

Выступая в прениях по докладу С. С. Хромова, И. М. Некрасова остановилась на значении топливно-энергетической базы СССР на современном этапе и подчеркнула, что с ее развитием меняется социальный уровень регионов, уровень и ус-

¹ См. IX Международный съезд славистов. Резюме докладов и письменных сообщений. М. 1983.

² История, культура, этнография и фольклор славянских народов. IX Международный съезд славистов (Киев, сентябрь 1983 г.). Доклады советской делегации. М. 1983.

³ Історія, культура, фольклор та етнографія слов'янських народів. IX Міжнародний з'їзд славистів. Київ. 1983.

ловия развития производственных отношений ставятся на более высокую ступень. Большую часть своего выступления И. М. Некрасова посвятила топливно-энергетическому комплексу Западной Сибири.

В подсекциях «Этногенез славян в свете данных археологии и истории» и «Киевская Русь и ее международные связи» значительное место заняли доклады и сообщения о древнейшем периоде истории славян, а также развитии славянских государств и народов в эпоху средневековья. Выступая на пленарном заседании, акад. Б. А. Рыбаков в докладе «Киев и его вклад в развитие славянских народов и в мировую культуру» показал значение «матери городов русских» для развития европейской культуры, торгово-экономического и культурного обмена между Западом и Востоком. С момента возникновения Киевская Русь, подчеркивалось в докладе, объединяла как восточных славян, так и неславянские народы Восточной Европы (балтов, финно-угров, кочевников-тюрков). Докладчик привел интересные и малозвестные факты, свидетельствующие о вкладе Киева в развитие европейского искусства эпохи средневековья.

В центре внимания участников съезда находилась проблема происхождения славян, обсуждавшаяся в секциях «Языкознание» и «Историческая проблематика», а также на специально организованном «круглом столе» по теме «Этногенез славян». К сожалению, в этой дискуссии приняли участие только лингвисты, археологи и этнографы, хотя возможности критической интерпретации и сопоставления немногочисленных, но весьма ценных свидетельств античных и раннесредневековых авторов о древних славянах, известных под названиями «венеды», «склавины» и «анты», далеко не исчерпаны и дают возможность для широкого обсуждения этой проблемы историками. В лингвистике же (и об этом говорилось на съезде) сейчас идет пересмотр положений о позднем (около середины I тыс. до н. э.) появлении славян на исторической арене. Конкретно установить точную дату выделения славян из индоевропейской группы в качестве самостоятельного этноса, как отметил, подводя итоги дискуссии, чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачев, лингвистика пока не в состоянии. Еще один важный для изучения истории славян вывод, к которому пришли лингвисты, заключается в том, что накануне распада на отдельные славянские языки (т. е. в первой половине I тыс.

н. э.) праславянский язык не был уже единым, а представлял собой сложное многодиалектное образование.

Из выступлений археологов по данной проблеме наибольший интерес вызвал доклад В. В. Седова, обобщившего данные о связях первобытной славянской культуры с кельтской. В докладах археологов Б. Хроповского, П. Шалковского (оба — Чехословакия), В. Д. Барана (Киев) и Л. Д. Побоя (Минск) предпринималась попытка обосновать мысль о том, что раннесредневековые славянские древности формировались на базе не одной, а нескольких отличающихся культур железного века. На подсекции были заслушаны и доклады советских этнографов: М. М. Громыко — «Проблемы, методы и источники исследования этнических традиций восточных славян (XVIII—XIX вв.)» и чл.-корр. АН БССР В. К. Бондарчика и И. В. Чаквина (оба — Минск) — «Проблемы этногенеза белорусов в трудах славянских ученых». Выступая в дискуссии, В. В. Седов и В. Б. Перхавко критиковали доклад Л. Д. Побоя «Проблемы славянского этногенеза (по данным археологических источников)», считая, что в нем для доказательства гипотезы непрерывности развития культуры славян на территории Белоруссии с эпохи раннего железного века и до раннего средневековья использован недостаточно обработанный, хронологически и типологически не дифференцированный археологический материал.

Важное место в работе съезда заняла проблематика, связанная с историей Древней Руси. Доклады на заседаниях подсекции «Киевская Русь и ее международные связи» по тематике и содержанию можно разделить на две группы. Первая была посвящена различным направлениям внешних связей Руси, а вторая — тем или иным аспектам развития ее культуры. Широкая и всеобъемлющая картина отношений Древнерусского государства с другими странами и народами была дана в докладе чл.-корр. АН СССР В. Т. Пашута «Древняя Русь — великая держава средневекового мира» (его зачитал Я. Н. Щапов). В докладе были прослежены особенности развития системы международных связей и дипломатии Древней Руси, показаны направления ее внешнеполитической деятельности, причем правомерно подчеркнуто большое влияние международной торговли на внешнюю политику. Тщательное изуче-

ние и обобщение разнообразных письменных источников позволило докладчику объективно оценить выдающуюся роль Древней Руси в формировании политической карты средневековой Европы, в борьбе ее народов с завоевателями. Выступавшие в дискуссии А. Б. Головкин, Н. Ф. Котляр (оба — Киев), В. В. Седов, болгарская исследовательница В. Тыпкова-Займова дали высокую оценку вкладу известного советского ученого в изучение истории и внешней политики Древней Руси.

Ряд докладов был посвящен связям Руси со славянскими странами и народами в период средневековья. Болгарский ученый И. Божилов в докладе «Болгария и Киевская Русь» выделил как позитивные, так и негативные факторы, оказавшие влияние на процесс развития политического и культурного сотрудничества между двумя славянскими государствами и народами. По его мнению, несовпадение этапов политического развития препятствовало налаживанию постоянных политических отношений Болгарии с Русью; поэтому их взаимные контакты осуществлялись главным образом в сфере духовной культуры и выразились в многостороннем и прочном влиянии Болгарии на духовную жизнь Киевской Руси. Положительно оценив доклад в целом, В. Б. Перхавко отметил, что не следует преувеличивать значение неблагоприятных для развития болгаро-русского сотрудничества моментов, а С. А. Высоцкий и Г. Н. Логвин (оба — Киев) дополнили картину этого сотрудничества ссылками на связи Руси с Болгарией в области архитектуры, а также письменности.

Доклад В. Хензеля (ПНР) «Контакты польских земель с Киевской Русью. Основные направления» базировался на результатах многолетних исследований польских историков и археологов в данной области и охватывал практически все сферы отношений Руси с Польшей — политику, торговлю, ремесло, культуру, военное дело. Проследивая вехи развития и расширения масштабов польско-русских связей, начиная с VI—IX вв. и до монголо-татарского нашествия, докладчик пришел к выводу о важности этих контактов для развития обоих славянских государств и народов. В чехословацкой историографии проблема связей с Русью пока практически не изучена. Попытка в какой-то степени восполнить данный пробел была предпринята

в докладе Д. Бялековой и А. Руткай (оба — ЧССР) «Отношения Киевской Руси с восточной частью Великой Моравии в V—X вв.», авторы которого, основываясь на археологическом материале, привели ряд параллелей и непосредственных заимствований в материальной культуре раннесредневекового населения Киевской Руси и Словакии. Они свидетельствуют как об общности происхождения славянских народов, так и об имевших место передвижениях этнических групп, торговых, культурных и политических контактах, для иллюстрации которых в докладе были привлечены также свидетельства письменных источников.

Доклад Г. Г. Литаврина «Киевская Русь, Болгария и Византия в IX—X вв.» представлял собой пример новаторского подхода к интерпретации давно известных науке, но тем не менее не исчерпавших свои познавательные возможности письменных источников (в частности, сочинения Константина Багрянородного «Об управлении империей»). Анализ сообщений о путешествиях русских в Константинополь позволил докладчику более четко определить место и роль Болгарии в системе русско-византийских отношений в IX—X веках. Высокая оценка доклада была дана И. Божиловым (НРБ) и В. Б. Перхавко, который привел археологические данные, подтверждающие мнение Г. Г. Литаврина о взаимосвязи русско-византийских и русско-болгарских торговых контактов.

В других докладах рассматривались некоторые аспекты отношений Древнерусского государства со странами Западной Европы и Скандинавией. Проанализировав состояние и масштабы сотрудничества Руси с Западом, Д. Вёрн (ФРГ) констатировал, что изменение политической ситуации заставило русские княжества в начале XIII в. вновь обратить взор на Византию в ущерб более развитым в XII в. связям Руси с Западной Европой. Как отметил, выступая в дискуссии, Н. Ф. Котляр, при показе влияния Запада на Русь необходимо помнить и о русском воздействии на западно-европейскую культуру.

Для заседаний подсекций в целом был характерен дух научной дискуссии. Интересный доклад Ж. Бланкова (Бельгия) «Мнимая проблема: норманские и антинорманские теории о происхождении Киевского государства» свидетельствовал о том, что даже представители буржуазной исто-

рической науки ныне признают ненаучный характер норманистской теории. Сегодня в науке идет речь лишь об определении роли варягов в историческом и культурном развитии восточных славян. Привлек внимание участников съезда доклад Г. Якобсона (Швеция) «Варяги и «Путь из Варяг в Греки», в котором была предпринята попытка пересмотреть традиционную точку зрения о трассе этого знаменитого пути. По мнению докладчика, русские узнали скандинавское название «варяги» при посредничестве саамов, а путь «из Варяг в Греки» шел из Северной Норвегии в Белое море, далее по Северной Двине, Волге и Днепру. Сопоставив в докладе «Поп Упырь Лихий и шведский рунический мастер Офейр Упир» эти два персонажа, упоминающиеся в древнерусских и шведских источниках XI в., шведский ученый А. Шёберг пытался доказать, что они представляют одно и то же лицо — шведа, бывшего священником в Новгороде, а затем переселившегося на родину и ставшего там руническим мастером. В докладе также отмечалось значительное влияние Руси на распространение христианства в Швеции. Гипотеза А. Шёберга была подвергнута сомнению А. Л. Никитиным и Я. Н. Шаповым.

Группа докладов касалась проблем истории древнерусской культуры в целом и ее отдельных областей — литературы, письменности, музыки. Оживленную дискуссию вызвал доклад Х. Бирнбаума (США) «Микрокультуры Древней Руси и их международные связи (Опыт определения местных разновидностей одной культурно-семиотической модели восточноевропейского средневековья)», касавшийся процесса развития духовной культуры Руси с точки зрения семиотики. И. С. Хмель (Киев) выступил с критикой трактовки культуры в докладе только как духовного наследия без учета ее материальной стороны, а также против переоценки внешних факторов и недооценки внутренних движущих сил развития древнерусской культуры. Отвечая на критику, Х. Бирнбаум заявил, что он сознательно взял для анализа лишь духовную часть культуры.

В докладе С. Фукуоки (Япония) «О древнерусском летописном тексте, повествующем о генеалогии первых Рюриковичей» анализировались летописные записи, помещенные в Повести временных лет под 912 и 945 гг. после сообщений о заключении

договоров Руси с Византией. Как предположил докладчик, оба летописных текста, описывающие гибель киевских князей Олега и Игоря, далеко не случайно начинаются со слов «и приспе осень», что объясняется представлением летописца об общем генеалогическом девизе первых Рюриковичей.

Проблеме появления и распространения письменности на Руси были посвящены доклады А. А. Медынцевой «Начало письменности на Руси по археологическим данным» и С. А. Высоцкого (Киев) «Киевские граффити XI—XII вв.». В первом из них объектом исследования стали самые ранние древнерусские орудия письма (стили, или «писала») из кости, а также знаки письменности на вещах, обнаруженных в ходе раскопок раннесредневековых памятников Восточной Европы и относящихся к IX—X векам. Приведенные А. А. Медынцевой материалы свидетельствуют о применении письменности населением древнейших городов и протогородов задолго до официального принятия христианства на Руси. В докладе С. А. Высоцкого были подведены итоги исследования автором надписей XI—XII вв., открытых в различных памятниках Киева — Софийском и Успенском соборах, Золотых воротах, Выдубицком монастыре, Кирилловской церкви, пещерах Киево-Печерской лавры и других. Докладчик показал значение киевских граффити как важнейшего источника для изучения истории и культуры Руси, отметил их разнообразие и проследил связь некоторых надписей с летописанием.

Доклад Т. Ф. Владышевской «Греко-русские контакты в музыкальной культуре Киевской Руси» свидетельствовал о роли Византии в распространении на Руси церковной музыки и нотной записи и их творческой переработке в древнерусской среде.

На заседании подсекции был заслушан доклад акад. Д. Ангелова (НРБ) «Богомильство и Русь», автор которого остановился на характеристике некоторых сходных черт в богомильстве и древнерусских ересях.

Исторические аспекты русской художественной культуры рассматривались и в других секциях (в частности, литературоведения). В дискуссии на подсекции «Литература Киевской Руси в славянском и мировом контексте» выступила Н. А. Соболева. Она остановилась на проблемах исто-

рического развития отечественной эмблематики, которая дополняет важными деталями действительный облик той или иной исторической эпохи.

В целом съезд показал возросший интерес ученых всех стран к ключевым проблемам древней истории славян и Киевской Руси, необходимость расширения и углубления сотрудничества историков европейских социалистических государств в изучении такой актуальной, комплексной проблемы, как экономические, политические и культурные связи славянских народов.

В подсекции «Общественная мысль славянских народов в период Просвещения и национального возрождения и проблемы истории славистики» выступали историки Болгарии, ГДР, СССР, Чехословакии, Югославии, Англии, США, Франции. Были заслушаны доклады: Т. М. Исламова, В. И. Фрейдзона, А. С. Мыльников «Социальное и национальное в освободительной борьбе народов Австрийской империи в эпоху перехода от феодализма к капитализму», чл.-корр. АН УССР Ф. П. Шевченко (Киев) — «Проблема единения славян в общественной жизни Украины в XVII в.», В. Матулы (ЧССР) «Гавличек и Штур — два пути трансформации концепции Яна Колара о славянской взаимности в 40-х годах XIX в. и их отражение в мышлении чехов и словаков», М. Шестака, И. Микулки, В. Щастне (все — ЧССР) — «Общественная мысль славянских народов Габсбургской монархии в буржуазных революциях в Центральной Европе», М. Каспера (ГДР) — «Развитие славистики как отрасли славяноведения после второй мировой войны», В. Ристовского (СФРЮ) — «Развитие македонской общественной мысли в период просветительства и национального возрождения в соответствии с развитием общественной жизни южнославянских народов и славистики в XIX в.», А. Г. Гросса (Англия) — «Русское национальное самосознание в конце XVIII — начале XIX в. и британский пример», П. Р. Магочи (США) — «Формирование национальной идеологии в Галиции в конце XIX в.: не украинской ориентации», Р. Макмастера (США) — «Л. Н. Толстой и Запад», и другие.

Наиболее оживленная дискуссия развернулась по докладам В. Г. Карасева «Первая буржуазно-национальная революция на Балканах (к вопросу о характере Первого сербского восстания 1804—

1813 гг.)», К. Шаровой (НРБ) — «Идейные контакты болгар с общественной мыслью других славянских народов в 60—70-х годах XIX в.» и М. Пандевского (СФРЮ) — «Македонские позиции в отношении балканского мира и южнославянской солидарности в конце XIX — начале XX века». В дискуссии по докладам выступили: Ю. А. Писарев, В. В. Зеленин, В. А. Дьяков, И. И. Лещиловская, Л. П. Лаптева, В. П. Черний, Д. Ф. Поплыко, А. П. Бажова, И. М. Теодорович и др. (СССР), а также В. Трайков, Д. Дойнов (оба — НРБ), В. Матула (ЧССР), В. Ристовский (СФРЮ) и др. В их выступлениях подчеркивалась необходимость дальнейшего изучения идейного наследия эпохи Просвещения и национального возрождения всех славянских народов, что способствовало бы выявлению наиболее общих черт и отличий в их историческом развитии.

В секции «Социальное и культурное развитие славянских народов после 1945 г.» были прочитаны доклады И. М. Кулинич и И. Н. Мельниковой (оба — Киев) — «Национальное и интернациональное в социалистических культурах славянских народов», В. П. Шерстобитова — «Культурные взаимоотношения народов СССР в 60—70-х годах», П. Т. Тронько — «Отображение единства славянских народов в памятниках истории и культуры социалистического Киева», В. А. Афанасьева, М. М. Гордийчука, С. Д. Зубкова (все — Киев) — «Современное украинское искусство в общеславянском контексте», В. Чичовской (НРБ) — «Международные культурные связи Болгарии и движение славянского единства 1944—1948 гг.» и В. Фишера (Франция) — «Политика и модели региональной интеграции в Центральной и Восточной Европе (1944—1948 гг.)». Выступившие в дискуссии по докладам отмечали возрастающую роль культуры в межнациональном общении, говорили о перерастании межгосударственных связей славянских народов в братское сотрудничество социалистических стран и усилении процессов взаимовлияния и взаимообогащения. Подчеркивалась необходимость многостороннего и междисциплинарного изучения проблемы роста социалистического национального самосознания на базе социально-экономических достижений социализма. А. П. Ненароков предложил создать в рамках Международного комитета славистов специальную комиссию по

социальному и культурному развитию славянских народов после 1945 года.

Состоялся «круглый стол» на тему «Крижанич в контексте своего времени», на котором были подведены итоги работы, проведенной историками, филологами и лингвистами Югославии, СССР, Польши, Чехословакии, ГДР, ФРГ, Австрии, Италии, Франции и других стран по изучению наследия этого выдающегося ученого XVII века. В. В. Зеленин в своем докладе подчеркнул, что основной целью деятельности Ю. Крижанича было стремление освободить славян из-под ига Османской империи. Важную роль он отводил при этом России.

На заседании секции «Памятники истории и материальной культуры славянских народов» рассматривались вопросы, связанные с изучением старопечатных и рукописных книг. Е. Л. Немировский отметил, что старопечатные книги как специфические памятники материальной культуры дают представление о политических и правовых взглядах своего времени, морали, философии, искусстве. По его мнению, назрел вопрос о создании международного Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического письма. Выступление Я. Д. Исаевича (Львов) было посвящено Ивану Федорову, 400-летие со дня кончины которого отмечалось в 1983 году. Ранняя славянская печатная книга, подчеркнул оратор, оказала существенное влияние на становление книжного дела у ряда неславянских народов. Некоторые полиграфические новшества, введенные в свое время творцами славянской старопечатной книги, до сих пор используются в издательской практике и книжной графике. С. О. Шмидт сообщил, что в Советском Союзе завершено составление первого выпуска Сводного каталога славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. Не менее важной является задача создания «Каталога русской, украинской и белорусской книги, хранящейся за рубежом», подчеркнул на заседании Я. Н. Щапов. С докладом о значении Киевских глаголических листов выступила Б. Белчева (НРБ).

Подводя итоги работы исторической секции и ее подразделений, член Международного комитета славистов В. Матула (ЧССР) на пленарном заседании отметил, что она

подтвердила плодотворность междисциплинарного изучения нерешенных вопросов. Для совместного обсуждения тем необходимо и совместное изучение архивных материалов, что будет способствовать подлинно научному подходу к освещению нерешенных проблем.

Съезд принял обращение к ученым всего мира с призывом бороться за предотвращение опасности ядерной войны⁴.

Для участников съезда была развернута выставка славистической литературы, где было представлено несколько тысяч изданий по языкознанию, литературоведению, истории, археологии, фольклору и этнографии, вышедших во всем мире за последние пять лет.

По решению Оргкомитета в ближайшее время будут подготовлены к печати и опубликованы материалы дискуссий, происходивших на заседаниях съезда славистов.

За большой вклад в развитие научных исследований и укрепление сотрудничества в области славистики в дни работы съезда ряд зарубежных ученых — В. Георгиев (НРБ), И. Хамм (Австрия), М. Парtridge (Англия), Б. Крефт (Югославия) — были удостоены почетных званий докторов Киевского университета имени Т. Г. Шевченко.

Новым президентом Международного комитета славистов был избран В. Георгиев (НРБ). Следующий съезд славистов состоится в Софии в 1988 году.

Участники съезда отметили его представительность и высокий научный уровень докладов, деловую, творческую атмосферу, которая царилла во время дискуссии, хорошую организацию. На съезде были не только подведены итоги исследований, но также намечены перспективы дальнейшего изучения наиболее актуальных проблем славистики. Съезд явился примером плодотворного сотрудничества ученых различных стран*.

Е. Н. Рудая, В. Б. Перхавко

⁴ Текст его опубликован (Правда, 15.IX.1983).

* Авторы информации благодарят С. С. Хромова, А. П. Бажову, И. М. Некрасову, А. П. Ненарокова, В. Е. Романова, Н. А. Соболеву, Я. Н. Щапова, В. П. Шерстобитова, С. О. Шмидта, поделившихся с ними своими впечатлениями о работе съезда.

ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА ЗА РУБЕЖОМ

Обзоры

НОВЫЕ ДОКУМЕНТЫ И СТАРЫЕ ВЫМЫСЛЫ О РОЛИ БАЛКАН В ВОЗНИКНОВЕНИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В последние годы заметно возрос интерес исследователей к первой мировой войне и ее предыстории, что объясняется двумя причинами — публикацией новых, ранее неизвестных материалов о ее происхождении (после открытия во многих странах Запада архивных фондов 50-летней давности), а также усилением идеологической борьбы марксистской и буржуазной историографии вокруг этой проблемы в связи с приближающимся 70-летием со дня ее начала. В СССР¹ и за рубежом² вышел ряд работ и публикаций документов о войне, и в то же время буржуазные историки реакционного направления пытаются возродить старые, давно опровергнутые версии ее возникновения.

Из новых зарубежных изданий источников по предыстории войны принципиально важное значение имеет многотомная публикация «Документы о внешней политике Королевства Сербии», предпринятая Отделением исторических наук Сербской Академии наук и искусств (САНИ) при участии Секретариата иностранных дел СФРЮ³. Издание состоит из семи томов (15 частей) и охватывает период с января 1903 г. по август 1914 г., т. е. тот этап в истории международных отношений на Балканах, когда последние стали привлекать к себе возросшее внимание великих держав в связи с изменением в этом регионе расстановки политических сил после переориентации внешней политики Сербии с Австро-Венгрии на Россию, а также после ряда других важных событий на Балканах и Ближнем Востоке: младотурецкой революции 1908 г., боснийского кризиса 1908—1909 гг., итало-турецкой войны 1911—1912 гг., Балканских войн 1912—1913 гг. и политического кризиса 1913—1914 гг., вызванного направлением в Турцию германской военной миссии фон Сандерса. По меткому выражению видного итальянского историка Л. Альбертини, Балканы в тот период превратились в «пороховой погреб» Европы, в один из центров международной напряженности⁴.

Между тем изучение истории этих событий до выхода в свет названной публикации не было обеспечено солидной источниковой базой, что породило немало противоречивых концепций и даже вымыслов. Долгое время исследователи, анализируя причины международных конфликтов на Балканах, опирались на австрийские и германские публикации т. н. сербских трофейных документов, т. е. издание, в значительной своей части не отличавшееся достоверностью. Чтобы в полной мере оценить значение новой публикации, обратимся к предшествующим изданиям сербских дипломатических доку-

¹ История первой мировой войны 1914—1918. В 2-х тт. М. 1975; Емел В. А. Очерки внешней политики России в период первой мировой войны. М. 1977; Нарочницкий А. Л. Великие державы, восточный вопрос и первая мировая война. В кн.: Великие силы и Сербия пред první светски рат (далее — Великие силы). Београд. 1976.

² Galantai J. Die Österreichisch — Ungarische Monarchie und der Weltkrieg. Budapest. 1979. См. также статьи Э. Гейса, Р. Плашки, В. Гутше, Ф. Кляйна и др. в сборнике «Великие силы».

³ Документи о спољној политици Краљевине Србије (далее — Документи). Тт. I—VII. Београд. 1980—1981. Составители: Ж. Анич, В. Дедиер, К. Джамбазовски и Д. Лукач. Редколлегия: П. Попович (председатель), В. Чубрилович, В. Дедиер, Б. Павичевич, Р. Самарджич, В. Стоянчевич, Д. Янкович, Д. Лукач (секретарь) и управляющий Дипломатическим архивом Секретариата иностранных дел СФРЮ Ж. Анич.

⁴ Albertini L. The Origins of the War of 1914. Vol. 1, Lnd. 1952, p. 256.

ментов. Единственной публикацией официальных документов МИД Сербии за годы первой мировой войны была «Белая книга», изданная в ноябре 1914 г. в Нише, куда из Белграда под угрозой австро-венгерского вторжения переехало сербское правительство. Она ставила своей задачей подтвердить документами миролюбивую политику Сербии⁵. Об этом говорил, в частности, составленный в миролюбивом духе ответ сербского правительства на австро-венгерский ультиматум от 23 июля 1914 года⁶. Всего эта публикация содержала 52 документа за период от 29 июня до 16 августа 1914 г. по старому стилю. Выпущенное небольшим тиражом издание представляло несомненный интерес, но стало библиографической редкостью и мало кто из исследователей им пользовался.

Вместо него многие исследователи оперировали теми версиями сербских документов, которые были подготовлены оккупационными властями Центральных держав, захвативших в конце 1915 г. территорию Сербии и Черногории. Сербское правительство, эвакуировавшись на о. Корфу, не смогло взять с собой архивные материалы МИД. Единственное исключение составили бумаги министра иностранных дел и главы сербского правительства Н. Пашича, которому удалось вывезти часть наиболее важных документов. Но «Секретное досье» Пашича, как были названы в литературе эти документы, оставалось в его частной коллекции вплоть до его кончины в 1926 году.

Документы МИД Черногории и архивы черногорского двора в своем большинстве погибли. Зарытые в землю по распоряжению черногорского короля Николая I перед его бегством за границу в январе 1916 г., они пострадали от сырости⁷. Только в 1925 г., после реорганизации в Югославии архивных учреждений, началось восстановление черногорских архивов, которое продолжается и поныне.

Оккупанты похитили от 10 до 90% документов МИД Сербии за период с 1871 по 1914 г., вывезя их в Вену, где для их обработки была создана специальная комиссия во главе с полномочным министром Р. Погачаром⁸. Расхищению подверглись также архивы военного ведомства Сербии, которые были отправлены оккупационными властями в Сараево и Терезиенштадт (Тешин), где в ту пору находились центры информационной службы австро-венгерской армии. С целью контрпропаганды имперским верховным командованием было принято решение об использовании сербских документов для доказательства «подрывной деятельности» Сербии против монархии Габсбургов. Австрийский военный разведчик того времени М. Ронге в своей книге описал, как происходила «стилизация» этих материалов: захваченные в Сербии документы произвольно сокращались, в них делались купюры, часть материалов фальсифицировалась⁹.

В 1916 г. в венском офицозе «Neue Freie Presse», а также в венгерской газете «Pester Lloyd» и в органе оккупационных властей Сербии газете «Београдске новине» были опубликованы фальшивки: «Секретное письмо Николая II Романова сербскому королю Петру I Карагеоргиевичу», «Конфиденциальная рукопись русского посланника в Белграде Н. Г. Гартвига» и серия материалов под названием «Тридцать лет тайной дипломатии России на Балканах»¹⁰. Это были обычные для желтой прессы газетные утки, не имеющие ничего общего с подлинными фактами, но тем не менее они вошли в 1919 г. в официальное издание МИД Австрии¹¹. Ими долгое время некритически пользовались зарубежные исследователи.

В 20-е годы появились новые тенденциозные материалы об австро-сербских отношениях накануне войны и сараевском убийстве, послужившем предлогом к нападению монархии Габсбургов на Сербию. Профессор Белградского университета С. Станоевич, находившийся в оппозиции к королевскому правительству, напечатал в Германии

⁵ Дипломатска преписка о српско-аустријском сукобу. Ниш. 1914.

⁶ Дипломатски архив Секретаријата иностраних послова СФРЈУ (далее — ДАСИП). — Политичко одељење, 1914, ф. XXI.

⁷ Некоторые материалы за годы первой мировой войны были изданы черногорским историком Д. Вуксаном. См.: Записи (Цетиње). 1937, кн. 8, с. 171—180.

⁸ Документи, кн. VII, св. I, с. 14.

⁹ R o n g e M. Meister der Spionage. Leipzig. 1935, S. 102—107.

¹⁰ См. вырезки из газет: ЦГИА СССР, ф. 1470, оп. 2, л. 21, л. 278.

¹¹ Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges 1914. Bd. I—III. Wien. 1919.

книгу¹², в которой пытался доказать соучастие сербского и царского правительств в сараевском заговоре. С той же версией выступил бывший министр внутренних дел Сербии Л. Йованович, сводивший личные счеты с Иашичем. В своей статье Йованович привел вымышленные данные об активной помощи главы сербского правительства заговорщикам¹³. Английский историк Р. В. Ситон-Уотсон в специальном исследовании¹⁴ доказал беспочвенность этих утверждений. Однако версия, пущенная в ход С. Станоевичем и Л. Йовановичем, была некритически воспринята рядом историков.

В конце 20-х — начале 30-х годов в Германии вышла в свет трехтомная публикация, основанная на тех же «сербских трофейных документах»¹⁵. Ее составитель — бывший поверенный в делах Сербии в Берлине М. Богичевич, перешедший в 1915 г. на германскую службу, не остановился перед «стилизацией» и даже прямым извращением документов, что было доказано экспертизой, проведенной в 1929 г. Главным архивариусом Дипломатического архива Королевства Югославии. Ее правительство обратилось к Германии с официальным протестом против издания публикации. В ноте от 30 января 1929 г., подписанной заместителем министра иностранных дел Королевства Югославии К. Кумануди, говорилось: «Этот сборник составлен из похищенных у нас архивных документов. Его материалы тенденциозно препарированы, переведены с приблизительной точностью (с сербско-хорватского на немецкий язык. — Ю. П.), произвольно датированы и снабжены как купюрами, так и авторскими дополнениями. Публикация основана на абсолютно недостоверных данных»¹⁶. Для ознакомления общественности с содержанием этой ноты ее копия была направлена через югославские посольства во Францию и Англию, а полный текст перепечатан в белградской газете «Политика»¹⁷. Однако названная публикация так и не была изъята из обращения, став для буржуазных историков главным источником.

В 30-е годы в Германии появилось во главе с А. Вегерером «ревизионистское» направление историков, группировавшихся вокруг специального журнала, посвященного проблемам ответственности за войну¹⁸. Многие из них, как показал Ф. И. Нотович, сомкнулись с нацизмом¹⁹. В 1941 г. Гитлер использовал публикацию М. Богичевича и работы историков «школы» Вегерера, чтобы обосновать фашистскую агрессию против Югославии и Советского Союза доводами геополитического порядка, вроде «славянской опасности». В директиве о походе против Югославии он повторил ряд положений австро-венгерского ультиматума Сербии от 23 июля 1914 года²⁰.

В годы второй мировой войны югославские архивы были разграблены гитлеровскими оккупантами. На этот раз, помимо архивов МИД и военного ведомства, из страны были вывезены материалы Архива Королевства Югославии, где хранились внешнеполитические документы королевского двора Сербии. По заданию Геббельса и Риббентропа и при финансовой поддержке правительства третьего рейха австрийскими нацистскими историками Г. Юберсбергером, Л. Биттнером и А. Хаеком подготавливалось восьмитомное издание сербских дипломатических документов с 1908 по 1914 год. Однако группе Юберсбергера удалось опубликовать только один (3-й) том из запланированной серии²¹. Изданная венским Рейхсархивом публикация содержала фальсифицированные материалы, которые должны были доказать, что будто бы борьба народов Боснии и Герцеговины за освобождение от гнета Габсбургов была спровоцирована извне, из Сербии.

¹² Stanojevič S. Die Ermordung des Erzherzogs Franz Ferdinand. Frankfurt a/M. 1923.

¹³ Јовановић Љ. После Видовдана 1914.— Крв словенства. Споменица десетогодишнице светског рата 1914—1924. Београд. 1924.

¹⁴ Сетон Ватсон Р. В. Сарајево. Загреб. 1925.

¹⁵ Bogitschewitsch M. (Hrsg.). Die Auswärtige Politik Serbiens 1903—1914. Bd. I—III. Brl. 1928—1931.

¹⁶ Државни архив Социалистичке републике Србије, ф. МС, № 133.

¹⁷ Политика, 7.II.1929.

¹⁸ Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung. Die Kriegsschuldfrage. Hrsg. von der Zentralstelle für Erforschung der Kriegsursachen.

¹⁹ Нотович Ф. И. Фашистская историография о «виновниках» мировой войны. В кн.: Против фашистских фальсификаторов истории. М.-Л. 1939.

²⁰ Auswärtiges Amt. 1939—1941. Brl. 1941, № 7 (Dokumente zum Konflikt mit Jugoslawien und Griechenland).

²¹ Grosserbische Umtriebe vor und nach dem Ausbruch des ersten Weltkriegs. Wien. 1944.

Не вошедшие в этот сборник материалы частично были приведены в книге Г. Юберсбергера, а после его смерти — в сочинениях его жены Х. Флайшбаккер-Юберсбергер.

Писания Юберсбергеров отличает крайне пренебрежительное отношение к источникам, тенденциозный подбор материалов, а нередко и прямое их извращение. Начальную известность приобрел факт использования Г. Юберсбергером секретного рапорта руководителя сербской конспиративной организации «Объединение или смерть» («Черная рука») полковника Д. Дмитриевича-Аписа председателю военного трибунала в Салониках, рассматривавшего в 1917 г. дело об этой организации²². Этот документ был обнаружен нацистами в Архиве Королевства Югославии в 1942 г., переведен на немецкий язык и направлен для ознакомления руководству фашистской Германии. По заданию последнего МИД поручил Г. Юберсбергеру написать статью об ответственности Сербии и России за первую мировую войну. Выполняя это задание, он извратил документ, придав ему прямо противоположный смысл. Дмитриевич-Апис писал в рапорте, что русский военный атташе в Белграде В. А. Артамонов не имел никакого отношения к сараевскому заговору 1914 года. Юберсбергер утверждает обратное. Его статья была опубликована в 1943 г. в органе МИД Германии «*Auswärtige Politik*» и затем перепечатана в «*Berliner Monatshefte*»²³. Грубая подделка документа была разоблачена многими исследователями: К. Б. Виноградовым, Л. Альбертини (Италия), С. Гавриловичем (США)²⁴ и др.

Однако реакционные историки продолжают и поныне использовать материалы Юберсбергера. На этих «источниках» построена книга американца И. Римэка²⁵. Фальсификаторские утверждения нацистских историков повторили С. Поссоны (ФРГ) и Ф. Вюртле (Австрия)²⁶. Первый гальванизировал давно опровергнутые наукой версии об участии генерального штаба России в сараевском заговоре, второй пытался оправдать агрессивную политику монархии Габсбургов и кайзеровской Германии на Балканах, представив дело так, будто Центральные державы оборонялись от происков Сербии и России. Его книга, изданная огромным тиражом одновременно в ФРГ, Австрии и Швейцарии и переиздающаяся ныне венским издательством «Ф. Мольте и К^о» как «величайшее открытие века», не опирается, однако, на солидные источники. В ней используются в основном материалы сомнительного свойства.

Выход в свет «Документов о внешней политике Королевства Сербии» не оставляет камня на камне от концепций С. Поссоны, Ф. Вюртле и других реакционных историков. Новая публикация содержит ценные материалы, которые будут способствовать объективному освещению истории международных отношений на Балканах в предвоенные годы. Всего в последние два тома (пять полутомов) этого издания²⁷, охватывающих предвоенные годы (с 1 января 1913 по 4 августа 1914 г.), включено 2014 документов, которые по своему происхождению состоят из двух групп. К первой из них относятся опубликованные ранее документы, перепечатанные после установления их аутентичности. Так, в VI т. из сборника М. Богичевича (за 1913 г.) включено только 138 документов (от № 256 до № 394). Все остальные материалы этой публикации, как выявила проверка, оказались недостоверными. К той же группе источников относятся документы упоминавшейся выше сербской «Белой книги» и коллекция, подготовленная в свое время к печати профессором Белградского университета В. Чоровичем²⁸. Ее издание запретил ориентировавшийся на Германию принц-регент Павел из опасе-

²² См. Писарев Ю. А. За кулисами суда в Салониках над организацией «Объединение или смерть» (1917). — Новая и новейшая история, 1979, № 1.

²³ Übersberger H. Das entscheidende Aktenstück zur Kriegsschuldfrage 1914. — Berliner Monatshefte, 1943, Hf. VII.

²⁴ Виноградов К. Б. Буржуазная историография первой мировой войны. М. 1962, с. 164; Albertini L. Op. cit., p. 256; Gavrilović S. New Evidence on the Sarajevo Assassination. — The Journal of Modern History, 1955, vol. 27, № 4, pp. 410—414.

²⁵ Remek J. Sarajevo. The Story of a Political Murder. N. Y. 1959.

²⁶ Possony S. Zur Bewältigung der Kriegsschuldfrage. Köln. 1968; Würthle F. Die Spur führt nach Belgrad. Hintergründe des Dramas von Sarajevo. Wien — Köln — Zürich. 1975.

²⁷ Редактор VI тома В. Чубрилович, редакторы VII тома М. Бартош и В. Дедиер. (О предыдущих томах см.: Писарев Ю. А. Новое издание сербских дипломатических документов о подготовке и возникновении первой мировой войны. — Новая и новейшая история, 1978, № 3).

²⁸ Ђоровић В. Дипломатска преписка Краљевине Србије 1902—1914. Београд. 1935.

ний, что материалы публикации, раскрывающие подлинную роль Центральных держав в провоцировании мировой войны, могут ухудшить отношения Югославии с Германией²⁹. Ко второй группе документов, опубликованных в новом издании, относятся источники, обнаруженные в югославских архивах, и материалы, которые удалось вернуть в страну из Австрии после второй мировой войны.

Для исследователей наибольший интерес имеют бумаги из «Секретного досье» Пашича, а также документы сербского посольства в Петербурге (Петрограде). «Секретное досье» не сразу стало достоянием государства. После смерти Пашича его семья не возвратила эти материалы в архив МИД. Значительная их часть была утрачена. Сын бывшего министра Раде Пашич — известный коммерсант, распродавая фамильное имущество, сбыв и многие важные документы³⁰. Дипломатическому архиву Секретариата иностранных дел СФРЮ лишь недавно удалось вернуть утраченное. Что касается документов бывшего сербского посольства в Петрограде, то они, напротив, сохранились почти полностью за период с 1883 по 1918 г. и представляют собой ценнейший источник для исследования русско-сербских отношений того времени.

Советское правительство, как известно, создало благоприятные условия для работы сербского посольства в Петрограде (с 1918 г. — в Москве), разрешив ему не только отправить в Сербию всю документацию миссии, но и ознакомиться с архивами бывшего МИД царской России по югославянской проблеме³¹. Эмиссар сербского правительства в Советской России Р. Йованович констатировал: «Я как представитель сербской миссии получил от Советской власти «личные гарантии»: мог свободно разъезжать по всей России, за границу и обратно. Руководитель Восточного отдела НКВД А. Вознесенский сказал мне, что я — единственный официальный представитель, кому революционная Россия верит во всем»³². По инициативе В. И. Ленина сотрудникам сербского посольства в РСФСР были переданы материалы секретного Лондонского договора 1915 г. России, Англии и Франции с Италией, согласно которому Италия должна была получить часть югославских территорий на восточном побережье Адриатического моря. Сербское правительство использовало этот документ в защиту национальных интересов своей страны³³.

По-иному сложилась судьба переписки сербских миссий в Лондоне, Париже и Вене с Белградом. Почти все бумаги, хранившиеся в архивах этих посольств, были расхищены частными лицами, а в самом МИД Сербии сохранились лишь те материалы, которые посылались в эти страны внешнеполитическим ведомством в Белграде. Таким образом, документы, вошедшие в рассматриваемую публикацию, далеко не полностью отражают деятельность МИД Сербии. Комиссия САНИ в связи с этим продолжает работу по выявлению новых источников.

Чем же интересны материалы публикации? Что нового найдет в ней исследователь? В VI т. напечатаны малоизвестные документы об отношениях Сербии с сопредельными странами, а также интересные материалы о политике великих держав на Балканах в период балканских войн и мирной конференции в Лондоне 1912—1913 годов. Об этой конференции и о совещании послов шести великих держав, которые рассматривали балканские вопросы, первоисточников почти не сохранилось. Встречи дипломатов проходили, как правило, за закрытыми дверями, и на этих совещаниях не велись протоколы. Единственным документом «для истории» оказался дневник французского посла в Англии П. Комбона. Между тем в архивах внешнеполитических ведомств балканских государств отложилась переписка их правительств со своими делегациями на мирной конференции, представляющая значительный интерес для историков. Многие из этих документов вошли в состав публикации (ч. I, № 77, 78, 100, 137 и др.).

²⁹ По распоряжению властей была запрещена и книга того же автора «Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку». Београд, 1936.

³⁰ Mihajlović-Sila Z. Istorija Rade Pašića.—Reporter, Beograd, 3.XI.1983, № 874.

³¹ См. Писарев Ю. А. Советско-сербские отношения в период Бреста и югославянской проблема.—Вопросы истории, 1973, № 8, с. 30—31.

³² Архив Српске академије науке и уметности, № 9829.

³³ Документ хранится в ДАСИП, Политичко одељење, ф. Српско посланство у Петрограду.

Довольно большое место занимают в томе материалы на тему «Россия и Балканы во время мирной конференции». Документы показывают, что российское правительство защищало на лондонских встречах дипломатов интересы Сербии, Черногории, Албании и других балканских государств, в то время как Австро-Венгрия являлась главным их противником. Об этом говорят и инструкции министерств иностранных дел России и Австро-Венгрии своим представителям на совещании шестерки. В инструкции С. Д. Сазонова А. К. Бенкендорфу от 13 декабря 1912 г. выдвигались следующие задачи: 1) добиваться закрепления результатов побед Балканского союза; 2) поддерживать требования Сербии о предоставлении ей выхода к Адриатическому морю; 3) оказывать противодействие планам Австро-Венгрии превратить Албанию в зависимую от нее территорию³⁴. Представитель Австро-Венгрии граф А. Менсдорф получил иное предписание: 1) ни под каким видом не допускать Сербию к Адриатическому морю; 2) добиться установления протектората Австро-Венгрии над Албанией³⁵. В публикации содержатся материалы, раскрывающие эти две противоположные линии (ч. I, № 49, 76, 95, 99, 100, 112, 129 и др.).

Хотя в литературе обстоятельно изучен июльский кризис 1914 г., но и по этому вопросу исследователь найдет в публикации немало нового. Интересны, в частности, неизвестные ранее материалы об отношении к этому кризису балканских государств (ч. II, № 346, 445, 465) и Турции (№ 385, 412), а также Англии, Италии и Франции (№ 413, 414, 427, 450, 469, 485).

В VII т. публикации приводятся важные документы по предыстории первой мировой войны, которые доказывают несостоятельность концепций буржуазной историографии о том, что монархия Габсбургов будто бы начала войну против Сербии в ответ на антиавстрийскую деятельность последней. На самом деле, как это видно из документов, Австро-Венгрия еще в апреле—мае 1914 г., т. е. задолго до сараевского убийства, приступила к концентрации войск на границе с Сербией (ч. I, № 568, 594, 603; ч. II, № 184, 205), преследуя цель захватить не только ее, но и Новипазарский санджак с дальнейшим выходом к Салоникам (ч. I, № 498, 502). 30 мая 1914 г., по данным сербского военного министерства, генеральным штабом Австро-Венгрии был утвержден военно-оперативный план нападения на Сербию (ч. II, № 184), а 2 июня того же года (за 26 дней до Сараева!) командующий австро-венгерскими войсками в Боснии генерал О. Цотиорек издал секретный приказ о непосредственной подготовке вторжения этих войск на территорию Сербии (ч. II, № 205).

Другими важными новыми источниками о роли Балкан в возникновении мировой войны 1914—1918 гг. являются два документа, обнаруженные один — югославским историком А. Митровичем в фондах германского политического архива иностранных дел в Бонне и другой — автором этих строк в советских архивах. Первый документ — секретная инструкция Вильгельма II статс-секретариату по иностранным делам от 16 августа 1913 г. — помогает определить, когда произошел переход кайзеровского правительства в балканской политике от нейтралитета к курсу на войну. «Ныне, — говорилось в документе, — может быть отодвинута на задний план важнейшая задача нашей политики: сохранить в Европе мир». В инструкции ставилась задача создать на Балканах под эгидой Германии военно-политический блок, а в случае неосуществимости этого плана — завоевать Балканы³⁶. Любопытна история хранения этого документа. Сначала он находился в сейфах МИД, затем — в канцелярии Вильгельма II в Потсдаме, а после его бегства в Голландию был передан в боннский архив, где и хранится по настоящее время. Опытной рукой он был запрятан во второстепенное досье «Оксфорд» и только случайно попал в руки исследователя.

Другой документ — секретный рапорт начальника штаба Киевского военного округа начальнику Генерального штаба России от 8 февраля 1914 г. — хранится в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР. В нем сообщалось, что на состоявшемся 24 января 1914 г. в Вене заседании генерального штаба Австро-Венгрии был зачитан меморандум германского статс-секретариата по иностранным де-

³⁴ См. АВПР, ф. Политархив, л. 131, лл. 91—94.

³⁵ Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise bis zum Kriegsausbruch 1914. Bd. V. Wien — Leipzig. 1930, №№ 4911, 4924.

³⁶ Цит. по: Mitrović A. Prodor na Balkan i Srbija 1908—1918. Beograd. 1980, s. 149—150.

лам о новом направлении балканской политики Германии. В документе также идет речь о целесообразности превентивной войны на Балканах и в Европе с целью срыва программы перевооружения русской армии³⁷.

Эти документы подтверждают содержащийся в коллективном труде³⁸ историков ГДР вывод о том, что германский империализм взял курс на войну уже осенью 1913 г., а не вел политику ее оттяжки, как продолжают утверждать многие буржуазные историки. 8 июня 1914 г., за 20 дней до сараевского убийства, Вильгельм II заверил Вену в поддержке со стороны Германии в случае, если Австро-Венгрия нападет на Сербию. «Скоро начнется третья балканская война, в которой мы примем участие»³⁹, — писал он. Монархия Габсбургов, уверовав в помощь Германии, решилась на войну с Сербией задолго до печально знаменитого ультиматума от 23 июля 1914 года. «Мы начали войну раньше», — записал в своем дневнике от 3 июля того же года министр финансов Австро-Венгрии Л. Билински⁴⁰.

Интересные данные об июльском кризисе 1914 г. и позиции обоих союзников по Центральной коалиции накануне мировой войны привел австрийский историк Ф. Фелльнер, использовав неизвестные ранее материалы из фамильного архива начальника канцелярии министра иностранных дел Австро-Венгрии графа А. Хойоша⁴¹. Последний, как видно из его дневника, не верил в официальную версию о сараевском убийстве. «Я, — писал А. Хойош, — никогда не верил, что убийство эрцгерцога Франца Фердинанда было подготовлено и осуществлено при участии правящих кругов Белграда и Петербурга»⁴². Однако тот же Хойош был одним из инициаторов составления провокационного ультиматума и, как позже писал в своих воспоминаниях министр австрийского правительства Й. Редлих, строил свои расчеты на том, что Сербия отвергнет провокационную австро-венгерскую ноту, а это даст предлог для развязывания войны против нее. 15 июня 1914 г. Редлих записал в дневнике: «Сегодня был у Алека Хойоша. Он сказал мне доверительно, что для войны наступил благоприятный момент, но нужно солидное обоснование». Далее Хойош сообщил Редлиху, что его правительство намерено «обкорнать Сербию» и лишить ее самостоятельности. Он сказал, что подготавливается нота, которая «вызовет в Европе сенсацию». На вопрос Редлиха, не приведет ли это к войне, Хойош ответил: «Тем лучше!»⁴³.

Автор ультиматума секретарь канцелярии министра иностранных дел барон А. Мусулин подготовил документ, который поставил Сербию в безвыходное положение: отклонение ультиматума вело к разрыву дипломатических отношений и к войне, принятие австро-венгерских требований — к потере страной независимости. «Мы задали Сербии невыполнимую задачу», — заявил министр-президент Венгрии граф Тиса⁴⁴. Но пока не был получен ответ из Белграда, Вена переживала тревожные минуты. Редлих писал в мемуарах, что на Балльплац в ожидании ответа Сербии проявляли сильную нервозность. «Томительное ожидание, — вспоминал он, — продолжалось до 8 часов 25 минут (24 июля), когда граф Кински (секретарь МИД. — Ю. П.) позвонил мне и сказал: «Отклонили». Я воскликнул: «Ура!» Затем Редлих и его друзья, сторонники войны, на радостях направились в ресторан «Бристоль» и Народный парк. «Мы слушали оркестр, который, к сожалению, без сильного вдохновения, исполнял патристические песни и военные марши, — писал Редлих. — Публики было немного, и никто не проявлял особого энтузиазма»⁴⁵.

В публикации приводятся новые документы об обсуждении австро-венгерского ультиматума сербским правительством (№ 537, 538) и об отношении европейских дер-

³⁷ ЦГВИА СССР, ф. 2000/с, оп. 4, л. 4, л. 4.

³⁸ Deutschland im ersten Weltkrieg. Bd. I. Brl. 1970, S. 139—145.

³⁹ Цит. по: Fischer F. Griff nach der Weltmacht. Die Kriegsziele des kaiserlichen Deutschlands 1914—1918. Düsseldorf, 1971, S. 58.

⁴⁰ Цит. по: Kapp R. Kaiser Franz Josef und der Ausbruch des Weltkrieges. Eine Betrachtung über Quellenwert der Aufzeichnung von Dr. Heinrich Konnas. Wien. 1971, S. 16.

⁴¹ Fellner F. «Mission Hoyos». В кн.: Велике силе, с. 387—418.

⁴² Hoyos A. Der deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Österreich-Ungarns. Brl. 1922, S. 77.

⁴³ Redlich J. Schicksalsjahre Österreichs 1918—1919. Das politische Tagebuch. Bd. I. Graz — Köln. 1953—1954, S. 236.

⁴⁴ Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch 1914. Bd. I. Brl. 1927, № 49.

⁴⁵ Redlich J. Op. cit., S. 236.

жав к ответу Сербии на эту ноту. Однако составители сборника использовали не все документы по этому вопросу. Так, они не привели материалы о беседах заместителя премьер-министра Сербии Л. Пачу и регента Александра с временным поверенным в делах России В. Н. Штрандтманом, состоявшихся до вручения официального ответа Сербии австро-венгерскому посланнику в Белграде барону В. Гизлю. Их содержание изложено в известной советской публикации документов. Там же составители могли найти протокольную запись чрезвычайного заседания Совета министров России от 24 июля 1914 г. по сербскому вопросу⁴⁶. Царское правительство в интересах Сербии предлагало передать ноту Австро-Венгрии на международный арбитраж.

Вместо этого важного документа в публикации воспроизведено недостаточно точное изложение беседы сербского посланника в Петербурге М. Спалайковича с С. Д. Сагоновым. Хорошо известно, что Спалайкович часто грешил против истины. Это отмечало само сербское правительство. В публикации имеется ряд неточностей. Не все документы приводятся полностью. Некоторые из них из-за неудовлетворительного хранения похищенных австро-венгерскими оккупационными властями материалов были настолько испорчены, что не могли быть прочитаны составителями издания. Недостатком публикации является отсутствие подстрочных примечаний и географического указателя, что затрудняет работу с ней.

Публикация в целом заслуживает высокой оценки, ибо дает исследователям много новых ценных источников по истории международных отношений на Балканах накануне первой мировой войны.

Ю. А. Писарев

⁴⁶ Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и Временного правительств. 1878—1917. Сер. III. Т. V. М.-Л. 1934, № 19.

Рецензии

Přehled dějin Československa. I(1) — do r. 1526 (648 s.) I(2) — 1526 až do r. 1848 (648 s.). Praha. Academia. 1980—1982.

Обзор истории Чехословакии. Т. I. Кн. 1—2.

Две книги I т. нового коллективного труда по истории Чехословакии охватывают огромный период от первых следов пребывания человека на территории современной Чехословакии до революции 1848 года. В чехословацкой историографии создание подобных обобщающих работ имеет давнюю традицию. Как правило, каждый такой обзор является не только результатом обобщения проведенных исследований, но и новым шагом в теоретическом осмыслении истории.

Рецензируемый труд — результат работы большого коллектива чешских и словацких историков во главе с акад. Я. Пуршем, чл.-корр. Словацкой АН М. Кропилаком (научные редакторы всего издания), акад.

О. Ржигой, И. Яначек и Р. Марсиной (ответственные редакторы I т.)¹.

По сравнению с предшествующим аналогичным трудом² данный обзор в целом отражает новый этап в развитии исторической науки Чехословакии. На его страницах не только обобщены достижения последних десятилетий в изучении отдель-

¹ Авт. колл.: А. Вантух, П. Вазар, Д. Бялекова, П. Гапак, Ш. Казимир, И. Коржалка, Р. Марсина, Э. Маур, Ю. Месарош, А. Мика, Р. Плейнер, акад. АН ЧССР И. Поулик, П. Раткош, И. Спевачек, Ч. Станя, М. Сухий, Я. Тибенский, Д. Тржештнк, П. Хорват, чл.-корр. Словацкой АН Б. Хроповский, Ф. Шмагель, А. Шпис, Я. Эршил, И. Яначек.

² *Přehled československých dějin. D. I (do r. 1848).* Praha. 1958.

ных вопросов, но и преодолены некоторый схематизм, догматизм и упрощенный подход к сложной проблематике, имевшие место в обзоре 1958 года.

В I т. нового труда более глубоко выявляются объективные закономерности и специфика исторического развития Чехословакии. Отказ от устаревших схем и шаблонов, всесторонность и диалектичность в подходе к осмыслению и изложению исторического процесса позволили авторам предложить ряд новых концепций некоторых периодов истории Чехословакии эпохи феодализма.

Обобщая результаты продолжительной дискуссии о том, что представляла собой Великая Моравия, авторы раздела приходят к убедительному выводу: «Великая Моравия уже была одной из форм раннесредневекового государства», переходным типом, быстро развивавшимся в сторону раннефеодального государства (с. 83—85). В то же время многие важнейшие вопросы истории VIII—начала X в. остаются нерешенными в первую очередь из-за ограниченной источниковой базы, на что и указывают авторы.

Большим достоинством раздела «Чешские земли в период раннего феодализма (X—XII вв.)» является глубокий анализ ранней чешской государственности, влияния географических условий не только на развитие раннефеодальной экономики, но и на формирование территории Чешского государства, важной роли государства как коллективного органа господствующего класса в процессе феодализации общества, роль дружины в генезисе шляхты. Здесь же сформулировано одно из основных положений всего труда — об определенном постоянном отставании Чехии от Западной Европы. «Главной причиной... отсталости было медленное развитие крупного феодального землевладения и сельскохозяйственного производства... В чешских землях весь процесс задержался приблизительно на одно столетие, и этой задержкой было отмечено все их дальнейшее развитие. Это отставание нельзя объяснить лишь континентальным положением чешских земель, отрицательное значение которого наиболее отчетливо проявилось скорее в экономических отношениях развитого феодализма... Прежде всего оно было в значительной мере обусловлено основными условиями возникновения феодальных отношений» (с. 115). Этот тезис проходит через все разделы, посвященные средним векам.

Из анализа социально-экономического

развития раннесредневековой Чехии несколько выпадают города, ибо авторы возвращаются к юридической концепции их возникновения, считая городами лишь те населенные пункты, которые имеют зафиксированные грамотами права и привилегии: тем самым возникновение городов относится лишь к XIII в. (с. 117, 119, 193—196). Это приводит к одностороннему и локальному пониманию города. Остается также неясным вопрос о том, что же представляли собой торговые, ремесленные и политические центры в X—XII веках. Такой подход привел к тому, что при чтении раздела, посвященного Словакии X—XII вв., создается впечатление, будто города на ее территории возникли раньше и были более развиты, чем в Чехии. Подобная несогласованность чешских и словацких глав по вопросам развития экономики есть и в ряде других мест, особенно в главах о XVI веке.

В разделах по истории Чехии XIII—XIV вв. вновь подчеркиваются причины отставания Чехии: замедленное развитие феодального доменального хозяйства и удаленность от путей мировой торговли (с. 188—202); дан глубокий анализ существенных изменений в экономике в XIII веке. Особое внимание привлекают параграфы о колонизации, в которых дается всесторонняя и объективная оценка этого важнейшего процесса, повлиявшего на все развитие средневековой Чехии. Классовый подход к оценке колонизации, в том числе и иноэтнической, помог отрешиться от старых односторонне-национальных концепций и углубить изучение влияния колонизации на все сферы экономической и социальной жизни. Отмечается, что наряду со многими позитивными изменениями колонизация в силу ее стихийности переросла реальные экономические возможности страны, что привело к ряду относительно небольших социально-экономических кризисов вплоть до начала XV в. (с. 201—202). Как существенная черта структуры экономики Чехии всего феодального периода рассматривается зависимость городов от местного рынка, преодолеть которую смогли лишь несколько крупнейших городов (с. 201).

В социальных отношениях XIII в. выделено развитие различных категорий крестьянства, конституирование шляхты как сословия, разделение класса феодалов на высшую (паны) и низшую (рыцари) шляхту и формирование бюргерского сословия. Последнее понимается как «новый общественный класс», а города — как чуждый фе-

одализму и небезопасный для него элемент (с. 204). Такая трактовка сложного вопроса, вызвавшего в марксистской меди-евистике дискуссию о природе средневекового бюргерства, не подтверждается, однако, последующим развитием чешских городов, в которых и в период позднего феодализма не возникло элементов новых общественных отношений. Об этом идет речь в последующих главах, что вносит противоречивость в концепцию авторов труда. Из анализа социального состава городского населения (с. 209—211) остается неясной природа «бюргерского класса» и его состав. Непонятно, включают ли авторы в него патрициат и где проходит черта, отделяющая городскую бедноту от «класса бюргеров».

В главах о политическом развитии и международном положении Чехии в XIV в. учтены новейшие исследования, прежде всего работы Й. Спевачека³. Здесь подчеркивается большой позитивный вклад дипломатии Яна и Карла Люксембургских в превращение Чехии в одну из ведущих стран в европейской политике, значение трансформации ее в сословную монархию и возникновения дуализма власти короля и сословий как определяющей черты внутриполитического развития страны на многие столетия. В оценке правления Карла IV преодолены как старые буржуазные тенденции его прославления, так и не менее одностороннее и тенденциозное стремление к его дискредитации, отразившееся в работах 1950-х годов. В книге дано всестороннее освещение эпохи Карла IV, отмечены и присущие ей противоречия, и негативные стороны, и те достижения в политической, культурной и экономической областях, которые позволили Чехии занять одно из центральных мест в Европе XIV века. Убедительно показаны авторами расцвет экономики чешских земель при Карле IV, а также причины, обусловившие его кратковременность и приведшие к экономической стагнации уже на рубеже XIV—XV вв.; прослежено складывание в чешском обществе глубоких противоречий, вызвавших в начале XV в. общественный кризис.

Наиболее дискуссионна во всем труде (это отмечено самими авторами, см. с. 511) трактовка гусизма как революции, для чехословацкой историографии не новая и не встретившая поддержки у советских исто-

риков⁴. С одной стороны, виден отказ от романтической традиции и идеализации гуситского движения, его негативные моменты даже подчеркиваются (грабительский характер гуситских походов за границу, разделение чешского народа по конфессиональному признаку и др.), учтены новаторские работы Я. Мезника и Шмагеля⁵, убедительно опровергнувших укоренившуюся легенду о гуситском движении как об антинемецкой национально-освободительной борьбе, подчеркивается наднациональный характер гуситской реформации. С другой стороны, отсутствует подробный анализ социального состава движения, не показано, имели ли гуситы реальную позитивную программу, скрытую за теологической оболочкой, идеализируется хилиазм, неточно изложен вопрос о власти в гуситском движении.

Антифеодальный характер гуситского движения и элементы революционности в нем не подлежат сомнению, однако необходимо учесть, что оно было направлено лишь против одного, притом не структурообразующего элемента феодального общества — против власти и богатства католической церкви. Гуситское движение не стало крестьянской войной за освобождение от феодальной эксплуатации. Табориты не видели реальных путей переустройства общества. Именно в этом причина быстрого краха их «коммунистической» общины, а не в том, что агрессия крестоносцев вынудила их объединиться с умеренным бюргерством (с. 439). Кстати, причины, заставлявшие таборитов очень часто объединяться с пражанами, не получили достаточного объяснения. Если 100 лет спустя лютеранские догмы о предопределении и оправдании верой открывали широкие возможности для раз-

⁴ Подробнее см.: Резонов П. И., Санчук Г. Э., Озолин А. И. Гуситское революционное движение в новых работах чехословацких историков. — Вопросы истории, 1954, № 10; Санчук Г. Э. Гуситское движение в советской историографии. В кн.: Вопросы историографии и источниковедения славяно-германских отношений. М. 1973, с. 55; Иванов Ю. Ф. Гуситское революционное движение в советской историографии. — Советское славяноведение, 1982, № 3, с. 49.

⁵ Mezník J. Venkovské statky pražských měšťanů v době předhusitské a husitské. Praha. 1965; ejusd. Národnostní složení předhusitské Prahy. In: Sborník historický. Praha. 1970; ejusd. Tábor a Staré Město Pražské. — Československý časopis historický, 1971, № 1; Šmahel F. Jde o národa v husitských Čechách. České Budějovice. 1971.

³ Spěvák J. Karel IV. Život a dílo. Praha. 1980.

вития буржуазной идеологии, прежде всего этики эпохи «первоначального накопления», то идеология таборитов не шла дальше эгалитарных идей первоначального христианства.

Вопрос о власти, этот основной вопрос всякой революции, гуситами так и не был решен. В принципе институт королевской власти никем из них не оспаривался, утверждение же, что первоначально Табор имел форму теократической республики (с. 427), неубедительно. Даже в церковной области гуситская реформация не смогла полностью эмансипироваться от католической церкви, оставаясь формально в ее рамках, что, к сожалению, не отмечено авторами.

Очень сложен вопрос о гегемоне гуситского движения. Авторы справедливо пишут, что наиболее активными в движении были города и мелкое дворянство (с. 475), победа гусизма позволила им укрепить свое социально-экономическое и политическое положение. Таким образом, гуситское движение не пошатнуло феодализм, ибо в результате перераспределения земель, принадлежавших церкви, укрепилась земельная собственность рыцарства, расширились владения панов и возникло землевладение городских коммун, что в итоге способствовало укреплению и «расширению» феодализма. В труде справедливо подчеркнуто, что гуситское движение не изменило классовой структуры феодального общества (с. 474). Дана высокая оценка деятельности короля Иржи из Подебрад, стремившегося к политическому равновесию в стране, мирной внешней политике и веротерпимости. Он вновь предстает наследником гуситской традиции (в ее умеренном варианте) (с. 488).

По-новому расценивается послегуситский период. Результаты многолетней работы Й. Яначека⁶ позволили изменить характеристику развития города: вместо экономической стагнации доказывается экономическая и социальная стабилизация городов, тезис о политической изоляции их заменен более дифференцированным подходом. Святовацлавский договор 1517 г. между городами и дворянством не трактуется как поражение городов, подчеркивается, что он не имел большого значения, отмечается усиление роли городов в политической жизни страны. Период правления династии Ягел-

лонов характеризуется в книге как перевес сословий в системе дуализма власти со всеми вытекающими отсюда позитивными и негативными последствиями.

Вторая книга I т. содержит новые характеристики всех основных этапов развития Чехии XVI — первой половины XIX века. Возникновение в 1526 г. многонациональной Габсбургской монархии рассматривается авторами как результат перегруппировки политических сил и наступления Габсбургов, отброшены безрезультатные поиски экономических предпосылок возникновения их монархии, так же как и тезис об османской угрозе, якобы повлиявшей на избрание Фердинанда Габсбурга королем Чехии и Венгрии. В книге подчеркивается внутренняя слабость и разнородность нового объединения (с. 11) и поэтому централизаторская политика Габсбургов в XVI—XVIII вв. понимается как укрепление изнутри возникшего «многосоставного» государства. В этом процессе Чехия, которая была одной из важнейших частей монархии Габсбургов, представляла серьезные препятствия на пути к централизму и абсолютизму из-за особенностей своего политического развития (с. 11), что превратило вторую половину XVI — начало XVII в. в период напряженной борьбы между королевской властью и сословиями, завершившейся поражением сословного восстания 1618—1620 годов. То, что во второй половине XVI в. в центре борьбы в Чехии стоял религиозно-политический вопрос, ослабляло конфронтацию в системе дуализма власти, сужало сословную оппозицию, ослабляло ее разделением по конфессиональному признаку, зато придавало конфликту в Чехии международный характер.

Убедительна содержащаяся в труде социально-экономическая характеристика Чешских земель в XVI веке. Элементам раннекапиталистических отношений в этот период не придается большого значения из-за их региональной ограниченности и охранительно-реакционной политики цехов, подчеркивается неразвитость этих элементов. Авторами проводится мысль, что экономическая отсталость Чехии в XVII в. была обусловлена стагнацией второй половины XVI в., вызванной перестройкой всей системы европейской экономики. Однако при определении степени отсталости Чехии авторы снова исходят лишь из сравнения со странами Западной Европы, тогда как для региона Центральной и Восточной Европы Чехия была высокоразвитой страной, где

⁶ Janáček J. Remeslná výroba v českých městech v 16. století. Praha. 1961; ejusd. České dějiny. Doba předbělohorská. Kn. I, d. I. Praha. 1971; etc.

закрепощение крестьян наступило позднее, лишь после Тридцатилетней войны.

В оценке восстания 1618—1620 гг. видно стремление авторов к объективности и отказу от национально-конфессионального подхода, опущен устаревший тезис о его национально-освободительном характере, подчеркивается социально-экономическая обусловленность поражения Чехии, вскрыта основная его причина (отсутствие в стране раннекапиталистических отношений и классово ограниченный характер восстания). В то же время остается неясным значение этого восстания.

Тридцатилетняя война трактуется в отличие от бытовавшей ранее в литературе оценки не как война молодой буржуазии с феодальной реакцией, а как политическая борьба европейских держав в результате перестройки всей социально-экономической и политической структуры и системы связей в Европе в XVI—начале XVII в. (с. 179). При характеристике второй половины XVII—первой половины XVIII в. авторы отказались от традиционного для чешской историографии понятия «эпоха тьмы», подойдя к этому периоду более дифференцированно и объективно, показав историческую неизбежность контрреформации и установления барщинно-крепостнической системы. Культурное развитие страны не сводится ими лишь к пресечению культурной традиции чешских протестантов, показана большая культурно-историческая ценность чешского барокко как стиля в литературе и искусстве.

Авторы отказались также от распространенной ранее в чехословацкой историографии концепции развития крупного феодального хозяйства в XVII—XVIII вв. как особого пути капиталистического развития в Чехии, подчеркнув его барщинный характер и чрезвычайно слабое развитие мануфактур. Они справедливо считают, что «доминирующее положение крупного феодального хозяйства помогло укрепить феодальные производительные силы и отношения, ввести систему крепостничества», а использование феодалами раннекапиталистических элемен-

тов в хозяйстве (мануфактуры) лишь придавало крупным поместьям силу и жизнеспособность (с. 228).

В разделах о XVIII в. дана характеристика просвещенного абсолютизма, показана его внутренняя противоречивость, но в целом прогрессивное значение, вскрыта диалектика эпохи, когда просвещенный абсолютизм «высвобождением места для капиталистического развития... создавал предпосылки для возникновения буржуазных наций в рамках монархии... что принципиально противоречило его программе централизации и унификации на основе австрийского патриотизма» (с. 330). В книге убедительно доказывается, что многие прогрессивные реформы стало возможным осуществить только благодаря централизму и вопреки интересам местного дворянства, которое охарактеризовано как основной защитник старых, феодальных отношений.

В целом в разделах о XVI—XVIII вв. налицо отказ от старой антигабсбургской и антикатолической концепции чешской истории.

В разделах о национальном возрождении авторы преодолели ряд традиционных для чехословацкой историографии недостаточно обоснованных представлений и дали новую периодизацию национального возрождения, обусловленную изменениями в социальном составе и характере требований его участников. Справедливо отмечается при этом специфика Словакии, в которой национальное возрождение проходило в первой половине XIX в. в условиях отсутствия национальной буржуазии (с. 559).

История феодализма в Чехии и Словакии предстает в рецензируемом труде освещенной во многом по-новому, на основе последних достижений науки, что помогло авторам преодолеть ряд недостатков, характерных для предшествующих работ такого рода. Конечно, авторам не все удалось в равной мере, однако в целом их обзор является серьезным достижением современной чехословацкой исторической науки.

Г. П. Мельников

J. FONTANA. *Cambio económico y actitudes políticas en la España del siglo XIX*. Barcelona. 1981. 213 p.

Ж. ФОНТАНА. *Экономические изменения и политическая деятельность в Испании XIX века*.

Видный испанский историк-марксист, профессор Барселонского автономного университета Ж. Фонтана является автором ряда работ по истории Испании XIX века¹. Он интересуется экономической историей, особенно в одном аспекте — «исследование сложных связей, существующих между экономическим развитием и политическими событиями»². Рецензируемая книга — не просто исследование одной из сторон истории Испании XIX в., но проблемная, обобщающая работа по истории страны на протяжении всего столетия.

Данная тема требует постановки ряда проблем, являющихся предметом дискуссии в испанской историографии³. Это прежде всего проблема «промышленной революции» («индустриализации») в Испании, зарождения капиталистических отношений в экономике и буржуазии как самостоятельного класса, рождения пролетариата, его роли в политической истории страны, аграрной реформы и ее последствий и т. п. Исследованию этих вопросов посвящены работы крупных испанских историков⁴.

Книга как бы подводит итог определенного этапа исследований, опровергая устоявшееся представление об испанском XIX ве-

ке⁵. Главный вывод автора, ставший ныне общепринятым в испанской марксистской историографии, состоит в следующем: XIX век в истории Испании нельзя считать периодом «промышленной революции» («индустриализации»), скорее, это период неудавшейся промышленной революции, становления условий и основ для дальнейшего развития, которое произойдет в XX веке.

В книге справедливо отмечается, что зачастую исследование процесса промышленного развития Испании в XIX в. сводится к изучению отдельных отраслей. Фонтана сделал попытку представить цельную картину этого процесса, уделив особое внимание появлению крупной современной индустрии и формированию внутреннего национального рынка. Изучение экономики Испании второй половины XVIII в. приводит Фонтану к выводу, что в Испании не существовало национального рынка, что страна представляла собой совокупность разрозненных сельских областей (с. 17). Ситуация в стране была такова, что внутренние районы производили зерно для собственного потребления, а приморские провинции, в первую очередь Каталония, ввозили пшеницу, и цены на хлеб в приморских провинциях были более стабильными, чем во внутренних сельских районах. Причину такой несовершенной структуры испанского рынка ученый видит не только в низкой урожайности, плохих дорогах и неудобном транспорте, но и в состоянии производительных сил в Испании в конце XVIII в. (с. 30).

Фонтана делает вывод, что в стране, где сохраняется господство сеньориальной олигархии в деревне, где длительно существует феодальная экономика, не может быть передового сельского хозяйства. И вот в тот же самый период, т. е. во второй половине XVIII в., на фоне застойного положения в сельском хозяйстве Испании в Каталонии происходило бурное развитие текстильной промышленности. Фонтана объясняет этот противоречивый на первый взгляд факт. Пер-

¹ Fontana J. *La quiebra de la monarquía absoluta 1814—1820*. Barcelona. 1974; e jusd. *La crisis del antiguo régimen. 1808—1833*. Barcelona. 1979; e jusd. *La Hacienda en la historia de España 1700—1931*. Madrid. 1980.

² Fontana J. *Cambio económico y actitudes políticas en la España del siglo XIX*. Barcelona. 1981, p. 8; e jusd. *La quiebra de la monarquía absoluta 1814—1820*, p. 9.

³ В советской историографии история Испании XIX в. изучена мало (см.: Майский И. М. *Испания, 1808—1917*. Исторический очерк. М. 1957; Гонсалес А. *История испанских секций Международного Товарищества Рабочих*. М. 1964).

⁴ Nadal J. *El fracaso de la Revolución industrial en España*. Barcelona. 1975; Sánchez Albornos N. *España hace un siglo: una economía dual*. Madrid. 1977; Tuñón de Lara M. *La España del siglo XIX*. P. 1968; Vicens Vives J. *Coyuntura económica y reformismo burgués*. Barcelona. 1974; Artola M. *Antiguo régimen y revolución liberal*. Barcelona. 1974.

⁵ *Historiografía española contemporánea. X Coloquio del Centro de Investigaciones Históricas de la Universidad de Pau*. Madrid. 1980, p. 175.

воначально текстильная промышленность Каталонии опиралась на собственный региональный рынок, где сельское хозяйство было поставлено на коммерческую основу (в противоположность ситуации в Кастилии). Потом каталонская промышленность стала производить товары на экспорт, активно торгуя с колониями.

Такая экономическая ситуация не могла не сказаться на своеобразии социально-политического развития, на взаимоотношениях старой аристократии и новой буржуазии. Колониальный рынок давал возможность каталонской промышленности развиваться без параллельного роста внутреннего национального рынка. Таким образом исключались конфликты между промышленной буржуазией и привилегированными классами старого режима. Существовал своего рода договор о разделении: испанский рынок принадлежал сеньориальной аристократии, а колониальный — буржуазии. Правительство заботилось о сохранении монополии на колониальную торговлю для каталонской промышленности, а буржуазия поддерживала его в стране, отказавшись от своей революционной миссии (с. 42).

Однако последующие экономические сдвиги повлекли за собой изменение политических позиций испанской буржуазии. Потеря колониального рынка в результате войн с Англией и борьбы за независимость в американских колониях Испании в начале XIX в., а также значительный ущерб, причиненный каталонской промышленности в результате войн с Наполеоном, столкнули буржуазию с внутренними проблемами испанской экономики. Каталонская буржуазия поняла раньше правительства, что экономическое развитие в новое время — это глобальное явление, что промышленность может основываться только на соответственном уровне сельского хозяйства, что существующий режим представляет главное препятствие на пути прогресса (с. 51). Таким образом, завоевание демократических свобод стало для буржуазии наиболее важной целью.

Следуя своей цели — поиску связей между экономическими и идейно-политическими явлениями, Фонтана связывает появление промышленного пролетариата в Испании с зарождением текстильной промышленности в Каталонии в конце XVIII века. Важнейшим социальным последствием этого процесса было появление пролетариата, обладающего новыми, принципиально отличными от ремесленников свойствами: большая численность, концентрация, полная

зависимость от интересов промышленности и соответственно хозяев. И действительно, на первых порах буржуазия и пролетариат выступали как союзники: их объединяла борьба против общего врага — «старого режима». Длительность борьбы с феодализмом объясняет столь долгую солидарность рабочих и хозяев.

На определенном этапе, когда буржуазия, достигнув своей цели, закончила борьбу, пролетариат обнаружил, что его интересы требуют больших перемен, что следует вступить в борьбу с вчерашним союзником. Однако период сотрудничества с буржуазией не прошел даром для испанского рабочего движения: долгое время оно находилось под идейным влиянием крупной либеральной буржуазии. Стремясь освободиться от влияния буржуазных республиканцев, независимое рабочее движение — анархизм — провозгласило себя «аполитичным», тем самым пытаясь противопоставить свою организацию политическим организациям буржуазного общества. На деле же это была первая специфическая рабочая политическая организация, как справедливо отмечает Фонтана.

Приступая к изучению экономического и политического кризиса в Испании в конце 60-х годов XIX в., автор особое внимание уделил вопросу о причинах и характере буржуазной революции 1868—1874 годов. По его мнению, к революции привели не глубокие экономические сдвиги, потребность смены способа производства, а т. н. конъюнктурные экономические факторы. Поэтому, считает Фонтана, предметом исследования должны стать не «экономические причины революции, а экономические мотивы, которые привели к государственному перевороту, а именно: интересы определенных слоев и групп испанского общества» (с. 105—106). В книге приведены убедительные факты, свидетельствующие о том, что к концу 60-х годов XIX в. в стране были признаки экономического кризиса (в железнодорожном строительстве, торговле и пр.), а также что многие крупные политические деятели были тесно связаны с деловым миром.

Кризис испанского капитализма в 70-е годы XIX в. в значительной мере способствовал тому, что эти деятели осознали необходимость осуществления политического обновления в стране. Изучение большого числа призывов, воззваний, политических манифестов различных испанских хунт 1868 г. позволило автору выявить программу и цели революции. Он подчеркивает ее умерен-

ный характер: «Наряду с призывами к свержению ненавистой династии Бурбонов и изгнанию иезуитов подчеркивалась незыблемость частной собственности» (с. 130). Реставрация 1874 г. рассматривается Фонтаной не как возврат к дореволюционному положению, а как продолжение, второй акт «псевдореволюции 1868 г.». Оба эти события — «два этапа одного процесса, вызванного структурным кризисом испанского капитализма, призванного преодолеть его и способствовать началу нового этапа роста» (с. 141).

Однако трудно согласиться с оценкой автором буржуазной революции 1868—1874 гг. в Испании как государственного переворота. Это была последняя, пятая испанская революция XIX в., завершившая революционный цикл 1808—1874 годов. В ее ходе была установлена первая Испанская республика, а пролетариат впервые выступил как самостоятельная политическая сила, которая серьезно повлияла на судьбы революции⁶.

В работе подчеркивается решающая роль сельского хозяйства в процессе «современного экономического развития» (с. 149). Такой подход к аграрному вопросу позволил автору выявить своеобразие «испанского пути» к капитализму, сопоставив его с французским: «В Испании ликвидация старого режима произошла через союз либеральной буржуазии и крупной земельной аристократии, монархия выступала в роли арбитра, и без параллельно идущей крестьянской войны. Более того, интересы крестьянства были отданы в жертву, и большие группы крестьян выступили с оружием против буржуазной революции и аграрной реформы, которая проводилась за их счет, оказавшись таким образом на стороне врагов реформы: на стороне карлистов. Это объясняет то, что необъяснимо с точки зрения французского варианта: земельная аристократия в Испании была на стороне революции, а широкие слои крестьянства поддерживали реакцию» (с. 162).

Говоря о способах решения аграрного вопроса, Фонтана вслед за А. Собулем выявляет разницу между «революцией снизу» (французский путь, или буржуазно-демо-

кратическая революция) и «революцией сверху» (пруссский путь, или либеральная, антифеодалная революция), считая, что Испания пошла по второму, более типичному для европейских стран пути, который дает возможность приспособить сельское хозяйство к требованиям современной экономики без существенного изменения в положении старых привилегированных классов. В связи с этим Фонтана рассматривает либеральное законодательство (дезамортизацию) 1835 г. как в основном финансовую меру, отрицая ее революционный характер (с. 167, 183)⁷. Последствия такого решения аграрного вопроса — усиление крупного землевладения на юге страны, низкая товарность сельского хозяйства и т. п. — сказались на развитии экономики Испании в XX в. (с. 191—210).

Несомненной заслугой Фонтаны является исследование ряда характерных для Испании черт перехода от феодализма к капитализму. Он признает, что в Испании происходил процесс смены способа производства, однако термин «социальная революция» считает возможным применять только к французской революции (с. 100). Очевидно, Фонтана под «социальной революцией» в данном случае понимает один из ее путей — буржуазно-демократический, который был характерен для Франции. Термин же «социальная революция», а точнее, «эпоха социальной революции»⁸, относится ко всему длительному периоду смены феодализма капитализмом⁹. Трудно согласиться с Фонтаной в оценке дезамортизации как исключительно финансовой меры. Осуществленная в ее ходе распродажа церковных и части государственных земель существенно уменьшила

⁷ Этот вопрос является предметом дискуссии в испанской историографии. Ряд крупных историков (Х. Висент Вивес, М. Туньон де Лара и др.) отрицают революционный характер дезамортизации. Их оппоненты (М. Балдо Лакомба, С. Перес Гарсон) утверждают, что «финансовая мера Мендисабалы имела двойную цель: победить в войне (имеется в виду первая карлистская война.— А. Э.) и порвать производственные отношения, которые задерживали развитие буржуазных отношений, т. е. уничтожить феодализм» (Baldó Lacomba M. Crisis del antiguo régimen e industrialización en la España del siglo XIX. VII Coloquio de Pau. Madrid. 1977, p. 103).

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 13, с. 6—7.

⁹ Барг М. А., Черняк Е. Б. К вопросу о переходной эпохе от феодализма к капитализму (на примере Англии).— Новая и новейшая история, 1982, № 3.

⁶ См. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 18, с. 457—474. См.: Гонсалес А. Ук. соч.; Темкин В. А. Франсиско Пи-и-Маргаль как теоретик испанского феодализма. В кн.: Проблемы испанской истории. М. 1984.

экономическую власть церкви, владевшей 1/3 земель в Испании, и превратила эти земли в буржуазную собственность.

Некоторые противоречия, содержащиеся в книге, характерны для нынешнего этапа развития исторической науки в Испании, когда

подвергаются переоценке многие страницы истории страны. В целом же работа Фонтаны вносит ценный вклад в изучение и осмысление ключевых проблем истории Испании XIX века.

А. Л. Эпштейн

По страницам зарубежных журналов

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛОВ, ВЫХОДЯЩИХ В СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАНАХ

Etudes balkaniques. Sofia. 1983, № 4.

А. Гарабедьян. Борьба Кипра за национальное освобождение во время второй мировой войны; Б. Сёколова. Формирование албанской интеллигенции в эпоху Возрождения; В. Трайков. Социально-экономические аспекты болгарской эмиграции в Валахии во время русско-турецкой войны 1828—1829 гг.; Н. Драгова. Протестантская историографическая школа в Братиславе в XVIII в. и ее вклад в развитие болгарской историографии; Х. Матанов. Радослав Хлапен — феодальный властитель Южной Македонии в третьей четверти XIV в.; Сообщения. М. Бур. Повседневная жизнь и материальная культура балканского населения в XVI в. (текстильные товары и одежда на городских рынках по османским документам); Б. Христова, Н. Атанасова. Ценный сборник XV в. в библиотеке Рильского монастыря.

Partitörténeti közlemények. Budapest. 1984, № 1.

Д. Немеш. Б. Кун и Венгерская Советская республика; Б. Сабо. Экономическое и политическое развитие ВНР после июньского поворота 1953 г. и III съезд Венгерской партии трудящихся; Сообщения. Э. Беки. К предыстории лондонского Рабочего социалистического Интернационала. Заседание Постоянного международного комитета в Амстердаме (26—29 апреля 1919 г.); Ю. Бенкё. Две концепции антиимпериалистической национально-демократической революции в кубинском революционном движении 30-х гг.; И. Пинтер. Поиск пути, поворот и организационные проблемы в политике КПВ в середине 30-х гг.

Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung. Berlin. 1984, № 2.

Х. Хофман. Тенденции развития советского рабочего класса в последние два десятилетия; В. Майзер. Раннепролетарская программа в «Союзе отверженных»;

Р. Хартман. Начало социалистического движения в Японии и германская социал-демократия; К. Хаферкорн. К. Цеткин в Париже (1882—1890 гг.); Документы и материалы. Из переписки О. Гротеволь с деятелями искусства и писателями (Х. Фосске); Последняя речь Ф. Геккерта (6 апреля 1936 г.) была посвящена требованию об освобождении Э. Тельмана (Г. Томс); Речь Г. Эберляйна 6 мая 1919 г. в Москве на празднестве в честь основания Коминтерна (Р. Столярова); Неопубликованная речь В. Флорина (весна 1944 г.) (Г. Ницше); Сообщения. К.-Х. Карбе. Был ли оздоровительный союз Берлинского округа Рабочего братства (1848—1850 гг.) всего лишь больничной кассой?; Х.-Ю. Арендт. Женщины — жертвы милитаристского террора в Германии (1918—1920 гг.); Биографические очерки. Сен Катаяма — японский революционер и пролетарский интернационалист (Р. Хартман).

Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. Berlin. 1984, № 4.

Х. Бартель, В. Шмидт. Историко-материалистический образ Мартина Лютера в истории и современности; К. Хольцапфель. Политические и идеологические вопросы переговоров 1831 г. о разоружении в Европе; Публикация документов. Ю. Йон. Участие йенских студентов в подготовке фашистского путча 1923 г. в Баварии; Обзоры. Новые публикации в ГДР о Лютере.

Kwartalnik historyczny. Warszawa. 1983, № 2.

Е. Ярузельский. Об истоках апрельской конституции; А. Лучак. Политическая культура народного движения в Польше (1918—1939 гг.); Е. Михальский. Республиканское течение в польской реформаторской политической мысли в XVIII в.; Я. Тазбир. Инквизиция в оценке поляков; Обзоры, дискуссии, предло-

жения. М. Вилляуме. Новейшие достижения румынской историографии; Рецензионные статьи. А. Брожек. Силезский биографический словарь; Я. Е. Замойский. Конрад Жегота — мифический покровитель благородного дела.

Kwartalnik historyczny. 1983, № 3.

Е. Мулярчик. Вече у галлов; Р. Вапнянский. Поколение II Речи Посполитой; Н. Виснер. Из истории политической борьбы начала XVII в.; Ю. Вольский. Проблемы строительства афинского флота; Обзоры, дискуссии, предложения. М. Камлер. Институт истории ПАН: направления и координация исследований, планы на будущее; Ф. Тых. Энциклопедии рабочего движения (история, современное состояние, перспективы); Рецензионные статьи. П. Лоссовский. Польско-литовские отношения в оценке литовского исследователя; Б. Ваховяк. Новые западногерманские исследования по истории Пруссии; З. Вуйцик. Государство и общество в царской России (в связи с последней книгой М. Раффа).

Przegląd zachodni. Poznań. 1983, № 3.

Я. Вонсицкий. Идеи унитарного и федеративного государственного устройства в германской истории; Я. Попюр. Идеализация или мифологизация Фридриха II Гогенцоллерна в исторической и художественной литературе; Ч. Каролак. Социология стереотипа и критика обыденного сознания в литературе ФРГ; И. Май. Язык и политика: немецкий язык в ФРГ; Материалы. М. Б. Топольска. «Narodowiec» — крупнейший журнал выходцев из Польши во Франции в 1936—1939 гг.; Обзоры и комментарии. К. Гурак. Культурная автономия и школа в ФРГ; М. Анджеевский. Библиотеки ФРГ.

Przegląd zachodni. 1983, № 4.

П. Лоссовский. Вклад Великой Польши в создание вооруженных сил возрожденного Польского государства (1918—1919 гг.); Р. Домбровский. Немецкие помещики в Великой Польше в 1920—1939 гг.; Х. Халупчак. Польские учителя в Германии в межвоенный период; Материалы. Ю. Смолинский. Общественно-политические условия жизни польского населения Гданьского Поморья в 1864—1914 гг.; С. Поремба. Из истории Поморского агентства печати в Грудзендзе (1924—1939 гг.); М. Палюшкевич. Общество Томаша Зана и познанские учащиеся; К. Пайок. Роль Великой Польши в образовании и культуре на Западных землях; М. Мусиелак. Деятельность Познанского округа Польского западного союза по заселению возвращенных земель; Я. Леоньский. Состояние и задачи исследования демографической проблематики Любушской земли.

Przegląd zachodni. 1983, № 5/6.

Е. Тырановский. Установление государственной границы в свете международного права; Я. Барч. «Политические договоры» в конституционной практике ФРГ; З. Пусьлецкий. Таможенные тарифы как орудие современного протекционизма; М. Ратайчак. Инфраструктура как элемент хозяйственной политики Общего рынка; Л. Вейман. Промышленная кооперация ФРГ с предприятиями стран — членов СЭВ; А. Вольф-Повенская. Немецкая политическая мысль о Французской буржуазной революции 1789 г.; Е. Дорошевский. Немецкое национальное меньшинство на Люблинщине в 1918—1939 гг.; Материалы. В. Чаплинский. Актуальные направления международной защиты национальных меньшинств; Обзоры и комментарии. П. Радзиковский. Итальянские коммунисты о западноевропейской интеграции (1957—1979 гг.); В. Чаплинский. Новое законодательство о британском гражданстве.

Anale de istorie. Bucureşti. 1984, № 2.

И. Полеску-Пуцурь. Румынский Антифашистский национальный комитет — выражение антинацистского настроения румынского народа, роли РКП в организации и проведении антифашистской борьбы; Г. Присакару. Разоружение — главная цель внешней политики Румынии; В. Петришор, Н. Рауш. Политическое воссоединение Румынских княжеств в 1600 г. — воплощение идеи сохранения и развития национального единства румынского народа; Навстречу 40-й годовщине антиимпериалистической и антифашистской революции национального освобождения в августе 1944 г. А. Симон. РКП — организатор и руководитель борьбы против диктатуры Антонеску, за свободу и независимость Родины.

Revue des études sud-est européennes.
Bucarest. 1983, № 3.

Ученые и мир. Ш. Штефэнеску. Изучение прошлого и будущее мира; Основы юго-восточной цивилизации. К. Бельцин-Плешка. Юго-Восточная Европа в трудах В. Пырвана; Р. Теодореску. К вопросу о роли Юго-Восточной Европы как «культурного коридора» (ч. II); Политика древнего Рима и Византии. К. К. Потолеску. Организация провинции Нижняя Дакия; М. Захариде. II Геркулийский легион в провинции Скифия; Э. Оберлендер-Тарновяну. Неизвестная монетная мастерская второй половины XI в. в Паристрионе; Заметки. М. Шпрингер. Стратегикон Маврикия.

Revue des études sud-est européennes.
1983, № 4.

Ученые и мир. Э. Кондураки. История и мир; Дипломатические отношения и современная эконо-

мика. Б. Маринеску. Румыния и Юго-Восточная Европа в конце XIX в.; Я. Эркман. Налогообложение войников в турецкой армии; П. Михаил и З. Михаил. Новые данные о восстании Т. Владимиреску 1821 г. и борьбе Румынии за независимость в 1877—1878 гг.

Ceskoslovenský časopis historický. Praha. 1984, № 2.

Г. Фукс. Революционные и контрреволюционные силы в развитии народной демократии в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1947—1948 гг.; Ф. Шром. Зерновое хозяйство СССР в 1930-х годах; М. Голлова. Возникновение чешских организаций атеистов и вольнодумцев; Д. Цейкова, З. Медержински, Л. Сулиткова. О зарождении г. Брно.

Historický časopis. Bratislava. 1984, № 1.

Ф. Вишвадер. Пути кубинского народа к победе над тиранией; Т. Вторекова. Создание единой системы общественных организаций в Словакии и их включение в Словацкий национальный фронт после февраля 1948 г.; И. Чизмич. Выступления югославских эмигрантов в поддержку Чехо-

словакии во время заключения Мюнхенского соглашения; М. Фило. «Ludový denník» и создание единого фронта в Словакии (1933—1936 гг.); М. Когутова. Об исторической ценности налоговых списков 1715—1720 гг. и их данных о численности населения Словакии; Ю. Барте. К вопросу о категориях городов и городков Спишской области в средние века; Дискуссия. О периодизации социалистической индустриализации Словакии.

Historický časopis. 1984, № 2.

Я. Тибенски. Основатель венгерской национальной историографии М. Бел и его отношение к словакам; А. Бартлова. Экономический кризис в Словакии в 1929—1933 гг.; М. Васич. Выступления югославской молодежи в защиту независимости Чехословакии в 1938—1939 гг.; Д. Черна-Лантайова. Мирное урегулирование в Европе и чехословацко-венгерские отношения в 1945—1948 гг.; Обзор. С. Цамбел. Региональное исследование как методологическая проблема истории социализма; Дискуссия. П. Раткош. Новое средневековое документальное издание (заметки о I томе Словенского регеста 1301 и 1314 гг.); В. Седлак. Ответ на заметку П. Раткоша.

РЕЦЕНЗИИ НА СОВЕТСКИЕ ИЗДАНИЯ*

Актуальные проблемы деятельности международных организаций. Теория и практика /Калядин А. Н., Маркушина В. И., Морозов Г. И. и др.; Под ред. Морозова Г. И.—М., 1928.—351 с. Рец.: Moschowska K.—Sprawy międzynarodowe, Warszawa, 1983, № 10, s. 143—146.

Арбатов А. Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона.—М., 1980.—288 с. Рец.: Thielicke H.—Deutsche Ausenpolitik, Brl., 1981, H. 2, S. 133—137.

Быков О. Н. Меры доверия: Реал. фактор упрочения мира /Науч. совет по исслед. пробл. мира и разоружения.—М., 1983.—76 с. Рец.: Кулишев Л.—Международные отношения, София, 1983, кн. 5, с. 98—100.

Варшавский Договор — союз во имя мира и социализма /Ген. армии Грибков А. И. (руководитель), ген.-лейт. Титов М. Г., ген.-майор Соловьев Л. Е. и др.; Под общ. ред. Маршала Сов. Союза Куликова В. Г.—М., 1980.—295 с. Пер. на нем. яз.—Brl. 1982. Рец.: Hapisch W.—Militärgeschichte, Brl., 1983, № 6, S. 739—742.

Загладин Н. В. Антисоветизм в гло-

бальной стратегии империализма США.—М., 1981.—284 с. Рец.: Спасов П.—Известия на Института по история на БКП, София, 1983, № 49, с. 411—417.

Капустин Д. Т. Тайвань и Южная Корея в китайско-американских отношениях (1969—1979).—М., 1980.—197 с. Рец.: ZK—Archív orientální, Praha, 1983, vol. 51, № 4, s. 388—389.

Левин Д. Б. Принцип мирного разрешения международных споров.—М., 1977.—112 с.—Пер. на нем. яз.—Brl. 1980.—Рец.: Frenzke B.—Osteuropa Recht, Stuttgart, 1983, H. 4, S. 284—287.

Ляхов Е. Г. Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом.—М., 1979.—168 с. Рец.: Kwiatkowska-Czechowska B.—Sprawy międzynarodowe, Warszawa, 1981, № 3, s. 142—145; Trawczyński J. M.—Państwo i prawo, Warszawa, 1982, z. 9, s. 135—136.

Мовчан А. П. Права человека и международные отношения.—М., 1982.—145 с. Рец.: Hanga V.—Studii și cercetări juridice, București, 1983, № 3, p. 262—263.

Петровская М. М. США: политика сквозь призму опросов.—М., 1982.—271 с. Рец.: Landa O.—Sociologický časopis, Praha, 1983, č. 6, s. 663—665.

Письменные памятники и проблемы истории культуры народов Востока: XIII годич.

* Перечень составлен по журналам, поступившим в Институт научной информации по общественным наукам АН СССР в марте 1984 года.

науч. сессия ЛО ИВ АН СССР. (Докл. и сообщ. по арабистике), /Отв. ред. Грязневич П. А.—М., 1978.—167 с. Рец.: Bürgel J. C.—*Orientalistische Literaturzeitung*, Brl.; Leipzig, 1983, № 6, S. 578—580.

Плетнева С. А. Кочевники Средневековья: Поиски ист. закономерностей.—М., 1982.—188 с. Рец.: Станилов С.—Велко, София, 1983, кн. 4, с. 86—88.

Рыбаков Б. А. Язычество древних славян.—М., 1981.—607 с. Рец.: Стойнев А.—*Български фолклор*, София, 1983, кн. 4, с. 116—118.

Соболева Н. А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв.—М., 1981.—264 с. Рец.: Vondráček M.—*Archivný časopis*, Praha, 1983, č. 1, s. 60—62.

Советско-африканские отношения: Справочник /Редкол.: Тарабрин Е. А. (отв. ред.) и др.—М., 1982.—240 с. Рец.: Poláček J.—*Mezinárodní vztahy*, Praha, 1983, č. 10, s. 73—74.

Солошенко В. И. Большевики в борьбе с мелкобуржуазными партиями в Белоруссии (1903—март 1917 г.).—Минск,

1981.—201 с. Рец.: Máte J.—*Politikai főiskola közlem*, Budapest, 1983, № 2/3, 117—125. old.

СССР в экономических и научно-технических организациях ООН /Гвишиани Д. М., Брыкин В. А., Шатов Л. Г. и др. Редкол.: Гвишиани Д. М. (гл. ред.) и др.;—М., 1983.—281 с. Рец.: Ливенцев Н. Н.—*Външна търговия*, София, 1983, бр. 12, с. 21—22.

Талмуд Э. Д. Общественно-политическая мысль Шри Ланки в новое время.—М., 1982.—231 с. Рец.: Gottschalk M.—*Asien, Afrika, Lateinamerika*, Brl., 1983, Bd. 11, H. 6, S. 1094—1095.

Цыпкина Р. Г. Военно-революционные комитеты в Октябрьской революции (По материалам губерний Центр. пром. р-на Урала и Поволжья).—М., 1980.—320 с. Рец.: Orlovsky D.—*Slavic Review*, Champaign (Ill), 1983, vol. 42, № 2, p. 288—289.

Юшкевич А. П., Копелевич Ю. Х. Христиан Гольдбах, 1690—1764.—М., 1983.—223 с. Рец.: Biermann K.-R.—*Deutsche Literaturzeitung*, Brl., 1983, H. 11, Sp. 944—946.

Хроникальные заметки

◆ В мае 1984 г. в Берлине прошла сессия Президиума Общества историков ГДР, посвященная трудам историков ГДР, касающимся борьбы за мир. С заглавным докладом выступил Фриц Кляйн.

◆ В январе 1984 г. в Берлине состоялась встреча представителей авторского коллектива Государственного исторического музея (СССР) с авторским коллективом Музея немецкой истории для обсуждения глав книги «Музееведение. Теоретические основы и научная методика (музеи исторического профиля)», написанных специалистами СССР и ГДР. В работе определяются понятие и место музееведения в системе наук, его терминология, социальные функции, фонды музеев исторического профиля, цели и направления фондовой работы, учет и научная документация, музейная экспозиция и ее научная подготовка, теоретические и научно-методические аспекты построения выставок как специфической формы коммуникации.

◆ Комиссия по новейшей истории Общества историков ГДР провела в мае 1984 г. конференцию в Галле на тему «Положение юнкерства при капитализме». Председатель комиссии Ханс Хюбнер изложил принципы подхода к исследованию проблемы.

◆ Монография Николы Спирова (Болгария) посвящена борьбе фракийских болгар за свержение турецкого ига. Книга охватывает период от Берлинского конгресса 1878 г. до начала XX века. Основное внимание уделено автором освободительному восстанию 1903 г. (Н. Спиров. Преображенското въстание. София. Воениздат. 1983. 249 с.).

◆ Польский историк Ежи Красуский анализирует послевоенную историю политики Франции в отношении африканских стран, входивших в ее колониальную империю. В книге подробно рассмотрены перемены в колониальной политике в годы президентства Ш. де Голля и сдвиги внутри Французского сообщества в 70-х годах (J. Krasuski. *Wspólnota Francuska w Afryce*. Poznań. Instytut Zachodni. 1983. 249 s.).

◆ Ежи Сковронек (Польша) опубликовал монографию, которая посвящена связям различных направлений польского общественно-политического движения с национально-освободительной борьбой балканских народов против османского и австрийского гнета в 1795—1849 годы. Книга основывается на обширной специальной литературе (польской, французской, болгарской, югославской, русской) и архивных материалах, хранящихся в Болгарии, Польше, Румынии, СССР, Югославии, Франции и Англии (J. Skowronek. *Sprzymierzeniecy narodów bałkańskich*. Warszawa. PWN. 1983. 428 s.).

◆ Под редакцией Я. Пурша (Чехословакия) увидели свет материалы научной сессии «Ученые между войной и миром», состоявшейся 24—25 июня 1983 г. в Праге, в т. ч. доклады: Ярослав Пурш. Технология и мир; Вацлав Пеша. Социализм и мир; Милош Палика. Идея мира в гуситском движении; Йозеф Харна. Взаимоотношения движения за мир и буржуазных демократий между двумя мировыми войнами; Либуше Нецкаржова. Заметки о борьбе с неофашизмом; Ян Янко. Отношения меж-

ду природой и обществом в свете проблемы поддержания мира; Соня Штрбанова. Генная инженерия, прибыли, опасности и ответственность ученых (исторический обзор) (Jointly in the Struggle for Peace against War, Prague. UCSD. 1984. 128 p.).

◆ Источниковедческое исследование документов канцелярии императрицы Констанции от 1195—1198 гг. осуществил Тео Кёльцер (ФРГ), предпославший монографии исторический очерк жизни и деятельности дочери сицилийского короля Рожера II, жены германского императора Генриха VI и матери короля Обеих Сицилий Фридриха II (Th. Kölzer. Urkunden und Kanzlei der Kaiserin Konstanze, Königin von Sizilien. Köln. Böhlau Verlag. 1983. 199 S., XV Taf.).

◆ Руины древнеримского г. Карнунт в Австрии известны как «Помпеи перед воротами Вены». Подробное описание достопримечательностей, раскопок, археологических находок в Карнунте с историческими пояснениями к ним осуществил Вернер Йобст при содействии Хермы Штиглиц и Манфреда Кандлера (W. Jobst. Provinzhauptstadt Carruntum. Wien. Österreichischer Bundesverlag 1983. 207 S.).

◆ Группа вузовских преподавателей из США, Колумбии, Аргентины, Англии, Швейцарии и Индии, используя специальные работы, увидевшие свет после 1945 г., повествует о социальной роли женщины в странах «третьего мира», преимущественно в демографическом и производственном аспектах, показывая динамику процесса от 40-х до конца 70-х годов (Women's Roles and Population Trends in The Third World. London. Croom Helm. 1983. 287 p.).

◆ Колумбийская академия истории (КАИ) выпускает серию комментированных документов по местной истории, посвященных преимущественно ее общественно-политическим деятелям. Руксводитель издания — Херман Арсиньегас, президент этой академии. Увидели свет очередные тома серии. Т. 2 охватывает переписку 1822—1837 гг. между Франсиско де Паула Сантандером и Хоакином Москерой ее подготовил к печати и снабдил примечаниями Хосе де Мьер. Т. 3 содержит материалы о Хуане Франсиско Арганиле, Хосе Раймундо Русси и Альваро де Ойосе, подобранные Альберто Мираном. Т. 4 представляет собой сборник документированных статей различных авторов по истории Колумбии с 1831 г. и материалы научных заседаний КАИ, посвященных этой проблеме. Т. 5 является подборкой данных из различных источников о жизни и деятельности Кустодιο Гарсиа Ровиры, проанализированных Антонио Какуа Прадой (J. M. de Mier. Testimonio de una amistad. Bogotá. Plaza y Janes. 1983. XXVIII, 487 p.; A. Miramon. Tres personajes históricos. 1983. 309 p.; El Libro de Oro de Santander. 1983. 324 p.; A. C. Prada. Custodio García Rovira. 1983. 303 p.).

◆ Профессор университета им. Джонса Хопкинса (США) Уильям Эшсер характеризует историческое место и политику военных режимов после второй мировой войны в Аргентине, Чили и Перу, группируя

правлявшие их круги разных лет как авторитарные, демократическо-реформистские и радикальные. Во вводном разделе автор останавливается на том, что их объединяет и разделяет, а затем анализирует конкретно каждый из этих режимов (W. Ascher. Scheming for the Poor. The Politics of Redistribution in Latin America. Cambridge (Mass.). HUP. 1984. 348 p.).

◆ Преподаватель Калифорнийского университета (США) Мартин Уоттенберг воссоздает историю буржуазных политических партий этой страны от начала президентства Д. Эйзенхауэра по конец 70-х годов (M. P. Wattenberg. The Decline of American Political Parties 1952—1980. Cambridge (Mass.). HUP. 1984. 160 p.).

◆ Меннинг Мэребл, директор Института междрасовых отношений в Нэшвилле (США), автор многих работ по истории негров, в своей новой книге дает представление о том, как капитализм от появления в Северной Америке первых африканских рабов и до наших дней эксплуатировал черное население США. Он рассматривает следующие проблемы: рабы, рабочий класс, нищие, женщины, узники, капиталисты, священники, политики, сфера просвещения (M. Marable. How Capitalism Underdeveloped Black America. Boston (Mass.). South End Press. 1983. 344 p.).

◆ Очерки послевоенной жизни индейцев Дальнего Запада (США) написал специализирующийся по истории и быту аборигенов Тибета и Северной Америки этнограф и публицист Роб Шалтейс (R. Schulteis. The Hidden West. San Francisco. North Point Press. 1983. 176 p.).

◆ Специализирующийся по истории Чикаго преподаватель Иллинойского университета (США) Перри Дэйс в очередной своей книге, основанной на материалах местных изданий и прессы, освещает общественную роль городских салунов в Чикаго и Бостоне с 1880 по 1920 г. как своеобразных центров бизнесных сделок, локальной жизни, политических форумов, преступлений и модели капиталистической морали (P. R. Duis. The Saloon. Urbana. UIP. 1983. 381 p.).

◆ Сестры Грэйс и Эдит Аббот являлись в конце XIX — первой половине XX в. известными общественными деятельницами и феминистками США. Их жизненный путь проследживает Лиля Костин, профессор Иллинойского университета, автор ряда работ о женском населении Северной Америки (L. B. Costin. Two Sisters for Social Justice. Urbana. UIP. 1983. 315 p.).

◆ Оратор и публицист Мэри Уоллстоункрафт — известная общественная деятельница США второй половины XVIII века. Публикацию ее статей, писем и речей предприняли Барбара Соломон из Айонского колледжа и Паула Бергтрел из Нью-Йоркского университета (A Mary Wollstonecraft Reader. New York. A Mentor Book. 1983. 394 p.).

◆ Под общей редакцией Джона Гаррэтти из Колумбийского университета (США) публикуется серия иллюстрированных сборников очерков о различных аспектах истории культуры США от начала заселения Северной Америки европейцами до наших дней.

Т. 1 охватывает период до 1877 года. К написанию очерков привлечены специалисты из многих вузов страны (Historical Viewpoints. Notable Articles from American Heritage. Vol. 1. New York. Harper and Row. 1983. 383 p.).

◆ Профессор Принстонского университета (США) Джон Ван Антверп Файн излагает историю Древней Греции на основе новейших научных данных, включая археологические находки, и последних документальных публикаций. Он начинает изложение с характеристики Эгейского мира во II тыс. до н. э. и доводит его до падения Македонской державы в IV в. до н. э. (J. V. A. Fine. The Ancient Greeks. A Critical History. Cambridge (Mass.). The Belknap Press. 1983. 720 p.).

◆ В Софии в ходе строительных работ открыты части античного здания — дворца императора Константина, правившего в 317—323 гг. в бывшей Сердице.

◆ При реставрации часовни Лоренца во Фрайбергерской ратуше (ГДР) на стенах выявлена позднеготическая живопись, покрытая более поздними рисунками. Эти изображения библейских сцен и растительный орнамент относятся к лучшим творениям той эпохи на территории Верхней Саксонии.

◆ Неподалеку от Староместской площади в Праге под подвалом дома обнаружены остатки постройки XII — начала XIII века. Это — одно из старейших пражских зданий, упомянутых в источниках XIV столетия.

◆ В Саутхэмптоне (Англия) археологическими изысканиями уточнены границы существовавшего там средневекового поселения: построенный в 700 г. эмвик имел площадь 45 га и население к началу VIII в. в

9 тыс. человек (больше, чем тогдашний Лондон). Расчищены улицы, застроенные домами одного типа.

◆ Во Флоренции при реставрации часовни в церкви Кармине открыты фрески художников периода Ренессанса Мазаччо и Мазолино.

◆ В Перудже (Италия) выявлена этрусская гробница III — II в. до н. э. с урнами, саркофаг из песчаника и ряд бронзовых предметов.

◆ Исследуя руины этрусского г. Тарквиния I тыс. до н. э., археологи вскрыли часть улицы, протянувшейся вдоль крепостных стен. Найдены предметы быта, фрагменты скульптур и строительных деталей.

◆ Недавняя находка арабскими и советскими археологами орудий труда каменного века в Народно-Демократической Республике Йемен, возраст которых около 1,5 млн. лет, опровергает бытовавшую до сих пор точку зрения, что появление людей на этой территории относится ко времени 500 тыс. лет тому назад.

◆ В пригороде Ханоя в ходе раскопок слоев бронзового века найдены 38 литейных форм — свидетельство того, что дельта р. Хонгха была тогда одним из местных металлургических центров.

◆ В провинции Палембанг (Южная Суматра) обнаружена статуя слогоголового бога мудрости Ганеши X века. Ее высота — 1,8 м, вес — ок. 1 тонны. Она характеризует искусство империи Шривиджайя.

◆ В Эфиопии найдены древнейшие из известных науке каменных орудий, по типу близких к найденным ранее в Кении и Танзании, возрастом до 2,7 млн. лет.

РАЗВИТИЕ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НЕЧЕРНОЗЕМНОЙ ЗОНЫ В 30-х ГОДАХ

Социалистическая реконструкция сельского хозяйства такой громадной территории, как Нечерноземье, в т. ч. использование его земельного фонда в 30-х годах, исследована пока еще недостаточно, особенно в сравнении с такими регионами, как Северный Кавказ, Сибирь, Среднее Поволжье, Центрально-Черноземная зона и другие. В последнее время внимание советских историков к особенностям колхозного строительства и развития земледелия Нечерноземья усилилось. Были изданы сборники о коллективизации сельского хозяйства в районах этой зоны¹, содержащие материалы и документы о социалистическом преобразовании деревни, об организационно-хозяйственном укреплении колхозов, о развитии сельскохозяйственного производства в 30-х годах. Во вступительных статьях к этим сборникам рассматривается и данная проблема. Значительный интерес для исследователя представляют очерки по истории областных партийных организаций Нечерноземной полосы². Одну из первых попыток монографического исследования этой темы предпринял А. К. Шустов³. На фоне общей картины осуществления сплошной коллективизации в деревне Верхнего Поволжья автором выявлены особенности этого процесса в регионе. Проблемой освоения

земельного фонда Нечерноземья занимался В. И. Куликов⁴, одна из глав его монографии посвящена Нечерноземью.

Проблема использования земель Нечерноземья для производства зерна давно привлекала внимание виднейших ученых страны. Основатель научной школы агрохимии Д. Н. Прянишников еще в 1925 г. в лекции «Мальтус и Россия» рекомендовал для увеличения сельскохозяйственной продукции расширение запашки, «возможное в очень больших размерах для Нечерноземной полосы Европейской России (и Сибири)»⁵. Проблеме освоения Нечерноземной зоны была посвящена его статья «Резервный миллиард (Химизация земледелия Нечерноземной зоны)», опубликованная в июне 1929 г. в газете «Известия». В статье подчеркивалось, что в связи с химизацией земледелия появляется возможность использовать площади, не нуждающиеся в орошении; применение удобрений может обеспечить устойчивые урожаи в 30 ц зерна с гектара. В случае засухи в степных областях юго-востока страны валовой урожай зерна по стране может снизиться на целую четверть, т. е. на 16,6 млн. т зерна, что, как показал опыт 1891, 1911 и 1921 гг., создает угрозу для жизни миллионов людей. Чтобы предотвратить такие последствия засухи, надо вырастить лишний миллиард пудов зерна (около 17 млн. т) в Нечерноземной зоне, которая не знает засух⁶. Расширение посевных площадей в этой зоне, по мнению Д. Н. Прянишникова, улучшило бы и географию зернового хозяйства.

Новый этап в подъеме земледелия Не-

¹ См.: Коллективизация сельского хозяйства в Северном районе (1927—1937 гг.). Вологда. 1964; Коллективизация сельского хозяйства в Западном районе РСФСР (1927—1937 гг.). Смоленск. 1968; Коллективизация сельского хозяйства в Северо-Западном районе (1927—1937 гг.). Л. 1970; Коллективизация сельского хозяйства Центрального промышленного района (1927—1937 гг.). Рязань. 1971.

² См.: Очерки истории Ивановской организации КПСС. Ч. II (1917—1967). Ярославль. 1967; Очерки истории Ярославской организации КПСС. Ярославль. 1967; Очерки истории Калининской организации КПСС. М. 1971; Очерки истории Рязанской организации КПСС. М. 1974; и др.

³ Шустов А. К. Победа колхозного строя в Верхнем Поволжье. Ярославль. 1971.

⁴ Куликов В. И. Коммунистическая партия в борьбе за освоение новых земель в ходе социалистического преобразования сельского хозяйства.— Вопросы истории КПСС, 1977, № 1; его же. Исторический опыт освоения целинных земель. М. 1978.

⁵ Прянишников Д. Н. Избранные сочинения. Т. 3. М. 1963, с. 212.

⁶ Там же, с. 263—265.

черноземной зоны связан с осуществлением сплошной коллективизации. Она была тесно связана с коренной перестройкой материально-технической базы сельского хозяйства. Социалистическая индустриализация и социалистическое преобразование сельского хозяйства — это те условия, которые позволили приступить к освоению новых земель на Севере. Ведь до революции и даже позже, в доколхозный период, основными методами расчистки лесных массивов под посевы были палы, пастбищная расчистка и корчевка вручную; машины почти не применялись. Небольшие площади, отвоеванные крестьянами у леса, доставались иногда ценой гибели огромных лесных пространств, уничтожаемых пожарами и ежегодными палами. Только с победой колхозного строя крестьянство с помощью МТС, снабженных современной техникой, по-настоящему смогло взяться за освоение новых земель.

XVI съезд ВКП(б) в резолюции «О колхозном движении и подъеме сельского хозяйства» постановил: «В ближайшие же годы развернуть сельское хозяйство потребляющей полосы, превратив ее в важнейший молочно-огородно-свиноводческий и льняной районы»⁷. Здесь еще не упоминается о зерновом хозяйстве, но проблема Нечерноземья уже становится предметом тщательного исследования со стороны научных, партийных и государственных органов. Изучаются и возможности развития зернового хозяйства. К решению этой проблемы была привлечена и созданная в 1929 г. Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). С самого начала своей деятельности она уделяла серьезное внимание решению задачи поднятия сельского хозяйства Нечерноземной зоны и продвижения возделывания хлебов на север. Ее первый президент Н. И. Вавилов, неизменным идеалом которого была идея «обновления земли», в статье об основных задачах академии охарактеризовал как «грандиозную задачу» освоение новых земель: «Продвижение земледелия к северу, в районы более устойчивого земледелия, встает в Европейской части Союза»⁸.

В ноябре 1931 г. в Ленинграде состоялась чрезвычайная сессия АН СССР, на

которой Н. И. Вавилов выступил с докладом «Проблема северного земледелия». Использование Нечерноземной зоны, или, как тогда говорилось, «Севера» (в противоположность степному черноземному «Югу»), для земледелия ученый рассматривал как составную часть более широкой задачи — использования всех ресурсов региона в интересах развития народного хозяйства СССР. Освоение природных богатств Нечерноземья (лесов, полезных ископаемых, водной энергии), строительство железнодорожных путей и другие задачи развития зоны вызвали настоятельную необходимость значительного расширения и развития здесь земледелия. Как и Прянишников, Вавилов подчеркивал, что в Нечерноземной зоне имеются для этого некоторые благоприятные условия: «Самым существенным фактом, определяющим целесообразность продвижения к северу, является устойчивость здесь урожаев в связи с увлажненностью в северных районах, меньшая зависимость северных урожаев от условий года, отсутствие засух».

Президент ВАСХНИЛ приводил конкретные данные о том, что некоторые культуры, например, рожь, ячмень, яровая, а иногда и озимая пшеница, дают на севере более высокие урожаи, чем в засушливых южных областях. Характерной чертой северного земледелия он считал устойчивость урожаев по годам. Он обратил внимание участников сессии на опыт северных государств в возделывании хлебов, на высокие урожаи в Дании и Германии, а также сообщил о результатах работ руководимого им Всесоюзного института растениеводства. Данные этих исследований показали, что предельной границей вызревания современных самых ранних сортов хлебных злаков можно считать широту Полярного круга (66° 30' с. ш.), а такие сельскохозяйственные культуры, как картофель, свекла, брюква, морковь, капуста, лук, редька, достигли даже побережья Северного Ледовитого океана. Н. И. Вавилов высказал мнение, что «ограничивающим фактором развития земледельческой культуры является не холод, а заболоченность, с которой можно бороться дренажем»⁹. Он дал положительный ответ на вопрос, возможно ли поднять сельское хозяйство Нечерноземья, указав средства и пути достижения этой цели: «Известкование, удобрение почвы

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 4, с. 455.

⁸ Сельскохозяйственная газета, 22.I.1930.

⁹ Вавилов Н. И. Проблема северного земледелия. Л. 1931, с. 6.

и осушка являются основными предпосылками развития земледелия на севере»¹⁰.

Н. И. Вавилов нарисовал яркую картину будущего северного земледелия, каким оно ему представлялось,— земледелия, для которого характерны интенсивные формы с широким применением удобрений, дренажа, механизации и электрификации: «Это будут огромные площади осушенных и удобренных лугов и пастбищ на прежних болотах и пустырях. Под городами возникнут обширные застекленные площади теплиц и парников, пользующихся не только солнечным светом и навозом как источником тепла, но также электричеством как для отопления, так и для удлинения периода вегетации»¹¹. Главными отраслями сельского хозяйства Нечерноземья ученый считал животноводство, но полагал, что сюда продвинулись и зерновые культуры, изменится их география.

Это предвидение Н. И. Вавилова, который собирал образцы хлебов и других сельскохозяйственных культур во всем мире (за исключением Австралии) и был настоящим знатоком сельского хозяйства не только своей страны, но и почти всех стран нашей планеты, в условиях 30-х годов могло казаться чуждым и было действительно трудно осуществимым. Но именно тогда ученый обосновал проблему изменения земледелия Нечерноземья. Он представлял себе это не как кратковременную кампанию, а как обширную программу, которая должна базироваться на использовании факторов и средств интенсификации. Развивая идеи Д. Н. Прянишникова, Н. И. Вавилов сознавал, что грандиозные задачи изменения огромнейшей территории способно решить только социалистическое общество. В дореволюционном прошлом крестьянство с его мелкотоварным хозяйством не могло справиться с делом освоения Нечерноземья, требующим крупных капиталовложений; помещики же не были в этом заинтересованы. В течение веков, отметил Н. И. Вавилов, в Архангельском крае, например, сельскохозяйственными культурами было занято менее 1% ее территории. Из 58 млн. га болот в Нечерноземной полосе царская Россия за несколько веков освоила немногим более 1 млн. гектаров¹².

Доклад Н. И. Вавилова на сессии АН

СССР — не единственное выступление ученого по вопросу об изменении сельского хозяйства Нечерноземья. Те же идеи он развивал в статьях и исследованиях¹³. Н. И. Вавилов не ограничивался теоретической постановкой вопроса. Он и коллектив Всесоюзного института растениеводства много сделали для реализации этой задачи. Нельзя не упомянуть о работе одного из ближайших сотрудников Н. И. Вавилова, селекционера В. Е. Писарева, который многие годы отдал работе по созданию новых сортов пшеницы для Нечерноземной полосы СССР. В частности, он использовал гибридные популяции, выведенные на станции Тулун в Восточной Сибири. Одна из этих популяций — результат скрещивания канадской пшеницы «престон» с сортом «прелюд» — дала начало сорту ранней пшеницы «новинка», созревавшему в Ленинградской обл. за 94 дня, в Северном крае — в течение 100 дней. В центрах испытаний Госсортсети урожайность «новинки» достигала 30 ц с га, этот сорт давал высокие показатели в хлебопекарном производстве. Писарев и сотрудники института вывели многие другие сорта сибирской пшеницы¹⁴.

Деятельность научных учреждений находила поддержку партийных и государственных органов. В постановлении коллегии Наркомзема СССР от 13 марта 1933 г. о мерах продвижения посевов озимой и яровой пшеницы на север и получения ее высоких урожаев указывалось: «В целях расширения посевов яровой и озимой пшеницы на север и получения высоких ее урожаев коллегия НКЗема СССР постановляет: «Обязать областные (краевые) земельные управления Северного края, Ленинградской, Московской, Западной областей, Горьковского края и Наркомзема Татарской АССР и Белорусской ССР... сосредоточить особое внимание на работе по внедрению культуры пшеницы в своих районах». Перед семеноводческими и другими органами была поставлена задача обеспечить для потребительских областей дефицитные сорта яровой пшеницы «новинка», «цесиум-0111» и озимой пшеницы «московская-02411» и «дюрабл»¹⁵. В по-

¹³ Некоторые из этих трудов см.: Н. И. Вавилов. Избранные труды. Т. 5. М. 1965.

¹⁴ См. Писарев В. Е. Еще о продвижении яровой пшеницы на север.— Семеноводство, 1931, № 15, с. 7—10.

¹⁵ ЦГАНХ СССР, ф. 8393, оп. 1, д. 250, л. 3.

¹⁰ Там же, с. 9.

¹¹ Там же, с. 14.

¹² Там же.

становлении конкретно рассматривались вопросы организации новой зерновой базы в Нечерноземной зоне и определялись задачи селекционных центров по созданию новых сортов пшеницы и семеноводческих совхозов по размножению этих сортов, подчеркивалась необходимость организации экспедиций с целью исследования опыта и традиций возделывания хлебов и собирания данных о важнейших сортах пшеницы, их качествах и условиях возделывания.

Новый импульс развертыванию работы по поднятию сельского хозяйства Нечерноземной зоны дал XVII съезд ВКП(б) (январь — февраль 1934 г.), выдвинувший задачу правильного размещения основных отраслей сельского хозяйства и специализации районов по культурам и отраслям. Освоение Нечерноземной зоны, создание здесь устойчивой пшеничной базы — обширной полосы возделывания хлебов и получения определенного количества товарного зерна — было отнесено к задачам такой же важности, как орошение в Заволжье¹⁶.

Проблемам Нечерноземной зоны было посвящено состоявшееся 5—8 декабря 1935 г. в ЦК ВКП(б) совещание, в работе которого участвовали первые секретари обкомов партии областей Нечерноземья и Белоруссии, директора МТС и совхозов, представители других организаций. Совещание разработало мероприятия по улучшению руководства колхозами и дальнейшему подъему сельского хозяйства в Нечерноземной полосе. Главное внимание было уделено повышению урожайности, введению севооборотов, использованию местных удобрений, развитию клеверосеяния, механизации сельскохозяйственного производства, лучшему использованию тракторов и сельскохозяйственных машин, подготовке кадров, выдвижению женщин на руководящие должности в колхозах и на работу по управлению сложными машинами, предотвращению потерь урожая в условиях дождливой погоды, точному выполнению Устава сельхозартелей, принятого II Всесоюзным съездом колхозников-ударников¹⁷.

Главные мероприятия, разработанные на совещании, нашли отражение в Постановлении СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об организационно-хозяйственном укреплении колхозов и подъеме сельского хозяйства в областях, краях и республиках Нечерноземной

полосы» от 19 декабря 1935 года. Оно касалось развития сельского хозяйства Московской, Ленинградской, Калининской, Западной и Иваново-Вознесенской областей, Горьковского, Северного и Кировского краев и Белоруссии. В Постановлении отмечалось, что, несмотря на благоприятные условия зоны, урожай хлебов и других сельскохозяйственных культур остаются здесь на крайне низком уровне. Урожай зерновых составляли 7—9 ц и только в отдельных областях и краях — 11 ц с гектара. Сложные сельскохозяйственные машины, направленные в МТС зоны, использовались не в полной мере; производительность тракторов оставалась низкой, молотилки работали с недогрузкой. Такое положение создалось потому, что краевые и областные организации не подготовили кадры для освоения этих машин. Постановление отмечало и недостаточное развитие животноводства в колхозах и личных хозяйствах колхозников. В частности, в нем говорилось, что поголовье рабочих лошадей в краях и областях Нечерноземья «все еще продолжает снижаться, и значительная часть лошадей находится в неудовлетворительном состоянии»¹⁸. Крайне неудовлетворительным признавалось положение с посевами клевера, «расширение которых является одним из важнейших условий повышения урожайности зерновых и особенно льна и увеличения кормовых ресурсов для скота».

СНК СССР и ЦК ВКП(б) поставили перед советскими и партийными органами Нечерноземья задачу поднять в течение трех-четырех лет урожайность хлебов примерно до 16 ц с га (90—100 пуд.), повысить урожайность других сельскохозяйственных культур. Определялись также размеры освоения новых земель каждой областью уже в 1936 г.: путем раскорчевки, расчистки кустарников, осушки болот должно было быть освоено 700 тыс. га новых земель. При уровне механизации того времени это была весьма трудная задача. Намечены были также перспективы строительства новых МТС и подготовки кадров механизаторов. Постановление предполагалось осуществить в короткий срок, с учетом важности общей задачи улучшения хлебного баланса СССР. Оно содержало основные для того времени аспекты проблемы перспективного развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны.

Уже в 30-е годы были достигнуты опре-

¹⁶ См. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стеногр. отч. М. 1934, с. 23—24.

¹⁷ Известия, 20.XII.1935.

¹⁸ Там же.

деленные результаты, и важнейшие из них — продвижение пшеницы на север, рост удельного веса Нечерноземья в общесоюзном объеме производства этой культуры. Посевные площади пшеницы в зоне увеличились с 344,9 тыс. га в 1928 г. до 725,5 тыс. га — в 1933 г. и 2730 тыс. га — в 1937 г.; валовой урожай соответственно составил 3104 тыс., 75 5 тыс. и 29 775 тыс. ц, т. е. 1,4%, 2,7% и 6,4% — к валовой продукции пшеницы в СССР и 2%, 3,9% и 17,7% — к валовой продукции всех зерновых культур зоны¹⁹. В Нечерноземной зоне возросло производство картофеля, льна и овощей. Московская, Горьковская и некоторые другие области в значительной мере обеспечивали свои потребности в хлебе и овощах и почти полностью — в картофеле²⁰.

Однако в осуществлении программы освоения Нечерноземной зоны было немало трудностей. В 1933 г. план освоения новых земель был выполнен на 80%, в 1934 г. — на 78%, а за семь месяцев 1935 г. — менее чем на 60%. Невыполнение касалось и таких культур, как рожь, ячмень, овес и др., хотя в государственном плане предусматривалось расширение их посевных площадей. В 1934 г. только Северный край выполнил план освоения новых земель. В БССР было вспахано 54 тыс. вместо 110 тыс. га, не выполнили свои задания Московская и Ки-

ровская области, Горьковский край²¹. Одной из причин такого положения был низкий уровень механизации сельского хозяйства. Для освоения новых земель нужны были кусторезы, корчевальные машины, дисковые культиваторы, канавокопатели, фрезы и др., а их не хватало; кадры механизаторов тоже еще надо было готовить. Не проводилось в достаточных размерах известкование кислых почв²².

Материально-техническая база для осуществления такой грандиозной задачи, как поднятие сельского хозяйства Нечерноземной зоны, была в то время явно недостаточной. Для развития сельского хозяйства зоны нужны были огромные финансовые и материальные средства. Выделить их в течение второй и третьей пятилеток, когда продолжалась индустриализация и когда над страной нависла угроза войны, вызвавшая необходимость перераспределения средств и ресурсов, в том числе металла, на потребности обороны страны, было невозможно. Однако уже тогда была в основных чертах разработана учеными и одобрена Коммунистической партией и Советским государством программа развития сельского хозяйства Нечерноземной зоны. В 30-е годы были достигнуты немалые результаты в ее реализации и накоплен определенный опыт. Вероломное нападение фашистской Германии на СССР, в результате которого значительная часть Нечерноземной зоны оказалась временно оккупированной врагом, явилось главной причиной, отодвинувшей планомерное осуществление программы освоения Нечерноземья на более позднее время.

Ф. Шром

¹⁹ К Нечерноземной зоне в соответствии с административно-территориальным делением СССР того времени относились: БССР, Архангельская, Вологодская, Горьковская, Ивановская, Калининская, Кировская, Ленинградская, Московская, Мурманская, Орловская, Рязанская, Смоленская, Тульская, Ярославская области, Карельская, Коми, Марийская, Удмуртская, Чувашская АССР.

²⁰ Социалистическое земледелие, 20.XII. 1935.

²¹ Там же, 9.IX.1935.

²² См. Совещание передовиков урожайности по зерну, трактористов и машинистов молотилок с руководителями партии и правительства. Стеногр. отч. М. 1936, с. 240.

ФАКТЫ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

КОММУНИСТ БАЛАГУРОВ

Первыми житейскими университетами члена партии с 1908 г. А. И. Балагурова¹ были лавки петербургских купцов. Ежедневно с шести утра и до полуночи ждала его работа: уборка складских помещений и пекарни, в которой с 12 лет служил подросток, доставка товара клиентам. Изнурительным трудом постигал он законы жизни при «хозяевах». Студент Технологического института привел однажды юношу на сходку молодежи. Через несколько дней он уже сам пришел на новую сходку и вскоре стал разносить по указанным адресам нелегальную литературу. Затем ему поручили более серьезное дело: тот же студент, член РСДРП, направил его в типографию журнала «Нива», а оттуда Алексей доставил по назначению «товар» — типографский шрифт и краску и спустя несколько дней распространял среди рабочих и учащихся листовки, отпечатанные в подпольной типографии.

Как подручный продавца в лавке купца Воронина Балагуров вступил в петербургский союз приказчиков-съестников, через год был избран в его правление, потом стал членом рабочего кооператива, организованного по инициативе типографшиков и металлистов Выборгской стороны. В годы первой российской революции служил продавцом в магазине кооператива «Труженик», потом — уличным торговцем шпагатом и использовал свое хождение с утра до вечера по городу для революционного дела. В его мешке лежали большевистские листовки, прокламации и газеты. «Революционные события, — вспоминал он позднее, — дали мне возможность в период жестокой столыпинской реакции, когда партия большевиков находилась в глубоком подполье, сознательно вступить в 1908 году в Рос-

сийскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков)»².

Состоя в партийном кружке, Балагуров был его библиотекарем и кассиром, нелегальную литературу хранил в чуланах и дровяных складах лавки. Собрания членов кружка проводились обычно в трактирах. Там снимали отдельные кабинеты и слушали лекции партийных пропагандистов, читали газеты «Звезду» и «Правду». Начал помещать в газетах свои заметки и Балагуров³. Заведовавший хроникой в «Правде» К. С. Еремеев помогал советами начинающему автору. «Человек шесть молодых людей, очевидно рабкоров, стоя, окружив его, перебивая друг друга, что-то ему возражали и задавали вопросы, на которые он обстоятельно отвечал, — вспоминал Алексей Иванович об одной из таких встреч. — Увидя меня с заметкой в руке, он ее взял, бегом проглядел и, обращаясь ко мне, проговорил: «Вам тоже следует послушать, полезно». Вопрос шел о том, как нужно писать в рабочую газету. Константин Степанович тут же, на живом примере, читал принесенные рабкорами письма и заметки, указывал, чего в них не хватает. «Каждая заметка должна быть подкреплена фактами, — говорил он, — а фактов у вас много; она будет понятнее и будет лучше восприниматься рабочими не только вашего предприятия, но и других»⁴.

Балагуров выступал в «Правде» за подписями «Ильинский», «Приказчик» и «Съестник». Он принимал активное участие в распространении газеты среди рабочих, собирал денежные средства в фонд «Правды», привлекал новых подписчиков, вместе с другими рабкорами устраивал читки для постоянных посетителей чайных — обойщи-

² ЦГАОР СССР, ф. Р-9551, оп. 1, д. 90, л. 16.

³ Бережной А. Ф., Смирнов С. В. Бойцы революции. Сотрудники большевистской печати. Библиографический справочник. Л. 1969, с. 42—43.

⁴ ЦГАОР СССР, ф. Р-9551, оп. 1, д. 80, л. 17.

¹ Алексей Иванович Балагуров родился 7(19) сентября 1888 г. в дер. Цыбеево, Ильинской волости, Угличского уезда, Ярославской губ.; скончался в Москве 9 ноября 1976 года.

ков, кровельщиков, приказчиков, портных. «Рано утром,— вспоминал он,— газета приносилась мною из типографии в дом № 34 по Гороховой улице, где в нанимаемой мною под лестницей кладовке связывалась в пачки по десять, пятнадцать, двадцать штук, складывалась в мешок вместе с пачками шпагата и разносилась к верным товарищам по установленным адресам. Полученная этими товарищами газета распространялась ими в свою очередь среди своих групп читателей»⁵. Балагуров не раз дежурил ночами в типографии «Правды», чтобы успеть увезти пачки газет до того, как нагрянет полиция для конфискации не дозволенного цензурой номера.

Он принял участие и в организации журнала «Вестник приказчика», первый номер которого вышел в сентябре 1912 г., и стал одним из его постоянных сотрудников⁶. Как вспоминал о нем член редколлегии журнала Я. И. Буров, Алексей «был у нас экспедитором «Вестника», распространяя свежие номера по приказничьему Питеру с молниеносной быстротой какими-то одному ему известными связями с рынками и торговцами... постоянно избирался в члены правления союза, в котором неустанно работал... товарищ, на которого вполне можно было положиться»⁷. На страницах этого журнала выступали М. С. Ольминский, Д. Бедный, близкий друг Алексея Ивановича, сотрудник большевистской газеты «Борьба» И. А. Войнов. Находясь в ссылке, он, в частности, просил в одном из писем к Балагурову выслать наложенным платежом 30 экз. «Вестника приказчика»⁸. В «Вестнике» регулярно появлялись и заметки Балагурова, его корреспонденции о предстоявшем в июне 1913 г. IV Всероссийском съезде торгово-промышленных служащих, участником которого он затем был. Редакция поручила ему зачитать приветствие съезду от журнала. Выступления некоторых делегатов встревожили полицию;

⁵ Там же, д. 110, лл. 11—13; см. также Балагуров А. И. Страничка в историю газеты «Правда». В кн.: Страницы славной истории. Воспоминания о «Правде» 1912—1917 гг. М. 1962, с. 261.

⁶ Балагуров А. И. Профессиональные союзы торговых служащих в 1912—1915 гг. В кн.: В огне революционных боев. (Районы Петрограда в двух революциях 1917 г.). Сб. воспоминаний старых большевиков-питерцев. М. 1971, с. 275.

⁷ Из эпохи «Звезды» и «Правды» (1911—1914). Вып. 2. М. 1921, с. 212—213.

⁸ ЦГАОР СССР, ф. Р-9551, оп. 1, д. 143, л. 1.

на дверях помещения, где проходил съезд, после нескольких заседаний появилось официальное объявление о закрытии съезда по распоряжению Министерства внутренних дел.

Когда в 1914 г. власти запретили в связи с началом первой мировой войны деятельность профсоюзов, издание «Правды», «Вестника приказчика», других пролетарских газет и журналов, Балагуров включился в выпуск нелегальных изданий, участвовал в оборудовании подпольной типографии, выступал с антивоенными речами на рабочих сходках. Свыше 1 тыс. приказчиков пришли 15 августа 1915 г. в зал Калашниковской хлебной биржи, где ораторы-большевики призывали их к борьбе с реакцией, разоблачали грабительские цели империалистической войны. Выступил там и Балагуров, выразив сожаление, что среди собравшихся нет рабочих — депутатов IV Государственной думы, сосланных в Сибирь, и пожелав им скорейшего возвращения. Участники митинга приняли резолюцию с требованием возвратить депутатов из ссылки и избрали комиссию для выработки устава профсоюза торговых служащих. Вскоре Балагуров стал одним из организаторов кооператива торгово-промышленных служащих «Вперед», в помещении которого не раз проводились встречи подпольщиков.

Будучи призванным в армию, Алексей Иванович распространял прокламации в воинских частях Петергофа и Ораниенбаума. От гвардейского артдивизиона он был послан на Финляндский вокзал встречать возвращавшегося 3 апреля 1917 г. из эмиграции в Россию В. И. Ленина, участвовал в организации Петергофского райкома партии большевиков⁹, активно сотрудничал в «Правде», в июле руководил стачкой рабочих конвертных мастерских, публикуя отчеты о ее ходе. Тяжело заболев, Балагуров уехал в сентябре 1917 г. в деревню Ярославской губ. и захватил с собой экземпляры газеты «Рабочий и солдат», листовки с решениями VI съезда РСДРП(б), другую литературу. После установления Советской власти в Ярославской губернии он стал вести среди крестьян Угличского уезда беседы о значении новой революции, разъяснял декреты Советского правительства.

Вернувшись к зиме в Петроград, Балагуров участвовал в операциях Спасского во-

⁹ Балагуров А. И. В одном строю с рабочим классом. В кн.: Октябрь и профсоюзы. М. 1967, с. 167—178.

енного комиссариата по ревизии и изъятию товаров, скрытых саботажниками и спекулянтами, в январе — феврале 1918 г. выезжал в Смоленск, Екатеринбург и другие города для отгрузки промышленных материалов государственным предприятиям и организациям. «Поездки в тот период были очень трудными и сложными, — вспоминал он. — Особенно поездка в Екатеринбург. Ехал я туда около десяти дней в битком набитых пассажирами неотопливаемых вагонах, всю дорогу не снимая шинели. Были две или три пересадки. Выданные мне мандаты не имели никакого значения. Несколько выручала солдатская форма, вернее, помятая шинель и поношенная папаха. Сложность же поездок заключалась в том, что в обоих случаях пришлось везти с собой довольно крупные суммы наличных денег в мелких купюрах... Ради осторожности пришлось обложить себя от ног до шеи бумажными деньгами, и я имел вид солидного солдата-сибиряка, возвращавшегося домой с военной службы»¹⁰.

В выполнении срочных заданий руководства Петрокоммуны, в трудных командировках прошли для него 1918—1919 годы. 17 февраля 1920 г. Алексею Ивановичу был вручен мандат за подписью руководителя Петроградской трудовой коммуны А. Е. Бадаева на право «производить обследование рынков, магазинов и частных квартир с точки зрения торговли и хранения похищенных и спекулятивных продуктов, конфисковать и реквизировать таковые и привлекать виновных к ответственности»¹¹. Найденные продукты тотчас поступали в детские учреждения и больницы. С идентичным мандатом Алексей Иванович выезжал летом 1920 г. в Рыбинск, Углич, Тверь, другие города Верхневолжья для закупки скота и обследования условий для организации совхозов¹². Он возглавлял в Петрокомпроде отдел распределения продуктов, потом руководил таким же отделом в Московской продкоммуне — кооперативной организации, занимавшейся торговлей, общественным питанием, распределением продуктов и товаров первой необходимости.

Не раз участвовал Балагуров в практически еженедельных субботниках и воскресниках. Он вспоминал, что во время одного из осенних субботников 1920 г. разгружал

дрова вместе с сотрудниками Наркомата просвещения во главе с А. В. Луначарским¹³. Приходилось сражаться ему на «продовольственном фронте» и в провинции. «Помню митинг уезжающих «продегматчиков». Напутственные речи. Строгие, сосредоточенные лица. Да, люди знали, что партия посылает их на большое дело — победившему пролетариату нужен хлеб. И они во что бы то ни стало должны найти его, отправить в Петроград, Москву и другие города. Они сделали все, что могли, хотя это стоило больших потерь. И. А. Пекин (один из товарищей Балагурова. — Н. З.) был зверски убит кулаками в деревне Самодуровка Шацкого уезда Тамбовской губернии... Не вернулись с ответственного задания и многие другие. Но кровь их не была пролита даром. Республика Советов выстояла в борьбе с внутренними и внешними врагами»¹⁴.

Когда весной 1921 г. страна переходила к новой экономической политике, Балагуров активно выступал на собраниях, разъясняя решения X съезда РКП(б). Вскоре он был послан в Оренбургскую губ. и Киргизскую автономную республику за хлебом: «Уполномочивается Москоммуной на все операции, связанные с задачей путем свободной закупки и товарообмена приобретать, грузить и отправлять в адрес Московской потребительской коммуны для голодающих московских рабочих и служащих нормированные и ненормированные продукты, — говорится в мандате, выданном ему 27 апреля 1921 года. — Всем гражданским и военным организациям предлагается оказывать тов. Балагурову полное, всемерное содействие в деле выполнения возложенных на него поручений, а также на пути его следования»¹⁵. Командированные везли для крестьян ситец, сатин, галантерейные товары, мыло, обувь. Алексей Иванович побывал тогда во многих районах, выступал на митингах в Исаево-Дедове, Покровске, станции Краснохолмской, на губернском партактиве.

Находясь в Оренбурге, Балагуров жил в железнодорожном вагоне и, не имея продовольственных карточек, был вынужден приобретать для себя на рынке по высокой цене продукты. Три месяца длилась эта экспедиция продработников. «Пребывание... в Оренбургской губернии и районах Киргизской республики, — вспоминал Балагу-

¹⁰ ЦГАОР СССР, ф. Р-9551, оп. 1, д. 2, л. 42.

¹¹ Там же, д. 3, л. 5.

¹² Там же, д. 6, лл. 1—4.

¹³ Там же, д. 98, л. 5.

¹⁴ Там же, д. 92, л. 3.

¹⁵ Там же, д. 9, л. 2.

ров,— еще сильнее укрепило чувство солидарности населения с московскими организациями»¹⁶. Результаты этой поездки сказались на принятии 3 октября 1921 г. Президиумом Моссовета постановления о срочной помощи продовольствием и товарами пострадавшему от неурожая населению Оренбуржья. Балагуров как член Моссовета и губернской комиссии по оказанию помощи голодающим активно участвовал в организации этого дела.

В последующие годы он трудился в Наркомпрод УССР, был на политработе в Белоруссии, на профсоюзной работе в Ленинграде; бережно хранил удостоверение, выданное 29 декабря 1925 г. Башкирской конторой Всесоюзного государственного акционерного общества «Союзхлеб», когда четыре месяца находился в Бирском кантоне на хлебозаготовках; затем свыше 20 лет труда отдал он Московскому областному тресту хлебопечения, руководя отделом снабжения во время Великой Отечественной войны. «Наш трест в течение всей войны, преодолевая возникающие большие трудности в снабжении предприятий мукой, топливом и подсобным сырьем, работал бесперебойно, не допуская ни на один день перебоев в выпечке хлеба хлебопекарными предприятиями,— вспоминал он.— Следует особо отметить дни великого перелома, начало разгрома Красной Армией под Москвой гитлеровских захватчиков, когда буквально через несколько часов после освобождения подмосковных городов в эти города трестом завозились для населения печеный хлеб из Москвы и мука для выпечки хлеба и посылались бригады рабочих для немедленного восстановления разрушенных хлебопекарных предприятий»¹⁷.

Такие бригады действовали в Солнечногорске, Клину, Можайске, Наро-Фоминске, Истре, Малоярославце, Яхроме. Часто выезжал в их составе и Балагуров. Затем в послевоенные годы развернулась работа по дальнейшему развитию хлебопекарной промышленности. Об этом в дни 40-летия Великого Октября руководство треста писало в приветственном адресе Балагурову: «Вы оправдали и продолжаете оправдывать

своей производственной и партийно-общественной работой в тресте и вне его высокое звание коммуниста-ленинца». А к 50-летию Великого Октября правительство наградило Алексея Ивановича как активного участника социалистического строительства орденом Трудового Красного Знамени.

Находясь с 1958 г. на пенсии, Балагуров отдавал свой опыт и знания делу коммунистического воспитания трудящихся, до последних дней жизни вел общественную и литературную работу, являлся постоянным автором газет «Советская торговля», «Новгородская правда», угличского «Авангарда». В его личном фонде, находящемся в ЦГАОР СССР, хранятся его любопытнейшие записки о Д. В. Антошкине, И. А. Воинове, В. И. Зофе, К. С. Еремееве, С. В. Малышеве, Д. Я. Одинцове, других большевиках, рабкорах, сотрудниках «Звезды» и «Правды», отзывы на книги, наброски истории профсоюзов, истории большевистской печати, госкооперации и торговли. В ЦГАОР СССР он возглавлял Совет ветеранов профсоюзов. 24 декабря 1968 г. в «Труде» была напечатана его корреспонденция «Забвению не подлежит», в которой Алексей Иванович призвал ветеранов революционного движения передать на государственное хранение рукописи их воспоминаний и редкие снимки. На этот призыв откликнулись многие: в архив поступили письма, фотографии, другие ценные материалы.

Балагуров часто выступал на предприятиях, в воинских частях, учебных заведениях и клубах Москвы, весной 1963 г. был в гостях у трудящихся Эстонии, вел переписку с пионерами и комсомольцами многих мест. «Часто встречаясь с молодежью,— говорил он на встрече с журналистами в редакции «Известий»,— я вижу: это поколение, которому по плечу самые сложные, самые большие задачи. Мы твердо знаем: дело наше продолжают достойные»¹⁸. Вся жизнь Алексея Ивановича Балагурова была примером честного и самоотверженного служения трудовому народу.

Н. С. Зелов

¹⁶ Там же, д. 95, л. 52.

¹⁷ Там же, д. 2, лл. 47--48.

¹⁸ Известия, 5.XI.1973.

ПАМЯТНИКИ ПОЛТАВСКОЙ БИТВЫ

Под стенами Полтавы 275 лет назад решалась судьба Отечества. В этом городе многое напоминает о знаменитой битве, любовно сохраняются памятники старины. Разысканы украденные врагом во время гитлеровской оккупации драгоценнейшие реликвии, восстановлено многое из того, что было варварски разрушено фашистами в 1941—1943 годах. Из 176 памятников истории и культуры города¹ 22 памятника относятся к Полтавской битве. Их прошлое представляет немалый интерес.

Первым памятником этой битвы был высокий холм, называемый в народе Шведская могила, с деревянным крестом наверху. Здесь 28 июня 1709 г., на следующий день после сражения, были похоронены 1345 русских воинов. На их могиле Петр I водрузил крест с надписью: «Воины благочестивые, за благочестие кровию венчавшиеся, лета от воплощения Бога-Слова 1709, июня 27 дня»². А 27 июля того же года царь дал указание Монастырскому приказу «в знак и вечное напоминание той преславной виктории на том самом месте, где тот бой был, а именно неподалеку от Полтавы, построить монастырь мужской и в нем церковь каменную... А пред церковню сделать пирамиду каменную с изображением на ней персоны его государева в совершенном возрасте на коне, вылитую из меди желтою, и под нею бой самым добрым художеством, а по сторонам той пирамиды, на досках медных же, устроить надпись с объявлением всех действий от вступления на Украину того короля Шведского и с получением сей баталии»³. Однако приказ Петра не был выполнен.

В 1730-е годы полтавчане поставили на указанном им месте деревянный столб с вырезанным на нем четверостишием: «На сих полях имел сражение с Карлом Петр, и шведов разметал, как прах бурливый ветер, вселенну устрашил Российскою державою и шел отселе вспять с победою и славой»⁴. Простояв несколько десятков лет, столб рухнул. В 1778 г. бургомистр полтавского магистрата П. Я. Руденко в память об отце, участнике битвы, соорудил в городе камен-

ный столб с пирамидальной вершиной. У его основания были изображены двое юношей в римских одеяниях, наверху укреплен вызолоченный шар, позже замененный короною. В пьедестал была вмонтирована медная доска размером около 2 кв. м с изображением Полтавской битвы и выгравирован текст, который начинался словами: «Полтавской брани вид являет сей металл, как в день Сампсонов Карл, сражен Петром, низпал»⁵. В связи с перепланировкой города памятник в 1811 г. был снят⁶.

В канун 100-летнего юбилея битвы, когда Полтава стала центром губернии⁷, жители города ходатайствовали о сооружении нового памятника. Указом от 11 сентября 1804 г., «согласно желанию, от полтавских граждан объявленному, предназначено... доходы, возвращенные сему городу с принадлежащих ему прежде деревень, обратить на сооружение монумента в воспоминание победы, одержанной под Полтавою»⁸. Первый его проект разработал местный архитектор В. Амвросимов. Он предложил возвести «храм, утвержденный на четырех величественных арках 16 сажен, переброшенных через курган»⁹, а в центре города соорудить колонну с орлом. Им же разрабатывались другие проекты¹⁰. Однако все они были отклонены после передачи «для апробации» петербургскому архитектору акад. Ж. Тома де Томону, который подсчитал, что их сооружение потребует свыше 2 млн. рублей¹¹. За разработку более дешевого проекта вскоре взялся сам Томон, охарактеризовавший его так: «Колонна из железа в четыре куска и, чтобы скрыть их содержание, каждый шов закрыт венком: первый из лавра и пальм, второй из лавра, а третий из дубовых листьев. Промежутки между венками заполнены изображениями перекрещенного оружия. Капитель образована из

⁵ Павловский И. Ф. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее памятники. Полтава. 1908, с. 164—165.

⁶ Бучневич В. Е. Записки о Полтаве и ее памятниках. Полтава. 1902, с. 165.

⁷ Історія міст і сіл Української РСР: Полтавська область. Київ. 1967, с. 77.

⁸ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 1812, л. 3.

⁹ Вайнгорт Л. С. Монумент Славы у Полтаві. Київ. 1959, с. 10.

¹⁰ ЦГИА СССР, ф. 1488, оп. 3, д. 622, лл. 1—12.

¹¹ Картины России и быт разплеменных ее народов. Из путешествий П. П. Свиньина. Ч. I. СПб. 1839, с. 305.

¹ Зоря Полтавщини, 11.VI.1983.

² Полтавский сборник в память 200-летия Полтавской победы. СПб. 1909, с. 101.

³ Щеглов В. Ф., Дмитриевский Д. С. Поле Полтавской битвы и ее исторические памятники. М. 1895, с. 29—30.

⁴ Феодозии Д. Житие и славные дела государя императора Петра Великого. Т. I. СПб. 1772, с. 399—400.

больших листьев, над которыми возвышается цоколь, увенчанный голусферой, на коей распростер свои крылья орел, держащий в когтях молнии войны и в клюве лавровый венок»¹². Диаметр колонны — 1,6 м, высота монумента — 16,6 метра¹³.

Проект был принят, колонну отлили на Луганском заводе, орла и бронзовые украшения — в Петербургской академии художеств скульптором Ф. Ф. Щедриным «под смотрением г-на Томона»¹⁴. В основание памятника вмонтировали 18 орудий, 10 из которых стояли прежде в Полтавской крепости, а восемь были привезены с места капитуляции шведской армии близ Переволочной на Днепре. В изготовлении деталей монумента приняли участие известные скульпторы П. П. Мартос и Ф. Г. Гордеев, а также народные умельцы¹⁵.

При закладке памятника в его основание положили медную доску с указанием даты: 27 июня 1804 года¹⁶. На его западной стороне прикрепили медную дощечку: «В память победы, одержанной в 1709 году июня 27 государем российским Петром Великим над королем шведским Карлом XII на сем месте в г. Полтаве». На противоположной стороне монумента имелась надпись: «Июня 27-го 1709 года», и на южной стороне: «Окончен в 1809 году»¹⁷. Общая стоимость Памятника Славы составила 150 тыс. рублей¹⁸. Почти вся эта сумма была взята из бюджета города¹⁹. В честь открытия памятника выбили медаль: на лицевой стороне изображена голова Петра I в лавровом венке, на обороте — битва на фоне самого памятника.

На месте сражения около 150 лет ничего, кроме креста на братской могиле, не было. Необходимые для нового строительства 100 тыс. руб. нашлись только к 100-летию юбилею битвы. Их пожертвовал сын новгород-северского атамана И. С. Судненко²⁰. Согласно завещанию его отца, рядом с захоронением воинов следовало поставить церковь во имя Сампсона, день которого отме-

чается 27 июня. Однако указанные деньги были взяты на нужды военного ведомства. К 1832 г., когда они были возвращены с процентами, сумма выросла до 220 тысяч²¹. В 1856 г. по проекту архитектора Л. И. Шарлеманя церковь построили в стиле древнерусского белокаменного четырехстолпного храма. В 1890—1896 гг. ее перестроили, расписав стены, в чем участвовали ученики В. М. Васнецова. Они изобразили фигуры великих князей Бориса и Глеба, Александра Невского, Петра I. В 1894 г. на братской могиле поставили крест из светло-серого гранита высотой 7,5 метра.

На вершину кургана ведут гранитные ступени. С восточной стороны холма начертаны на бронзовой плите имена захороненных офицеров и указано число погибших воинов. С западной стороны идет надпись из обращения Петра I к войскам накануне битвы: «А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия, благочестие, слава и благосостояние ее»²². Лестница разделена надвое площадкой, выложенной плитами. У подножия холм окружен цоколем, на котором установлены соединенные цепями тумбы. Все это изготовлено из красного гранита. В 1906—1909 гг. внутри холма был построен склеп, который поддерживает собой крест.

Еще в 1817 г. в центре старой части города был возведен небольшой кирпичный памятник с вылитыми из меди орнаментами. На лицевой стороне остроконечной колонны в виде обелиска под двумя пучками связанных алебард имелась надпись: «Здесь Петр I поконился после трудов своих»; ниже, внутри свернувшейся в кольцо змеи — «27-го июня 1709 года»; еще ниже — «Благоговет, место свято есть». Этот памятник просуществовал до 1849 года²³. В 1847 г. было разрешено воздвигнуть новый памятник, отлитый из бронзы способом гальванопластики, по проекту архитектора А. П. Брюллова. Установленный 27 июня 1849 г., он представляет собой прямоугольную пирамиду на пьедестале из гранитных ступеней. Сверху лежат меч и щит, поверх щита — шлем полководца. На лицевой стороне пирамиды повторен текст предыдущего памятника, а ниже добавлено, когда он воздвигнут. Под надписью изображен царский герб, на базисе в барельефе — отды-

¹² Бойко І. Ф. Довідник про історичні місця Полтавської битви. Полтава. 1939, с. 24.

¹³ Гладыш К. В. Архитектура и памятники Полтавщины. Харьков. 1982, с. 14.

¹⁴ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 19, д. 34, л. 35.

¹⁵ Там же, д. 1603, лл. 2—5.

¹⁶ Бодянский П. Достопримечательности Полтавы. Полтава. 1850, с. 165.

¹⁷ Советский музей, 1939, № 6, с. 43.

¹⁸ Вайнгорт Л. С. Ук. соч., с. 13.

¹⁹ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. 1, д. 1812, л. 8.

²⁰ Там же, ф. 472, оп. 4, д. 5, лл. 2—3.

²¹ Павловский И. Ф. К истории Шведской могилы. Пожертвование И. С. Судненко и его духовное завещание (Очерк по архивным данным). Полтава. 1904, с. 15.

²² Там же, с. 8).

²³ Бодянский П. Ук. соч. с. 91.

хающий лев. Высота памятника — более 11 метров. Постамент окружен чугунной балюстрадой в виде пушек, соединенных кронштейном из арабесок. Памятник отлили в Петербурге и доставили по зимнему насту в Полтаву²⁴.

К 200-летию юбилею соорудили Памятник защитникам Полтавы (4273 солдата и 2600 казаков)²⁵. Он состоит из гранитного куба на трехступенчатом стилобате. Над кубом возвышается призма из розового гранита. С одной стороны обелиска — бронзовое изображение разъяренного льва, символизирующего мужество защитников крепости, и медная доска с надписью: «Доблестному коменданту Полтавы полковнику Келену и славным защитникам города... 27 июня 1709 г.». На противоположной стороне обелиска текст: «1 апреля 1709 года Карл XII осадил Полтаву и до 27 июня, в течение 3-х месяцев, гарнизон и жители города, женщины, старики и дети героически отбивали все ожесточенные атаки шведов». В верхней части призмы находится старинный герб города. Перед памятником по углам стояли четыре старинные пушки²⁶. Высота памятника — 8,8 метра. Авторы — архитектор А. Бильдерлинг и скульптор-анималист А. Л. Обер. На верхней части монумента установлен бронзовый двуглавый орел, держащий лавровый венок, перевитый лентами²⁷. В годы гражданской войны часть памятника была разрушена. Позднее его реконструировали. Текст на обелиске теперь читается так: «1-го апреля 1709 года Карл XII осадил Полтаву. Три месяца гарнизон и жители героически отбивали атаки шведов. Последние ожесточенные штурмы отбиты доблестными полтавцами 21—22 июня, после чего Карл XII снял осаду Полтавы». На углах памятника вместо пушек теперь установлены гранитные тумбы, соединенные цепью.

В 3 км севернее братской могилы поставлен гранитный обелиск с надписью на русском и шведском языках: «В память шведам, павшим здесь в 1709 году. Воздвигнут соотечественниками в 1909 году». Памятник представляет собой глыбу гранита,

привезенную из Швеции, в виде неправильной формы пирамиды высотой 6 м, стоящей на земляном возвышении, а вокруг — гранитные тумбы с железной цепью.

К памятникам Полтавской битвы относятся и редуты, на местах которых в 1909 г. установили 10 бетонных обелисков высотой 2,8 м, отделанных мраморной крошкой, с чугунными орлами наверху²⁸. Ко дню 230-летия сражения бетонные обелиски заменили гранитными высотой 4,5 метра. Еще к 200-летию юбилею поставили гранитные обелиски и в других местах: на месте переправы русских войск через р. Ворсклу, в 15 км от Полтавы; в поселке Новые Санжары; на месте капитуляции шведских войск у Переволочной. До наших дней сохранились два первых; обелиск же у Переволочной находился близ Днепра, и размыв берега повлек за собой его гибель.

Все памятники, посвященные Полтавской битве, были разрушены или повреждены фашистскими захватчиками в 1941—1943 годах. После Великой Отечественной войны их восстановили²⁹. Достоинным хранителем памяти о событиях 1709 г. является Музей истории Полтавской битвы, учрежденный 15 декабря 1908 года³⁰. Сейчас его ежегодно посещают свыше 200 тыс. экскурсантов из многих стран³¹. 31 марта 1981 г. комплекс памятников истории и культуры на поле Полтавской битвы был объявлен государственным историко-культурным заповедником. К 275-летию юбилею закончена реставрация всех памятников и изготовлен новый макет битвы, установленный в музее. Битва под Полтавой «была не просто сражение, замечательное по огромности военных сил, по упорству сражающихся и количеству пролитой крови,— писал В. Г. Белинский,— нет, это была битва за существование целого народа, за будущее целого государства»³². Советский народ свято чтит память об этой славной странице отечественной истории.

Н. А. Якименко

²⁴ ЦГИА СССР, ф. 789, оп. 1, ч. II, д. 10, лл. 21—22.

²⁵ Український історичний журнал. 1969, № 7, с. 141.

²⁶ Верность (еженедельный военно-народный патриотический журнал), М., 20.VII. 1909, № 14—15, с. 7.

²⁷ Андрианов П. М. Петр и Полтава (По поводу 200-летнего юбилея). СПб. 1909, с. 56.

²⁸ Заика А. Н., Ерисов А. Т. Памятники Полтавского сражения. Киев. 1960, с. 9.

²⁹ Жук В. Н., Кундіренко Н. Е. Памятники і меморіальні дошки Полтави. Нариси. Харків. 1978, с. 19.

³⁰ Каталог музея Полтавской битвы на Шведской могиле. Составил И. Ф. Павловский. Полтава. 1910, с. 3.

³¹ Зоря Полтавщини, 12.VII.1981.

³² Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. VII. М. 1955, с. 418.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ки р ь я н о в Юрий Ильич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института истории СССР АН СССР, специалист по истории рабочего класса капиталистической России. Автор монографий «Рабочие Юга России. 1914 — февраль 1917», «Жизненный уровень рабочих России. Конец XIX — начало XX в.», статей и разделов в коллективных работах.

О с м а н о в Ахмед Ибрагимович — доктор исторических наук, заместитель директора Института истории, языка и литературы им. Г. Цадасы Дагестанского филиала АН СССР. Автор монографий «Ликвидация кулачества как класса в Дагестане», «Осуществление новой экономической политики в Дагестане (1921—1925 гг.)» и других работ по истории социально-экономических преобразований в Дагестанской АССР.

М и р о н о в Борис Николаевич — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР, специалист по социальной и экономической истории России XVIII—XIX вв. Автор монографии «Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в.» и других работ по этой проблематике.

Г о л у б е в Александр Владимирович — ассистент кафедры истории Орловского пединститута. Специализируется в области истории внешней политики СССР.

Ф е д о р о в Георгий Борисович — доктор исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии АН СССР. Специализируется в области славяно-русской археологии, археологии и истории Молдавии и Румынии. Автор монографий: «Население Прутско-Днестровского междуречья в I тыс. н. э.», «Славяне в VI—XIII вв.», «Археология Румынии» (в соавторстве с Л. Л. Полевым).

П о л е в о й Лизарь Львович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории МолдССР. Специализируется в области древней и средневековой археологии и истории Молдавии и Румынии. Автор монографий «Городское гончарство Пруто-Днестровья в XIV в.», «Очерки исторической географии Молдавии XIII—XV вв.», «Археология Румынии» (в соавторстве с Г. Б. Федоровым).

Б е с п я т ы х Юрий Николаевич — кандидат исторических наук, научный сотрудник Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР. Специализируется по истории России XVIII века. Автор статей по этой тематике.

Б о н д а р е в Петр Янович — доктор исторических наук, зам. директора Института истории партии при ЦК КП Латвии. Специалист по истории Коммунистической партии Латвии. Автор монографий: «П. Стучка об аграрном вопросе в Латвии», «Аграрная политика Коммунистической партии Латвии. 1904—1940 гг.», «Развитие и совершенствование организационной структуры Компартии Латвии. 1940—1959 гг.» (в соавторстве) и мн. др.

Ч е р н я к Арон Яковлевич — доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой книговедения Московского института культуры. Специалист по истории отечественной культуры. Автор монографий «Русский ученый-металловед Н. В. Калакуцкий», «Н. И. Кибальчич — революционер и ученый», «Жизнь Александра Ульянова», «История технической книги» (тт. 1—2) и др. работ.

SUMMARIES OF ARTICLES

Yu. I. KIRYANOV. *Russian Proletariat and the International Working-Class Movement in 1901-1904.*

The article discusses Socialist and progressive-minded workers' response throughout Europe and America to early 20th-century developments in the Russian working-class movement and its turn from the economic to political forms of struggle. The author cites the facts of moral and material support by workers and democratic public abroad of the struggle of the Russian proletariat, reminds of its evaluation by prominent Social-Democratic leaders which testify to the realisation by them of the fact that the centre of the international revolutionary movement had shifted to Russia.

A. I. OSMANOV. *Changes in the Social Structure of Daghestan's Population at the Stage of Developed Socialism.*

The author discusses significant social shifts in the composition of the working class, the collective-farm peasantry and the peoples' intelligentsia which have taken place in Daghestan in the period of developed socialism. The material collected by him prompts the conclusion that the social development tendencies in this multinational republic are basically the same as in the USSR as a whole and lead to a greater social homogeneity. The article also dwells on some local specificities such as the correlation between the urban and rural population, between skilled and unskilled labour, etc., which differs from that in the rest of the country.

B. N. MIRONOV. *American Bourgeois Historiography of the Russian Feudal Town.*

American historians, writes the author, concentrate mainly on the difference and similarities between the Russian and the West European town and associate them with the broader question of the Russian and Western development patterns and the causes behind the Russian revolutions. The author has reached a conclusion that the current American concept counterpoising the Russian and West European town is merely a variant of the opinion held by Russian pre-revolutionary historians. The article emphasises that both the Russian and the West European town served basically the same purpose and settled the same problems though in a different sequence and by different means. The urbanisation processes in both parts of Europe followed the same patterns, were similar in essence but often differed in form.

A. V. GOLUBEV. *Soviet-British Relations at the Turn of the 80s.*

The article deals with the basic questions of the Soviet-British bilateral relations in the political and military spheres between 1979 and 1983, the period of increased international tension and more complicated relations between the two countries. It underlines the anti-Soviet nature of the policy pursued by the Conservative Government of Margaret Thatcher.

G. B. FEDOROV, L. L. POLEVOI. *Kingdoms of Burbista and Decebalus—Tribal Unions or States?*

Drawing widely on written, archaeological and other sources the authors demonstrate that "the kingdoms of Burbista and Decebalus (1st century B.C.—early 2nd century A.D.) were typical military democratic tribal unions. The social and property differentiation increased significantly under Decebalus, triggering class formation and the emergence of a proto- or pre-state organisation with the parallel preservation of some primitive-communal elements. This process was cut short in the early 2nd century by the Roman conquest which ushered in Romanisation of the local Getae-Dacian population.

CONTENTS

"Problems of History", No. 7, 1984

Articles: Yu. I. Kiryanov. Russian Proletariat and the International Working-Class Movement in 1901-1904; A. I. Osmanov. Changes in the Social Structure of Daghestan's Population at the Stage of Developed Socialism; B. N. Mironov. American Bourgeois Historiography of the Russian Feudal Town; A. V. Golubev. Soviet-British Relations at the Turn of the 80s; G. B. Fedorov, L. L. Polevoi. Kingdoms of Burbista and Decebalus—Tribal Unions or States? Historical Essays: Yu. N. Bespyatykh. The 1701 Defence of Arkhangelsk Against the Swedes; P. Ya. Bondarev. The Road of Latvian Peasantry to Socialism; A. Ya. Chernyak. The Emergence of Steel-Making Industry in Russia. Historical Science in the USSR and Abroad. Surveys: N. A. Minenko. Recent Soviet Historiography on the Russian Settlement of Siberia in the Period of Feudalism; Yu. A. Pisarev. New Documents and Old Allegations on the Role of the Balkans in Unleashing the First World War. Book Reviews: A. F. Vasilyev. Ural Industry in the Great Patriotic War of 1941-1945; K. A. Morozov. Karelia in the Great Patriotic War (1941-1945); P. S. Kabytov. Agrarian Relations in the Volga Area in the Period of Imperialism (1900-1917); D. I. Ismail-Zadeh. Russian Peasantry in the Transcaucasus. 1830s-Early 20th Century; A. M. Stanislavskaya. Fyodor Ushakov's Political Activity in Greece. 1798-1800; Development of Ethnic Self-Awareness of the Slavonic Peoples in the Early Mediaeval Period; A. Yu. Borisov. The USSR and the USA: War-Time Allies; A. B. Letnev. Social Thought in Western Africa; A. Survey of Czechoslovak History. Vol. 1. Books 1-2 (Praha); J. Fontana. Cambio económico y actitudes political en la Espana del siglo XIX (Barcelona). Facts, Events, People. Articles in Soviet and Foreign Historical Journals. New Books in the USSR and Abroad.

SOMMAIRE

de la revue « Questions d'histoire » n° 7, 1984

Articles: You. I. Kirianov. Le prolétariat de Russie et le mouvement ouvrier international en 1901-1904; A. I. Osmanov. Les modifications dans la structure sociale de la population du Daghestan à l'étape du socialisme développé; B. N. Mironov. L'historiographie bourgeoise américaine de la ville féodale russe; A. V. Goloubev. Les relations soviéto-britanniques à la charnière des années 70-80; G. B. Fedorov, L. L. Polévoï. Les « royaumes » de Burebista et de Décébale: unions des tribus ou Etats? Aperçus historiques: You. N. Bespiatykh. La défense d'Arkhangelsk contre les Suédois en 1701; P. Ya. Bondarev. La voie de la paysannerie lettonne vers le socialisme; A. Ya. Tcherniak. La formation de la métallurgie de l'acier en Russie. La science historique en U.R.S.S. et à l'étranger. Revues: N. A. Minenko. Le peuplement de la Sibérie par les Russes à l'époque du féodalisme vu par l'historiographie soviétique contemporaine; You. A. Pissarev. Nouveaux documents et vieilles inventions sur le rôle des Balkans dans la gestation de la Première Guerre mondiale. Comptes rendus des livres: A. F. Vassiliev. L'industrie de l'Oural pendant la Grande Guerre nationale de 1941-1945; K. A. Morozov. La Carélie pendant la Grande Guerre nationale (1941-1945). P. S. Kabytov. Les relations agraires au bassin de la Volga dans la période de l'impérialisme (1900-1917); D. I. Ismaïl-Zadé. La paysannerie russe dans la Transcaucasie. Les années 30 du XIXe siècle — début du XXe siècle; A. M. Stanislavskaïa. L'activité politique de F. F. Ouchakov en Grèce. 1798-1800; Le développement de l'autoconscience ethnique chez les peuples slaves à l'époque du haut moyen âge; A. You. Borissov. L'U.R.S.S. et les Etats-Unis: alliés pendant la guerre. 1941-1945; A. B. Letnev. La pensée sociale en Afrique occidentale; Aperçu de l'histoire de Tchécoslovaquie. T. I, livres 1-2 (Prague). G. Fontana. Les changements économiques et les activités politiques en Espagne du XIXe siècle (Barcelone). Faits. Evénements. Hommes. Articles dans les revues historiques soviétiques et étrangères. Nouveaux livres en U.R.S.S. et à l'étranger.

Artículos: Yu. I. Kiriánov. El proletariado de Rusia y el movimiento obrero internacional en 1901-1904; A. I. Osmánov. Cambios en la estructura social de la población de Dagestán en la etapa del socialismo desarrollado; B. N. Mirónov. Historiografía burguesa estadounidense de la ciudad feudal rusa; A. V. Gólubev. Relaciones soviético-inglesas en el declive de los años 70 y los 80; G. B. Fiódorov, L. L. Polevói. Los «reinos» de Burebista y Decebalus: ¿añianzas de tribus o Estados? Ensayos históricos: Yu. N. Bespiátij. La defensa de Arjánguelsk contra los suecos en 1701; P. Ya. Bóndarev. El camino del campesinado de Letonia al socialismo; A. Ya. Cherniak. Proceso de formación de la producción siderúrgica en Rusia. Ciencia histórica en la URSS y en el exterior. Resúmenes: N. A. Minenko. Historiografía soviética contemporánea sobre la población de Siberia por los rusos en la época del feudalismo; Yu. A. Písarev. Nuevos documentos y viejos embustes sobre el papel de los Balcanes en la Primera Guerra Mundial. Reseñas de libros: A. F. Vasiliev. La industria de los Urales en los años de la Gran Guerra Patria (1941-1945); K. A. Mórózov. Karelia en los años de la Gran Guerra Patria (1941-1945); P. S. Kabítov. Relaciones agrarias en la región del Volga en el período del imperialismo (1900-1917); D. I. Ismail-Zadé. Campesinado ruso en Transcaucasia. Desde los años 30 del siglo XIX hasta comienzos del siglo XX; A. M. Stanislávskaja. Actividad política de F. F. Ushakov en Grecia. 1798-1800; Desarrollo de la autoconciencia étnica de los pueblos eslavos en la época del Alto Medievo; A. Yu. Borisov. La URSS y EE.UU.: aliados en los años de guerra. 1941-1945; A. B. Létnev. Pensamiento social en África Occidental; Resumen de la historia de Checoslovaquia. T. I, libros 1 y 2 (Praga); J. Fontana. Cambio económico y actitudes políticas en la España del siglo XIX (Barcelona). Hechos. Sucesos. Hombres. Artículos en las revistas históricas soviéticas y extranjeras. Nuevos libros en la URSS y en el exterior.

Редакционная коллегия: В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ (главный редактор), В. И. БОВЫКИН, Л. С. ГАПОНЕНКО, П. А. ГОЛУБ, В. А. ДЬЯКОВ, И. И. ЖИГАЛОВ, М. П. КИМ, Ю. С. КУКУШКИН, В. А. КУМАНЕВ, А. Л. НАРОЧНИЦКИЙ, Н. Г. НЕФЕДОВ, Б. Б. ПИОТРОВСКИЙ, Ю. А. ПОЛЯКОВ, Б. А. РЫБАКОВ, А. Н. САХАРОВ, И. В. СОЗИН (заместитель главного редактора), А. И. ТИТОВ, И. А. ФЕДОСОВ, С. С. ХРОМОВ, А. С. ЧЕРНЯЕВ.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., ½. Телефон 209-96-21.

Сдано в набор 04.06.84. Подписано к печати 29.06.84. А 10278. Формат 70×108^{1/8}.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,80. Учетно-изд. л. 19,88. Усл. кр.-отт. 17,33.
Тираж 16 000 экз. Изд. № 1958. Заказ № 2895.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.

В ПОСЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ

1984 г. И В 1985 г.

ПРЕДПОЛАГАЕТСЯ ОПУБЛИКОВАТЬ:

Статьи

По отечественной истории

Разработка концепции развитого социализма
Совершенствование социалистической демократии
Промышленность СССР в 70-е годы
Сельское хозяйство СССР на современном этапе
Развитие народного образования в СССР
Победный 1945 год
Государственное руководство культурой в 1917—1920 гг.
Использование военных специалистов в годы гражданской войны
Национальные окраины России накануне Великого Октября
Социально-экономические предпосылки революции 1905—1907 годов
Славянская идея в общественной жизни России
Граница Руси с Золотой Ордой
Междукняжеские отношения и «Слово о полку Игореве»
Исследование истории рабочего класса союзных республик
Развитие отечественной сфрагистики
Изучение российского империализма конца XIX века
Статус исторической науки в России в конце XVIII — начале XIX века
Актуальные проблемы архивного строительства

По зарубежной истории

Марксизм-ленинизм и стратегия мира
Общественность в борьбе за безъядерную Европу
Общее и особенное в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы
Революция в Афганистане
Развивающиеся страны: проблемы эволюции города и деревни
Выход Финляндии из второй мировой войны
Движение Сопротивления в Нидерландах
Создание системы военных баз США в годы второй мировой войны
Фашизм в Великобритании между мировыми войнами
Социал-демократия и антивоенное движение в Западной Европе
Обострение межимпериалистических противоречий: причины, глубина, последствия
Эпоха первых цивилизаций
Строительство социализма на Кубе в освещении зарубежной марксистской историографии

(Продолжение см. на 3-й стр. обложки).

(Начало см. на 2-й стр. обложки).

Советская историография эллинизма
Большая ложь о втором фронте
Кризис основных концепций буржуазной историографии

Публикации

Датский посол о Москве 1682 года
Повесть 1613 г. о Земском соборе
«Хроника земли Прусской»

Исторические очерки

Ленин и государственная дисциплина
Социальный облик советского рабочего
Развитие Павлодар-Экибастузского комплекса
Создание Невинномысского канала
Танкоград
Ленэнерго
Черкасовское движение
Возрождение Черноморского флота
Ипсиланти в России
Иван Шувалов как просветитель
Белорусско-литовские летописи
Новое о первопечатнике Федорове
Придворные ученые XVI века
Старицкий мятеж
Москва в 1480 году
Мадьяр-фронт
Петру Гроза
Интервенция США в Гренаде
Крестьянские восстания в Анголе
Сикхи и их религия
Происхождение Сорбонны
Непальская культура
Орден иоаннитов
Айны
Великий шелковый путь
Каменный век Африки

Факты, события, люди

Правдистки
Конвой АБ-55
1 Мая 1917 года
Слесарь Перчанкин
КурилоРоссия
Холмогорская секретная комиссия
Русские пушкар
Пересвет и Ослябя
Анастасия Ярославна
История Сент-Люсии
Карьера наполеоновского солдата
Новый Амстердам
Процессы Ралэя
Мориц Саксонский
Амадис Галльский
Памятники Нубии

Принимается подписка
НА СОЧИНЕНИЯ А. С. ПУШКИНА
в трех томах

Издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
в 1985—1986 гг. выпустит сочинения великого русско-
го поэта в трех томах.

В них войдут стихотворения, роман в стихах «Ев-
гений Онегин», драматические произведения, худо-
жественная проза.

Подписка производится магазинами (отделами)
подписных изданий **до 1 сентября 1984 г.**

Условия подписки

Ориентировочная стоимость издания — 9 рублей.

При подписке вносится 2 рубля в качестве задат-
ка, который засчитывается при выдаче последнего
тома.

Переадресовка на данное издание не произво-
дится.

ВГО «Союзкнига»